

Н. Бунаковъ.

СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА

И

НАРОДНАЯ ЖИЗНЬ.

Наблюдения и замѣтки сельскаго учителя.

Цѣна 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, д. 39.
1906.

Н. Бунаковъ.

СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА

И

НАРОДНАЯ ЖИЗНЬ.

Наблюдения и замѣтки сельскаго учителя.

Цѣна 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, д. 39.
1906.

Сельская школа и народная жизнь.

Наблюдения и замѣтки сельскаго жителя.

Поселившись много лѣтъ тому назадъ въ деревнѣ, постоянно работая въ мѣстной школѣ и, въ то же время, внимательно приглядываясь къ народной жизни, авторъ пришелъ къ нѣкоторымъ выводамъ относительно постановки школьнаго дѣла въ русской деревнѣ, сообразно съ жизнью, нравами и потребностями сельскаго населенія. Этими-то выводами, а также наблюдениями и опытами, которые привели къ нимъ, онъ и намѣренъ подѣлиться съ читателями въ предлагаемыхъ очеркахъ.

I.

Нѣчто о крестьянскихъ воззрѣнiяхъ на грамотность и школу.

Отношенiе крестьянства, составляющаго главную, основную массу населенія Россiи, къ грамотности и школѣ, его требованiя и желанiя отъ школы, его представленiя о настоящей, желательной школѣ—вопросъ столько-же важный, сколько интересный, но мало разъясненный въ настоящее время по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, у насъ сдѣлано слишкомъ мало добросовѣстныхъ наблюдений и безпристрастныхъ сообщенiй по этому вопросу. Во-вторыхъ, вопросъ этотъ намѣренно затемняется нѣкоторыми самозванными выразителями народныхъ понятiй и желанiй, навязывающими народу свои собственныя понятiя и желанiя, да и то не искренно, а изъ постороннихъ, не всегда чистыхъ, побужденiй.

Наблюдая много лѣтъ школьное дѣло въ разныхъ мѣстностяхъ Россiи, вступая въ бесѣды съ крестьянами и учителями народныхъ школъ, мы, по возможности, старались выяснитъ себѣ истинныя крестьянскiя воззрѣнiя на грамотность и школу, но все это были

свѣдѣнія отрывочныя и недостаточно полныя. Съ бѣльшею отчетливостію для насъ выяснился вопросъ, когда пришлось окончательно поселиться въ деревнѣ и близко пристроиться къ мѣстной школѣ, встать лицомъ къ лицу и не на короткое время, а на много лѣтъ, съ крестьянскими дѣтьми, ихъ родителями и родственниками. Но все-таки обобщать выслушанные нами отзывы, какъ воззрѣнія русскаго крестьянства на грамотность, на школу и школьное дѣло, намъ казалось рискованнымъ; какъ вдругъ въ 5 № «Сѣвернаго Вѣстника» за 1888 годъ ¹⁾ мы встрѣтили очень интересную корреспонденцію г. Яковенко изъ Кромскаго уѣзда, Орловской губерніи, посвященную тому же вопросу, значительно дополняющую и вполне подтверждающую наши личныя наблюденія. Корреспонденція трактуетъ вопросъ на основаніи данныхъ, собранныхъ мѣстною земскою управою. Эта управа, говоритъ авторъ, «рѣшила, попутно съ нѣкоторыми своими статистическими работами, собрать на мѣстахъ отъ самаго крестьянскаго населенія свѣдѣнія о томъ, какъ оно относится къ школьному дѣлу». Свѣдѣнія были собраны въ теченіе 1881—1886 гг. по 195 селеніямъ, изъ которыхъ 77 пользуются существующими земскими школами (земскихъ школъ въ Кромскомъ уѣздѣ 35, одна на 7½ кв. версть и на 3 тысячи жителей), 64 имѣютъ, или не такъ давно имѣли, «грамотѣевъ», занимавшихся обученіемъ дѣтей, 53 не имѣютъ ни той, ни другой возможности обучать своихъ дѣтей. Управа напечатала собранныя ею свѣдѣнія, отражающія, по ея выраженію, «крестьянское воззрѣніе» на школьное дѣло, особой книгой, которая теперь составляетъ рѣдкость даже въ Орловской губерніи и которою пользовался корреспондентъ «Сѣвернаго Вѣстника» г. В. Яковенко.

Оказывается, что понятія и желанія крестьянъ Кромскаго уѣзда касательно школы и грамотности, въ существѣ дѣла, весьма близки съ тѣми, какія случалось выслушивать намъ, или непосредственно отъ крестьянъ, или черезъ посредство народныхъ учителей, въ губерніяхъ: Воронежской, Пермской, Костромской, Вологодской, Псковской, Херсонской. Потому мы, наконецъ, позволяемъ себѣ обобщить всѣ дошедшія до насъ свѣдѣнія по данному вопросу, какъ воззрѣніе на грамотность и школу русскаго крестьянства вообще,—воззрѣніе, отъ котораго возможны и даже несомнѣнны единичныя, мѣстныя и случайныя уклоненія, но которое, смѣемъ думать, принадлежитъ большинству. Крестьяне Кромскаго уѣзда, прежде всего, видятъ

¹⁾ „Областной Отдѣлъ“, стр. 55—71.

въ школѣ лучшее прибѣжище для дѣтей, куда ихъ можно выпроводить изъ тѣсной избы, чтобы они не мѣшали взрослымъ, гдѣ для нихъ самихъ и полезно, и хорошо во всѣхъ отношеніяхъ. «Хорошо, если бы школа была, — протурилъ бы ребятъ туда, они и не болтаются». «Безъ школы горе, — ребята безъ всякаго дѣла, болтаются безъ дѣйствія, дурно бѣгають». «Что пусто болтаться-то, слышали и мы неоднократно окрики отцовъ на болтающихся ребятъ: слава Богу, у насъ училища завелась, — бѣги, малый, въ училищу, и старикамъ спокон дашь, работать не мѣшаешь, и самъ доброму учишься».

Тутъ слышится, однако, не только желаніе сбыть дѣтей съ глазъ долой, но и забота о дѣтяхъ, чтобы у нихъ было свое дѣло. Самымъ подходящимъ для нихъ дѣломъ представляется ученіе въ школѣ, отъ котораго ожидаютъ и требуютъ весьма важные результаты.

Во-первыхъ, ожидается грамотность и письменность — не только въ смыслѣ умѣнья читать и писать, но и въ смыслѣ большей толковитости, дошлости, смѣлки, по нашему — въ смыслѣ того большаго умственного развитія, надъ стремленіемъ къ которому еще не такъ давно глумились нѣкоторые самозванные толкователи народныхъ желаній по отношенію къ школѣ.

«Грамота — рукомерло не дурное», по словамъ крестьянъ Кромскаго уѣзда. «Грамотный повсюду отличка: онъ и глазами все видитъ и изъ рукъ его ничего не уйдетъ». «Учить ребятъ нужно: въ солдаты возьмутъ — облегченіе дается; записать что по извозу — деньги получать, грамотный самъ запишетъ и расчетъ сдѣлаетъ, а то по людямъ ходи; грамотнаго и зовутъ всюду прочесть, подписать что; другой условіе можетъ написать; въ волости по книгамъ всякое дѣло ему виднѣй; онъ не платитъ, а скорѣе самъ получаетъ». «Письменный повсюду гождь: приходи къ купцу, въ лавочку, въ шинокъ — его принимаютъ, они наживаются скорѣй; и дома — росписка какая, и всякое дѣло ему виднѣй». «Грамотный не то, что неученый: подать расчетъ какой — все ему видно, а то смотришь и не видишь, неученый — народъ темный». «Грамотный всѣ счета производить и все, что нужно, прочесть, а то на-ка разбери, пожалуйста, да поклонись ему за это». «Другой и остроумъ, а какъ не грамотный, то и не до всего можетъ дойти, и цѣна ему другая».

Подобныя же сужденія слышали мы и въ другихъ мѣстностяхъ. Высказываютъ крестьяне учителю свои желанія и ожиданія отъ школьнаго обученія. «Доведи ты мнѣ парня до дѣла, тогда твоей

учёбѣ и цѣна настоящая будетъ». До какого дѣла? Пахать, да косить я его не научу. «Зачѣмъ пахать! Не твое это дѣло. Пахать самъ научится, когда время придетъ. А вотъ, чтобы онъ разбиралъ и книжку, перво-на-перво божественную, ну и всякую, законы, тамъ, что-ли, а то про турецкую войну, или и сказочную, и бумагу всякую, письмо-ли, условіе какое. Да не то, что разбиралъ-бы только, а съ понятіемъ, прочиталъ бы, да и намъ, неученымъ, растолковалъ. Вотъ эта учёба самая настоящая, а то наши грамотѣи только книжки зря трепляютъ».—Какъ такъ?—«Да такъ, вертеть—вертеть ее, сердечный, а толку чуть-чуть; о чемъ, молъ, писано? а онъ ни въ зубъ, и выходитъ, что смотреть въ книгу, да видитъ фигу».—Ну, это плохой грамотѣй, наши получше будутъ.—«То-то. Да еще надо, чтобы и самъ умѣлъ написать и письмо, и всякую бумагу, просьбу тамъ, что-ли, росписку, условіе, да написать по настоящему. А то у насъ солдатикъ мужикамъ письма пишетъ, глядишь—какъ будто и настоящее письмо, а послѣ насъ извѣщаютъ, получили, молъ, письмо, а разобрать не могли, больно, слышь, нанутано, никакъ въ толкъ не возьмешь. Мы-то, дураки, ему деньги платимъ, да угощенье ставимъ, а онъ, подлець, вишь что съ нами выдѣлываетъ! Извѣстное дѣло, темные люди, обмануть нашего брата не хитро». «Съ условіями у насъ такъ-то не одиново бывало: берешь землю по двѣнадцати, а по условію съ тебя пятнадцать берутъ. Вотъ она, грамотность-то, коли настоящая, въ этомъ разѣ больно дорога».—Что же, это все можно...—«Какъ не можно, знамое дѣло, бывали примѣры; да не у всякаго, слышь, учителя моготы-то хватаетъ: тотъ пьющій, вонъ какъ у насъ въ волостномъ училищѣ Василій Ивановичъ, другой самъ мало смыслить, черезъ пень колоду валить; настоящаго-то учителя тоже изъ сотни выбирай». А то мужики говорятъ и такъ: «Надо намъ, чтобъ твой грамотѣй могъ и старосту, и сборщика учесть, и всякій счетъ свести и записать. Это для насъ статья важнѣющая, потому—нашъ міръ темный, мы не то, что мірскимъ, и своимъ деньгамъ счету не знаемъ, нашего брата лѣнивый не обочтетъ. Все безъ счету, а денежки-то, братъ, самъ знаешь, счетъ любятъ; все на память, все на память, а она, память-то, обманываетъ».

Словомъ, прежде всего обнаруживается взглядъ на грамотность и школьное ученье дѣловой, практической, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ пракческаго великоросса; но на этой практической сторонѣ требованія крестьянства, какъ увидимъ, не останавливаются, да и сама по себѣ эта практическая точка зрѣнія далека отъ той узко-

утилитарной практичности, какую стараются навязать народной школѣ нѣкоторые опекуны ея, какъ официальные такъ и добровольцы: между крестьянами нѣтъ и рѣчи, чтобы школа учила пахать, хлѣбы печь или какому-нибудь ремеслу; отъ школы ждуть именно того, что она можетъ давать, для чего она и должна существовать,— ждуть «настоящей» грамотности, придавая ей очень широкое значеніе.

Во-вторыхъ, ученіе и хорошая школа, по мнѣнію крестьянъ, даютъ знаніе закона Божія и приводятъ не только къ пониманію церковнаго богослуженія, но и къ участию въ немъ дѣтей, а это участіе крестьяне дорого цѣнятъ.

Вотъ какъ толкуютъ крестьяне Кромскаго уѣзда: «Грамотный совсѣмъ другое дѣло: онъ и молитвы знаетъ, и всякое дѣло разберетъ». «Надо ребятъ учить, хоть бы Божій законъ узнали бы; мы ужъ какъ барскіе были, такъ болванами росли, а дѣтей нужно поучить». «Въ церкви ребята поютъ, заслухаешься, въ храмѣ Божіемъ со стороны весело». «Пѣнью ихъ учитель научилъ, въ церкви становить; запоютъ—не насладишься слушать». «Учитель скрипкой поднималъ, въ церьву придешь—духъ радуется». Тоже слышали мы и въ Воронежскомъ уѣздѣ: «Хорошо стали наши ребята читать, такъ бойко и толковито, а вотъ надо бы, чтобъ они въ храмѣ Божіемъ читали да пѣли, да читали бы не по дьячковки, чтобъ и понятно, и любо было слушать. Вотъ у Лихача (въ сосѣднемъ селѣ) ребята выучились пѣть, такъ въ храмѣ-то Божіемъ, какъ въ раю стоишь, индо слеза прошибаетъ... А у насъ что, никакого благолѣпія въ церкви нѣтъ... «Тѣ же крестьяне, черезъ годъ, когда въ школѣ стали учить пѣнію, съ гордостью говорили, что вотъ молъ теперь и у насъ «радостно въ церкви стало, ребята хорошо пѣть стали». «Отъ нихъ и мы Богу молиться научились. Какъ ты думаешь, молиться—и то ученіе нужно: когда лобъ перекрестить, когда поклонъ положить. Батюшка намъ толкуетъ, толкуетъ, иной разъ и выругаетъ, а мы все не понимаемъ, потому неученые. Въ церкви то стоимъ, слушаемъ, а понятія нѣтъ, безъ ученья ужъ какое понятіе! Ну, намъ и хочется, пусть хоть ребята наши выучатся закону Божію».

Та же увѣренность, что школа выучить закону Божію, понимать богослуженіе и молиться какъ слѣдуетъ, выражается со стороны крестьянъ всѣхъ мѣстностей Россіи, гдѣ намъ приходилось бывать.

Въ третьихъ, въ школѣ отъ хорошаго учителя дѣти, по выраженію крестьянъ Кромскаго уѣзда, «понятія большія берутъ», научаются жить совѣстливѣе, правдивѣе, разумнѣе, и поэтому ученый

вездѣ хорошъ, другой какой мальчишка, а придетъ домой, отцу указываетъ».

«Читать да писать—хорошо, что и говорить,—слыхали мы отъ крестьянъ,—да не въ этомъ только грамота. Пусть грамотѣи то изъ книжекъ да отъ учителя научатся жить по Божьему. Нынѣ какія времена то пришли: стариковъ не слушаютъ, съ ребячьихъ лѣтъ виномъ зашибаются да трубку сосутъ, на словѣ не крѣпки, работать лѣнивы, ты ему слово, а онъ тебѣ десять,—разѣ такъ то можно? разѣ это по Божьему?»—Эхъ ты, дѣдъ, сомнѣвается другой мужикъ,—разѣ этому въ школѣ можно выучить?—«А то гдѣ же, какъ не въ школѣ? На то она и есть «училища». Вотъ я тебѣ примѣръ укажу. Приѣхали къ барину плугари съ Черковскихъ хуторовъ. Договорились, условіе написали, поднесли какъ слѣдуетъ. А съ ними паренекъ, такъ лѣтъ подъ двадцать,—и ему подносятъ.—На томъ благодарю, говоритъ, а вина не потребляю.—Какъ такъ?—Да такъ, говоритъ, учился я въ училищѣ, такъ учитель нашъ, Порфиръ Ермолаичъ, наказывалъ намъ вина не пить,—ну и не пью. Вотъ какъ въ хорошей школѣ да у хорошаго учителя доброму то научаются. На то, братъ, она и есть «училища».

Отъ ученья и школы, по крестьянскимъ понятіямъ, и практическая выгода, и для души польза, и удовольствіе. «Докука возьметъ въ праздничный день,—почитаешь», говоритъ грамотный крестьянинъ Кромскаго уѣзда. «Ребята почитаютъ намъ, говорятъ неграмотные отцы, и расскажутъ, какъ тамъ лисица обманула или про пѣтуха, смѣху много съ ними». Мы сами видѣли, какъ крестьяне собираются въ одну избу слушать чтеніе мальчика, принесшаго изъ школы книжку и проводятъ тамъ длинные зимніе вечера, а потомъ съ удовольствіемъ толкуютъ, что «ловко Ванюха или Петруха читаетъ, безъ запинки и понятно», да и книжка, про кавказскаго плѣнника или солдата Крутикова или про купца Аксенова, «занятна»: «кабы умѣлъ самъ читать, или слушалъ бы каждый день такія занятныя книжки, забылъ бы и про водку, какая такая на свѣтѣ водка есть». Мы сами видѣли, какъ умилялись крестьяне, когда дѣти читали за обѣдней въ церкви или за молебномъ въ школѣ апостола, а родители буквально плакали отъ счастья. Мы слышали похвалъбу отцовъ, что Иванъ ловко читалъ псалтирь надъ покойникомъ-дѣдомъ, а Серега лихо прочиталъ письмо дяди-солдата и отвѣтъ написалъ отъ всей семьи. Словомъ, школа и ученье вносятъ въ крестьянскую жизнь совершенно новыя удовольствія и радости—несомнѣнно высшія, сравнительно съ обычными.

Какъ велики требованія крестьянъ отъ школы и школьнаго ученія? Точнаго отвѣта на этотъ вопросъ, въ видѣ опредѣленной программы— конечно, ожидать нельзя, но очевидно, что они желаютъ отъ школы не одной грамотности, въ смыслѣ умѣнья читать и писать, и отнюдь не желаютъ ни узко-утилитарнаго, ни профессиональнаго практическаго обученія. Они довольны, если дѣти отъ хорошаго учителя «берутъ большія понятія», если хорошо читаютъ и поютъ въ церкви, такъ что «не насладишься слушать», «духъ радъ», «въ церкви, какъ въ раю стоишь». Одобрѣя школу, они говорятъ: «учеба хорошая, всякія исторія, всякія книжки читаютъ», въ школѣ «доводятъ дѣтей до большихъ понятій». Они думаютъ, что именно школа можетъ научить и «жить по Божьему» и указываютъ примѣры такого наученія. Не одобряя ученья въ школѣ, которое идетъ не такъ, какъ имъ желательно, крестьяне Кромскаго уѣзда говорятъ: «въ училищѣ все Паульсонъ да Паульсонъ (т. е. книжка Паульсона), а дальше не показываютъ». «А учеба какая? Все букварь да букварь—прибавки нѣту». «Теперь только къ экзаменту учатъ, а знать они (ученики школы) ничего не знаютъ, наученіе не большое».

Слѣдуетъ обратить вниманіе на этотъ наивный протестъ противъ обученія къ экзамену и для экзамена,—обученія, дѣйствительно деморализующаго многія наши родныя школы. Дѣло въ томъ, что количество учениковъ, представляемыхъ къ экзамену на льготу по воинской повинности, съ нѣкотораго времени въ глазахъ иныхъ инспекторовъ (но не педагоговъ) и земскихъ управъ, стало единственнымъ мѣриломъ усердія и достоинства учителя. И вотъ, многіе учителя все время и всѣ силы свои тратятъ на эту подготовку къ экзамену, требующую обученія чисто формальнаго, мало пригоднаго для жизни и совершенно не соответствующаго ожиданіямъ и желаніямъ крестьянства. Напримѣръ, требуется писаніе подъ диктовку безъ ошибокъ, рѣшеніе замысловатыхъ задачъ; а можетъ-ли мальчикъ написать такое письмо, которое можно разобрать и понять, можетъ-ли пользоваться торговыми счетами, имѣетъ-ли понятіе о сельскомъ и волостномъ управленіи, тѣмъ болѣе вынесъ ли изъ школы понятія о томъ, какъ надо «жить по Божьему»,—это для экзамена вовсе не нужно. Понятно, что въ погонѣ за экзаменными познаніями и умѣньяи—истинные интересы разумнаго обученія, а также и прямые интересы народной жизни, мало по малу, оттираются и забываются. Понятно, что для экзамена не надо никакой «прибавки» къ Паульсону, никакихъ «большихъ понятій», никакого «большаго наученія», никакого наученія «жить по Божьему», чего

желаютъ отъ школы крестьяне, и вотъ чѣмъ объясняется замѣченный выше наивный, но полный глубокаго смысла, протестъ противъ ученя къ экзамену, который, кстати сказать, въ послѣднее время потерялъ въ глазахъ крестьянъ значительную долю своего значенія и мало по малу перестаетъ быть приманкой, увлекающей въ школу учениковъ. Желаютъ ученя не для экзамена, а для жизни, для «большихъ понятій», для огражденія отъ обмана со стороны грамотныхъ кулаковъ, для наученя «жить по Божьему»,—и этому нельзя не радоваться.

Очень интересны и поучительны сужденія крестьянъ Кромскаго уѣзда объ учителяхъ и объ отношеніи ихъ къ дѣтямъ.

Хвалятъ учителя, который «и не бьетъ, а его слушаютъ больше: онъ какъ съ роднымъ, обойдется, и дѣло лучше». «Господинъ онъ хорошій и характеромъ тихъ; а то другой топнетъ ногой, ребенокъ испугается, дрожить, бѣдняжка,—вѣдь онъ младенецъ, какъ его пугать»? «Нашъ учитель хорошій, и говоритъ нечего. Не доводитъ до наказаній, а глянетъ только, и его слушаются; личности его повинуются, а не строгости».

Строго осуждается учитель, который жестокъ съ дѣтьми, бьетъ или унижаетъ ихъ (ставитъ на колѣни, ругаетъ: мы сами видѣли, какъ учитель, впадавшій въ такіе анти-педагогическіе поступки, чуть не разогналъ всю школу и вооружилъ было противъ себя все село; тѣмъ, кому дорога школа, пришлось хлопотать объ избавленіи ея отъ такого ретиваго не по разуму педагога). Осуждается учитель, который дѣлаетъ замѣтное различіе между дѣтьми зажиточныхъ и бѣдныхъ родителей, больше заботясь о первыхъ, нежели о вторыхъ. Осуждается и обыкновеніе нѣкоторыхъ учителей поручать одному ученику надзоръ за другими: «не хорошо, что препоручаетъ старшимъ,—онъ отвернется, а тотъ и властвуетъ надъ младшимъ».

Крестьяне одинаково цѣнятъ хорошаго учителя и хорошую учительницу, но все таки замѣчаютъ разницу между тѣми и другими. Вотъ нѣсколько показаній по этому вопросу: «Мужчина для училища лучше тѣмъ, что у него строжѣй, и занятія лучше; учительницу плохо слушаютъ, и они (дѣти) съ ней смѣлѣе; какъ и дома: при матери крикъ, шумъ; а какъ пришелъ отецъ, такъ и притихли».

«Ну, ребята женщину больше любятъ, — онѣ съ ними тише и ласковѣй; мать или отецъ? какъ ни строга мать, а къ ней скорѣй пойдетъ ребенокъ».

Учитель строже; учительница ласковѣе. Учителя больше боятся, учительницу больше любятъ. А какъ бываетъ, что въ учительницѣ

соединяется и то, и другое, то выходитъ совсѣмъ хорошо. Объ одной учительницѣ крестьяне Кромскаго уѣзда говорятъ:

«Наказаній не дѣлаетъ, развѣ когда, въ зиму разъ, посовѣститъ другого, укажетъ на него въ классѣ другимъ, огорчить и потомъ сама подойдетъ къ нему, и онъ прощенья у нея проситъ; больше она уговариваетъ словами, что учиться надо и при занятіяхъ нельзя шумѣть».

Вотъ и всѣ данныя для опредѣленія крестьянскихъ возрѣній на грамотность, на школу и школьное дѣло, какія случилось намъ собрать. Нельзя не пожелать, чтобы сумма ихъ была значительно увеличена, но не выдуманными показаніями самозванныхъ носителей народныхъ возрѣній, а матеріалами, подобными тѣмъ, какія собрала Кромская земская управа.

II.

О томъ, какъ обучить въ сельской школѣ грамотѣ.

Примѣняя въ сельской школѣ тотъ способъ, тѣ приемы обученія грамотѣ, какими пользовались въ городской школѣ, мы скоро замѣтили, что здѣсь дѣло вести слѣдовало бы иначе. Не то, чтобы тѣ способы и приемы здѣсь не давали результатовъ, приводили къ малоуспѣшности, — нѣтъ, успѣхъ получался вполнѣ удовлетворительный; но съ измѣненіемъ способа и приемовъ, примѣнительно къ условіямъ обученія въ сельской школѣ, дѣло много выигрываетъ. Выигрываетъ не только обученіе грамотѣ, а общій ходъ обученія, во всей его совокупности.

Необходимо сказать нѣсколько словъ объ упомянутыхъ условіяхъ, чтобы выяснить значеніе этого выигрыша.

Деревенскія дѣти рано начинаютъ принимать непосредственное участіе въ трудовой жизни своихъ родителей, въ интересахъ, которыми живетъ взрослое сельское населеніе. Въ то время какъ городскіе родители, по возможности, устраняютъ дѣтей отъ своихъ дѣлъ, интересовъ и заботъ: «это-моль не дѣтское дѣло, объ этомъ дѣтямъ рано знать и думать», — сельскіе отцы и матери, напротивъ, рано привлекаютъ дѣтей къ своимъ житейскимъ дѣламъ; мальчикъ 8—9 лѣтъ уже вполнѣ входитъ въ интересы отца, а дѣвочка въ интересы матери, сознательно раздѣляя ихъ скорби и радости, опасенія и надежды, труды и удовольствія.

И это раннее прикосновение къ дѣламъ и жизни взрослыхъ не грозитъ никакимъ вреднымъ вліяніемъ деревенскимъ дѣтямъ, потому что дѣла эти, въ большинствѣ, чисты и просты. Оно сказывается на дѣтяхъ только тою особенностью, что они гораздо серьезнѣе, такъ сказать — «дѣловитѣе» городскихъ дѣтей. Кромѣ того, они и учиться-то начинаютъ позже, что и желательно, въ виду краткосрочности учебнаго періода сельской школы. Въ нашей народной школѣ установленъ трехгодичный періодъ обученія, за рѣдкими исключеніями; дѣти поступаютъ въ школу 8—9 лѣтъ, оканчиваютъ курсъ 11 — 12 — 13, рѣдко 14-ти лѣтъ; но лучше въ интересахъ прочности обученія, если бы они оканчивали постарше и поступали въ школу 10-ти, даже 11-ти лѣтъ.

Позднее, сравнительно, поступленіе въ школу еще болѣе усиливаетъ серьезность и дѣловитость деревенскихъ школьниковъ. Съ другой стороны, кругозоръ этихъ дѣтей гораздо тѣснѣе, ограниченнѣе, впечатлѣнія однообразнѣе; а потому школа, съ ея обстановкой и занятіями, представляетъ для нихъ гораздо болѣе новаго, возбуждающаго любознательность и стремленіе къ ученію. Тогда какъ городскія дѣти, особенно изъ зажиточныхъ семействъ, ко многому, что даетъ школа, относятся вяло, равнодушно, безъ живого интереса, какъ къ чему то давно имъ знакомому, извѣстному, и увѣрены, что они уже очень много знаютъ, деревенскія дѣти, напротивъ, входятъ въ школу съ тою мыслью, что они ровно ничего не знаютъ; свободныя отъ бремени воображаемыхъ знаній, они съ жаднымъ интересомъ бросаются на все, что предлагаетъ имъ школа. Да и въ самомъ дѣлѣ, въ школѣ для нихъ все ново. У нихъ нѣтъ того поверхностнаго знакомства со множествомъ разнообразныхъ предметовъ, какимъ обладаютъ городскія дѣти и которое невыгодно отзывается на обученіи послѣднихъ, ослабляя ихъ воспримчивость къ ученію.

По вышеизложеннымъ причинамъ, школьныя впечатлѣнія деревенскихъ дѣтей, воспримчивость ихъ къ ученію, сильнѣе, глубже, устойчивѣе, а ихъ отношеніе къ школѣ и къ учебнымъ занятіямъ серьезнѣе, дѣловитѣе, внимательнѣе, сосредоточеннѣе.

Понятно, что съ такими учениками школа можетъ сдѣлать въ данный срокъ гораздо больше, нежели съ учениками менѣе воспримчивыми и болѣе легкомысленными.

Рядомъ съ этимъ, слѣдуетъ помнить, что періодъ обученія въ русской сельской школѣ очень коротокъ: три года, и каждый учебный годъ не болѣе 24 — 30 недѣль. Это, конечно, самое неблагоприятное условіе обученія въ сельской школѣ, притомъ совершенно

непреодолимое, потому что оно происходит не отъ упорства или равнодушія крестьянъ къ школѣ и къ ученію, какъ думаютъ нѣкоторые, а отъ бытовыхъ условій крестьянской жизни, съ ея земледѣльческимъ трудомъ, которыхъ измѣнить школа не можетъ.

Другое весьма неблагоприятное условіе обученія въ сельской школѣ, тоже объясняемое бытовыми, жизненными причинами,—совершенная неподготовленность деревенскихъ дѣтей къ пониманію того установившагося книжнаго русскаго языка, на которомъ совершается школьное обученіе. Чтобы ни толковали нѣкоторые народники-идеалисты, мы утверждаемъ на основаніи непосредственныхъ наблюденій, что рѣчь нашего крестьянства крайне бѣдна, отрывочна и вовсе не блеститъ тѣми сокровищами и достоинствами русскаго языка, какія мы находимъ у Кольцова и вообще въ нашей художественной литературѣ, даже въ народной пѣснѣ, потому что одно дѣло поэтической языкъ пѣсни, созданной народомъ и живущей въ немъ въ одной окончательно установившейся формѣ, другое дѣло обиходная живая рѣчь этого народа; послѣдняя нерѣдко сводится на знаменитое «та е» Акима изъ драмы Л. Н. Толстаго.

Что же, можетъ быть, школа, обучая дѣтей народа грамотѣ, вовсе не должна касаться ихъ рѣчи и знакомить ихъ съ книжнымъ литературнымъ языкомъ? Нѣтъ, съ этимъ нельзя согласиться. Грамотность важна и нужна народу не для процесса чтенія, не сама по себѣ, а именно какъ средство, приводящее народъ къ книгѣ, къ чтенію и пониманію хорошихъ книгъ, художественныхъ произведеній и популярно-научныхъ сочиненій, которыя будятъ мысль и чувство, проясняютъ понятія, возбуждаютъ добрыя желанія и стремленія, словомъ ведутъ къ поднятію въ темныхъ людяхъ чело-вѣческаго достоинства.

Имѣя въ виду всѣ вышеизложенныя особенности учениковъ сельской школы и условія ея дѣятельности, прежде всего слѣдуетъ ускорить обученіе грамотѣ.

Правда, что звуковой способъ уже много способствовалъ такому ускоренію. Кому неизвѣстно, что въ старое доброе время, не болѣе 20—30-ти лѣтъ тому назадъ, даже въ городскихъ приходскихъ училищахъ, обученіе грамотѣ по букварямъ, съ алфавитомъ и складами, тянулось по два, по три, даже по четыре года, и ученики, проливъ потоки слезъ и перетерпѣвъ достаточное количество колотушекъ, все таки выучивались плохо и бессмысленно читать, да механически копировать прописи! Нынѣ же, въ самой посредственной сельской школѣ дѣти выучиваются, по звуковому

способу, толково читать и писать подь диктовку въ одну зиму. Но и это ускореніе все таки для сельской школы недостаточно: по окончаніи обученія грамотѣ, въ первомъ учебномъ году не остается времени на упражненія въ чтеніи и письмѣ, необходимыя для закрѣпленія пріобрѣтенныхъ учениками умѣній въ виду лѣтняго перерыва школьныхъ занятій,—перерыва, который въ сельской школѣ продолжается около пяти мѣсяцевъ.

Нельзя сказать, чтобы не было попытокъ еще ускорить обученіе грамотѣ въ интересахъ сельской школы; но попытки эти представляются неудачными. Причина неудачи кроется въ ложной основѣ этихъ попытокъ. Въ основу ихъ обыкновенно полагается форсированное прохожденіе азбуки, которое не можетъ приводить къ цѣли, бесполезно насилуя дѣтскій умъ.

Торопливое, поспѣшное заучиваніе азбуки, по двѣ, по три буквы въ день, если бы оно даже и было возможно, не превышало дѣтскихъ силъ, въ родѣ наваливанія непомерной тяжести на плечи, все таки не приведетъ учениковъ къ умѣнію читать даже къ простому процессу чтенія, а тѣмъ болѣе къ чтенію съ пониманіемъ, или хотя съ сознательнымъ стремленіемъ понимать читаемое. Заучить всѣ буквы—еще не значитъ научиться читать. Познакомить учениковъ съ алфавитомъ—еще не значитъ научить ихъ чтенію, даже въ смыслѣ простого механическаго чтенія.

За такимъ форсированнымъ прохожденіемъ азбуки, должно неизбежно слѣдовать, какъ новая работа, обученіе чтенію и письму. При этомъ оказывается, что первая работа, состоявшая въ форсированномъ прохожденіи азбуки, была малопродуктивнымъ трудомъ, почти совсѣмъ безрезультатнымъ, потому что форсированное прохожденіе не можетъ отличаться надлежащей прочностью.

Значительное ускореніе процесса обученія грамотѣ по звуковому способу возможно и желательно совсѣмъ на иной почвѣ. Въ основу его должно положить ту мысль, чтобы ученики знакомились съ азбукой, изучали и усваивали ее, постепенно, безъ напрасной торопливости, не раньше чтенія, а на самомъ чтеніи, совмѣстно съ чтеніемъ, посредствомъ чтенія; чтобы они научались читать не послѣ прохожденія азбуки, а при этомъ самомъ прохожденіи; чтобы съ окончаніемъ этого происхожденія они уже умѣли читать не только механически, но съ пониманіемъ или хоть съ живымъ привычнымъ стремленіемъ понимать читаемое, умѣли бы и писать—не въ смыслѣ механическаго копированія, а въ смыслѣ сознательнаго изображенія письменными знаками слышимыхъ или

даже только сознаваемыхъ словъ и фразъ. Для этого необходимо постепенное прохожденіе азбуки тѣсно связать съ чтеніемъ и письмомъ подъ диктовку. Кромѣ того, какъ само собою разумѣется, необходимо прохожденію азбуки предпосылать предварительныя звуковыя упражненія, чтобы ученики напрактиковались въ разложеніи словъ и въ сліяніи звуковъ. Безъ такихъ предварительныхъ упражненій нѣтъ истинно звукового способа обученія грамотѣ, и не можетъ быть хорошихъ результатовъ.

Возможность указаннаго ускоренія въ процессѣ обученія грамотѣ мы испытали на практикѣ, пользуясь существующими одобренными азбуками, но допуская при этомъ въ нихъ необходимыя приспособленія. Результаты получались вполне удовлетворительные: при началѣ школьныхъ занятій, въ половинѣ сентября и даже началѣ октября, ученики-первогодники оканчивали прохожденіе азбуки, научившись при этомъ читать съ пониманіемъ и писать подъ диктовку къ Рождеству, а затѣмъ у нихъ оставалось достаточно времени (съ января по май) до лѣтняго перерыва, чтобы закрѣпить умѣнье читать и писать упражненіями и научиться достаточно бойко читать по церковно-славянски. Практика вполне подтвердила теоретическія соображенія, и мы еще разъ, вопреки возраженіямъ, которыя встрѣчали по этому вопросу, настаиваемъ на той мысли, что въ обученіи, имѣющемъ дѣло съ живыми людьми, гдѣ произвольные эксперименты были бы варварствомъ, необходимо начинать теоретическими соображеніями и отъ нихъ переходить къ практикѣ, обязательна «теоретическая подкладка». Но въ существующихъ азбукахъ есть сторона, которая трудно дается приспособленіямъ къ потребностямъ и условіямъ сельской школы: это подборъ матеріала для первоначальнаго чтенія, совмѣстнаго съ прохожденіемъ азбуки. Мы здѣсь только намѣтимъ тѣ свойства, какія желательны въ этомъ матеріалѣ.

Съ внѣшней стороны, онъ долженъ быть подобранъ такъ, чтобы трудности чтенія преодолевались учениками мало-по-малу, пусть они начинаютъ чтеніе не только съ небольшого числа буквъ, возрастающаго постепенно до полной азбуки, но и съ самыхъ короткихъ словъ, легкихъ по звуковому составу, безъ стеченія согласныхъ (напр. слова: столъ, книга, просо тутъ не годятся, преждевременны); потомъ можно переходить къ словамъ трехсложнымъ и къ стеченію согласныхъ, сперва только двухъ (палка, крупа), затѣмъ трехъ (струна, искра). Кромѣ того, въ первоначальномъ чтеніи надо различать три ступени: чтеніе словъ (связь зву-

ковъ), чтеніе фразъ (связь словъ), чтеніе небольшихъ статейкъ рассказовъ и легкихъ описаній (связь фразъ). На третьей ступени матеріалъ для чтенія можетъ представлять собою уже не азбуку, а сборникъ небольшихъ статейкъ, болѣе или менѣе содержательныхъ, цѣльныхъ и обработанныхъ. Хотя въ этомъ сборникѣ будутъ еще вводиться новыя, неизвѣстныя ученикамъ буквы и заканчиваться изученіе азбуки, но работа надъ нимъ должна представлять собою уже настоящее чтеніе, въ полномъ смыслѣ слова.

Что касается содержанія матеріала, необходимаго для совместнаго прохожденія азбуки и первоначальныхъ упражненій въ чтеніи, то для сельской школы желательно придать ему нѣкоторую серьезность и дѣловитость, которая соотвѣтствовала бы сравнительной серьезности и дѣловитости крестьянскихъ дѣтей, учениковъ сельской школы. Здѣсь вовсе неумѣстно обиліе того легкаго мало-содержательнаго дѣтскаго чтенія, состоящаго изъ сказочекъ, прибаутокъ, загадокъ, скороговорокъ, побасенокъ и т. под., какимъ часто ограничиваются наши азбуки. Привлекательное, заманчивое для городскихъ дѣтей, это чтеніе скучно и не нужно для учениковъ сельской школы, которые вообще серьезнѣе, да и учиться начинаютъ позже. Въ азбукѣ для сельской школы желательно преобладаніе дѣлового и содержательнаго чтенія, насколько оно возможно при неполномъ числѣ буквъ, возрастающемъ постепенно, и для начинающихъ читателей, еще не привыкшихъ къ книгѣ и къ книжному языку. Понятно, что содержаніе этого чтенія, по возможности, должно быть приспособлено къ условіямъ жизни, къ той дѣйствительности, которая окружаетъ начинающихъ читателей, чтобы не приходилось тратить много времени на объясненіе читаемаго текста, въ ущербъ упражненіямъ въ механизмѣ. Но неблаго-разумно было бы совершенно замкнуть это чтеніе въ тѣсный кругъ тѣхъ представленій и понятій и того словеснаго матеріала, который даетъ ученикамъ среда. Сравнительно большая серьезность и воспріимчивость учениковъ сельской школы даетъ возможность, на первомъ же чтеніи, расширять кругъ ихъ представленій и понятій, словъ и выраженій. Большую помощь, въ этомъ отношеніи, оказываютъ картинки, которыми въ послѣднее время стали снабжать русскія азбуки и книжки для первоначальнаго чтенія. Конечно, желательны картинки хорошаго качества.

Очень большое значеніе, какъ для успѣшности обученія грамотѣ, въ смыслѣ толковаго, правильнаго, бѣлаго и сознательнаго чтенія, такъ и вообще въ интересахъ умственнаго развитія учениковъ, а

также сближенія ихъ съ книгой и съ книжнымъ языкомъ, принадлежитъ чтенію вслухъ учителя. Въ этомъ насъ тоже убѣдилъ непосредственный опытъ, первоначально вызванный теоретическими соображеніями.

Это чтеніе должно начинаться раньше, нежели ученики научатся читать сами, и можетъ быть приведено въ тѣсную связь съ обученіемъ грамотѣ. Время, потраченное на это чтеніе и на бесѣду по поводу прочитаннаго,—не потерянное, а плодотворное время.

Намѣреваясь привести учениковъ къ умѣнью читать правильно, вразумительно и достаточно бѣгло, надо дать имъ ясное представленіе о такомъ чтеніи, живой образецъ такого чтенія, чтобы они прислушались къ такому чтенію и полюбили его, чтобы у нихъ возникло живое стремленіе самимъ приобрѣсти умѣнье такъ читать.

Слушая чтеніе учителя, ученики не только научаются слушать, хотя это умѣнье тоже очень важно и приобрѣтается путемъ нѣкоторыхъ упражненій, но также научаются цѣнить хорошее чтеніе, какъ одну изъ цѣлей своего собственнаго обученія. Бесѣда о прочитанномъ, приучая учениковъ отдавать отчетъ о томъ, что прочитано, во первыхъ устанавливаетъ необходимость и привычку вдумываться въ прочитанное, относиться къ нему съ пониманіемъ, во вторыхъ, постепенно приучаетъ дѣтей излагать прочитанное своими словами.

Полезность чтенія учителя вслухъ много усиливается тѣмъ удовольствіемъ, которое оно доставляетъ ученикамъ сельской школы: они съ видимымъ нетерпѣніемъ, такъ и настораживаютъ свои уши, когда учитель раскрываетъ книжку, намѣреваясь читать вслухъ. Понятно, что начинать это чтеніе, въ связи съ обученіемъ грамотѣ, приходится самыми легкими и небольшими рассказами, которые не трудно выбрать изъ существующихъ книжекъ для первоначальнаго чтенія, въ родѣ книжекъ гр. Л. Толстаго и т. п.

Понимая подъ обученіемъ грамотѣ не только обученіе чтенію, но и письму, надо сказать, что по отношенію къ сельской школѣ болѣе, чѣмъ ко всякой другой, важно прочное установленіе той мысли, что правильность письма, въ орфографическомъ смыслѣ есть, дѣло не столько уроковъ грамматики, сколько уроковъ грамотности. Въ сельской школѣ до грамматики ученики не вездѣ и доходятъ. Здѣсь должно быть обращено особенное вниманіе на то, чтобы ученики уже при обученіи грамотѣ, на своихъ первыхъ же письменныхъ упражненіяхъ, приобрѣтали прочные желательные орфографическіе навыки, которые останутся за ними навсегда.

Если употребляемая въ школѣ азбука не даетъ готоваго матеріала для необходимыхъ упражненій, могущихъ устанавливать такіе навыки, учителю слѣдуетъ самому составлять такой матеріаль примѣнительно къ употребляемой азбукѣ. Это не особенно трудно. Приведу примѣръ. Ученики прошли букву ѣ,—учитель упражняетъ ихъ въ писаніи словъ съ буквою ѣ въ корнѣ послѣ тѣхъ согласныхъ, какія имъ извѣстны, выбирая слова, въ которыхъ не встрѣчается буквъ, имъ неизвѣстныхъ; въ головахъ учениковъ постепенно пится запасъ словъ, въ корнѣ которыхъ они привыкаютъ писать ѣ, а навыки, приобретаемые въ этомъ возрастѣ, на первыхъ ступеняхъ обученія, особенно прочны. Опытъ убѣдилъ насъ, что лишь при такомъ вниманіи къ орфографической задачѣ во время обученія грамотѣ—въ сельской школѣ, съ трехгодичнымъ курсомъ, можно достигать порядочнаго правописанія; навыки перваго года закрѣпляются и дополняются во второмъ и третьемъ годахъ обученія упражненіями и грамматическими свѣдѣніями, если учитель находитъ возможнымъ ввести эти свѣдѣнія въ программу своихъ занятій. Мы находили это возможнымъ и убѣдились въ этой возможности на практикѣ.

Надо еще прибавить къ сказанному нѣсколько словъ о церковно-славянскомъ чтеніи.

Научить учениковъ сельской школы читать по церковно-славянски и нужно, и совершенно возможно—въ первомъ же году. Но для этого необходимо соблюдать два условія: во первыхъ, начинать обученіе грамотѣ не церковно-славянской, а гражданской печатью, во вторыхъ, обученіе русской грамотѣ ускорить. О послѣднемъ условіи, о важности и возможности ускоренія, уже было говорено раньше. А ученики, умѣющіе толково читать по русски, легко переходятъ къ церковно-славянскому чтенію, усваиваютъ его особенности и приобретаютъ надлежащую бѣглость; но не наоборотъ. Къ этому убѣжденію насъ опять таки привелъ опытъ, основанный на предварительныхъ теоретическихъ соображеніяхъ.

Самое подходящее церковно-славянское чтеніе для начинающихъ, да и вообще для учениковъ сельской школы есть Святое Евангеліе, а не Часословъ, и не Псалтырь, какъ предлагаютъ пѣкоторые, почему то отодвигающіе чтеніе Евангелія на высшія ступени обученія.

III.

О классномъ и внѣ-классномъ чтеніи.

— Что, Гаврило, ваши ребята читають-ли дома-то?

— А то какъ-же! Читають, каждый вечеръ, почестъ, читають.

— Вслухъ?

— Вслухъ читають. Какъ въ воскресенье принесутъ изъ училища какую книжку, по вечерамъ и читають вслухъ, а мы всѣ слушаемъ,—и мужики, и бабы,—всѣ слушаемъ. Мы хоша и неграмотные люди, а послухать охочи, особливо если занятная книжка попадется.

— Хорошо-ли ребята читають-то?

— Ничего. Павелъ, тотъ все какъ-будто заминается да спотыкается: дюже младъ, никакъ не осилить. За то ужъ Александръ—хорошо, шельмецъ, читаетъ: какъ открылъ книжку, да пошелъ, такъ и рѣжетъ, такъ и рѣжетъ, да таково сквозисто и умильно читаетъ, страсть хорошо...

— Да, онъ учится побойчѣе братьевъ-то.

— Извѣстное дѣло, постарше—ну, и смышленѣе. Вы ужъ, пожалуйста, давайте ему книжки, какія позанятнѣе. Пусть читаетъ, а мы слушаемъ. Мы до этого слуханья охочи.

Гаврило Желтяковъ—мужикъ изъ самыхъ зажиточныхъ и хозяйственныхъ въ селѣ. Семья у него большая: кромѣ него, четыре женатыхъ мужика, четыре бабы (самъ онъ вдовецъ), да ребятъ всѣхъ возрастовъ больше десятка. Семья дружная; братья не дѣлятся, бабы не ссорятся. Гаврило, старшій изъ братьевъ, за отца, голова всей семьи,—и потому хозяйство идетъ ладно, нужды и недостатковъ нѣтъ. Трое ребятъ ходятъ въ училище. Правда съ осени запаздываютъ, потому-что тотъ овецъ гоняетъ, тотъ свиней пасетъ, тотъ съ лошадьми, но за то, по управѣ, до весны посѣщаютъ уроки исправно, безъ прогуловъ, хоть живутъ за логомъ, довольно далеко.

— За книжками дѣло не станетъ, пусть беретъ, была бы только охота читать. Да вы заставляйте и тѣхъ-то вслухъ почитывать. А то все Александръ да Александръ, братья-то и никогда не выучатся.

— Заставляемъ и тѣхъ, какъ-же можно! Надо, чтобъ выучились. Заучились, такъ ужъ надо до дѣла довести. Это я такъ-то говорю, что-моль Александръ дюже хорошо читаетъ, а заставлять заставляемъ и Павла, и Ивана. Всѣ читають. Бывало, до-прежъ вечеръ-то

тянется, не знаешь, какъ скоротать его, а за книжкой не видишь, какъ время уходитъ.

И точно, послѣ открытія училища (оно открыто въ 1884 году), какъ завелись въ селѣ молодые грамотѣи, у нашихъ крестьянъ стало входить въ нравы—семейное чтеніе вслухъ. Идешь по улицѣ и видишь: то въ одной, то въ другой хатѣ горитъ на столѣ лампочка (керосиновые лампочки у насъ, благодаря близости города—15—16 верстъ, стали преобладающимъ способомъ домашняго освѣщенія); у стола сидитъ подростокъ, мальчикъ или дѣвочка, съ книжкой,—и читаетъ, а всѣ семейники слушаютъ; приходятъ «послухать» и сосѣди.

Понятно, что распространенію такого времяпровожденія способствуетъ школьная библіотека, изъ которой постоянно, по воскресеньямъ, послѣ обѣдни, раздаются книги для домашняго чтенія какъ ученикамъ школы, такъ и всѣмъ мѣстнымъ грамотнымъ людямъ. Понятно, что эти мѣстные грамотные люди—почти всѣ учились въ школѣ, нѣкоторые прошли полный курсъ и получили свидѣтельство, другіе не сдавали экзамена, но выучились удовлетворительно читать и приобрѣли привычку къ чтенію. Говоря откровенно, послѣдніе читатели, очевидно, учившіеся не для свидѣтельства, а для самого ученья, намъ особенно симпатичны. Одинъ изъ нихъ уже женатъ и имѣетъ дѣтей, но отъ чтенія не отстаетъ и постоянно приходитъ за книжками. Есть и такіе изъ получившихъ свидѣтельство, которые книгъ для чтенія не берутъ, но ихъ очень мало. Постороннихъ читателей, не учившихся въ школѣ, два-три человѣка: одна «монашка», т. е. пожилая грамотная дѣвушка, которая читаетъ Псалтырь при покойникахъ и всегда ходитъ въ черномъ, да два-три мужика возвратившіеся грамотными со службы.

Съ другой стороны, установленію и распространенію семейныхъ чтеній въ селѣ способствуютъ существующія въ школѣ вечернія чтенія вслухъ, на которыя сперва собирались только старшіе ученики и ученицы, а потомъ стали сходить и ихъ родственники, и всѣ желающіе. Эти вечернія чтенія прививаютъ къ мѣстному крестьянству вкусъ къ чтенію: является нѣкоторая потребность почаще слушать чтеніе, въ то же время не упуская и своего крестьянскаго дѣла. Въ школѣ приходится слушать сложа руки, а дѣло стоитъ, да и чтенія эти бываютъ не часто, разъ или два въ недѣлю. Дома-же, если есть грамотѣй да «занятная» книжка, можно слушать хоть каждый вечеръ,—слушать, а въ то-же время работать, лапти плести, веревки вить, прясть или шить. И работать веселѣе, и для души польза, и ребята не балуются, и дѣло домашнее не стоитъ

Школьная библіотека даетъ матеріалъ для чтенія, котораго больше крестьянамъ брать негдѣ. «Какъ негдѣ, скажетъ читатель: городъ близко, въ городѣ, конечно, есть книжная лавка, а въ настоящее время издано не мало дешевыхъ и хорошихъ книжекъ для народнаго чтенія». Ну, до сознанія необходимости такого расхода, какъ покупка книгъ, наше крестьянство еще не доросло, да и экономическое положеніе его, при малоземельи, при дешевизнѣ на хлѣбъ и на трудъ, при значительности всѣхъ крестьянскихъ платежей, въ совокупности, при существующей эксплуатаціи крестьянскаго труда со стороны всякаго лучше поставленнаго сельскаго жителя, не таково, чтобы расходъ на пріобрѣтеніе книжки могъ войти въ его бюджетъ.

Надо сказать, что въ иныхъ зажиточныхъ семьяхъ стали появляться и покупныя книжки изъ дешевенькихъ, преимущественно изданія «Посредника» и Сытина, но на долго-ли хватитъ маленькой книжки, въ 5—10 копѣекъ, если ее прочитатъ даже пять или десять разъ? А длинныхъ осеннихъ и зимнихъ вечеровъ много. Покупать-же книги въ достаточномъ количествѣ нѣтъ возможности у нашего крестьянина, который питается только чернымъ хлѣбомъ да картошками, да и то съ возможной экономіей, который при томъ живетъ подъ постоянной грозой пожаровъ, то и дѣло сметающихъ наши села и деревни, который для уплаты податей нерѣдко продаетъ за безцѣнокъ рожь, необходимую для прокормленія семьи. Припомните, много-ли у насъ покупается книгъ и горожанами-то изъ образованныхъ, учившимися въ гимназіяхъ и семинаріяхъ,—и не судите строго нашего крестьянина за его мнимую скупость на покупку книгъ. И городской житель съ гораздо бѣльшимъ образованіемъ, при умѣренныхъ средствахъ, рассчитываетъ, что книжка имѣетъ цѣну только до той поры, пока она не прочитана,—не то, что вещь, постоянно нужная въ домашнемъ обиходѣ, не теряющая своей цѣны, пока не стала негодною для употребленія. Тѣмъ болѣе крестьянинъ, постоянно страдающій безденежьемъ, думаетъ, что книжку лучше брать для прочтенія, нежели покупать въ собственность. Поэтому и черезъ много лѣтъ, когда подростетъ молодое поколѣніе, прошедшее черезъ школу и любившее книжку, въ селѣ скорѣе можетъ привиться библіотека для чтенія, съ самой умѣренной платой, нежели книжная торговля.

Потребность читатъ и слушать хорошее чтеніе хорошихъ книжекъ существуетъ, но удовлетвореніе и укрѣпленіе этой желательной потребности, въ интересахъ улучшенія нравовъ, пока должно всецѣло лежать на школѣ.

Слова «въ интересахъ улучшения нравовъ», надо нѣсколько пояснить. Ошибаются тѣ, кто думаетъ, будто для русскаго мужика не можетъ быть другихъ наслажденій и удовольствій, кромѣ вина и пьянства, будто отъ кабака его не отобьешь иначе, какъ дубиной, никакими приманками, и что единственное средство оградить крестьянское хозяйство и крестьянскую семью отъ разоряющаго и развращающаго пьянства—уничтоженіе питейныхъ заведеній да репрессалій въ родѣ «холодной» кутузки и «горячихъ» розогъ.

Нѣтъ, русскій крестьянинъ, освобожденный отъ узъ крѣпостного права, при всемъ его грубомъ невѣжествѣ, которое поддерживалось вѣками, чрезвычайно способенъ и склоненъ къ наслажденіямъ высшаго порядка; но гдѣ было ему взять такихъ наслажденій? Кто ему предлагалъ ихъ? Напротивъ, не ставились-ли, да не ставятся-ли и теперь разныя преграды, чтобы-де такія наслажденія, въ родѣ народныхъ чтеній, народнато театра и т. п., не проникли въ народную массу, не выпали на долю крестьянина?

Однимъ изъ этихъ наслажденій «высшаго порядка» и является—наслаженіе читать хорошую, «занятную» книжку или или слушать хорошее чтеніе. О другихъ наслажденіяхъ этого рода, доступность которыхъ для крестьянъ испытана нами на дѣлѣ, мы поговоримъ въ другомъ мѣстѣ. Теперь-же скажемъ только: вотъ настоящее средство благотворно дѣйствовать на народную нравственность, на смягченіе нравовъ, на уменьшеніе въ народѣ пьянства,—и обратимся къ вопросу о чтеніи, занимающему насъ въ этомъ очеркѣ:

Въ настоящее время, повторяемъ, школа должна снабжать народъ матеріаломъ для чтенія. Но, кромѣ того, она-же должна давать ему и хорошихъ чтецовъ, способныхъ своимъ чтеніемъ поддерживать любовь и стремленіе къ книжкѣ.

Мы замѣтили у крестьянъ весьма опредѣленное и совершенно вѣрное понятіе о хорошемъ чтеніи; они мѣтко и справедливо оцѣниваютъ достоинство чтенія, которое слышатъ.

Они не любятъ, когда чтець «заминается» или «спотыкается», «словно клещами хомусъ надѣваетъ». Но не одобряютъ также, если чтець «бормочетъ» или «трещитъ безъ передышки, по дьячковски». Они любятъ и одобряютъ чтеніе раздѣльное, вразумительное, «сквозистое», притомъ — чтеніе «умильное», «пронзительное», до души доходящее, выразительное. При оцѣнкѣ достоинствъ чтенія у нихъ установились, собственно говоря, два основныя опредѣленія, которыя варьируются въ отдѣльныхъ случаяхъ: 1) чтеніе «дьячковское», «пономарское», «со всѣхъ четырехъ ногъ» и «уму непостижимое»,

и 2) чтеніе «настоящее», «съ передышкой», «съ толкомъ», «сквозистое» и умильное», «съ душой», «пронзительное».

Вотъ такого «настоящаго чтенія крестьяне и желаютъ отъ своихъ ребятъ, посѣщающихъ школу. Вотъ такимъ чтеніемъ они, безъ преувеличенія, наслаждаются: въ то время и на лицахъ у нихъ изображается не только наслажденіе, а какое-то умиленіе, даже слезы на глазахъ проступаютъ, какъ у человѣка, которому удалось ощутить исполненіе давней задушевной мечты.

Говорятъ, что и родной языкъ долженъ быть главнымъ центральнымъ предметомъ обученія въ народной школѣ, какъ древніе языки являются центральнымъ предметомъ въ средней классической школѣ. Вообще говоря, это справедливо и, кажется, ни къмъ не опровергается; но какъ только рѣчь отъ общей идеи переходитъ къ практическому приложенію, къ детальной разработкѣ, обнаруживаются разногласія.

Попробуемъ уяснить дѣло, пользуясь вышеприведеннымъ сравненіемъ начальной школы съ школой средней, которое принадлежитъ не намъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на тотъ общеизвѣстный фактъ, что развивающаяся сила классическаго образованія значительно ослабѣваетъ, если не совсѣмъ утрачивается, когда его ограничиваютъ грамматическимъ изученіемъ древнихъ языковъ, и оно не восходитъ до свободнаго чтенія и изученія классическихъ авторовъ. Сила классическаго образованія «не въ грамматикѣ, а въ литературѣ древнихъ языковъ».

То же самое надо сказать о родномъ языкѣ, какъ центральномъ предметѣ начальной школы; но понятно, что изученіе литературы здѣсь слѣдуетъ замѣнить чтеніемъ сочиненій, доступныхъ возрасту и пониманію учащихся. Грамматика здѣсь имѣетъ еще менѣе значенія, нежели тамъ, потому что древнихъ авторовъ все-таки нельзя читать и понимать безъ знанія грамматики ихъ языка, а чтеніе и пониманіе Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Кольцова, Тургенева, Л. Толстого совершенно возможно для русскаго человѣка и безъ знанія грамматики.

Кромѣ того, грамматика, въ смыслѣ науки о языкѣ, то-есть въ ея истинномъ видѣ и объемѣ, въ которомъ она пріобрѣтаетъ развивающую силу, переставая быть простымъ сборникомъ опредѣленій (по бѣльшей части туманныхъ и сомнительныхъ, какъ въ нашихъ элементарныхъ руководствахъ) и правилъ (по бѣльшей части условныхъ и произвольныхъ), не всегда оказывается возможной и въ

средней школѣ, а въ начальной просто не возможна. Грамматика же, какъ сборникъ опредѣленій и правилъ, съ такъ-называемымъ «грамматическимъ разборомъ», не содержащимъ въ себѣ никакой развивающей силы. Она понятна и нужна въ приготовительномъ классѣ гимназіи, какъ необходимая подготовка къ прохожденію латинской грамматики, но въ начальной народной школѣ трудно найти оправданіе, если на нее затрачивается время на счетъ другихъ, болѣе важныхъ, занятій. Говорятъ, что здѣсь она необходима для правописанія, которое-де невозможно безъ грамматики. По этому поводу можно бы сдѣлать нѣсколько вѣскихъ возраженій, въ интересахъ начальной школы, но мы оставимъ эти возраженія до другого раза, когда будемъ говорить о письменныхъ работахъ въ народной школѣ. Наша мысль, которую мы хотѣли выяснитъ и установить предъидущими разсужденіями, та, что сила и значеніе родного языка, какъ центрального учебнаго предмета начальной народной школы, заключается по преимуществу въ чтеніи. Чтеніе и должно быть главнымъ, преобладающимъ занятіемъ въ начальной школѣ по предмету русскаго языка, и каждый часъ, отнятый у ученія ради другихъ занятій, особенно ради грамматики и, такъ-называемаго, «грамматическаго разбора», наноситъ ущербъ ея дѣлу. Это справедливо и съ педагогической, и съ практической точки зрѣнія.

Припомните любого изъ даровитыхъ русскихъ самоучекъ, въ родѣ Кольцова: они достигали значительнаго умственнаго развитія именно путемъ чтенія, а не грамматикой. Напримѣръ, хоть Кольцовъ. Грамматика, которой онъ не учился ни въ школѣ, ни самъ собой, до конца жизни осталась чуждою ему. Но онъ, кромѣ сильнаго природнаго ума и крупнаго поэтическаго таланта, обладалъ значительнымъ умственнымъ развитіемъ, какъ свидѣлствуютъ объ этомъ показанія лицъ, хорошо знавшихъ его и вполне достовѣрныхъ, — между прочимъ, и показанія покойнаго М. Н. Каткова, который напечаталъ свои воспоминанія о Кольцовѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1856 годъ. «Никогда я не забуду, говорилъ Катковъ, нашихъ бесѣдъ съ нимъ. Часы, бывало, летѣли, какъ минуты». Какъ же Кольцовъ, не прошедшій даже и второго класса уѣзднаго училища, до конца жизни не имѣвшій понятія ни о грамматикѣ, ни о правописаніи, достигъ такого значительнаго умственнаго развитія, что въ бесѣдахъ съ нимъ часы летѣли какъ минуты для такого развитаго и ученаго человѣка, какимъ былъ Катковъ? Именно путемъ чтенія, которому отдавался съ увлеченіемъ еще мальчикомъ, когда отецъ взялъ его изъ

второго класса уѣзднаго училища, какъ нужнаго ему помощника въ его торгово-промышленныхъ дѣлахъ. Конечно, не школа возбудила въ Кольцовѣ любовь къ чтенію, которое не играло никакой роли въ учебныхъ занятіяхъ уѣзднаго училища 20-хъ годовъ; не школа научила его читать съ пользою и удовольствіемъ. Эта любовь была возбуждена въ немъ совершенно случайно лубочными изданіями въ родѣ Бовы Королевича и Еруслана Лазаревича, а потомъ поддерживалась тоже случайными обстоятельствами, какъ дружба съ купеческимъ сыномъ Варгинымъ, который передъ смертію подарилъ своему пріятелю нѣсколько десятковъ книгъ, какъ участливое отношеніе къ нему Воронежскаго книгопродавца Кашкина, наконецъ, поѣздки въ Москву и Петербургъ и дружескія связи съ такими развитыми людьми, какъ Бѣлинскій, Катковъ и др. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное изслѣдованіе умственнаго развитія и самообразования Кольцова. Какъ бы то ни было,—несомнѣнно, что Кольцовъ достигъ значительнаго умственнаго развитія путемъ самообразования, что средствомъ для этого ему служило исключительно чтеніе, что на пользованіе этимъ средствомъ его натолкнула не школа, а жизнь, ея случайныя обстоятельства.

Теперь, когда число школъ въ Россіи увеличилось во много разъ и школы стали не таковы, какъ въ старое до-реформенное время, надо желать, чтобы умственное развитіе дѣтей народа было дѣдомъ не слѣпнаго случая, а дѣломъ школы, которая для этого и должна прежде всего воспользоваться средствомъ, указаннымъ самою жизнью. Потому-то мы и повторяемъ съ настойчивостію; чтеніе, чтеніе и чтеніе—вотъ главное занятіе роднымъ языкомъ, который справедливо признается центральнымъ предметомъ въ программѣ начальной народной школы. Ученики этой школы должны выносить изъ нея, прежде всего, искусство хорошо читать, любовь къ чтенію, умѣніе читать съ пользою и удовольствіемъ.

Какого содержанія чтеніе по преимуществу желательно въ начальной школѣ?

По этому вопросу существуютъ разныя мнѣнія, изъ коихъ мы обратимъ вниманіе на два, господствующія въ настоящее время.

Съ одной стороны высказывается желаніе, чтобы въ начальной народной школѣ преобладало чтеніе съ практическимъ характеромъ, которое-де можетъ, въ извѣстной мѣрѣ, имѣть полезное вліяніе на хозяйственный и домашній бытъ крестьянства. Научность въ чтеніи отвергается, но требуется практичность. Въ одной программѣ для народныхъ школъ, разосланной официально «для

точного и обязательнаго исполненія и руководства» *), прямо говорится: «учитель долженъ обратить особенное вниманіе на знанія прикладныя: по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, домашней гигиенѣ и проч., вообще на такія, которыми впоследствии можно воспользоваться и съ помощью ихъ улучшить свою жизнь». Предполагають, будто чтеніе такого содержанія, кромѣ полезности, представляетъ болѣе интереса какъ для крестьянскихъ дѣтей, такъ и для взрослыхъ крестьянъ: русскій крестьянинъ, говорятъ, отличается практическимъ складомъ ума, чтеніе съ идеальнымъ характеромъ не занимаетъ его и плохо имъ понимается.

Все вышеизложенное, какъ въ существенномъ, такъ и въ подробностяхъ, намъ представляется какимъ-то страннымъ недоразумѣніемъ.

Практическій складъ ума не мѣшаетъ нашему крестьянину, одновременно съ заботой о насущномъ хлѣбѣ для себя и семьи, съ хозяйственными расчетами и соображеніями, питать очень симпатичныя идеальныя представленія и стремленія къ правдѣ, къ добру, и вѣрить, что рано или поздно правда и добро восторжествуютъ надъ кривдой и зломъ. Практическій складъ ума не мѣшаетъ ему понимать и высоко цѣнить въ человѣкѣ идеальныя черты, представляетъ ли ему личность съ такими чертами дѣйствительность или художественное изображеніе.

Тотъ же практическій складъ ума привелъ къ убѣжденію, что практическому дѣлу не научишься изъ книжекъ, что оно вовсе не дѣло школы, что книжки вовсе не для того и нужны, что у школы, у книжекъ и сочинителей есть свое дѣло, очень важное и совсѣмъ особенное. «Почитай намъ про хорошихъ людей. Пахать да сѣять мы и безъ книжекъ выучимся, пожалуй—и тебя поучимъ, а вотъ какъ жить по Божьему—объ этомъ намъ хочется изъ книжки узнать». Практическій умъ крестьянина обособляетъ книжный міръ, какъ міръ идеальный, отъ низменнаго практическаго міра, но не чуждается перяга,—напротивъ, ищетъ въ немъ отдыха и улады отъ своей житейской тяготы. Любитъ крестьянинъ слушать чтеніе про святыхъ угодниковъ, про хорошихъ людей, про старину, про царей, про войну, о далекихъ странахъ и народахъ. Любитъ слушать и живые правдивые рассказы изъ своей собственной жизни, лишь бы не было въ нихъ фальши, поддѣлки, намѣренно поучительнаго элемента, надъ которыми смѣется и отзывается съ нѣкоторымъ высокоумнымъ

*) Для Воронежской губерніи. Воронежъ, 1888 г., стр. 78.

презрѣніемъ: «ври-моль, ври, бумага все терпитъ, а меня не проведешь, на кривой не объѣдешь».

Съ другой стороны, высказывается стремленіе, чтобы въ народной школѣ и въ народѣ вообще преобладало чтеніе религіозно-нравственное, правоучительное, отъ котораго ожидается благотворное воздѣйствіе на нравы, на укрѣпленіе въ народѣ истинно религіозныхъ понятій, на устраненіе суевѣрій, грубости и разныхъ пороковъ, пьянства, жестокости, неуваженія чужой собственности и т. под. Замѣчательно, что на этомъ пунктѣ сошлись стремленія многихъ руководителей съ направленіемъ дѣятельности гонимой издательской фирмой «Посредникъ». Но изданія этой самой фирмы «Посредникъ» показали наглядно, какой скользкій путь представляютъ собою для народно-учебной литературы правоучительныя стремленія, даже при участіи въ ней крупныхъ талантовъ. Читатели изъ народа чуть-ли не лучше другихъ чуютъ въ книжкѣ всякую искусственность и обиліе этой искусственности, какими бы высокими цѣлями она ни вызывалась, очень скоро подрываетъ довѣріе такихъ читателей къ книжкѣ. Иронію, покчаиваніе головой и улыбки вызываетъ въ читателяхъ изъ народа поучительная литература «Посредника», ни чему ихъ не научая, дикакихъ добрыхъ чувствъ и стремленій не возбуждая. Въ то же время правдивый и чуждый всякой предвзятой поучительности рассказъ Глѣба Успенскаго «Перестала» или гр. Л. Толстого «Поликушка», или «Крестьянка» Некрасова (изъ «Кому на Руси жить хорошо») — производятъ сильное впечатлѣніе, своими живыми и правдивыми образами и этимъ впечатлѣніемъ оказываютъ гораздо болѣе благотворнаго нравственнаго вліянія, нежели преднамѣренная поучительность тенденціозно-нравственныхъ сочиненій. Вообще непосредственные опыты и наблюденія наводятъ насъ на мысль о необходимости очень осторожно вводить въ обыденное чтеніе народа и дѣтей народа религіозно-нравственный и нравственно-поучительный элементъ, не злоупотребляя нравственно-педагогическими цѣлями. Религію и религіозные предметы неблаго-разумно обращать въ обиходное дѣло, потому что чувство благоговѣнія возбуждается и питается не заурядными обыденными явленіями дѣйствительности, а такими, которыя входятъ въ нее время отъ времени, освѣщая и согрѣвая текущую обыденную человѣческую жизнь. Для возбужденія и должнаго развитія и направленія религіознаго чувства въ школѣ идутъ уроки Закона Божія, содержаніе и характеръ коихъ превосходно опредѣлены программой святѣйшаго синода (1880 г.). Было бы неблагоразумно пріурочивать къ той же

задачѣ все школьное обученіе, внося въ него на каждомъ шагу, кстати и не кстати, религіозныя цѣли. Это было бы во всякомъ случаѣ не въ интересахъ того желательнаго религіознаго воспитанія, о которомъ такъ разумно заботится программа святѣйшаго синода и обстоятельная записка къ ней (1880 г.). Если про всякое занятіе мы говоримъ, что оно должно исполняться вó-время и у мѣста, то тѣмъ болѣе надо быть осторожнымъ и разборчивымъ въ этомъ отношеніи, когда рѣчь идетъ о занятіяхъ и предметахъ священ-ныхъ, имѣющихъ религіозный характеръ. Неразборчивое обращеніе къ религіи профанируетъ ее, а это большое зло. То же почти надо сказать о неумѣренномъ и неосторожномъ преслѣдованіи нравственно-поучительныхъ цѣлей въ выборѣ матеріала для чтенія. По большей части такое чтеніе не научаетъ нравственности и добродѣтели, какъ рассчитываютъ неблагоразумные руководители, а профанируетъ нравственность и добродѣтель,—слѣдовательно, приводитъ къ цѣли прямо противоположной.

Мы всегда думали и убѣдились путемъ непосредственныхъ опытовъ и наблюденій, что для народа и дѣтей народа, и въ школѣ, и внѣ школы, нужно не дѣланное, нарочито приспособленное къ какимъ либо поучительнымъ цѣлямъ, нами измышленнымъ, а просто хорошее чтеніе, содержательное, занимательное и правдивое, литературно изложенное, безъ поддѣлокъ и въ содержаніи, и въ формѣ. Таковымъ чтеніемъ могутъ служить—или сочиненія истинно-художественныя, благотворно дѣйствующія на воображеніе и чувство своими живыми образами, силою производимаго ими впечатлѣнія, — или сочиненія популярно-научныя, расширяющія умственный кругозоръ, просвѣтляющія умъ не прикладными, а элементарными научными знаніями, способствующія установленію сознательнаго и правильнаго отношенія къ дѣйствительности.

Такого содержанія и характера надо желать и для классной книги въ народной школѣ. Въ ней нуженъ матеріалъ художественный, по преимуществу выбранный изъ лучшихъ русскихъ авторовъ, и матеріалъ популярно-научный—о природѣ, объ отечествѣ, о прошедшемъ отечества и т. под. Но нѣтъ надобности въ особомъ нравственно-поучительномъ матеріалѣ, нарочито сфабрикованномъ съ нравственно-поучительными цѣлями и состоящемъ изъ дѣланыхъ шаблонныхъ повѣствованій, обыкновенно безцвѣтныхъ, не производящихъ никакого впечатлѣнія. Такими повѣствованіями и статьями, неподходящими подъ народный и подъ дѣтскій языкъ, наполнялись наши книги для чтенія въ старину, какъ, напримѣръ, извѣстный

«Другъ дѣтей»; потомъ, когда у насъ стали водворяться здравыя педагогическія идеи, благодаря Ушинскому, Водовозову, Резенеру и др., они исчезли, а теперь, съ пониженіемъ уровня педагогическихъ понятій, на нихъ опять пошла мода, и новѣйшія книги для чтенія загромождены этимъ нравственно-поучительнымъ и жалкимъ балластомъ, никого не интересующимъ никого ничему не поучающимъ.

То же содержаніе и тотъ же характеръ, какіе намѣчены выше для ыласной книги, желательны и для ввѣкласснаго чтенія, которому слѣдуетъ дать какъ можно болѣе простора. Пусть учащіеся въ школѣ и бывшіе ученики ея берутъ изъ школьной бібліотеки книги для домашняго чтенія. За желаніемъ съ ихъ стороны дѣло не станетъ, если въ школѣ постоянно и толково ведется классное чтеніе и отъ этого важнаго занятія не отнимается время на занятія менѣе важныя и производительныя для начальной народной школы, какъ зубреніе ърамматики г. Тихомирова или диктовка по г. Пуцыковичу, какъ мелочныя педантическія толкованія о каждомъ прочитанномъ словѣ и т. п. Классное чтеніе должно сопровождаться только самыми необходимыми объясненіями и только того, что дѣйствительно требуетъ объясненія, да постояннымъ упражненіемъ учениковъ въ изложеніи прочитаннаго своими словами, отчета о прочитанномъ. Чѣмъ прямѣе, короче и проще будутъ объясненія учителя, чѣмъ самостоятельнѣе собственное изложеніе учениковъ—тѣмъ лучше.

Но этого недостаточно. Чтобы чтеніе вошло въ нравы крестьянъ и въ сельскомъ населеніи установилась любовь и привычка къ хорошему чтенію, слѣдуетъ устроить въ школѣ, на примѣръ—по вечерамъ или въ праздники послѣ обѣдни, чтенія въ слухъ, при приглашая слушать какъ учащихся, такъ бывшихъ учениковъ и ихъ родственниковъ, грамотныхъ и неграмотныхъ. Въ слушателяхъ недостатка не будетъ, какъ мы убѣдились и по отзывамъ другихъ лицъ, и по собственному опыту. А отъ такихъ чтеній одинъ только шагъ до публичныхъ лекцій для сельскаго населенія, которыя сдѣлаются возможными, когда у насъ крестьяне привыкнутъ и научатся слушать связное изложеніе и объясненіе фактовъ и событій, да когда у насъ явятся талантливые и знающіе лекторы, способные говорить для крестьянъ.

Въ заключеніе сообщимъ свѣдѣнія о томъ, что было съ успѣхомъ прочитано вслухъ у насъ. Изъ Пушкина: «Капитанская дочка», «Дубровскийъ», «Полтава», «Борисъ Годуновъ». Вообще сочиненія Пушкина (въ изданіи Суворина) были въ большомъ ходу между учащимися и бывшими учениками школы въ годъ пятидеся-

тилѣтія кончины поэта, такъ какъ въ школѣ были разговоры по этому поводу: всѣ ученики старшаго отдѣленія и многіе изъ окончившихъ курсъ въ прежніе годы требовали по воскресеньямъ на домъ сочиненія Пушкина. Окончившіе курсъ въ 1887 году получили въ подарокъ отъ школы сочиненія Пушкина въ изданіи «Русскаго Начальнаго Учителя».

Изъ Гоголя: «Майская Ночь», «Ночь наканунѣ Ивана Купала», — «Ночь подъ Рождество», «Страшная мѣсть», «Какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ»; много было и смѣху и ужаса. Больше всего понравилась «Майская ночь».

Изъ Тургенева: «Стучить», «Бирюкъ», оба разсказа были слушаны съ большимъ интересомъ и очень понравились.

Изъ Некрасова: «Коробейники», «Морозъ-красный носъ», «Крестьянка» (изъ «Кому на Руси жить хорошо»), все понравилось и производило сильное впечатлѣніе. Высказывали, что Некрасовъ очень хорошо представляетъ мужиковъ и бабъ. «Вотъ правда, такъ правда!» «Все живьемъ представлено!» «Ну и ловко же онъ написалъ, какъ есть по настоящему!» «Крестьянку» женщины слушали со слезами на глазахъ. «Вотъ она бабья-то доля, горемычная, что и говорить». «Теперь еще лучше пошло, а при господахъ-то то-ли было».

Изъ Островскаго: «Не такъ живи какъ хочется», «Бѣдность не порокъ», «Грѣхъ да бѣда», «Гроза». Всѣ эти произведенія произвели большое впечатлѣніе и очень понравились.

Изъ Л. Толстого: «Поликушка», «Упустишь огонь, не потушишь», понравились и слушались съ большимъ вниманіемъ и полнымъ пониманіемъ.

Изъ Глѣба Успенскаго: «Сирота», «Перестала», успѣхъ полный, потому что и заинтересовались, и поняли, и кое-что извлекли полезное, судя по примѣненіямъ, которыя высказывали по отношенію къ своей жизни. Оба разсказа попали въ больное мѣсто крестьянскаго быта и увлекали своей простотой, теплотой и правдой.

Изъ Короленко: «Дѣти подземелья» въ сокращенномъ изложеніи «Родника», сдѣланномъ при участіи автора, «Убивецъ» въ изданіи «Посредника, понравились и слушались съ удовольствіемъ

Разсказы разныхъ другихъ авторовъ:

А. Потѣхина—«Крестьянскія дѣти», Круглова — «Большакъ», Костина—«Человѣкъ за бортомъ», Коваленскій—«Исаевна», Хмѣлевой—«Безвѣстная труженица», свящ. Покровскаго—«Послѣ раздѣла» («Читальня народной школы» за

1888 г.). Послѣдній разсказъ задѣлъ за живое мужиковъ; высказывалось одобреніе и желаніе побольше слушать такихъ пользительныхъ книжекъ. «Надо-де учить насъ дураковъ».

Коронина—«Счастливое открытіе» («Сборникъ въ память Гаршина»), разсказъ очень понравился и хорошо понятъ. Женщины были въ восторгѣ.

Квашнина—«Коровья оспа» («Читальня народной школы» за 1888 г.), слушали внимательно и все поняли.

Гололобова—«Воръ», очень понравилось.

Рунова—«Лихіе подарки» (книжки «Недѣли» за 1888 г. № 3) очень смѣялись, все поняли и разсказъ одобряли.

Сочиненія популярно-научныя;

А. Ефименко—«На Югорскомъ шарѣ» («Дѣт. Чт.» 1875 г. № 1).

«По русской землѣ» («Родникъ» 1883 г. № 7 и 8).

«По Волгѣ» («Родникъ» 1883 г. № 3 и 4).

Круглова—«Близъ тундры» («Семья и школа 1875 г. № 10, 11, 12).

Голенковской — «Кое-что о землѣ» («Чит. нар. шк.» за 1888 г.).

Альмедингена—«Огонь» (тамъ же).

Сафонова—«Спички» (тамъ же).

Разсказы изъ Географическаго Сборника Меча: «На льдинѣ Охочинскаго», «На тундрѣ» (Михайлова), «Въ лѣсахъ Архангельской губерніи» (Воропая), «Поѣздка въ Малороссію» (Петруши-Коленченко).

«На морѣ и на сушѣ», кругосвѣтное путешествіе корвета «Лебедка» (отдѣльное изданіе Ред. «Чтенія для солдатъ»).

Павловича—«Разсказы изъ Русской исторіи».

Всѣ эти популярно-научныя сочиненія слушались съ большимъ вниманіемъ и интересомъ. Чтеніе дополнялось только самыми необходимыми объясненіями; при чтеніи путешествій и вообще статей географическаго содержанія вывѣшивалась карта для необходимыхъ указаній.

IV.

О письменныхъ работахъ и о правописаніи.

Къ крестьянину Авдѣю Срывкину вернулся изъ службы братъ Егоръ, который на службѣ, между прочимъ, выучился и грамотѣ.

Надобно сказать, что военная служба иногда у насъ является по селамъ и деревнямъ разсадникамъ интеллигенціи. Возвратившійся домой солдатъ, въ большинствѣ случаевъ, ужъ далеко не тотъ мужикъ, какимъ онъ уходилъ изъ деревни: онъ на службѣ приобрѣлъ, во-первыхъ, внѣшнюю полировку, выправку, во-вторыхъ, сравнительную широту умственного горизонта, потому что видѣлъ и слышалъ многое недоступное мужику, въ-третьихъ, приобрѣлъ еще и грамотность, а иной и прочиталъ, и понялъ кое-какія книжки. Словомъ, въ деревню приходитъ человѣкъ «умственный», по выраженію крестьянъ, и крестьяне относятся къ нему съ особеннымъ уваженіемъ, не столько за его службу, сколько за эту «умственность». Бываютъ солдатики, которые не приносятъ и не проявляютъ такой умственности,—къ нимъ иначе и относятся. Одно только слово, говорятъ, что онъ на службѣ былъ, а чему выучился на службѣ? Какъ былъ мужикъ безтолковый, такимъ и назадъ воротился, отъ мужицкаго дѣла отсталъ, а ничему путному не выучился. «Умственность» и «умственныхъ людей» крестьяне цѣнятъ и уважаютъ. Но обратимся къ Авдѣю Срывкину. Около того самаго времени, какъ воротился со службы Егоръ, племянникъ Авдѣя, сынъ третьяго брата, Иванъ, послѣ трехлѣтняго ученья, окончилъ курсъ въ училищѣ и получилъ свидѣтельство объ окончаніи курса.

Иванъ Срывкинъ, малый лѣтъ пятнадцати, смысленый и способный къ ученю, но не особенно исправный и прилежный, былъ изъ среднихъ учениковъ по успѣхамъ, но всегда отличался смѣлостью, доходящею до наглости: разобралъ—не разобралъ, а читаетъ безъ запинки, знаетъ не знаетъ, а ни передъ какимъ вопросомъ въ тупикъ не встаетъ. Онъ очень дивилъ неграмотныхъ мужиковъ, какъ бойко и громко, не переводя духъ, читалъ псалтырь надъ покойникомъ. Прежде этимъ дѣломъ въ селѣ занималась одна «черничка», дѣвушка-незамужница, выучившаяся грамотѣ у псаломщика. Иванъ сталъ ей поперекъ дороги. Понятно, что онъ, читая псалтырь бойко, безъ запинки, вралъ немилосердно, но вралъ съ такимъ апломбомъ, что никто, ниже сама «черничка», не подозревалъ этого вранья.

Встрѣтившись съ Авдѣемъ, я спросилъ его: «ну вотъ дядя Авдѣй, теперь у васъ въ семьѣ два грамотѣя, который же, по вашему, будетъ посильнѣе?—А что вы думаете, вѣдь Иванъ-то чуть ли не похлеще будетъ. Забилъ онъ дядю, осрамилъ. Еще по печатному такъ и сякъ. А вотъ письмо разобрать или самъ написать—солдатъ-то и не можетъ, значитъ—недошелъ.

Встрѣчаю Ивана и подшучиваю:

«Что, братъ, дядя-то тебя пробираетъ? плохо, слышишь, ты выучился, отсталъ отъ него»...

— Гдѣ ему! Онъ только по печатному и читать-то умѣетъ. По церковно-славянски—и то я его выучилъ. А писанное читать, или писать или задачи читать совсѣмъ не умѣетъ.

«Ну, и ты по церковно-славянски тоже здорово врешь».

— Нѣтъ, я могу хорошо.

А псалтырь-то надъ покойникомъ какъ читалъ? Что слово то и совралъ. Помнишь?

— Такъ вѣдь то я читалъ для неграмотныхъ. Развѣ они смыслятъ? Имъ бы только пошибче да позвончѣе. А то я могу хорошо. Давайте книжку, сами послушайте.

«Ну, ну, и такъ повѣрю. А письма читаешь? пишешь?»

— А то развѣ нѣтъ? Вы спросите хоть у дяди, онъ вамъ скажетъ. Ужъ сколько я писемъ-то написалъ.

«Какъ-же, что тебѣ говорятъ-то и пишешь?»

— Всяко бываетъ: то говорятъ, а то я имъ говорю, да спрашиваю: ладно-ли молъ, будетъ? А то и прямо пишу изъ своей головы.

«Это изъ своей-то головы ты, пожалуй, то понапишешь, чего и не надо»,

— Нѣтъ, я ужъ къ дѣлу. Мы на селѣ другъ друга хорошо знаемъ, кто какъ живетъ, чѣмъ промышляетъ,—ну, я и прикидываю, что къ кому идетъ, такъ и пишу. Напишу, потомъ вслухъ прочитаю: ладно-ли, молъ?

— «И ладно выходить?»

— Ладно. Много довольны, не нахвалятся. Бываетъ, промахнешься,—ну, ничего, и поправить можно.

«И платятъ тебѣ за это?»

— Гдѣ заплатятъ, а гдѣ и такъ, за спасибо напишешь.

И часто приходится слышать отъ крестьянъ такіе отзывы, что читать и сочинять письма въ крестьянскомъ быту считается ввѣдомъ грамотности и ученья. Кто не можетъ сочинить и написать письма, а если и можетъ написать, да все спрашиваетъ, что писать, а самъ не сочиняетъ, тотъ еще не дошелъ «до дѣла до настоящей, «заправской» грамотности. Оно и понятно. Потребность письменныхъ сношеній въ крестьянскомъ быту растетъ и растетъ съ каждымъ годомъ. Во-первыхъ, воинская повинность, при сокращенныхъ срокахъ, то и дѣло уводитъ изъ села молодыхъ людей. Во-вторыхъ

малоземелье заставляет многих крестьян оставлять родное село на болѣе или менѣе продолжительное время для заработковъ въ городѣ или въ южныхъ краяхъ (на такъ называемой «линіи»), а то и вовсе переселяться на новыя мѣста, по большей части очень далеко отъ родины. Мало по малу сельское населеніе становится подвижнѣе даже тамъ, гдѣ лѣтъ 30 тому назадъ не было и рѣчи объ отхожихъ промыслахъ и переселеніяхъ. Ни уходящимъ не хочется порвать связи съ родиной, гдѣ остались родныя поля и родные люди; ни остающимся не хочется, чтобы уходящіе пропали безъ вѣсти. Вотъ и возбуждается, и растетъ потребность переписки. Назадъ тому немного лѣтъ, единственнымъ лицомъ для веденія такой переписки, т. е. чтецомъ и сочинителемъ писемъ («черничка» писать не умѣеть) былъ мѣстный псаломщикъ; для него эта переписка была доходной статьей, а для крестьянъ обременительнымъ расходомъ. Понятно, что школа, имѣющая въ виду потребности жизни, уважающая разумныя требованія родителей и мѣстнаго населенія, обязана обратить вниманіе, чтобы ученики ея научились, между прочимъ, и читать, и писать письма. Но письмо только форма, а суть дѣла въ умѣньи толково, разборчиво и вразумительно, понятно для всякаго грамотнаго русскаго человѣка, письменно излагать факты и мысли, т. е. въ умѣньи сочинять. Не бѣда, если такое сочиненіе не будетъ блистать литературными достоинствами, даже грамматической правильностью изложенія и правописаніемъ, лишь бы всякій не глупый читатель и слушатель понялъ, именно хотѣлъ сказать сочинитель, и понялъ именно такъ, какъ хотѣлось сочинителю.

Къ сожаленію, многія изъ нашихъ народныхъ школъ, вопреки жизненной потребности, не приводятъ своихъ учениковъ къ этому нужному умѣнью, даже не стремятся къ тому.

Причина этого заключается въ томъ, что школы наши часто готовятъ своихъ учениковъ не для жизни, а для экзамена, а требованія экзамена могутъ находиться въ разладѣ съ требованіями жизни. Отъ этого разлада происходитъ много золь, подрывающихъ и благосостояніе, и образовательное значеніе народной школы для жизни.

Мѣриломъ грамотности учениковъ экзаменъ считаетъ болѣе или менѣе удовлетворительное писаніе подъ диктовку. Общія оффиціальныя требованія, при этомъ, благоразумно ограничиваются отсутствіемъ въ диктовкѣ учениковъ искаженія словъ и пропусковъ, да отдѣленіемъ предложеній знаками препинанія. Но частныя тре-

бованія ретивыхъ исполнителей все возрастали съ году на годъ и, наконецъ, въ жару личнаго соперничества, доросли до правописанія по Гроту.

Мѣриломъ грамотности учениковъ жизнь считаетъ болѣе или менѣе удовлетворительное, т. е. складное, толковое и понятное, письменное изложеніе фактовъ.

Въ результатѣ получается такое явленіе, что ученики, удовлетворительно-грамотные съ точки зрѣнія экзамена, никуда не годятся съ точки зрѣнія жизни, а бываетъ и на оборотъ, что жизнь признаетъ удовлетворительно-грамотными учениковъ, которыхъ экзаменъ призналъ неудовлетворительными: на экзаменѣ они не справились съ буквой *ъ* въ диктовкѣ, а крестьянамъ сочиняютъ толковыя и удобопонятныя письма. Кто тутъ правъ и какъ быть учителю?

Конечно, жизнь всегда права, но учителю отъ этого не легче. Онъ, прежде всего, лицо официальное и подначальное; и радъ бы повиноваться голосу жизни, да такое повиновеніе не ладитъ съ приказаніями и требованіями тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя не очень церемонятся съ сельскимъ учителемъ и отъ которыхъ зависитъ не то, что его благосостояніе, а прямо кусокъ его насущнаго хлѣба.

Вотъ почему въ большинствѣ нашихъ народныхъ школъ всякія иныя письменныя упражненія, кромѣ списыванія и диктовки, или вовсе отсутствуютъ, или доводятся до безрезультатнаго *minimum'a*, особенно въ старшемъ отдѣленіи, которое учится третій годъ и готовится къ сдачѣ экзамена. Учитель, по необходимости, ежедневно, съ утра до вечера, душитъ этихъ третьегодниковъ диктовкой, которая, въ концѣ концовъ, надоѣдаетъ способнымъ и живымъ крестьянскимъ ребятамъ хуже горькой рѣдьки. Вѣдь добиться ко дню экзамена удовлетворительнаго условнаго правописанія по Гроту— дѣло не легкое. Это настоящая каторга и для учителя. Сколько тратится свѣжихъ силъ и дорогого времени ради этой погони за буквой *ъ*, за окончаніями *ые, іе, ыя, ія* и т. п.! Сколько полезнаго можно бы сдѣлать для жизни съ этими свѣжими, молодыми силами въ это дорогое время! И что же выходитъ? Правда, что нѣкоторые изъ учениковъ, по большей части не иеъ самыхъ даровитыхъ и живыхъ, дѣйствительно на экзаменѣ напишутъ диктовку почти безъ ошибокъ, такъ что лицо, завѣдующее школами, съ гордостью говоритъ при удобномъ случаѣ: «у меня въ школахъ пишутъ по Гроту»; но тѣ же ученики черезъ недѣлю послѣ экзамена пишутъ *ъ* въ словѣ этотъ и совершенно отрицаютъ на практикѣ академика

Грота, написать же толковую записку о томъ, что въ селѣ появи- лась на рогатомъ скотѣ болѣзнь, и требуется помощь земскаго вете- ринара, совершенно не въ состояніи, а если напишутъ, то не только съ ужасающей безграмотностью, искаженіемъ словъ и безъ знаковъ препинанія, но и безъ всякаго смысла.

Намъ приходилось настаивать на экзаменахъ, чтобы испыта- тельная диктовка была замѣнена сочиненіемъ, напр., письма съ дааннымъ содержаніемъ (о пожарѣ въ селѣ, о своей семьѣ, о сель- скихъ работахъ, о церковномъ праздникѣ и о времяпрепровожденіи праздника и т. п.), но противъ этого возставали, во первыхъ, экза- менаторы, ссылаясь на оффиціальную программу, во вторыхъ, учи- теля, ссылаясь на совершенную неподготовленность учениковъ за «недосугомъ» упражнять ихъ въ сочиненіи.

Но какая же польза для жизни отъ такого ученья и отъ такой грамотности, и не правы ли тѣ крестьяне, которые находятъ, что въ школѣ «наученіе небольшое», ребята не получаютъ «письмен- ности» и «умственности» и что грамотность (разумѣй: такая, такъ сказать, диктовочная грамотность) совсѣмъ не нужна.

Одинъ разъ намъ удалось добиться, что на экзаменѣ было до- пущено, рядомъ съ диктовкой, сочиненіе письма, но при оцѣнкѣ грамотности учениковъ все таки письмо не принималось во внима- ніе, и ученики, которые написали вполне хорошія письма, полу- чили низшую оцѣнку, нежели другіе съ лучшей диктовкой, но ко- торые не могли бы написать толково и грамотно двухъ трехъ стро- чекъ своего сочиненія. Это очень вредный прецедентъ для буду- щаго школъ нашей мѣстности. Но для насъ, въ данномъ случаѣ, важнѣе всего открыть тѣ средства, которыми пользовался учитель, чтобы привести учениковъ къ толковому письменному изложенію своихъ мыслей, т. е. къ тому результату, котораго требуетъ жизнь и котораго нельзя не пожелать для всякой народной школы.

Понятно, что для этого приходилось постоянно практиковать учениковъ въ сочиненіи. Эту практику, по нашему мнѣнію и не- посредственному опыту, должно и можно начинать съ перваго учеб- наго года.

Какъ только ученики приобрѣли умѣніе читать и писать, чего возможно достигать къ половинѣ января, если учебный годъ начи- нается въ половинѣ сентября, а то и раньше,—ужь является воз- можность, рядомъ съ диктовкой и списываніемъ (такъ какъ эти письменныя работы должно вести постоянно во время прохожденія азбуки), приучать дѣтей къ сочиненію—сперва въ формѣ отдѣльныхъ

предложеній, а потомъ и цѣлой группы предложеній, связанныхъ общей мыслью.

Содержаніе для такихъ сочиненій можно извлекать изъ прочитаннаго, или изъ картинокъ, или просто изъ жизни.

Въ помощь начинающимъ сочинителямъ можно давать вопросы написанные на классной доскѣ.

Приведемъ примѣръ вопросовъ для сочиненія о зимѣ. Прежде всего пишется общій вопросъ, обозначающій тему сочиненія, на который не требуется особаго отвѣта: «Чѣмъ зима отличается отъ другихъ временъ года?»

Потомъ идутъ частные вопросы; отвѣты на эти послѣдніе въ совокупности, и должны быть отвѣтомъ на общій вопросъ: «Зимой какъ солнце восходитъ? Долго ли оно остается на небѣ? Какой бываетъ день и какая ночь? Какая стоитъ погода? Земля чѣмъ покрыта? Что бываетъ на рѣкахъ? Гдѣ дикіе звѣри? Гдѣ перелетныя птицы? Люди ѣздятъ на чемъ? Одѣваются какъ? Что дѣлаютъ для тепла въ хатахъ? Что дѣлаютъ зимой крестьяне? Чѣмъ занимаются крестьянки? и т. п.

По возможности, вопросы пишутся такъ, чтобы изъ вопроса не трудно было сдѣлать отвѣтъ и въ отвѣтѣ воспользоваться правописаниемъ вопроса. Еще легче составлять такіе вопросы къ небольшимъ прочитаннымъ рассказамъ, какихъ много въ книжкахъ для чтенія гр. Л. Н. Толстого, да и во всякой порядочной книжкѣ для первоначальнаго чтенія, и къ картинкамъ. Только откуда же взять картинокъ нашей бѣдной школѣ? Мы видѣли очень практичный способъ добыванія подходящихъ картинокъ: онѣ оказались вырѣзанными изъ объявленій объ иллюстрированныхъ журналахъ («Нива», «Сѣверъ» и т. п.), наклеенными на большой картонъ и слегка иллюминированными (акварельными красками). Получилась цѣлая коллекція недурныхъ и очень содержательныхъ картинокъ, описаніемъ которыхъ ученики усердно занимаются, предпочитая эту работу и диктовкѣ, и списыванію, такъ что къ послѣднимъ работамъ можно обращаться въ видѣ лишенія за невнимательное или небрежное отношеніе къ первой работѣ и для побужденія самостоятельно стремиться къ возможно лучшему исполненію ея.

Отъ подобныхъ письменныхъ работъ можно, въ концѣ 1-го года, переходить къ самостоятельному изложенію своими словами небольшихъ рассказовъ. Изложеніе прочитаннаго должно быть главной письменной работой 2-го учебнаго года, но къ нему слѣдуетъ присоединить и краткія описанія знакомыхъ предметовъ, и рассказы о

повседневныхъ или исключительныхъ (если таковыя были, въ родѣ пожара, разлива рѣки и т. п.) событіяхъ жизни, а также письма съ даннымъ содержаніемъ. Третій годъ обученія можно, кромѣ писемъ, отдавать сочиненіямъ на темы, но необходимо озаботиться, чтобы у юныхъ сочинителей имѣлось въ головѣ удовлетворительное содержаніе. Намъ удавались такія темы: «Нашъ праздникъ», Заботы, печали и радости землевладѣльца», «Чему я выучился въ училищѣ», «Пожаръ въ нашемъ селѣ» и т. п.

Само собой разумѣется, что всѣ ученическія сочиненія должны быть неотложно и тщательно просмотрѣны учителемъ. Мы убѣдились на практикѣ, что приноситъ пользу даже многими осуждаемое и спр ав л е н і е ученическихъ сочиненій, не въ смыслѣ одного правописанія, но именно въ смыслѣ усовершенствованія самого сочиненія, со стороны содержанія, плана, изложенія, если только оно сопровождается надлежащими объясненіями, такъ что ученикъ ясно видитъ, что его сочиненіе улучшилось, и понимаетъ, почему оно стало лучше. Отъ такого исправленія, тщательно исполненнаго, удовлетворительно мотивированнаго и объясненнаго, дальнѣйшія сочиненія учениковъ быстро совершенствуются.

Очень понравился намъ и далъ хорошіе результаты вотъ какой пріемъ для упражненія учениковъ въ сочиненіи писемъ: учитель завелъ дѣйствительную переписку съ ними. Ученики писали ему письма въ особыхъ тетрадкахъ; онъ исправлялъ эти письма и тутъ же писалъ отвѣтъ на каждое письмо, соблюдая вполнѣ обычную форму переписки, объясняя ошибки, иногда предлагая ученикамъ разные вопросы изъ школьной и домашней жизни. Прочитавъ письмо учителя, ученики опять писали ему, и т. д., — словомъ, завязалась живая, интересная и полезная настоящая переписка, которая увлекала и учителя, и учениковъ, принося послѣднимъ большую пользу. У насъ сохранились цѣлыя тетради этой интересной переписки.

Полезно прочитываніе вслухъ ученическихъ сочиненій самими авторами или въ классѣ, съ цѣлью исправленія всѣмъ классомъ, или на актѣ, на экзаменѣ и тому подобномъ иномъ торжественномъ собраніи. Въ нашемъ училищѣ были читаны на актахъ осенью, при раздачѣ свидѣтельствъ и чтеніи отчета, слѣдующія ученическія сочиненія: «Наше село и наша волость», «Нашъ городъ и нашъ уѣздъ», «Кольцовъ», «Нашъ сельскій праздникъ», стихотвореніе «Мужъ и жена». Взрослые крестьяне съ большимъ удовольствіемъ слушаютъ сочиненія юныхъ авторовъ; особенное одобреніе вызвало названное выше стихотвореніе, которое мы и приводимъ цѣликомъ:

Мужъ и жена.

Стихотвореніе.

Крестьянскаго мальчика 12 л. Сергѣя Аникина.

Какъ жена мужа бранить:
„Лежебокъ ты, говоритъ,—
„Что ты цѣлый день лежишь,
„Что за дѣломъ не слѣдишь,
„На поденщину нейдешь,
„Да и лапти не плетешь?
„Постыдись глядѣть на свѣтъ,
„Безтолковый дармождъ!

Какъ жена мужа бранить:
„Свѣтъ-то попусту горить:
„Ты не слушаешь, лежишь,
„Словно маленькій глупышъ,
„На непостланныхъ доскахъ,
„Кулакъ сжатый въ головахъ.
„Меня матушка корить:
„Что твой мужъ, баглай, лежитъ?
„Что онъ лапти не плететь
„И оборокъ не советъ?
„Ай у дочки мужа нѣтъ,
„Босикомъ лежитъ твой слѣдъ?..

Какъ жена мужа бранить:
„Слышь, какой морозъ трещить,—
„Какъ мнѣ по воду ходить?
„Можно ноги простудить.
„Я какъ давеча пошла,
„Ноги защипало,
„Я до хаты не дошла,
„Чуть чуть не упала.
„Ну, ужъ завтра, какъ ты хошь,
„Коли лапти не сплетешь,
„Весь день дома просижу;
„Крючкомъ ноги подожду“.
Тутъ мужикъ съ лавки поднялся
И за лыки скоро взялся.

Мы привели это стихотвореніе, конечно, вовсе не имѣя намѣренія давать образецъ сочиненій, какихъ надо желать отъ учениковъ народной школы.

Мы цѣнимъ въ немъ не стихотворную форму, произвольно избранную юнымъ сочинителемъ, не поэтическое достоинство, учить

которому нельзя и нѣтъ надобности, даже не поучительную мысль, впрочемъ ни кѣмъ автору не навязанную, а свѣжесть, искренность и простоту чувства и живой народной рѣчи. Чуеться, что это сочиненіе не дѣланное, не фальшивое, не книжное. Тутъ не видно подражанія даже Кольцову, котораго такъ хорошо понимаютъ и любятъ крестьянскія дѣти, обучаясь въ школѣ.

Приведенное нами стихотвореніе напомнило намъ о необходимости сдѣлать одну очень важную оговорку относительно исправленія ученическихъ сочиненій и той мѣрки, какую слѣдуетъ прилагать для оцѣнки ихъ достоинства. По нашему крайнему убѣжденію, вовсе не слѣдуетъ стремиться, чтобы ученики народной школы сочиняли по книжному, сглаживать и обезцвѣчивать ихъ живую народную рѣчь, лишая ее естественныхъ красокъ и жизненной простоты, ради условной грамматической правильности.

Толки о «прелести живой народной русской рѣчи» у насъ стали давно общимъ мѣстомъ, но рядомъ съ ними уживается самое варварское отношеніе къ этой рѣчи и грубое насиліе надъ ней въ школѣ. Замашка иныхъ педантовъ «очищать» эту живую рѣчь напоминаетъ исторію Крыловскаго червонца, который, благодаря подобной чисткѣ, потерялъ чуть не половину своей цѣны.

Исправлять въ ученическихъ сочиненіяхъ надо ошибки содержанія, безсвязность и беспорядочность изложенія, бессмысленность или туманность выраженій,—ну, конечно, орфографическія ошибки, а не своеобразность и простоту живого народнаго языка.

И такъ, упражненія въ сочиненіи, въ изложеніи прочитаннаго, въ описаніи знакомыхъ предметовъ, въ разсказѣ объ извѣстныхъ событіяхъ, въ изложеніи фактовъ и собственныхъ мыслей, въ формѣ, такъ-называемыхъ, сочиненій и писемъ, мы считаемъ самыми главными, необходимѣйшими письменными работами въ начальной народной школѣ.

А что-же, спросятъ насъ, диктовка? Неужели она совсѣмъ не нужна?

Нѣтъ, она нужна и полезна, какъ нужно и полезно списываніе, но рядомъ съ сочиненіемъ и не только безъ преобладанія надъ нимъ, но съ значительнымъ преобладаніемъ именно этого главнаго письменнаго упражненія.

Кромѣ того, мы отрицаемъ надобность въ нарочито подобранномъ матеріалѣ для диктовокъ, пригнанномъ къ правиламъ правописанія. Такой матеріалъ обыкновенно состоитъ изъ отрывочныхъ безсвязныхъ фразъ и почти всегда отличается внутренней пустотой, без-

содержательностью. Такая диктовка не приводит ни къ какой цѣли. Даже то правило правописанія, ради котораго сдѣланъ подборъ безсвязныхъ и пустыхъ фразъ, при такой диктовкѣ, соблюдается учениками механически, и сплошь да рядомъ бываетъ, что ученики, повидимому, усвоившіе правило, закрѣпленное за ними нарочито подобранной диктовкой, на другой же день вовсе забываютъ его и при всякомъ представившемся случаѣ нарушаютъ это правило, какъ только имъ приходится писать другой, связный, складный, такъ сказать—естественный матеріалъ. По нашему мнѣнію, диктовать ученикамъ можно и должно все, что доступно ихъ пониманію, и особенно то, что было прочитано ими въ классѣ съ учителемъ. Лучше всего для этого выбирать небольшія статейки или отрывки образцовыхъ авторовъ, законченные и обладающіе литературными достоинствами. При этомъ конечно, учитель долженъ прибѣгать къ извѣстному способу предупрежденія ошибокъ; учительскій тактъ и знаніе своихъ учениковъ должны указывать ему, въ какихъ именно случаяхъ нужно это предупрежденіе.

Все-таки, въ заключеніе этого очерка, надо договориться до чего-нибудь опредѣленнаго относительно правописанія въ народной школѣ.

Прежде всего, по нашему убѣжденію, разъ навсегда, надо отказаться—отъ неумѣстной орфографической щепетильности, чтобы избѣгнуть непроизводительной затраты времени, нужнаго для другихъ, болѣе важныхъ занятій, на погоню за результатами недостижимыми. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что можно или должно пренебрегать правописаніемъ и не стремиться къ его возможному совершенству. Совсѣмъ напротивъ: учитель долженъ обращать вниманіе на орфографическую правильность письма учениковъ, начиная съ самыхъ первыхъ письменныхъ работъ, при обученіи грамотѣ, и до конца курса, постепенно и постоянно прививая къ нимъ хорошіе орфографическіе навыки.

Продолжительный опытъ и близкое знакомство съ начальной школой убѣдили насъ, что хорошіе и прочные орфографическіе навыки составляютъ фундаментъ удовлетворительнаго правописанія; грамматика же, особенно элементарная, лишенная научнаго характера сведенная на безсвязный наборъ произвольныхъ и весьма неточныхъ опредѣленій, подраздѣленій и правилъ, съ ея мудреными терминами имѣетъ въ этомъ дѣлѣ далеко не первостепенное значеніе, кромѣ немногихъ случаевъ, о коихъ скажемъ въ свое время.

Въ нашей народной школѣ не малую помощь русскому правописанію, въ вѣкоторыхъ случаяхъ, какъ увидимъ ниже, можетъ оказывать церковно-славянскій языкъ; на это обстоятельство, къ сожалѣнію, никто не думалъ обратить вниманіе, ни сторонники часослова и старой школы, ни даже составители программъ для церковно-приходскихъ школъ, въ которыхъ дано такъ много простора занятіямъ церковно-славянскимъ языкомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что можно стремиться къ возможному (у насъ многіе стремятся къ невозможному, обманывая себя и другихъ мнимымъ достиженіемъ этой невозможной цѣли) совершенству правописанія, но для этого не пренебрегать ничѣмъ другимъ, особенно болѣе важнымъ и полезнымъ для жизни, а въ то же время быть разумно умѣреннымъ въ оцѣнкѣ правописанія учениковъ народной школы и въ требованіяхъ отъ учителя по отношенію къ успѣхамъ его учениковъ въ правописаніи. Одно другому нисколько не мѣшаетъ.

Намѣтимъ то возможное, что въ этомъ отношеніи, по нашему мнѣнію, основанному на опытѣ, должно быть достигнуто въ три зимы, безъ ущерба другимъ занятіямъ, и укажемъ испытанныя нами средства для достиженія желательныхъ результатовъ. Безусловно можно и должно достигнуть, чтобы ученики къ концу курса удовлетворительно примѣняли слѣдующія орфографическія правила:

1) Объ употребленіи прописной буквы.

Начало примѣненію этихъ правилъ полагается въ первомъ году обученія, на урокахъ чтенія и письма: сперва пишутъ прописную букву въ началѣ, послѣ точки, въ именахъ людей, потомъ въ названіяхъ городовъ, рѣкъ и т. д. Во второмъ году дается понятіе объ имени собственномъ, пишутъ письма, и всѣ случаи употребленія прописной буквы исчерпываются. Никакой особой диктовки, намѣренно испещренной прописными буквами, не нужно, потому что случаевъ примѣненія этихъ правилъ встрѣтится довольно во всякой письменной работѣ.

2) Объ употребленіи буквы э.

Примѣненіе этихъ правилъ начинается тоже при обученіи грамотѣ, такъ какъ употребленіе буквы э основывается на произношеніи и усваивается легко. Здѣсь пожалуй не бесполезна намѣренно подготовленная диктовка, потому что словъ съ буквой э не много, и случаи ея употребленія довольно рѣдки.

3) О переносѣ словъ изъ одной строки въ другую.

И эти правила начинаютъ примѣнять при обученіи грамотѣ,

при чемъ въ основу правильнаго переноса полагается дѣленіе слова на слоги. Съ этой основой ученики могутъ оставаться и до конца курса, потому что этимологическая основа не можетъ имѣть примѣненія въ начальной школѣ, да и на практикѣ важнаго значенія не имѣеть.

4) О постановкѣ знаковъ препинанія.

Основой для этой постановки должно служить пониманіе смысла и состава рѣчи, связи и взаимнаго отношенія между предложеніями. Развѣя вѣшнія примѣты, въ родѣ того, чтобы ставить запятую передъ словами *который*, *что* и т. под., только путаютъ и сбиваютъ съ толку (*я встрѣтилъ крестьянина, домъ котораго ты купилъ какъ же тутъ можетъ быть запятая передъ словомъ который?*)

Знакомить учениковъ съ употребленіемъ знаковъ препинанія слѣдуетъ постепенно съ перваго года обученія: пишутъ короткія отдѣльныя предложенія—и отдѣляютъ ихъ одно отъ другого точкой; пишутъ короткія парныя предложенія—и раздѣляютъ ихъ запятой; пишутъ группы предложеній, состоящихъ въ связи между собою, болѣе или менѣе тѣсной, получаютъ понятіе о точкѣ съ запятой. Надо во все продолженіе курса, время отъ времени, прибѣгать къ анализу рѣчи и выясненію связи между предложеніями, чтобы ученики постепенно пріучались быстро схватывать эту связь и выражать ее знаками препинанія, которые они должны ставить не по окончаніи работы, а одновременно съ ней; прочтеніе написаннаго когда работа окончена, нужно и желательно только для окончательной отдѣлки, для исправленія невольныхъ промаховъ и ошибокъ, которые всегда возможны даже у человѣка съ хорошими грамматическими знаніями и прочными навыками.

5) О правильномъ употребленіи падежныхъ окончаній, легко смѣшиваемыхъ въ говорѣ, отчего нерѣдко получается и неправильное написаніе: у сестръ вмѣсто у сестры, добрымъ вм. добромъ и наоборотъ, доброю вм. добрую, добрава вм. добраго, и т. под. Но мы не включаемъ сюда окончанія именъ прилагательныхъ въ имен. пад. множ. числа *ые* и *ыя*, *іе* и *ія*, грамматически-правильное употребленіе которыхъ не существенно важно и смѣшеніе которыхъ не имѣеть ни малѣйшаго вліянія на вразумительность написаннаго: для пониманія письма рѣшительно безразлично, написано ли *деревянные* или *деревянныя* двери, и нетерпимое отношеніе къ подобной ошибкѣ было бы смѣшной щепетильностью. Для установленія правильнаго употребленія падежныхъ окончаній необходимы грамматическія свѣдѣнія, а именно: знакомство съ склоненіями и упра-

женія въ склоненіи. Съ однимъ практическимъ навыкомъ можно обойтись только для окончанія *аго*, произносимаго *ова*, и на эту разницу между произношеніемъ и написаніемъ, конечно слѣдуетъ обратить вниманіе учениковъ еще при обученіи грамотѣ, чтобы они съ перваго раза пріобрѣтали навыкъ читать *добрава*, хотя написано *добраго*, и писать *добраго*, хотя читаютъ *добрава*. Вообще склоненія мы признаемъ за одно изъ полезнѣйшихъ грамматическихъ знаній для народной школы въ интересахъ не только правописанія, но и сознательнаго отношенія къ языку.

6) Объ употребленіи буквы *ь* въ глаголахъ.

Эти правила и безошибочное примѣненіе ихъ могутъ быть превосходно обоснованы на сравненіи русскихъ формъ съ церковно-славянскими: церковно-славянскому и соотвѣтствуетъ въ русскихъ формахъ *ь*. Благодаря этому сравненію, у насъ ученики 3-го отдѣленія никогда не дѣлали обычной ошибки въ словахъ: *молиться будешь, молиться, будь* и т. под.

7) Объ отдѣльномъ и слитномъ написаніи предлоговъ.

Здѣсь основою для правильнаго написанія всего лучше брать начальную форму слова и измѣненія его (склоненіе и спряженіе). Понятно, что для этого необходимо различеніе частей рѣчи, знакомство съ ихъ измѣненіями и начальной формой. Вскорѣ для учениковъ само собой выяснится, что при глаголахъ предлогъ всегда бываетъ приставкой и отдѣльно передъ глаголами никогда не пишется.

Далѣе слѣдуютъ правила правописанія, къ примѣненію которыхъ надо стремиться (преимущественно путемъ практическимъ навыкомъ), но несоблюденіе которыхъ нельзя вмѣнять въ вину не ученикамъ, начальной школы, ни ихъ учителю. Сюда относятся правила:

- 1) Объ употребленіи буквъ *і*, *и*.
- 2) О сомнительныхъ гласныхъ, какъ *о* и *а* и т. п.
- 3) О сомнительныхъ гласныхъ, какъ *б* и *п*, *е* и *ф*, и т. под.
- 4) О буквѣ *ѣ* въ корняхъ и въ глагольной примѣтѣ.
- 5) О буквѣ *ѣ* на концѣ именъ существительныхъ, мѣстоименій, именъ числительныхъ и нарѣчій.
- 6) О буквѣ *ѣ* въ сравнительной степени.
- 7) Объ употребленіи нарѣчія *не*.

Безукоризненное соблюденіе всѣхъ этихъ правилъ не обуславливаетъ вразумительности и смысла написаннаго, а достигается трудно и требуетъ на трехгодичнаго, курса по 24 недѣли въ году, а гораздо болѣе продолжительнаго, да и то не достигается.

Наконецъ, остаются правила, которыя начальная народная школа могла бы совершенно обходить:

1) Объ окончаніяхъ *ые, ыя, іе, ія* въ именахъ прилагательныхъ, числит. и мѣстоименіяхъ.

2) Объ этимологическомъ раздѣленіи словъ при переносѣ изъ одной строки въ другую.

3) О написаніи новообразуемыхъ нарѣчій, какъ *слѣва, справа, сбоку, сверху, вправду, вначалѣ* и т. под.

4) О разныхъ этимологическихъ тонкостяхъ и спорныхъ вопросахъ въ правописаніи въ родѣ того: *мачеха* или *мачиха*, *наизустъ* или *наизусть*, *искусство* или *искуство*, *лѣчебница* или *лечебница*, *масленица* или *масляница*, *свадьба* или *сватьба* и проч.

Побольше разумной требовательности въ существенномъ, въ умѣнши учениковъ толково излагать на письмѣ факты и свои мысли и побольше умѣренности и терпимости въ менѣе важномъ для жизни, въ правописаніи: вотъ руководящее правило, которое слѣдовало бы внушить блюстителямъ и учителямъ начальной народной школы по отношенію къ письменнымъ работамъ учениковъ.

VI.

Нѣкоторыя черты крестьянскаго быта и нравственно-религіозныхъ понятій. Законъ Божій, церковно-славянское чтеніе и пѣніе.

Вскорѣ послѣ Ильина дня нѣсколько мѣстныхъ мужиковъ молотили рожь у своего священника.

Въ томъ году весна была ранняя, теплая и съ теплыми дождями, а лѣто жаркое; рожь налилась и поспѣла очень рано и родилась хорошо. Не успѣли мужики управиться съ покосомъ на лугу, какъ пришлось перебираться на озимое поле. Уже въ десятыхъ числахъ іюля сельская улица по цѣлымъ днямъ, даже и ночью, оглашалась скрипомъ телѣгъ, тяжело нагруженныхъ золотистыми снопами. Ставили по 20, по 25 копень на десятинѣ и торопились свезти рожь съ поля, потому что и овесъ сталъ поспѣвать. На гумнахъ, какъ грибы, выросли высокія «кладушки» ржи. Уже передъ Ильинымъ днемъ сталъ кое-гдѣ раздаваться мѣрный стукъ молотящихъ цѣповъ. Надо сказать, что у большинства нашихъ мало-земельныхъ мужиковъ, благодаря плохому урожаю въ прошедшемъ

году, давно уже не было прошлогодняго хлѣба; многіе еще съ новаго года или съ ранней весны покупали для семьи рожь или муку, которую питались скупо, осторожно, впроголодь,—и вотъ теперь они спѣшили отвести душу «своимъ» хлѣбомъ новаго урожая.

Священникъ, какъ предусмотрительный хозяинъ, желая обмолотиться пораньше, за сухую погоду, да и подешевле, заблаговременно поставилъ «ведро» тѣмъ мужикамъ, которыхъ хотѣлъ залучить на свое гумно, и обѣщалъ имъ другое «ведро», если они будутъ молотить безъ перерывовъ и обмолотятъ весь его хлѣбъ ко второму Спасу (6-е августа).

Лучшій способъ отдѣлать какую нибудь работу подешевле и поскорѣе у насъ состоитъ въ томъ, чтобы подрядить работниковъ не за деньги, а за вино.

Не смотря на общія жалобы, будто русскій мужикъ пристрастенъ къ вину и «пропивается», безпристрастныя и непредубѣжденные наблюденія показываютъ нѣчто иное.

Мужикъ любитъ выпить, и выпить не рюмку или стаканчикъ, а выпить «здорово», до нѣкотораго самозабвенія или, по крайней мѣрѣ, до того блаженнаго состоянія, когда человѣкъ дѣлается «веселье безконечно». Но все таки это не пристрастіе къ вину, а просто единственный исходъ для естественной потребности того захватывающаго наслажденія, которое отрываетъ человѣка хоть не надолго отъ утомившей его неприглядной обыденности, съ ея безконечной воловьей работой, съ ея всегдашними лишеніями, ея однообразными интересами и впечатлѣніями. Полное отсутствіе въ нашей деревнѣ всякихъ наслажденій «высшаго порядка», болѣе доброкачественныхъ, нежели эта выпивка до самозабвенія, при избыткѣ работы и всяческой тяготы, объясняетъ ту притягательную силу, ту власть, какую получаетъ здѣсь вино.

Все таки, вообще говоря; мужикъ рѣдко «пропивается» и не любитъ пропивать свои трудовыя деньги. Онъ любитъ выпить больше на «даровщину», хотя «даровщина» понимается имъ очень своеобразно и широко. Онъ охотно наливается на свадьбѣ у сосѣда или родственника, на праздникѣ въ сосѣднемъ селѣ; охотно наливается при сдачѣ общественной рыбной ловли—на счетъ съемщика; при заключеніи условія на какую нибудь большую работу цѣлымъ обществомъ—на счетъ нанимателя; при наемкѣ общественнаго пастуха—на счетъ общества.

Затѣмъ онъ любитъ пропивать всякія «шальные» деньги, то-есть не входившія въ его хозяйственные расчеты, неожиданныя:

пятерикъ, полученный отъ мѣстнаго землевладѣльца по окончаніи уборки сѣна или молотбы хлѣба; красненькую, вырученную за нѣсколько копенъ сѣна, оставшагося при дѣлѣжкѣ укоса на общественномъ лугу; трехрублевку, данную священникомъ по случаю починки соломенной крыши на подцерковномъ домѣ, въ которомъ живетъ священникъ. Еще лучше, если землевладѣлецъ или священникъ прямо поставилъ ведро или хоть полъ-ведра: это и для него выгодно, и мужику любѣе.

Наконецъ, мужикъ не прочь въ досужное время, даже въ праздникъ, хотя вообще работать по праздникамъ онъ считаетъ большимъ грѣхомъ, заработать выпивку. За вино онъ берется, очень сходно для хозяина, вывезти дрова изъ лѣсу, перетащить плетень съ одного мѣста на дрѣгое, помолотить хлѣбъ, и т. под. Такія условія работы (за вино) выгодны для нанимателя, который обыкновенно вовсе не думаетъ о томъ, что этимъ выгоднымъ для себя наймовъ не только обсчитываетъ, но и втягиваетъ мужика въ пьянство. За обмолотъ 100 копенъ наниматель ставитъ вина рублей на 9, на 10, а за деньги тѣ же работники не возмущаются молотить дешевле 25—30 коп. съ копны,—слѣдовательно, тѣ же 100 копенъ обойдутся хозяину не меньше 25 руб. Потребность доставить себѣ наслажденіе до того отуманиваетъ сообразительность мужика, что онъ охотно идетъ на невыгодную работу, лишь бы не лишиться себя этого наслажденія. Казалось-бы, лучше взять деньги и самому купить на нихъ вина, нежели прямо получить готовое вино въ меньшемъ количествѣ за ту же работу; но мужикъ чуетъ, что заработанныхъ денегъ онъ пропить, пожалуй, не рѣшится, пожалѣетъ, а то семейники, отъ которыхъ получка денегъ не скроется, не допустятъ, да и срамъ въ люди сказать—пропить такую прорву денегъ!

Вотъ онъ и берется работать очень выгодно для нанимателя, но только не за деньги, а за готовое вино. Но понятно, что выпивка «на даровщину», такъ своеобразно понимаемую, при частомъ повтореніи, отуманивая голову мужика, не рѣдко тянетъ его прибавить къ «шалъному» рублю два рубля настоящихъ трудовыхъ, при чемъ хозяйственное благоразуміе забывается,—и бывають примѣры, что частое повтореніе такихъ выпивокъ, мало-по-малу, втягиваетъ челоуѣка въ дѣйствительное «пьянство», которое вноситъ разстройство и много всякаго зла въ семью и хозяйство крестьянина.

Въ данномъ случаѣ, которымъ начинается нашъ очеркъ, мысль

о невыгодности работы еще затемнялась и желаніемъ оказать уваженіе «батюшкѣ», который сказалъ:

«Вы меня, братцы, уважите,—и я васъ, при случаѣ, уважу, когда надо будетъ когонибудь повѣнчать или похоронить. За трешницу окрочу, за рублевку отпою»...

Мужики выпили ведро въ ночь между двумя рабочими днями, подъ окнами винной лавки, такъ какъ въ лавкѣ вино продается только «на выносъ»; а черезъ нѣсколько дней у священника началась молотба, за которую они принялись очень усердно въ виду повторенія выпивки, предстоящаго по окончаніи работы. Работали безъ перерыва, съ утра ранняго до поздняго вечера; пришлось воскресенье,—и то, съ благословенія батюшки, «погрѣшили» съ обѣда. Но наканунѣ 24-го іюля неожиданно представилась остановка и въ нѣкоторомъ родѣ распря.

Завтра-то, батюшка, вы насъ ужъ увольте!—говоритъ одинъ изъ молотильщиковъ.

Батюшка знаетъ причину этого «увольте» (слава Богу, побольше десяти лѣтъ живетъ въ селѣ, приглядѣлся), но дѣлаетъ удивленный видъ.

«Это почему? Водку-то вылокали, а тутъ ни съ того, ни съ сего увольте»!...

— Да какъ-же: вѣдь праздникъ, батюшка, строгій праздникъ, никакъ не возможно!

«Какой такой еще праздникъ выдумали? Я никакого праздника не знаю».

— Точно, батюшка,—говоритъ другой молотильщикъ: строгій праздникъ, всѣ знаютъ.

— Еще-бы не праздникъ, поддерживааетъ третій: и въ святцахъ, слышь, сказано: «берегись хлѣбъ»!

— Чтобы въ такой день да работать, слыханое ли дѣло,—да это мы потомъ безъ хлѣба насидимся.

— Мы и рады бы на васъ поработать, батюшка, да нельзя, старики не велятъ: ты, говоритъ, прогнѣвишь, а онъ самого безъ хлѣба оставить:

— Такъ-то было: вонъ безпутный Свирка не уважилъ его, молотить затѣялъ, такъ черезъ два дня онъ что надѣлалъ ему, безпутному: и амбарушку, и всѣ одонья-то молыньей спалилъ—то есть вотъ какъ, все до чиста...

«Ахъ вы, язычники окаянныя! Что выдумали: онъ да онъ! вотъ бѣса-то тѣшите! Въ святцахъ-то написано: Борисъ и Глѣбъ»

угодники святые, а вы какой-то «берегись хлѣбъ» придумали! Никакого тамъ хлѣба нѣтъ. Не хлѣбъ, дурачье, а Глѣбъ сказано. Это праздникъ тамъ, гдѣ церковь или хоть-бы престолъ во имя святыхъ угодниковъ Бориса и Глѣба, а у насъ никакого праздника въ этотъ день нѣтъ, и службы церковной не будетъ... Язычники вы,—сами, невѣжи, не понимаете, такъ хоть-бы спросили»...

— Чего спрашивать-то,—начинаютъ раздражаться и мужики: наши старики и такъ знаютъ. Не первый разъ, каждый годъ празднуемъ!

Видишь, какіе праздники выдумали! то у васъ «лошадій» праздникъ, то «коровій», то «царю-граду» молебны заказываете, то какой-то «берегись хлѣбъ» придумали...

Долго еще спорили, но все было напрасно: 24 іюля мужики все-таки не пришли молотить. Хотя службы церковной не было, все-таки они этотъ день праздновали по-своему: не работали, сдали какому-то кулаку на десять лѣтъ кусочекъ общественнаго луга и сорвали съ него «магарычъ» въ видѣ ведра водки, которое міромъ роспили; а потомъ бродили по улицѣ, гадя и шатаясь, не столько потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ были всѣ очень пьяны, сколько желая казаться пьяными, какъ слѣдуетъ въ праздникъ. Они были искренно увѣрены, что такимъ празднованіемъ кому-то угодили, кого-то умилостивили и оградили себя отъ безхлѣбницы. Батюшка недаромъ обозвалъ мужиковъ язычниками. Дѣйствительно, въ нашемъ крестьянствѣ до сихъ поръ сохранились черты того «двоевѣрія», противъ котораго ратовало наше духовенство еще въ XIII вѣкѣ, въ лицѣ Серапіона и другихъ энергическихъ пастырей. Христіанскія понятія въ крестьянствѣ и понынѣ всѣ значительно перемѣшиваются съ суевѣріями, которыя или представляются обломками отдаленнаго, древняго, язычества, или возникли, помимо этого послѣдняго, подъ давленіемъ суровыхъ впечатлѣній жизни на темныхъ людей, какъ язычество новое. Не будемъ говорить о всѣмъ извѣстныхъ вѣрованіяхъ въ домовыхъ, лѣшихъ и т. подобныхъ обломковъ древняго язычества. Празднованіе обновленія Царяграда (11 мая) обратилось въ поклоненіе «царю-граду», въ смыслѣ не города, а града—явленія природы, угрожающаго побіеніемъ мужицкаго хлѣба на поляхъ. Память св. Бориса и Глѣба (24 іюля)—въ праздникъ «берегись хлѣбъ», пренебреженіе которымъ приводитъ къ безхлѣбницѣ. Февраля 11 (Власій) бываетъ скотій праздникъ, когда обязательно варить и ѣсть молочную кашу (жертво-

приношеніе), чтобы коровы давали больше молока. Іюля 1 (Космы и Даміана) к у р и н ы й праздникъ: въ этотъ день обязательно рѣзать куръ и варить яичницу, чтобы куры были «носки». Августа 18 (Флора и Лавра) л о ш а д і й праздникъ... Всѣ эти праздники, сопровождаемые особыми жертвоприношеніями и обрядами, какъ очевидно, созданы заботой крестьянина-земледѣльца о своемъ благосостояніи, которое зависитъ больше отъ явленій природы, нежели отъ воли, знаній и труда человѣка.

Въ нравахъ, въ семейномъ, хозяйственномъ и общественномъ быту нашего крестьянства, тоже нельзя не замѣтить странной смѣси—христіанской любви, христіанскаго смиренія и милосердія съ языческимъ варварствомъ, грубостью и жестокостью. Вы встрѣчаете трогательные примѣры любовной заботы о сиротахъ, калѣкахъ, погорѣльцахъ. «Мірское дите» не исключительное явленіе въ нашемъ крестьянствѣ. Безкорыстная помощь нищимъ бездомникамъ и обездоленнымъ погорѣльцамъ не считается подвигомъ жертвой. Терпѣніе, выносливость, безропотное отношеніе къ чрезмѣрной воловьей работѣ, къ болѣзнямъ и лишеніямъ, наконецъ къ самой смерти—дѣйствительная, а не выдуманная черта нашего крестьянства, и не звучитъ пустой фразой въ его устахъ вѣковая пословица: «Христось терпѣль, да и намъ велѣль». Кажется, какую воспримчивую почву должна бы представлять собой такая среда для ученія о сѣятельной любви къ ближнему, о прощеніи и милосердіи, о смиреніи и самопожертвованіи!

Однако же, къ удивленію, въ томъ же самомъ крестьянскомъ быту, рядомъ съ трогательными проявленіями милосердія, кротости и любви, бросаются въ глаза совершенно противоположныя явленія, въ которыхъ сказывается варварская грубость, жестокость, злоба, звѣрство. Страшная расправа съ конокрадами, ворами, поджигателями, несмотря на обстоятельства, какъ будто бы оправдывающія,—все-таки варварство. А установившійся обычай бить жену за дѣло и безъ дѣла ужъ не оправдывается никакими обстоятельствами. Напротивъ, его звѣрство и бессмысленность усугубляется, если припомнимъ роль женщины въ крестьянской семьѣ и крестьянскомъ хозяйствѣ женщиной, ея трудами и заботами, столько-же держится благосостояніе крестьянской семьи и создается будущность дѣтей, сколько и мужчиной, если не больше, п. ч. мужикъ нерѣдко удаляется отъ семьи на заработки, на промыслы, а женщина всегда въ семьѣ, и весьма часто на ней одной лежитъ вся отвѣтственность за домъ, за хозяйство, за дѣтей. Нигдѣ не представляется столь

естественной разумной равноправности женщины съ мужчиной, какъ въ крестьянствѣ. И что же оказывается? «Бить ихъ надо,—бабу, да не бить, да это и жить будетъ нельзя», говоритъ мужикъ, и онъ беспощадно бьетъ свою жену, съ большею жестокостью, чѣмъ собаку, а корову или лошадь бережетъ и жалѣетъ куда больше, нежели свою Матрену или Оеклу. Въ это самое время, какъ писались предыдущія строки, пишуцій ихъ получилъ извѣстіе, соединенное съ просьбой дать лѣкарство, о томъ, что одинъ мужикъ такъ избилъ ремнемъ свою бабу, что мясо виситъ клочьями, и бѣдная женщина лежитъ при смерти. Какая вина? за что?—Согрubiла мужу, попрекнула, что отъ дому отбивается... Бываетъ и совсѣмъ безъ вины, просто такой стихъ найдетъ на мужа, что вздумается «почить» жену. «Бить ихъ надо непременно, безъ этого никакъ нельзя».

Заболѣла у мужика лошадь, онъ зоветъ коновала, не скупится полѣчить и больную корову; но болѣзнь жены онъ просто отрицаетъ: «притворяется, работать лѣнь, поваляться на печи захотѣла,—я ее поваляю». Крѣпко убивается мужикъ надъ павшей лошадью или коровой; но смерть жены переноситъ очень легко, а нерѣдко на другой же день послѣ похоронъ толкуетъ о новой бабѣ: «безъ бабы, говорить, въ домѣ никакъ невозможно,—надо невѣсту искать».

Положеніе хворой бабы въ крестьянской семьѣ поистинѣ ужасно: ее всякій обижаетъ, ругаетъ, попрекаетъ кускомъ хлѣба, ей прямо говорятъ: «околѣвала бы, что ли, скорѣе», и сама она ждетъ—не дождется смерти.

Таково же положеніе старика, потерявшаго силы и уже неспособнаго работать. Сплошь и рядомъ вы наталкиваетесь на рѣзкіе примѣры почтенія и повиновенія сыновей къ отцамъ. Отецъ посылаетъ сына на заработки, но все, что малый заработаетъ, онъ обязанъ принести отцу, а при первомъ приказаніи отца—долженъ и самъ явиться домой. Задумалъ отецъ женить сына, проживающаго на мѣстѣ въ городѣ, выбралъ ему невѣсту, сосваталъ,—парень является, по первому требованію идетъ подъ вѣнецъ, а потомъ или остается дома, или на другой же день отправляется на свое мѣсто въ городъ, смотря по распоряженію отца... Долгъ повиновенія родителю отнюдь не нарушается. Такое безпрекословное повиновеніе родителямъ вы видите не только со стороны молодыхъ парней, но и со стороны бородатаго сына, который самъ живетъ на свѣтѣ чуть не полъ-столѣтія, давно женатъ и обзавелся десяткомъ своихъ

дѣтей. Зато, когда тотъ же самый отецъ-домовладыка сталъ дряхлымъ старикомъ, неспособнымъ работать,—какъ помыкаютъ имъ и сыновья, и внуки! Попреки, что онъ даромъ хлѣбъ ѣстъ, что онъ онъ чужой вѣкъ заживаетъ, что онъ всѣмъ руки—ноги связываетъ, повторяются безпрестанно; его плохо кормятъ; его гонятъ вонъ изъ хаты; ему ни одного путнаго слова не скажутъ, и всѣ совершенно откровенно выражаютъ желаніе, чтобы старикъ поскорѣе убирался на тотъ свѣтъ. Боже сохрани, если у старика подозрѣваются запасныя деньжонки,—тогда недолго и до преступленія, много-ли нужно старику,—одинъ хорошій толчекъ—онъ и готовъ..: Случаи такихъ толчковъ, кончавшихся смертью, проходятъ благополучно: хотя все село знаетъ, какъ дѣло происходило, но «общественное мнѣніе» села относится къ такимъ случаямъ снисходительно, и доказчиковъ не оказывается.

И на каждомъ шагу вы наталкиваетесь въ крестьянскомъ быту на странныя противорѣчія. Великимъ грѣхомъ считается работать въ праздникъ: ради праздника пропускается самая лучшая пора посѣва, уборки сѣна и т. п.; но работать не на себя и не за деньги, а за угощенье, особенно за вино, это можно; но пьянствовать, безобразничать, ругаться и драться въ праздникъ—это не грѣхъ. Украсть съ поля у сосѣда, у помѣщика, у священника, копну—другую ржи или овса, вырубить десятокъ дубковъ въ чужомъ лѣсу, залѣзть въ чужой садъ за яблоками, на чужую бахчу за арбузами, все это не считается грѣхомъ; но тотъ же самый воръ ни за что не станетъ ѣсть ни мяса, ну молока въ постный день, не позволить даже и малому ребенку, хотя бы это было приказано врачемъ, какъ необходимое условіе выздоровленія. На вопросъ: что грѣшнѣе, украсть или выпить молока въ постный день? крестьянскій мальчикъ, иногда не задумываясь, отвѣчаетъ: «выпить молока въ постный день грѣшнѣе».

Да, полна поразительныхъ противорѣчій жизнь нашего крестьянства, вызывающая своими явленіями въ постороннемъ наблюдателѣ то умиленіе, то ужасъ, то сочувствіе, то негодованіе.

Очевидно, что многія прекрасныя врожденныя черты народнаго характера въ немъ искажены невѣжествомъ и неблагоприятными внѣшними вліяніями, и результатами этого искаженія являются: двоевѣріе, грубость, жестокость и проч.

Мало сдѣлало не только для просвѣщенія крестьянства вообще, но и спеціально для насажденія въ немъ истинно-христіанскихъ понятій, затемненныхъ «двоевѣріемъ», русское духовенство. Но трудно

винить его за это: оно и не могло сдѣлать больше. Ни его матеріальное положеніе, поставленное въ полную зависимость отъ прихода, основанное на поборахъ съ домохозяевъ и на добровольныхъ подаваніяхъ прихожанъ, на угожденіи имъ, ни его нравственное достоинство, склоняющееся подъ гнетомъ житейскихъ тягостей, не поддерживаемое никакими благотворными вліяніями въ деревенской глуши, не давало и не даетъ ему возможности дѣйствовать безъ уступокъ понятіямъ и требованіямъ грубой и темной среды.

Ничего не сдѣлала и не могла сдѣлать, въ этомъ смыслѣ, и старая до-реформенная школа, гдѣ она существовала (а она существовала въ какихъ-нибудь двухъ-трехъ пунктахъ на цѣлый уѣздъ). Возможно ли хоть въ будущемъ и, если возможно, то откуда—благотворное воздѣйствіе на крестьянство въ этомъ направленіи? Такое воздѣйствіе, свободное отъ всякихъ житейскихъ вліяній, въ родѣ матеріальной зависимости, возможно—преимущественно черезъ подрастающее поколѣніе и именно со стороны школы, поставленной независимо отъ среды, и правильная постановка въ этой послѣдней религіознаго обученія, Закона Божія, дѣло первостепенной важности.

Начало для такой постановки сдѣлано Святѣйшимъ Синодомъ еще въ 1880-мъ году утвержденіемъ «Программы Закона Божія для начальныхъ училищъ всѣхъ вѣдомствъ». Эта программа вполне соответствуетъ потребностямъ начальной народной школы и условіямъ преподаванія въ ней и на практикѣ, повидимому, выполняется вездѣ болѣе или менѣе удовлетворительно. Но, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ, оставляется безъ должнаго вниманія превосходная «объяснительная записка» къ ней, содержащая въ себѣ рядъ цѣнныхъ указаній, одинаково важныхъ какъ для школы, такъ и для жизни, помимо которыхъ выполненіе программы легко получаетъ чисто формальный, малоплодотворный характеръ. Эта объяснительная записка болѣе всего настаиваетъ на воспитательной сторонѣ Закона Божія, какъ главнаго предмета обученія въ начальной школѣ.

«При преподаваніи всякаго предмета (говорится въ запискѣ) учитель сообщаетъ ученику нѣчто новое, ему невѣдомое, чуждое; тамъ на первомъ планѣ стоитъ обученіе, т. е. сообщеніе тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ знаній, понятій, правилъ, и потому первая забота учителя приблизить преподаваемый предметъ къ пониманію учениковъ, ввести новыя знанія въ рядъ другихъ его понятій и знаній. Законъ же Божій не есть предметъ совершенно новый для

ребенка, чуждый ему: основы вѣры и нравственности лежатъ въ душѣ каждаго дитяти; онѣ заключаются въ образѣ Божиємъ, ему присущемъ, слышатся во внушеніяхъ его совѣсти». «Дѣло преподавателя — раскрывать это вложенное въ душу ребенка содержаніе его вѣры, развивать и питать нравственно-религіозное его чувство, уяснять ему то, что онъ перенимаетъ отъ другихъ путемъ бессознательнаго подражанія. Посему преподаватель долженъ заботиться главнымъ образомъ не о суммѣ знаній, а о томъ, чтобы учащійся изъ каждаго его урока вынесъ мысль, чувство, стремленіе, способныя служить сѣменемъ жизни нравственно-религіозной».

«При изученіи молитвъ преподаватель долженъ стараться не о томъ только, чтобы дѣти затвердили слова молитвы и поняли внѣшній, такъ сказать, смыслъ ихъ, а о томъ, чтобы вызвать изъ сердца дѣтей тѣ молитвенныя расположенія, для которыхъ слова молитвы служатъ выраженіемъ. Желательно, чтобы объясненіе молитвъ не имѣло даже вида урока, а было пастырской бесѣдой съ дѣтьми о душевныхъ ихъ нуждахъ, стремленіямъ, вѣрованіяхъ, которыя находятъ въ молитвѣ самое естественное для себя выраженіе». «При изученіи Священной Исторіи преподаватель долженъ обращать главное вниманіе на событія и ученія Новаго Завета касаясь событій ветхозавѣтныхъ только въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для пониманія Новаго Завета». «При объясненіи, краткаго катихизиса, т. е. Символа вѣры и заповѣдей, избѣгать сухости катихизическихъ положеній и богословскихъ тонкостей, а излагать догматы вѣры и правила нравственности въ живой объяснительной рѣчи, показывая органическую связь ихъ съ религіозною жизнію рода человѣческаго, насколько она знакома дѣтямъ изъ священно-историческихъ рассказовъ, и съ жизнію самихъ дѣтей, насколько она проявляется въ ихъ молитвахъ, въ ихъ поступкахъ, въ движеніяхъ ихъ совѣсти и религіознаго чувства».

Понятно, что такой характеръ преподаванія долженъ придать предмету глубокое воспитательное значеніе. Но какъ далека отъ этого идеала и минувшая, и современная дѣйствительность!

Въ дѣйствительности идетъ только задаванье и спрашиванье уроковъ по книжкѣ, которую преподаватель не выпускаетъ изъ своихъ рукъ. Въ дѣйствительности ничего нѣтъ, кромѣ заучиванія на память учебнаго матеріала, опредѣленнаго программой. Заучиваются молитвы,—въ лучшемъ случаѣ—безъ искаженія и съ объясненіемъ

того, что объяснительная записка называется «внѣшнимъ смысломъ» молитвы, въ большинствѣ случаевъ — просто заучиваются непонятныя слова, а иногда и съ значительными искаженіями, которыя происходятъ невольно отъ бессознательнаго повторенія одного и того же, и проходятъ незамѣченными, непоправленными, да такъ и закрѣпляются въ памяти. Заучивается по учебнику Священная Исторія ветхаго и новаго завѣта, при чемъ «главное вниманіе» вовсе не сосредоточивается на послѣднемъ, ученіе новаго завѣта остается вовсе не разъясненнымъ. Заучиваются Символь вѣры и заповѣди по порядку и «враздробь», съ довольно сухими и бѣглыми объясненіями, не похожими на ту «живую объяснительную рѣчь», какой желаетъ объяснительная записка къ программѣ.

Въ дѣйствительности вся суть дѣла сводится именно къ тому, чтобы къ экзамену у дѣтей была на лицо вся «сумма знаній», какая обозначена въ программѣ. Въ лучшихъ случаяхъ эти знанія влагаются въ память учащихся постепенно, но не рѣдко почти все исполненіе программы производится въ два-три мѣсяца передъ экзаменомъ, то есть младшее и среднее отдѣленія почти ничего не проходятъ по Закону Божию, а старшее занимается усиленнымъ зубреніемъ въ послѣдніе мѣсяцы учебнаго года и является на экзамень съ надлежащею «суммою знаній», но плохо понятыхъ, не прочувствованныхъ, непрочныхъ.

Почему-же дѣло ведется такъ, а не иначе? Причины такой постановки дѣла преподающими обыкновенно указываются слѣдующія.

Во-первыхъ, у священника слишкомъ много своихъ прямыхъ обязанностей и дѣлъ, помимо училища, и онъ не имѣетъ возможности аккуратно давать уроки въ продолженіе всего учебнаго года и заниматься со всѣми тремя отдѣленіями. Онъ поневолѣ занимается урывками и сосредоточиваетъ все вниманіе на старшемъ отдѣленіи, которое готовится къ экзамену, да и то главную часть работы долженъ откладывать къ концу курса, усиленно работая послѣдніе мѣсяцы.

Во-вторыхъ, вознагражденіе, получаемое преподавателемъ (въ нашемъ уѣздѣ 50 р. въ годъ), настолько, говорятъ, незначительно, что настоящимъ образомъ заниматься не стоитъ. Многихъ священниковъ только внѣшнее давленіе, особенно чувствительное въ послѣднее время, и заставляеть не уклоняться отъ законоучительства. Тамъ-же, гдѣ это представляется возможнымъ (приходъ слишкомъ великъ, по числу душъ, или есть на кого возложить это дѣло), и теперь встрѣчаются примѣры такого уклоненія. Такъ у насъ въ

многолюдномъ сосѣднемъ селѣ изъ двухъ приходскихъ священниковъ оба уклонились отъ законоучительства въ земской школѣ.

Въ третьихъ, на экзаменѣ требуется именно опредѣленная «сумма знаній», не «сѣмена жизни нравственно-религіозной», не «молитвенныя расположенія» и т. под., вообще не плоды воспитательнаго воздѣйствія преподавателя и преподаванія. Да провѣрка такого воздѣйствія и не возможна на экзаменѣ, который у насъ служитъ единственнымъ матеріаломъ для оцѣнки преподавательской дѣятельности.

Какъ видите, вся бѣда въ томъ, что наше ученіе имѣетъ въ виду только экзаменъ и вовсе не имѣетъ въ виду жизни: надо приготовить учащихся къ экзамену на свидѣтельство по программѣ, а вовсе не къ жизни нравственно-религіозной. Понятно, поэтому, что преподаваніе и гонится только за «суммою знаній», оставляя въ сторонѣ воспитывающее вліяніе ученія, да и о прочности знаній не заботится: лишь бы къ экзамену они уцѣлѣли въ памяти учащихся, а тамъ «будь что будетъ». Мы глубоко убѣждены, что дѣло могло бы идти иначе.

Обученіе дѣтей Закону Божію, не только въ смыслѣ сообщенія суммы необходимыхъ знаній, безъ коихъ все таки обойтись нельзя, но особенно въ смыслѣ насажденія «сѣмянъ жизни нравственно-религіозной»,—собственно говоря, есть нравственный долгъ священника, его прямая и непремѣнная обязанность, неразрывно связанная съ его званіемъ «пастыря», которую онъ долженъ выполнять безъ всякаго внѣшняго давленія, въ силу внутренней потребности, какъ одно изъ важнѣйшихъ отправленій принятаго имъ на себя высокаго служенія. Установленіе особаго вознагражденія за законоучительство является опаснымъ прецедентомъ, какъ бы узаконивающимъ необязательность для священника одной изъ главнѣйшихъ его пастырскихъ обязанностей—религіозно нравственнаго воспитанія его паствы. И этотъ прецедентъ уже принесъ не мало печальныхъ послѣдствій. Конечно, при этомъ предполагается что священникъ обладаетъ необходимыми для своего служенія нравственными качествами и удовлетворительно обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи; безъ этихъ условій отъ него невозможно требовать хорошаго исполненія не только этой, но и другихъ его пастырскихъ обязанностей. При наличности же сказанныхъ условій онъ можетъ и долженъ, безъ всякаго особаго вознагражденія, исполнять дѣло законоучительства вполнѣ, соединяя выполненіе программы, въ смыслѣ сообщенія дѣтямъ всей опредѣленной «суммы знаній», съ

выполненіемъ указаній объяснительной записки къ программѣ, въ смыслѣ воспитательнаго воздѣйствія и насажденія «сѣмянъ нравственно-религіозной жизни», то есть удовлетворяя и требованіямъ экзамена, и потребностямъ жизни.

Исполнимость такого соединенія подтверждается уже тѣмъ фактомъ, что для приготовленія къ экзамену оказывается достаточнымъ усердно поработать съ учениками вѣскольکو времени передъ экзаменомъ,—слѣдовательно, остается еще довольно времени для пастырскихъ бесѣдъ», о которыхъ говорится въ объяснительной запискѣ, и вообще для преслѣдованія воспитательно-нравственно-религіозной задачи. Можно пожелать, чтобы мѣстомъ для назидательныхъ бесѣдъ съ этою цѣлью была не исключительно классная комната, но и церковь. гдѣ могутъ присутствовать и принимать участіе въ этихъ бесѣдахъ, на примѣръ—послѣ богослуженія, не только ученики школы, но и взрослые крестьяне съ большою пользою для себя, и гдѣ самая обстановка способствуетъ религіозному настроенію бесѣдующихъ.

Большую помощь дѣлу религіозно-нравственнаго воспитанія учащихся можетъ оказывать церковно славянское чтеніе и пѣніе, соединенное съ участіемъ дѣтей въ церковномъ богослуженіи.

Къ сожалѣнію, въ настоящее время законоучителя по условіямъ жизни часто оставляютъ безъ исполненія еще два весьма важныхъ внушенія той же «объяснительной записки» къ программѣ Закона Божія, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ въ 1880 году.

«Желательно (говоритъ объяснительная записка), чтобы преподаватели (Закона Божія) по возможности пріучали дѣтей къ церковному пѣнію.»

Большинство нашихъ законоучителей, по своей подготовкѣ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, конечно, могли бы исполнять это требованіе, но обыкновенно ученики сельскихъ училищъ поютъ только тамъ, гдѣ занимается съ ними пѣніемъ или учитель, или особо приглашенное лицо. Намъ пришлось видѣть и такой случай, что законоучитель, священникъ мѣстной церкви, препятствовалъ дѣтямъ участвовать въ богослуженіи, дабы не замедлятъ его.

Церковное пѣніе оказываетъ огромное религіозно-нравственное и вообще благотворно-воспитывающее значеніе. Оно способствуетъ благолѣпію церковнаго богослуженія, усиливаетъ мелитвенное настроеніе и возвышаетъ духъ предстоящихъ. Нашъ народъ чувствуетъ и сознаетъ это, и нерѣдко приходится слышать трогатель-

тельные отзывы крестьянъ о томъ, какъ хорошо стоять и молиться въ церкви, когда слышишь стройное пѣніе дѣтскихъ голосовъ: «проплакать хочется», «стоишь, какъ въ раю», «кажется и не ушелъ бы все бы слушалъ». И между взрослыми крестьянами есть всегда охотники участвовать въ церковномъ хорѣ, которые прилежно ходятъ на спѣвки въ училище, не стѣсняются и не стыдятся учиться пѣнію вмѣстѣ съ малыми ребятами. Намъ пришлось близко видѣть огорченіе, которое испытывалъ такой любитель пѣнія, мужикъ лѣтъ тридцати пяти, можетъ быть и старше, когда священникъ запретилъ ему ходить на клиросъ и пѣть въ церкви: онъ готовъ былъ валяться въ ногахъ у «батюшки, чтобы выпросить прощеніе, лишь бы снова попасть на клиросъ.

Уроки пѣнія способствуютъ тому, чтобы ученики не только понимали «внѣшній смыслъ» молитвъ и пѣснопѣній, но предчувствовали бы и внутренній смыслъ ихъ. Кромѣ того, уроки пѣнія обладаютъ вліяніемъ, способнымъ облагородить и упорядочить крестьянскихъ дѣтей, чему еще болѣе помогаетъ участіе въ церковномъ богослуженіи. Посмотришь на мальчика послѣ того, какъ онъ выучился немного пѣть и сталъ ходить на клиросъ: и тотъ же малый, да не тотъ,—и въ лицѣ больше ясности и смысла, и рѣчь сдержаннѣе и толковнѣе, и всѣ ухватки, движенія мягче,—и вѣжливѣе онъ сталъ, и солиднѣе, и благообразнѣе. Эта печать большой мягкости, солидности, вѣжества лежитъ и на взрослыхъ мужчинахъ, участвующихъ въ церковномъ хорѣ.

«Преподаватели (Закона Божія), говоритъ та же объяснительная записка, не преминутъ знакомить своихъ учениковъ съ текстомъ Св. Писанія, прочитывая съ ними воскресныя и праздничныя Евангелія на церковно-славянскомъ языкѣ».

Сколько намъ извѣстно, преподаватели не дѣлаютъ этого, и церковно-славянское чтеніе вовсе не входитъ въ уроки Закона Божія, законоучители не обращаются къ тексту священнаго писанія, довольствуясь учебникомъ, заставляя заучивать его «отъ сихъ до сихъ», хотя бесѣды о жизни Христа Спасителя и выясненіе Его ученія, казалось бы, необходимо требуютъ прочтенія соответствующихъ мѣстъ изъ Святого Евангелія. Этотъ пробѣлъ уроковъ Закона Божія обыкновенно выполняется учителемъ на урокахъ церковно-славянскаго языка. По смыслу общихъ требованій, выразившихся въ общей экзаменной программѣ, Евангеліе должно служить главнымъ матеріаломъ для упражненія учениковъ начальныхъ училищъ

въ церковно-славянскомъ чтеніи. Поэтому Евангеліе почти цѣликомъ прочитывается на урокахъ церковно-славянскаго языка въ продолженіе всего учебнаго курса. Понятно, какой огромной подмогой для Закона Божія служитъ это чтеніе, сопровождаемое подстрочнымъ переводомъ: тутъ учащіеся непосредственно изъ самаго живого источника знакомятся съ земной жизнью Христа Спасителя Его чудесами, Его ученіемъ, Его страданіями и воскресеніемъ.

Но вотъ съ нѣкотораго времени стали появляться попытки устранить чтеніе Евангелія въ начальныхъ училищахъ; настаиваютъ на исключительномъ чтеніи въ нихъ Часослова и Псалтири. Но, во-первыхъ, Часословъ и Псалтирь гораздо труднѣе для чтенія и перевода, нежели Евангеліе, а потому лучше церковно-славянское чтеніе начинать именно Евангеліемъ и потомъ уже переходить къ Часослову и Псалтири. Во-вторыхъ на экзаменѣ, по общимъ постановленіямъ, отъ экзаменуемыхъ требуется именно чтеніе Евангелія съ подстрочнымъ переводомъ на русскій языкъ. Въ третьихъ, программа Закона Божія, утвержденная Святѣйшимъ Синодомъ, прямо говоритъ, чтобы «при изученіи Священной Исторіи преподаватель обращалъ главное вниманіе на событія и ученія Новаго Завета» и прочитывалъ съ ними воскресныя и праздничныя Евангелія.

Съ какой стороны ни взглянешь, устраненіе чтенія Евангелія изъ начальной школы представляется, по малой мѣрѣ, страннымъ, а главное это сильный подрывъ для религіозно-нравственнаго наученія и воспитанія крестьянскихъ дѣтей.

Нельзя не пожелать, чтобы подобныя частныя распоряженія не колебали благодѣтельной силы общихъ постановленій.

VIII.

Учебный годъ въ сельской школѣ.

Наше село, какъ и вся окрестная мѣстность, по преимуществу—земледѣльческое. Здѣсь крестьяне изъ поконовъ вѣку занимаются землей, любятъ землю и живутъ вполнѣ подъ властью земли.

Правда, большая рѣка, на высокомъ берегу которой село расположено, въ старые годы отвлекала мужиковъ отъ земли. Они, бывало, уходили «бурлачить», когда на руси, до построенія сѣти желѣзныхъ дорогъ и появленія пароходовъ, процвѣтала «лямка»; но

власть земли и тогда не прекращалась: изъ многолюдной семьи уходилъ малый, лишній работникъ и лишній ротъ, а семья оставалась дома и управлялась съ землей. Въ концѣ концовъ, и бурлакъ возвращался къ землѣ, обзаводился своей семьей и прекращалъ свое хожденіе въ бурлаки, какъ дѣло временное и случайное, а крѣпко приставалъ къ земледѣлію, какъ исконному дѣлу своихъ предковъ, высылая на свое бурлацкое мѣсто младшаго брата, племяша и т. под.

Едва ли были случаи, чтобы бурлачество кого-нибудь окончательно отбило отъ родного села и отъ кормилицы—земли. И теперь отъ иного старика, истаго пахаря, душой и тѣломъ преданнаго землѣ, случается слышать рассказы о томъ, какъ онъ въ молодости «бурлачилъ» и даже былъ лопманомъ на баркахъ у «Клочка», богатаго хлѣбнаго торговца старыхъ временъ, а потомъ бросилъ это дѣло и на-вѣкъ возвратился къ матушкѣ-землѣ: «она, говоритъ, исконная кормилица наша,—отъ земли мужику отходить завсе не гòже,—походишь, походишь туда-сюда, да все-таки опять къ ней-же, матушкѣ, придешь. Земля—наша мать и держава отъ начала вѣку».

Въ 60-хъ годахъ пришелъ конецъ «лямкѣ». Открылась желѣзная дорога, по которой и покатались тѣ грузы, которые въ прежнее время таскала лямка и мужицкая сила. Даже и рѣку-то нашу, нѣкогда славную «тихую» рѣку, такъ сказать, упразднили, т.-е. какъ путь движенія грузовъ: барки ходить перестали, а пароходство почему-то не пришло имъ на смѣну. Заброшенная «тихая» рѣка окончательно затихла, русло засорилось, образовались мели, но на это ужъ никто не обращалъ вниманія. Когда недавно у кого-то вдругъ возникла мысль, что этою забытою рѣкою можно бы воспользоваться, какъ удобнымъ путемъ для пароходнаго сообщенія между крупными торговыми центрами и для дешеваго, сравнительно въ желѣзной дорогой, передвиженія грузовъ,—осуществленіе этой мысли натолкнулось на необходимость расчистки русла рѣки, которая требуетъ милліоновъ, а таковая затрата, при нашемъ безденежьѣ и нашей малопредпримчивости, весьма затруднительна.

Какъ-бы то ни было, а хожденіе нашихъ крестьянъ въ бурлаки прекратилось навсегда. Появилось хожденіе «на линію», т. е. въ южныя губерніи, на лѣтніе заработки, но оно еще менѣе бурлачества способно отрывать мужика отъ земли. Уходятъ опять таки лишніе дома работники и лишніе рты изъ многолюдныхъ семей, да и уходятъ на трудъ все-таки земледѣльческой, и все-таки черезъ

нѣсколько лѣтъ они прекращаютъ это хожденіе, а вмѣсто себя посылаютъ младшихъ братьевъ. Никакихъ фабрикъ и заводовъ, которые могли-бы отвлекать крестьянъ отъ земледѣльческаго труда, въ окрестностяхъ нѣтъ. Рыболовство служитъ только подспорьемъ, тоже самое и извозъ,—и нашъ крестьянинъ остается земледѣльцемъ по преимуществу. И слава Богу! Одна бѣда: земли у нашихъ крестьянъ мало (не болѣе 2 десятинъ на душу, а у бывшихъ крѣпостныхъ и того меньше), и это малоземелье опаснѣе для земледѣлія, нежели бурлачество и хожденіе «на линію», да этимъ малоземельемъ объясняется и существованіе тѣхъ лишнихъ работниковъ и лишнихъ ртовъ, которые уходятъ изъ села на заработки. Приходится нашимъ крестьянамъ по неволѣ снимать землю у мѣстныхъ землевладѣльцевъ—то «изъ-полу», то «по-третьямъ», то за отработки, то на деньги, рублей по 15—16 за десятину, а это дѣло не всегда бываетъ выгодно. Случается, что снятая за деньги десятина даетъ 5 четвертей ржи, т. е. въ переводѣ на деньги, по цѣнамъ послѣднихъ годовъ, за вычетомъ сѣмянъ, не болѣе тѣхъ 15—16 рублей, которые отданы собственнику земли,—а трудъ? а заботы? И все-таки наши крестьяне снимаютъ ежегодно чужой земли на сумму болѣе шести тысячъ рублей, и все-таки съ головой ушли въ земледѣліе. Въ зависимости отъ земледѣлія сложился и бытъ крестьянъ. Въ зависимости отъ него находится и школа въ распредѣленіи ея учебныхъ занятій.

Весной и лѣтомъ всѣ крестьянскіе ребята заняты, нужны дома: тѣ съ лошадьми, тѣ съ овцами или свиньями, тѣ борону волочатъ, а который покрупнѣе да посильнѣе, тотъ и пашетъ, тѣ «по домашности» замѣняютъ взрослыхъ, пребывающихъ въ полѣ или на лугу.

Но вотъ проходитъ лѣто. Хлѣбъ убранъ. На гумнахъ гулко стучать цѣпы. Изъ-за плетней возвышаются золотистые «ометы» соломы и тщательно прикрытыя запасныя «кладушки» хлѣба, которые останутся безъ молотбы до глубокой зимы, а то и до будущаго года. Наступило время для посѣва озимого хлѣба, а тамъ и для копанья картофеля. Приходитъ сентябрь. Дровяной лѣсъ подъ селомъ золотится и краснѣетъ. Вопреки установившемуся представленію о сентябрѣ, у насъ этотъ мѣсяць, по большей части, бываетъ ясный и сухой. Около 10-го сентября, въ одинъ изъ воскресныхъ дней, крестьяне получаютъ приглашеніе въ училище къ молебну передъ ученіемъ, которое должно начаться съ слѣдующаго дня.

Училище отперто, приведено въ порядокъ. Книги, бумага и всѣ учебныя пособія готовы и ждутъ учениковъ. Въ классной комнатѣ все приготовлено для совершенія молебна. Крестьяне идутъ въ училище тотчасъ послѣ обѣдни; собираются и ребята, но далеко не въ полномъ числѣ. Приводятъ больше малышей, которые еще не начинали учиться и менѣе нужны дома; весьма немного приходитъ изъ тѣхъ, которые учились въ прошедшемъ году и теперь должны продолжать свое ученье; особенно мало третьегодниковъ. Но пѣвчіе почти въ полномъ сборѣ: они дня за три до молебна собирались на спѣвки и приготовились пѣть молебенъ въ лучшемъ видѣ. Всегда собирается къ молебну не мало и бывшихъ учениковъ, не порвавшихъ связи съ школой и принимающихъ горячее участіе во всѣхъ школьныхъ торжествахъ, какъ свои люди.

Послѣ молебна то одинъ, то другой изъ отцовъ обращается съ просьбой къ учителю «уволить» его Ивана или тамъ Василья-то до Покрова, а то и «до родителей» (20 октября) или даже «до снѣгу»: «съ овченками не кому ходить, никакъ невозможно».

Дѣлать нечего, приходится увольнять, потому что въ этихъ просьбахъ сказывается настоящая, не выдуманная, нужда. Но бывали и такіе случаи, что мужикъ нарочно нанимаетъ работника, чтобы освободить сына, переведеннаго въ третье отдѣленіе, и дать ему возможность съ полнымъ успѣхомъ доучиться, «дойти до дѣла», окончить курсъ. Немного было такихъ случаевъ, но достаточно того, что они были: значить, въ крестьянской средѣ зарождается высокая оцѣнка книжнаго ученья, ради котораго можно кое-чѣмъ и пожертвовать. Но не будемъ скрывать и противоположныхъ фактовъ: еще довольно такихъ упорныхъ «стариковъ» которые стоятъ на томъ, что «грамота мужикамъ ни къ чему, одно баловство»: «прежде жили безъ грамоты и безъ книгъ, и впередъ безъ нихъ проживемъ,—плохо, коли ребята будутъ умнѣе стариковъ, тогда съ ними и не сговоришь, отъ рукъ отобьются, страхъ забудутъ». Заявивъ себя разъ противниками школы и оставивъ своихъ сыновей безъ ученья, эти протестанты, видя другихъ ребятъ толковыми грамотѣями, читающими и поющими въ церкви, разбирающими и сочиняющими письма, кажется, теперь уже только изъ упрямства, чуть-ли даже не изъ зависти,—сохраняютъ и высказываютъ свою враждебность къ школѣ и грамотѣ: «оно хорошо-то, хорошо, да не мужицкое это дѣло,—старые люди не глупѣе насъ были, а насъ грамотѣ не учили,—значить, и намъ ребятъ нашихъ учить не къ чему!»

Въ концѣ концовъ, первый мѣсяцъ въ школѣ проходитъ при весьма небольшомъ числѣ учащихся. Съ этимъ приходится мириться поневолѣ: противъ жизни не пойдешь. Тутъ не то что убѣжденія, но и насиліе не можетъ, оно скорѣе вооружить мѣстное населеніе противъ школы и оттолкнетъ отъ нея, какъ отъ врага, а не привлечетъ, не вызоветъ расположенія къ ней, какъ къ другу.

Въ это время учитель всего болѣе озабоченъ той мыслью, какъ бы собрать пораньше комплектъ новичковъ, пока нельзя собрать второгодниковъ и третьегодниковъ, т. е. среднее и старшее отдѣленія, да побольше сдѣлать съ этими новичками.—Забота основательная въ школѣ, гдѣ одному учителю надо вести одновременную работу съ тремя отдѣленіями. Новички, ничему не учившіеся, не могутъ работать въ школѣ самостоятельно, учителю постоянно приходится быть съ ними; но черезъ мѣсяцъ и для нихъ сдѣлаются возможными кое-какія самостоятельныя работы. Поэтому мѣсячная работа съ однимъ младшимъ отдѣленіемъ въ началѣ учебнаго года для учителя и для дальнѣйшей работы его, уже со всѣми тремя отдѣленіями, имѣетъ большее значеніе. Конечно, и въ этомъ первомъ учебномъ мѣсяцѣ учитель не остается исключительно съ однимъ отдѣленіемъ: старшія отдѣленія не собираются въ полномъ составѣ, но все-таки не совершенно пусты. Тѣмъ не менѣе, въ это время учитель имѣетъ возможность сосредоточить свое вниманіе на новичкахъ, потому что съ учениками старшихъ отдѣленій, въ виду далеко неполнаго состава ихъ, въ это время было-бы неблагоприятно идти впередъ и всего лучше вести повторительную работу, преимущественно повторительныя упражненія въ чтеніи, разсказѣ, сочиненіи, рѣшеніи задачъ и вычисленіи численныхъ примѣровъ, — которые могутъ исполняться самостоятельно. А для провѣрки этихъ самостоятельныхъ работъ у учителя есть довольно времени въ послѣобѣденные часы, такъ какъ начинающія дѣти, т. е. младшее отдѣленіе, до половины учебнаго года обыкновенно учатся только до обѣда, а старшія отдѣленія приходятъ въ школу на два часа и послѣ обѣда.

Старанія учителя собрать пораньше новичковъ, пока большинство старшихъ дѣтей заняты дома и не могутъ ходить на уроки, — обыкновенно кончаются успѣхомъ, при помощи посѣщенія крестьянскихъ хатъ, разговоровъ съ родителями и убѣжденій. Крестьяне хорошо понимаютъ, что успѣхи обученія требуютъ своевременнаго и исправнаго хожденія дѣтей въ школу, охотно посылаютъ ихъ

учиться, если къ этому представляется возможность, и наблюдаютъ за ихъ ученемъ, обращаясь съ вопросами къ учителю, заставляя ихъ дома готовить уроки, читать вслухъ и т. п. Но хозяйственные, бытовыя потребности все-таки въ ихъ глазахъ важнѣе, и они избѣгаютъ поступиться ими ради ученя. И всякій, кто близко видѣлъ ихъ быть, воздержится въ этомъ случаѣ отъ осужденія: тутъ вопросъ просто на просто о насущномъ хлѣбѣ, безъ котораго жить нельзя, да объ уплатѣ податей и повинностей, а не о накопленіи богатства или хоть запаса на черный день, который у мужика всегда, такъ сказать, за плечами,—въ видѣ пожара, неурожая, града, скотскаго надежа, и т. п.

— Что-же, Гаврило, твои мальчики до сей поры не приходятъ въ училище? Заучились-то они въ прошедшемъ году хорошо, а теперь вотъ мѣсяцъ на проходѣ, какъ начиналось ученье, а ихъ все нѣтъ какъ нѣтъ,—говоритъ учитель знакомому мужику въ воскресенье послѣ обѣдни.

«Вотъ ужъ послѣ Покрова, говоритъ,—безпремѣнно придутъ. Ужъ повремените, пожалуйста,—ослобоните ихъ на это время. Теперь то имъ никакъ невозможно: старшій съ овченками, а второй барскихъ свиней пасеть»...

— Когда-же Петръ явится въ училище?—спрашиваетъ учитель другого мужика: пора-бы,—вѣдь ему нынѣ экзамень сдавать, чтобы да не отсталъ отъ товарищей!—

«Ужъ вы, Ѡ. Ив., до «родителей»-то потерпите: отстерезеть сельскихъ телятишекъ и придетъ. Наше дѣло такое, что отъ своихъ дѣловъ ему отставать раньше времени не приходится».

— Да товарищи-то впередъ уйдутъ,—что съ нимъ тогда подѣлаешь?

— «Догонить, не бось! Онъ у меня шустрый, да и учиться охочъ. Да и вы-то тогда ужъ на него приналяжьте. Хотя онъ малый, кажись, старательный, срамиться не захочетъ и самъ, а все-же и вы похлопочите... Извѣстно—ребятишки!—за ними глазъ нуженъ»...

Первый мѣсяцъ школьныхъ занятій, а то и два мѣсяца проходятъ преимущественно въ занятіяхъ съ младшимъ отдѣленіемъ, которое понемногу привыкаетъ къ школьнымъ порядкамъ и втягивается въ учебную работу.

Во всякомъ случаѣ, уже и въ сентябрѣ въ школѣ видится большее оживленіе послѣ лѣтняго затишья.

Рано утромъ видишь ребятишекъ, съ сумками домашней работы

за плечами, бѣгущихъ къ школьному дому. Они обыкновенно собираются гораздо раньше, чѣмъ начинаются уроки, и затѣваютъ свои ребячьи игры на загороженной площадкѣ передъ школой: бѣгаютъ, борются, болтаютъ и смѣются. Весело раздается ихъ говоръ и смѣхъ въ утреннемъ воздухѣ. Здѣсь-же, на загороженной площадкѣ, иногда производятся гимнастическія упражненія, благодаря которымъ крестьянскія дѣти, обыкновенно мѣшковатыя, тяжелыя и неуклюжія, пріобрѣтаютъ нѣкоторое внѣшнее благообразіе, сравнительную свободу и ловкость движеній.

Ясная и сухая сентябрьская погода благопріятствуетъ гимнастическимъ упражненіямъ на открытомъ воздухѣ; но съ наступленіемъ осеннихъ дождей ихъ приходится переносить въ домъ. Хорошо, что у насъ въ школѣ имѣется довольно просторная передняя, гдѣ учащіеся проводятъ промежутки между уроками (такъ называемыя, «перемѣны»), и гдѣ можно заниматься гимнастикой, но, конечно, не разомъ со всѣми учениками, а группами.

Иногда въ школѣ слышно пѣніе дѣтскихъ голосовъ, поющихъ молитвы передъ ученіемъ и послѣ ученія, а по вечерамъ, когда бываютъ уроки пѣнія и спѣвки, сюда собираются и взрослые, мужчины и бабы, парни и дѣвицы, послушать, какъ ребята поютъ. Это дозволяется подъ условіемъ, чтобы не мѣшать, не курить и не сорить сѣмечками, до которыхъ особенно охочи молодые парни и дѣвицы.

Днемъ, на уроки, крестьяне рѣдко приходятъ въ школу—отчасти за недосугомъ (у мужика мало досуга во всякое время года), отчасти и по той причинѣ, что учебныя занятія имъ мало понятны. Разъ отдавши дѣтей въ школу и сознавая себя «темными», «неразумѣющими» людьми, они, въ дѣлѣ ученія, съ полнымъ довѣріемъ относятся къ школѣ и только просятъ учителя, чтобы онъ «постарался» и «довелъ парня до дѣла». Но пѣніе имъ понятно, а дѣтское пѣніе трогаетъ ихъ до глубины души, и они любятъ слушать его; да вечерами они и свободнѣе отъ своихъ дѣлъ.

Надвигается настоящая мрачная осень. Небо облачное, сѣрое. Дуютъ пронзительныя и визгливыя вѣтры, для которыхъ наше село, на своемъ высокомъ берегу, открыто со всѣхъ сторонъ. Начинаются хлесткіе и упорные дожди. На улицѣ устанавливается вязкая и непросыхающая грязь. Хорошо, если эту грязь слегка подсушиваютъ утренніе и вечерніе заморозки, что бываетъ не раньше послѣднихъ дней сентября, а то и начала, даже середины октября.

Между тѣмъ, учебныя занятія подвигаются. Малыши прежде

всего научились креститься и произносить первыя молитвы. Еъ сожалѣнію, наши законоучители не пользуются этимъ дорогимъ временемъ для наученія маленькихъ учениковъ началамъ вѣроученія и не посѣщаютъ училища, пока не соберется почти весь комплектъ учащихся (*). Надо сказать, что наши законоучители не знаютъ другого обученія, кромѣ какъ по книжкѣ: кто не можетъ по книжкѣ готовить уроковъ, того и учить нельзя. Поэтому учить новичковъ креститься и произносить первоначальныя молитвы поневолѣ приходится учителю. Конечно, учитель это дѣлаетъ охотно и удовлетворительно; но все-таки жаль, что законоучители упускаютъ въ высшей степени важный первый мѣсяцъ школьныхъ занятій.

Учатся новички съ большой серьезностью и чрезвычайнымъ вниманіемъ. Особенно нравится имъ чтеніе учителя вслухъ. Заинтересованные этимъ чтеніемъ, они скоро научаются внимательно и активно слушать. Иногда учитель вывѣшиваетъ на классной доскѣ картины или раздаетъ дѣтямъ на руки азбуку съ картинами, развертывая ее на одной и той-же страницѣ, гдѣ напечатана нужная картинка (преимущественно бытоваго содержанія). Бесѣды по картинкамъ, въ связи съ чтеніемъ учителя, развязываютъ языкъ начинающихъ учениковъ: они начинаютъ охотно и смѣло спрашивать учителя то о томъ, то о другомъ, толково и бойко рассказывать о видѣнномъ и слышанномъ.

Здѣсь будетъ уместно сказать, что картинки и бесѣды по картинкамъ имѣютъ огромное значеніе въ сельской школѣ, гораздо болѣе важное, нежели какъ думаютъ объ этомъ многіе. Крестьянскія дѣти любятъ и хорошо понимаютъ картинки, и ничемъ другимъ нельзя такъ легко привлечь ихъ къ книжному ученію, побѣдить ихъ нѣкоторую робость и дикость, какую они обнаруживаютъ при первомъ посѣщеніи школы, затронуть ихъ мысль, развязать языкъ. И, вопреки существующему въ нѣкоторыхъ кружкахъ мнѣнію, всего болѣе затрогиваютъ, расшевеливаютъ мысль, чувство и рѣчь крестьянскихъ ребятъ—именно картинки изъ крестьянскаго же быта, съ изображеніями знакомыхъ предметовъ изъ ихъ домашней семейной обстановки.

«Все хата да хата, соха да борона, корова да лошадь, рожь да овесъ, толкуютъ педагоги этого кружка: и дома хата, соха, борона,

(*) Интересно-бы знать, такъ ли это въ другихъ мѣстностяхъ?

лошадь, корова, рожь, овесъ,—и въ школѣ, и въ книжкѣ все то-же,— это хоть кому надоѣсть, и не интересно, и не поучительно, и не можетъ привлекать крестьянскихъ мальчиковъ къ школѣ и книгѣ, и не расширяетъ ихъ кругозора, не обогащаетъ никакими новыми знаніями. Оставьте лошадей, коровъ, рожь и овесъ, о которыхъ крестьянскія дѣти знаютъ больше и лучше васъ, а познакомьте нашихъ учениковъ, нигдѣ не бывавшихъ дальше своего села, со слономъ, съ львомъ, съ китомъ, съ пальмой и рисомъ. Это будетъ занимательнѣе и полезнѣе для нихъ». Эхъ, господа, если бы вы имѣли дѣло съ крестьянскими ребятами,—вы бы увидѣли, что эта-то самая нарисованная на картинкѣ знакомая хата, крестьянская лошадь съ сохой, корова, овца производятъ на этихъ ребятъ, попавшихъ въ совершенно новую для нихъ школьную обстановку, такое возбуждающее и оживляющее впечатлѣніе, что они разомъ изъ молчаливыхъ, замкнутыхъ въ самихъ себѣ, вялыхъ и пассивно занимающихся свои мѣста школьниковъ обращаются въ живыхъ людей, смѣло и развязно раскрывающихъ передъ учителемъ весь свой внутренній міръ. И книжка-то имъ становятся любѣе, и ученье-то занимательнѣе, и школа-то роднѣе. И потомъ, когда дѣйствительно сдѣлается возможнымъ расширять кругозоръ учениковъ сельской школы бесѣдами и чтеніями объ иной природѣ и жизни, переносить ихъ мысль далеко отъ родины,—ихъ несказанно радуешь, возбуждаетъ и оживляетъ всякое появленіе на сцену того, что имъ близко и дорого: «сивки, которая тащится съ сохой пашней-десятиной», поля, на которомъ «рожь зернистая дремлетъ колосомъ почти до земли», мужика Проклушки, который «крупно шагаетъ за возомъ сноповъ золотыхъ», жеребенка, который «съ разбѣга хватаетъ колосъ изъ снопа и ржетъ» и т. п. Появленіе такихъ образовъ и картинъ въ школѣ, на картинкѣ-ли, которая разсматривается, въ статьѣ-ли, которая читается,—дѣйствуетъ на сельскаго школьника подобно тому, какъ дѣйствуетъ на русскаго человѣка, живущаго въ чужихъ краяхъ, встрѣча съ землякомъ, и очень жаль, что наши книги для класснаго чтенія бѣдны бытовыми картинками и рассказами, свободными отъ лживаго сочинительства и фальшивой поучительности въ нѣмецкомъ вкусѣ. Покойный К. Д. Ушинскій, въ этомъ отношеніи, стоитъ далеко впереди своихъ замѣстителей: и въ «Родномъ Словѣ», въ «Дѣтскомъ Мірѣ» русскій ребенокъ то и дѣло наталкивается на изображенія и очерки дорогихъ для него явленій и предметовъ родной природы и жизни; но «Родное Слово» и «Дѣтскій Міръ» написаны не для сельской школы.

Но я боюсь, что отступленіе вышло слишкомъ длинно—и спѣшу возвратиться къ разсказу.

Познакомились наши малыши и съ звуковымъ составомъ русской рѣчи, который имъ дается очень легко, узнали нѣсколько буквъ—и начинаютъ почитывать коротенькія и простыя слова по книжкѣ. Первые успѣхи въ чтеніи чрезвычайно радуютъ ихъ: разберетъ мальчуганъ четыре буквы, произнесетъ соху или хату—и самъ дивится, даже весь просіяетъ отъ радости: какъ таки, было съ да хъ, о да а, а вышла вдругъ соха, старая пріятельница,—диковина! Научились и писать сперва кое-какіе элементы, а потомъ первыя буквы и легкія слова. Явилась и для нихъ возможность нѣкоторыхъ полезныхъ самостоятельныхъ работъ «втихомолку», дающихъ учителю возможность уходить для работы съ старшими отдѣленіями: возможно повторительное чтеніе по книжкѣ, списываніе рукописнаго и печатнаго текста азбуки, писаніе буквъ и словъ—по картинкамъ («прописи—картинки») и по памяти, даже кое-какія арифметическія изображенія посредствомъ черточекъ, квадратиковъ, крестиковъ, кружечковъ.

Послѣ Покрова начинается постепенная прибыль учащихся въ среднемъ и старшемъ отдѣленіяхъ. То и дѣло являются, одинъ за другимъ, запоздавшіе второгодники и третьегодники, по мѣрѣ того, какъ кончаютъ со своими хозяйственными обязанностями. Большое значеніе здѣсь имѣетъ время выпаденія снѣга: чѣмъ раньше снѣжная пелена одѣнетъ наши поля, луга и выгоны, тѣмъ раньше наполнится школа.

Приходящіе второгодники и третьегодники, видимо, рады, что возвратились въ школу, въ свѣтлое, теплое и чистое помѣщеніе, въ общество товарищей, къ книжкѣ и перу. И учитель, и вся школа радуется каждому новопришедшему, встрѣчаетъ его ласково, привѣтливо, снабжаетъ книжками, да еще новыми книжками, если онъ переведенъ изъ низшаго отдѣленія въ высшее, тетрадками и другими учебными пособіями,—и скоро малый пристаётъ къ общей классной работѣ, какъ будто и не отрывался отъ этой работы. Отбывая свои хозяйственныя обязанности во время осеннихъ вѣтровъ и дождей, онъ и намокся, и назябся, и наголодался,—и здѣсь, въ классной комнатѣ, среди товарищей, чувствуетъ себя хорошо: ему и тепло, и сухо, и весело. И за ученье онъ принимается съ большимъ рвеніемъ. Крестьянскіе ребята удивительно скоро и легко возобновляютъ въ памяти то, что одинъ разъ было воспринято ими, и снова входятъ въ тѣ рамки, въ которыхъ находились нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Уже было сказано, что занятія средняго и старшаго отдѣленій, до наполненія ихъ, имѣютъ преимущественно повторительный и провѣрочный характеръ. Необходимо провѣрить, на сколько ученики сохранили за лѣто приобрѣтенныя ими въ школѣ знанія и умѣнья—читать, писать, считать. Безъ этого нельзя вести ихъ дальше. Конечно, оказывается, что многое изъ ихъ знаній испарилось, а умѣнья ихъ поослабѣли, за отсутствіемъ или недостаточностью практики: лѣтомъ крестьянскіе ребята даже мало берутъ книги для чтенія изъ школьной бібліотеки; но за то съ тѣмъ большей охотой берутъ ихъ зимой, когда у нихъ является свободное время читать и про себя, и въ слухъ для семьи.

Особенно быстрымъ и замѣтнымъ становится пополненіе средняго и старшаго отдѣленій послѣ праздника Казанской Божіей Матери, 22 Октября.

Это годовою праздникомъ нашей школы, какъ день ея открытія. Въ этотъ день совершается молебствіе и устраивается торжественный актъ. На актъ приглашаются учащіеся, родители и родственники ихъ, конечно, и бывшіе ученики и ученицы школы; допускаются и всѣ желающіе мѣстные люди. Желающихъ являться много, особенно женщинъ. Актъ состоитъ въ слѣдующемъ: читается подробный отчетъ за прошедшій учебный годъ, произносятся рѣчи, обращенныя къ родителямъ и вообще къ мѣстнымъ людямъ, раздаются свидѣтельства объ окончаніи курса и награды; нѣкоторые ученики читаютъ свои сочиненія, написанныя въ прошедшемъ учебномъ году (конечно, выбираются лучшія), поются приличные хоры, наконецъ всѣмъ учащимся предлагается скромное угощеніе.

На актъ собираются уже всѣ ученики школы, какъ тѣ, которые до акта возобновили посѣщеніе уроковъ, такъ и тѣ, которые до сихъ поръ не являлись въ школу за недосугомъ. Актъ дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ и на дѣтей, и на взрослыхъ, привлекая къ школѣ и тѣхъ, и другихъ.

Между тѣмъ, осень подходит къ концу. Хотя настоящая зима съ прочнымъ снѣгомъ и прочной санною дорогою, у насъ устанавливается не раньше половины декабря, но все таки уже въ ноябрѣ прекращаются всѣ крестьянскія дѣла, кои отвлекаютъ ребятъ отъ школы, да и родители, возбужденные впечатлѣніемъ акта, съ его отчетомъ и рѣчами, свидѣтельствами и наградами, стараются освободить своихъ учащихся дѣтей, чтобы они могли безпрепятственно ходить на занятія въ школу и дома исполнять задаваемые уроки. Напримѣръ, бываетъ, что по окончаніи обязанностей наня-

таго общественнаго пастуха и разчета съ нимъ, вдругъ наступаетъ теплая погода; такъ какъ пастухъ уже окончилъ свое дѣло и получилъ расчетъ, то каждый домохозяинъ теперь посылаетъ своихъ овецъ на пастьбу отдѣльно, поручая ихъ подросткамъ, какіе есть въ сѣмьѣ; а эти — то подростки и учатся въ школѣ, которая, такимъ образомъ, въ это время опять не досчитывается нѣкоторато количества своихъ старшихъ учениковъ. Но нѣкоторые родители стали передавать своихъ овецъ на попеченіе сосѣдей, за плату, лишь бы не отвлекать учащихся ребятъ отъ школы.

Вообще, разъ начавши посѣщать школу, крестьянскіе ребята ходятъ уже довольно аккуратно, не смущаясь никакой погодой, ни дождемъ, ни вѣтромъ, ни грязью, ни морозомъ.

Только серьезныя, важныя причины нарушаютъ эту аккуратность: бываетъ, что у того «горло захватило», другого «лихоманка треплетъ», у третьяго «нутро болитъ», у четвертаго лаптей нѣтъ, а у пятаго ни шубы, ни мало-мальски приличнаго сезону халата. Школа помогаетъ такимъ своимъ питомцамъ, по мѣрѣ возможности.

Какъ бы то ни было, въ ноябрѣ школа собирается въ полномъ своемъ составѣ, то есть ее посѣщаетъ, приблизительно, до восьмидесяти ребятъ, — впрочемъ, не исключительно мѣстныхъ: въ числѣ 80 бываетъ до 20, такъ сказать «иностранныхъ», которыхъ привозятъ верстъ за 20, за 30 и болѣе и размѣщаютъ на квартирахъ у мѣстныхъ крестьянъ. Школа не считаетъ себя въ правѣ закрывать свои двери для пріѣзжихъ дѣтей, если въ ней имѣются свободныя мѣста, или относиться къ этимъ пріѣзжимъ ученикамъ иначе, чѣмъ къ мѣстнымъ, напр. облагать ихъ платой и т. под. Какія причины побуждаютъ крестьянина везти своего сына за 20-30 верстъ, нанимать квартиру, тратиться, хлопотать? Во первыхъ; желаніе выучить сына тому, что отецъ считаетъ для него добромъ; во вторыхъ, невозможность сдѣлать этого дома, въ родномъ селеніи, гдѣ или вовсе нѣтъ никакой школы, или и есть школа: да не внушающая ему довѣрія. «Что, говоритъ, у насъ за школа: учитель посадить ребятъ въ караулкѣ за книжки, — а и книжекъ-то у него одна на пятерыхъ, — на шумитъ, половину переколотитъ безъ толку, запретъ и самъ убѣжитъ, — ничему онъ ихъ не учитъ и не выучиваетъ; а ребята или сидятъ пусто, въ холодѣ, въ сырости, безъ призору и безъ всякаго наученія, или — хуже того — балуются, дерутся да другъ друга калѣчатъ». Не хотѣлось-бы говорить, но приходится сказать, что такіе и подобные отзывы слышишь отъ крестьянъ исключительно о церковно-приходскихъ школахъ.

Имѣя въ виду указанныя причины, какое право имѣетъ наша школа устранять или облагать платой прїѣзжихъ дѣтей? Два принципа, отъ которыхъ трудно отказаться, не позволяютъ ей этого:

1) Начальное обученіе дѣтей народа должна быть бесплатно.

2) Всякая народная русская школа должно служить просвѣщенію не исключительно жителей того села, гдѣ она находится, а просвѣщенію дорогого Русскаго народа вообще: дастъ-ли она лишняго разумнаго грамотея селу Ивановскому или Петровскому— не все ли равно? Важно то, что она дастъ лишняго разумнаго грамотея Русскому народу.

И такъ, школа въ полномъ сборѣ; всѣ три отдѣленія полны, и ученье идетъ полнымъ ходомъ, какъ поѣздъ желѣзной дороги на всѣхъ парахъ.

Собственно говоря, ноябрь у насъ самый непрятный мѣсяць. То осенніе дожди, затяжные, надоѣдающіе, и непроходимая грязь. То валится хлопьями мокрый снѣгъ, усиливающій эту грязь. То хватить порядочный морозъ и произведетъ мучительную гололедку. То навалитъ снѣгу вершка на три, и на нѣсколько дней станетъ санный путь; но этотъ снѣгъ скоро растаиваетъ и смывается дождемъ, за которымъ опять слѣдуетъ грязь и колесная ѣзда...

А вѣтры-то, вѣтры-то! Они со всѣхъ сторонъ обдуваютъ наше село на его высококомъ и открытомъ берегу.

Наши ребята не унываютъ и ходятъ исправно даже съ отдаленной отъ школы улицы за логомъ, они втягиваются въ занятія и заинтересованы ученьемъ; имъ лучше и веселѣе въ школѣ, нежели дома.

Декабрь, съ его морозами и снѣгами, съ его ясными зимними днями, застаетъ школу въ полномъ сборѣ, а ученье, такъ сказать, на самомъ интересномъ мѣстѣ.

Младшее отдѣленіе начинаетъ читать уже не отдѣльныя слова, а маленькіе рассказы и удовлетворительно выполнять кое-какія самостоятельныя работы «втихомолку», не отрывая учителя отъ занятій съ другими отдѣленіями.

Среднее съ удовольствіемъ введетъ бесѣды о природѣ и жизни родины по картинамъ и пріобрѣтаетъ умѣнье читать самостоятельно, отдавая отчетъ о прочитанномъ, самостоятельно рѣшать ариѳметическія задачи, объясняя процессъ ихъ рѣшенія.

Старшее читаетъ статьи о родной старинѣ, дополняемыя рассказами учителя и оживляемыя разсматриваніемъ и объясненіемъ картинъ, изданныхъ С. Е. Рождественскимъ. Въ то же время всѣ три

отдѣленія, рядомъ съ диктовкой и списываніемъ, начинаютъ «сочинять». Сочиненія первогодниковъ пока состоятъ только въ томъ, что они пишутъ названія предметовъ, нарисованныхъ на картинкѣ, видовыя и родовыя: чашка—посуда, скамья—мебель, коса—орудіе и т. под. Среднія дѣти сочиняютъ изложенія прочитанныхъ и объясненныхъ рассказовъ, легкія описанія и коротенькія письма.

Въ старшемъ отдѣленіи сочиненія становятся преобладающей и любимой письменной работой. Содержаніемъ для нихъ служатъ: и прочитанныя статьи, басни Крылова, стихотворенія, и рассказы учителя, и картины, особенно изъ русской исторіи, и явленія окружающей природы, и сельская жизнь, и домашній бытъ учениковъ. Учитель, въ особыхъ тетрадяхъ, завязываетъ постоянную (периодическую) переписку съ учениками, прочитывая и исправляя ихъ письма и тутъ же вписывая свои отвѣтныя письма. Переписка эта, мало по малу, оживляется; учитель вводитъ въ свои письма вопросы, касающіеся домашней жизни учениковъ, а также въ связи съ содержаніемъ ихъ текущихъ учебныхъ занятій и внѣ-класснаго чтенія. Письма учащихся, сначала слишкомъ робкія, осторожныя и короткія, становятся все смѣлѣе, откровеннѣе, подробнѣе, содержательнѣе и совершеннѣе.

Оба старшія отдѣленія съ особеннымъ удовольствіемъ считаютъ на счетахъ, а самое старшее очень любитъ рѣшать задачи по «карточкамъ», изъ сборника, составленнаго пермскимъ народнымъ учителемъ Аркадіемъ Топорковымъ, о которомъ мы говорили въ нашемъ предъидущемъ очеркѣ.

Три раза въ недѣлю собираются на уроки пѣнія и постоянно принимаютъ участіе въ церковномъ богослуженіи: читаютъ часы и Апостола, поютъ.

Два и три раза въ недѣлю, по вечерамъ, смотрятъ картины волшебнаго фонаря, при чемъ, ведутся разговоры, рассказы, чтенія, объясненія. На картины приводятъ съ собой родителей, родственниковъ, сосѣдей. Съ показаніемъ картинъ соединяется повтореніе Священной исторіи, отечественной географіи и событій русской исторіи.

По воскресеньямъ послѣ обѣдни производится выдача и обмѣнъ книгъ для домашняго чтенія изъ училищной бібліотеки. Охота къ чтенію у деревенскихъ грамотѣевъ обнаруживается очень рано; еще въ первомъ году обученія, какъ только окончено прохожденіе азбуки и проявляется нѣкоторый навыкъ читать, у насъ обыкновенно приобрѣтаемый дѣтьми одновременно съ прохожденіемъ аз-

буки, — ребятишки заявляютъ желаніе «почитаться» и просятъ книжекъ на домъ. Къ сожалѣнію, въ народно-учебной литературѣ нѣтъ чтенія для начинающихъ школьниковъ, и большое спасибо бывшему народному учителю Рязанскому книгопродавцу Ив. Оед. Жиркову, который предпринялъ изданіе коротенькихъ статей подъ общимъ названіемъ «Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника». Пока вышелъ только первый выпускъ этого хорошо задуманнаго изданія: въ немъ содержится 27 статей, которыя можно расшить и раздавать школьникамъ каждую отдѣльно (цѣна 1-го выпуска 18 коп.) статейки напечатаны крупно, четко, и, за нѣкоторыми исключеніями, охотно читаются и свободно понимаются учениками-первогодниками.

Деревенскіе грамотѣи не любятъ, чтобы пріобрѣтенное ими умѣнье пропадало даромъ, и торопятся примѣнить его къ дѣлу. Книжки берегутъ. Конечно, онѣ иногда возвращаются порядкомъ попачканными и потрепанными, но теряются очень рѣдко. Берутъ книги и для себя, и для грамотныхъ родственниковъ: для дяди Карпа, выучившагося читать на службѣ, для сестры Анисьи, «чернички», которая проситъ для чтенія непременно «божественную книжку».

Незамѣтно и быстро проходитъ время. Подходятъ и Рождественскіе праздники. Ребята ужъ на столько втянулись въ учебныя занятія, что передъ рождествомъ сами просятъ дать имъ на праздники побольше работы и книжекъ для чтенія. И этотъ праздничный перерывъ проходитъ незамѣтно въ общемъ ходѣ учебной работы, которая послѣ праздниковъ идетъ себѣ впередъ безъ всякихъ затрудненій.

То же самое надо сказать и о масляницѣ. На масляницѣ собственно говоря, полагается только три неучебныхъ дня, но это въ крестьянскомъ быту самый «ѣдучій» праздникъ: ребятишки съ утра наѣдаются тяжелыхъ блиновъ и потомъ очень плохо понимаютъ ученье, явно дремлютъ на урокахъ, тѣмъ болѣе, что у всѣхъ на умѣ горы и катанье съ горъ. Высокій берегъ рѣки представляетъ собою превосходную естественную гору для масляничнаго катанья, и туда-то тянетъ ребятъ какая-то неудержимая сила.

Неучебные дни масляницы ребята всего села, съ утра до поздняго вечера, проводятъ на берегу съ санками и ледянками, катаются неутомимо, отчаянно, при чемъ дѣло не обходится безъ несчастныхъ случаевъ, ушибовъ, вывиховъ и т. под.

Наступаетъ и Великій постъ... Если Пасха поздняя, то шесть недѣль *) поста—послѣднія недѣли учебнаго года для младшаго и

средняго отдѣленій; но и во всякомъ случаѣ, послѣ Пасхи ученіе не можетъ продолжаться дальше апрѣля: весна, вопреки всяческимъ предписаніямъ и усиліямъ учителя, разгоняетъ сельскую школу въ земледѣльческой мѣстности.

За то въ эти шесть недѣль молитвы и поста ученики много и усердно работаютъ. Учебный матеріаль распредѣляется такъ, чтобы въ посту больше времени отдавать на Законъ Божій, на церковно-славянское и религіозно-нравственное чтеніе. И на домъ ученики берутъ для чтенія больше книги религіозно-нравственнаго содержанія: житія святыхъ, библейскіе рассказы, путешествія по святымъ мѣстамъ, описанія монастырей и т. под.

По всѣмъ предметамъ завершается годичный курсъ, подводятся итоги, производится повѣрка и оцѣнка учениковъ, ихъ знаній, умѣній и развитія. Старшее отдѣленіе усиленно готовится къ предстоящему выпускному экзамену, который обыкновенно бываетъ въ первыхъ числахъ мая.

Въ мартѣ начинаются значительныя оттепели, идутъ шумные весенніе дожди, а въ ясные дни сильно припекаетъ яркое солнышко. Снѣгъ осѣлъ, сталъ расплзаться; по улицѣ въ трещинахъ льда, заиграли ручьи. Ходить трудно: ступишь —нога такъ и проваливается въ рыхломъ снѣгу.

Еще немного—и повсюду побѣжала свѣжая студѣная вода. Она наполнила логъ. Она съ шумнымъ ропотомъ сбѣгаетъ по скату къ рѣкѣ. Ледъ въ рѣкѣ подымается, у береговъ образуются полыньи, ѣзда по льду уже не безопасна...

А наши ребята все еще бѣгаютъ въ школу. Прибѣгаютъ мокрые, съ пудами глины и грязи на ногахъ, обутыхъ въ неизмѣнныя русскіе лапти. Они дѣлаютъ порядочный круговой обходъ, чтобы поменьше купаться въ весеннихъ водахъ и вязнуть въ грязи. Они приносятъ съ собой кусокъ чернаго хлѣба, картошекъ и соли на обѣдъ, чтобы не дѣлать лишнихъ концовъ отъ школы до дома, особенно трудныхъ для тѣхъ изъ ребятъ, которые живутъ на выселкахъ, за глубокимъ логомъ. А все таки ходятъ исправно, къ великой радости учителя,—и ходятъ исправно не только третьегодники, у которыхъ на носу экзамень, но даже малыши первогодники, даже дѣвочки. Очевидно, что за зиму они крѣпко сжились съ школой, и оставаться дома имъ не хочется.

Но приходитъ апрѣль... Полный развалъ весны. Снѣгу нѣтъ и

*) 7-я недѣля—говѣнье.

въ поминѣ. Только въ глубокихъ оврагахъ, поросшихъ лозинникомъ, мелкимъ дубнякомъ и колючей «барыней», что-то бѣлѣетъ. Ледъ на рѣкѣ прошелъ, и она широко разлилась по лугамъ низменнаго противоположнаго берега, захвативъ въ своемъ разливѣ и озера, обозначившія ея старое русло. Зеленыя блеснули изумрудомъ. Жаворонки такъ и разсыпаютъ сверху свои серебряныя трели.

Наступаетъ время выгонять скотину, которая истомилась на скудномъ зимнемъ курму, реветъ—ну, такъ и рвется на вольную волю, на подножный кормъ. Пора пахать и сѣять яровое. Начались мужицкія работы. Понадобились и ребята въ крестьянскомъ хозяйствѣ. И ребята хорошо понимаютъ, что они нужны дома. Предстоящая домашняя работа не страшитъ, а манитъ ихъ. Въ нихъ обнаруживается неожиданное охлажденіе къ школѣ и та крестьянская серьезная дѣловитость, которая походитъ на сознаніе необходимаго долга. Каждый день число учениковъ начинаетъ убывать.

Во время говѣнья, на 7-й недѣлѣ, и наканунѣ Свѣтлаго воскресенья ихъ собирается еще довольно—хотя не для ученья, а для приготовленія къ церковному богослуженію и для того, чтобы всѣмъ вмѣстѣ идти въ церковь.

Поздняя Пасха у насъ бываетъ необыкновенно радостна. Ученики обыкновенно вечеромъ въ великую субботу собираются въ школѣ и здѣсь ждутъ Христовой заутрени.

Съ первымъ ударомъ колокола всѣ спѣшать въ церковь, съ учителемъ во главѣ. Темная ночь тиха и тепла. Воздухъ полонъ аромата, потому что яблони, груши, сливы—въ цвѣту. Вотъ раздастся шелканье и переливы соловья; этому отвѣчаетъ другой... Кажется, и въ природѣ такая же радость, какъ въ душахъ людей...

Но послѣ свѣтлой недѣли учениковъ, за небольшими исключеніями, уже невозможно собрать въ школу. Ходятъ только тѣ, кому предстоитъ экзамень, но въ этихъ нѣтъ прежней аккуратности: и эти не рѣдко пропускаютъ то день, то два, отрываясь отъ ученья для пахоты. Одинъ разъ было, что нѣкоторые ученики нашей школы въ день экзамена, назначеннаго училищнымъ совѣтомъ особенно рано, утромъ пахали, а послѣ обѣда экзаменовались.

Какой-то ретивый инспекторъ народныхъ училищъ, въ своемъ руководствѣ для учителей, предписываетъ, чтобы учитель не осмѣливался прекращать занятій раньше 10-го мая, даже по окончаніи экзамена, безъ письменнаго на то разрѣшенія. Но эти занятія у насъ прекращаются сами собой, не дожидаясь никакихъ разрѣшеній, потому что въ школѣ нѣтъ учениковъ.

Неблагоразумно, несправедливо и напрасно настаивать, чтобы въ сельскихъ школахъ учебный годъ приближался къ той нормѣ, какая установлена для городскихъ учебныхъ заведеній.

Неблагоразумно несправедливо и напрасно устанавливать однѣ общія рамки для учебнаго года даже всѣхъ исключительно сельскихъ школъ въ разнообразныхъ мѣстностяхъ нашего отечества.

Несправедливо, неблагоприятно и напрасно предписывать съ точностью начало и конецъ учебныхъ занятій даже для сельскихъ школъ одной извѣстной мѣстности на много лѣтъ впередъ, потому что не отъ нашихъ предписаній зависитъ ранняя или поздняя весна, осень, зима, а этимъ обусловливается жизнь крестьянина-земледѣльца и ходженіе ребятъ въ школу.

Служите народной жизни, вносите въ нее свѣтъ знанія, развитой мысли и религіозно-нравственнаго воспитанія, но не вступайте въ борьбу съ народною жизнью: она побѣдитъ.

Средняя продолжительность учебнаго года въ нашей сельской школѣ 24—25 недѣль, и съ этою краткостью его необходимо помириться. Что и говорить—это мало, но не такъ мало, чтобы нельзя было выполнить довольно полную и толковую программу начальной народной школы, при дѣловитости, серьезности воспримчивости и усердіи сельскихъ школьниковъ. Лучше, для болѣе полного и отчетливаго выполненія программы, растянуть курсъ на четыре года, нежели насильственно растягивать учебный годъ, вопреки указаніямъ и требованіямъ народной жизни. Растянуть же курсъ на четыре года, какъ мы знаемъ по опыту, и полезно, и возможно. Это полезно, во первыхъ, потому что ученики будутъ оканчивать курсъ годомъ старше: 11-лѣтній возрастъ, опредѣленный существующими правилами для допущенія къ экзамену на льготу по воинской повинности, слишкомъ малолѣтенъ, даже по сознанію самихъ крестьянъ. Вотъ въ четыре года ученики могутъ полнѣе и прочнѣе пройти и усвоить курсъ начальной школы.

Это возможно, потому что нерѣдко сами родители просятъ оставить въ школѣ еще на годъ мальчика, проучившагося три года, и отложить на годъ представленіе его къ экзамену, хотя онъ достигъ установленнаго возраста: «Пусть еще годокъ походитъ, поучится, а то дюже младъ,—гдѣ ему экзаментъ держать, сробѣеть, спутается; а какъ еще годъ поучится, онъ потверже будетъ, ученье-то къ нему крѣпче пристанетъ».

И сами ученики нерѣдко, получивъ свидѣтельство, просятъ позволенія ходить въ школу четвертую зиму, чтобы научиться лучше

сочинять или на счетахъ задачи рѣшать, или русскую исторію повторить, смотря потому, кто въ чемъ сознаетъ себя слабымъ. И каждый годъ у насъ въ школѣ есть два-три ученика изъ получившихъ свидѣтельство, которые остаются добровольно (конечно—съ согласія родителей) на четвертый годъ. Коротко сказать, мы на непосредственныхъ опытахъ и наблюденіяхъ убѣдились, что прибавленіе учебнаго года въ курсѣ народной школы очень нужно и возможно, но не съ цѣлью расширенія установившейся учебной программы, а въ интересахъ лучшаго, болѣе полного и неторопливаго прохожденія ея и болѣе прочнаго усвоенія учениками сообщаемыхъ имъ знаній и умѣній, безъ насильственнаго растягиванія учебнаго года, вопреки бытовымъ условіямъ, законнымъ и непреодолимымъ требованіямъ народной жизни. Прибавимъ къ этому, что съ четвертымъ годомъ мы не предполагаемъ соединять прибавленіе четвертаго отдѣленія. Пусть остается, по прежнему, три отдѣленія, но всѣ или большинство учащихся пробудутъ въ школѣ четыре года, т. е. два года въ среднемъ или въ старшемъ отдѣленіи, смотря по успѣхамъ и развитію. Пройти два раза учебный матеріалъ второго и третьяго года не излишне и не скучно для всякаго, даже очень хорошаго, ученика, особенно при томъ обилии самостоятельныхъ работъ, которое неизбежно школѣ съ тремя отдѣленіями и однимъ учителемъ.

Мы думаемъ, что надо избѣгать только оставленія на другой годъ въ младшемъ отдѣленіи, потому что проходить снова процессъ обученія грамотѣ для грамотнаго ребенка—дѣйствительно скучно, а скука—самый опасный и нежелательный гость во всякой школѣ.

IX.

Экзамены и свидѣтельства.

Приходится въ половинѣ апрѣля распустить младшее и среднее отдѣленіе: ребята сдаютъ свои учебные доспѣхи, кромѣ священной исторіи, книги для чтенія, одной тетрадки и карандаша, которые обыкновенно оставляются у нихъ на лѣто, чтобы въ свободное время малый могъ почитать и пописать,—и расходятся до осени; лѣтомъ являются только на спѣвки, такъ какъ пѣніе въ церкви продолжается и въ неучебное время.

Остается въ школѣ одно старшее отдѣленіе, да и то почти всегда не въ полномъ составѣ, а только тѣ ученики и ученицы, которые

намѣрены съ согласія родителей или по желанію ихъ, держать экзаменъ. Слѣдуетъ замѣтить, что многіе крестьяне высоко цѣнятъ грамотность, книжность, письменность, но не потому, что черезъ нее можно добиться какой-то «льготы», а по другимъ причинамъ: во-первыхъ, въ ней чувствуется настоящая потребность при современныхъ условіяхъ крестьянской жизни; во-вторыхъ, она, по убѣжденію крестьянъ, облегчаетъ (а не сокращаетъ) отбываніе воинской повинности; въ третьихъ, она, по крестьянскимъ понятіямъ, составляетъ нѣкое высшее достоинство человѣка, и къ этому достоинству они относятся съ особеннымъ уваженіемъ: грамотный и письменный человѣкъ по ихъ понятіямъ, человѣкъ «умственный», знаетъ и понимаетъ больше, «дороже стоитъ». Послѣднее выраженіе, правда, отзывается крѣпостнымъ правомъ, когда продажная цѣна на грамотную душу была выше цѣны на неграмотную, но тотъ первоначальный смыслъ выраженія теперь уже утратился, и въ виду имѣется оцѣнка человѣка не съ барской крѣпостной точки зрѣнія, а съ болѣе человѣчной—общественной, мірской.

«Мы народъ неученый, никакой у насъ умственности нѣтъ,—ну, а Петръ Карпычъ, извѣстно, человѣкъ письменный, книжный,—онъ всякое дѣло лучше нашего удумаетъ,—гдѣ ужъ намъ, темнымъ людямъ, съ нимъ тягаться!»

Поэтому-то многіе ребята учатся, и многіе крестьяне посылаютъ своихъ дѣтей въ училище—совсѣмъ не для свидѣтельства. У крестьянъ своя мѣрка «учености», которая не совсѣмъ сходится съ мѣркой обычныхъ экзаменаторовъ и училищнаго совѣта. Правда, въ послѣднее время и въ крестьянскую среду стало проникать честолюбіе, которое больше всего дорожитъ патентомъ, свидѣтельствомъ, похвальнымъ листомъ. Но этому едва ли слѣдуетъ радоваться, и я еще буду имѣть случай поговорить объ этомъ. Теперь же не могу не отмѣтить факта, что были вотъ какіе случаи: за подростка, которому надо было держать экзаменъ въ маѣ, нанимали батрака, лишь-бы не отрывать малаго отъ школы на послѣдній учебный мѣсяцъ передъ экзаменомъ и не лишится возможности добиться свидѣтельства и похвальнаго листа. Были и такіе случаи, что пятнадцати—шестнадцати-лѣтніе ребята утромъ пахали яровое поле, а послѣ обѣда держали въ училищѣ экзаменъ на свидѣтельство. Но все-таки это случаи единичные, рѣдкіе,—и учителю приходится не мало хлопотать, чтобы удержать въ школѣ до экзамена достаточное число учениковъ старшаго отдѣленія. Все отдѣленіе, въ полномъ составѣ, удержать невозможно, но объ этомъ учитель и не меч-

таеть: хоть бы половина, примѣрно—человѣкъ 12—15 (а чѣмъ больше, тѣмъ лучше), оставалась и держала экзамень. Для чего же это нужно учителю, если въ глазахъ родителей ни экзамены, ни свидѣтельства, ни похвальные листы не имѣютъ большого значенія?

Дѣло въ томъ, что числомъ учениковъ, представляемыхъ къ экзамену, часто измѣряютъ достоинство и усердіе учителя. Представь онъ на экзамень побольше учениковъ,—его похвалятъ, пожалуй дадутъ денежную награду, рублей 10—15; для бѣднаго сельскаго учителя, который въ нашихъ мѣстахъ получаетъ 17—20 руб. лей въ мѣсяць вознагражденія, эта маленькая награда что нибудь да значить. Представь онъ къ экзамену 2—3 учениковъ,—и награды не будетъ, да еще—пожалуй—достанется суровый нагоняй. Какъ же не хлопотать учителю, чтобы да не разбрелось старшее отдѣленіе? Приходится уговаривать и родителей, и учениковъ.

И не столько родители поддаются лестному обѣщанію, что сынъ получитъ свидѣтельство и льготу по воинской повинности, сколько тому доводу, что именно въ эти-то послѣдніе мѣсяцы его «доведутъ до дѣла», что препятствовать этому не слѣдуетъ.

Приходится убѣждать и учениковъ, чтобы они ходили въ училище исправно и готовились къ экзамену. Весной ребятъ тянетъ не въ школу, къ книжкѣ и перу, а съ поле, къ рѣкѣ, въ лѣсъ, на лугъ, да и дома-то они всетаки слышатъ неодобрительные отзывы объ этомъ «отлыниваніи» отъ крестьянскихъ работъ.

Нѣсколько недѣль работы съ однимъ старшимъ отдѣленіемъ, съ учениками, которые готовятся къ экзамену, собственно говоря, самый скучный мѣсяць для учителя, любящаго ребятъ и свое дѣло, т. е. истиннаго народнаго учителя, а не поденщика, механически отбывающаго необходимую работу.

Онъ поставленъ въ необходимость вести однообразныя и мало-производительныя занятія: и малопродуктивность-то ихъ ему очевидна, и возможности-ти нѣтъ замѣнить работой болѣе живой, полезной, производительной.

Въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, въ большей части нашихъ сельскихъ школъ, состоятъ занятія старшаго отдѣленія, оканчивающаго курсъ, въ эти послѣднія недѣли не только учебнаго года, но и всего учебнаго курса?

Казалось бы, тутъ надо свести концы съ концами, подвести итоги «увѣнчать зданіе», какъ выражался одинъ извѣстный педагогъ-земець, а приходится—форсированнымъ маршемъ подгонять къ сдачѣ экзамена посредствомъ усиленныхъ упражненій въ меха-

ническомъ чтеніи, въ письмѣхъ подѣ диктовку и рѣшеніи замысловатыхъ ариѳметическихъ задачъ на составныя именованныя числа по сборникамъ Евтушевскаго и Гольденберга. Въ то же время идутъ усиленные занятія по Закону Божию, состоящія въ зубреніи молитвъ и священной исторіи, потому что рѣдко проходятъ своевременно учебный матеріалъ, требуемый экзаменаціонной программой,— и приходится его въ нѣсколько недѣль, на-скоро, вбить въ дѣтскія головы; объ этомъ уже было подробно говорено мною въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ. Учитель знаетъ, что на экзаменѣ потребуются бѣглое чтеніе по незнакомой для учениковъ книгѣ, по какой-нибудь рукописи и по церковно-славянскому тексту Евангелія. Послѣднее его не пугаетъ, потому что съ текстомъ Евангелія ученики хорошо познакомились за три года; чтеніе и переводъ этого текста не могутъ ихъ затруднять. Другое дѣло—чтеніе незнакомой книги и рукописи. Какую книгу, а особенно—какую рукопись предложить ученикамъ для чтенія? Матеріала для упражненій въ большинствѣ нашихъ сельскихъ школъ очень мало... Ученики перечитываютъ больше одну и ту же классную книгу для чтенія; библиотекъ при школахъ нѣтъ. А съ рукописями еще затруднительнѣе: литографированныхъ сборниковъ, довольно дорогихъ, въ школахъ нѣтъ, и по большей части ученики упражняются въ чтеніи рукописи по какимъ-нибудь сборнымъ листкамъ. Въ нашей школѣ для этого существуютъ неречито заготовленные рукописные сборники статей, выбранныхъ изъ употребляемой книги для чтенія, объемомъ до 10 обыкновенныхъ писчихъ листовъ. На этомъ сборникѣ ученики и упражняются въ чтеніи рукописи. Удобство состоитъ въ томъ, что дается, во-первыхъ, содержательное чтеніе, во-вторыхъ, чтеніемъ этой рукописи не нарушается та связность и послѣдовательность класснаго чтенія, тотъ планъ его, который установленъ употребляемой книгой, тогда какъ онъ необходимо нарушается, если ученики читаютъ не только случайный наборъ рукописей, но даже и литографированныя рукописныя изданія (Золотова или Ѳедорова). Заготовленіе же подобнаго сборника, приспособленнаго къ общему плану и содержанию класснаго чтенія, въ достаточномъ числѣ экземпляровъ, очень легко, какъ я знаю по личному опыту. Каждый учитель, если пожелаетъ, при помощи знакомыхъ, товарищей и старшихъ учениковъ, легко можетъ заготовить его въ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ заготовилъ я; а затѣмъ этотъ сборникъ можетъ служить много лѣтъ. Чѣмъ разнообразнѣе будетъ рукопись сборника, тѣмъ лучше для достиженія цѣли, ко-

торая и состоитъ въ томъ, чтобы напрактиковать учениковъ въ чтеніи всевозможныхъ рукописей. Я считалъ полезнымъ внести и внесъ въ нашъ сборникъ образцы писемъ и нѣкоторыхъ дѣловыхъ бумагъ.

Учитель знаетъ также, что на экзаменѣ будетъ произведена диктовка, которую экзаменаторы препровождаютъ въ училищный совѣтъ, какъ единственную испытательную письменную работу по русскому языку, что отъ этой диктовки требуется значительное орфографическое совершенство. Онъ знаетъ еще, что другой письменной испытательной работой будетъ рѣшеніе ариѳметической задачи на составныя именованныя числа изъ Евтушевскаго или Гольденберга. Еще онъ знаетъ, что никакихъ реальныхъ знаній отъ учениковъ на экзаменѣ не спросятъ, какъ не спросятъ и умѣнья владѣть торговыми счетами, и знакомства не только съ отечествомъ и его исторіей, но даже и съ своей губерніей.

Такъ или иначе, ученики приготовились къ экзамену. Но не всѣ трудности окончены. Иногда въ нашихъ мѣстахъ бываетъ еще затрудненіе, съ которымъ учителю не легко справиться.

Въ нашей мѣстности установился почему-то очень неудобный обычай собирать для экзамена въ одну школу учениковъ 5—6 школъ. Обычай этотъ, говорятъ, вызванъ недостаточнымъ числомъ членовъ училищнаго совѣта, которые, будто-бы, не могутъ объѣхать всѣ школы для присутствія на экзаменахъ. Это едва-ли справедливо. У насъ вовсе не такъ много школъ, чтобы гг. члены училищнаго совѣта не могли побывать въ каждой изъ нихъ разъ въ годъ для присутствія на экзаменѣ.

На долю cadaго члена придется не болѣе 6—7 школъ, находящихся одна отъ другой верстахъ въ 7, 10, много 20. Между тѣмъ, отправка 10—15 учениковъ за 10—15 верстъ для экзамена, въ самую горячую рабочую пору, когда и крестьяне, и лошади заняты самой важной въ крестьянскомъ быту работой,—крайне затруднительна. Обычай тѣмъ болѣе неудобенъ, что нельзя основательно проэкзаменовать въ одинъ и тотъ же день всѣхъ учениковъ, собранныхъ въ одно мѣсто изъ 5—6 школъ. У крестьянскихъ подростковъ, которые крайне нужны дома, которыхъ учителю пришлось съ такимъ трудомъ удерживать въ школѣ для представленія на экзаменѣ, въ существѣ дѣла не особенно нужный для нихъ, отнимаются два дня, причемъ экзаменъ все-таки производится спѣшно, кое-какъ, поверхностно. Я уже не говорю о затрудненіяхъ учителя: гдѣ помѣстить и накормить привезенныхъ верстъ

за десять ребятъ—въ чужомъ селѣ, гдѣ ни у него, ни у нихъ нѣтъ ни родныхъ, ни знакомыхъ. Одинъ разъ такой сѣздъ былъ въ нашемъ селѣ. Экзамень затянулся на два дня. Ученики нашей и сосѣдней съ нами школы напрасно просидѣли цѣлый день въ душевной комнатѣ; сосѣдніе уѣхали ночевать домой, а значительная часть нашихъ заявили, что завтра они должны пахать и не придутъ на экзамень, что ихъ родители не пустятъ: въ томъ году у насъ, какъ нарочно, въ третьемъ (старшемъ) отдѣленіи собрались ребята 15—16 лѣтъ, т. е. самаго желательнаго возраста, не малолѣтки, и это, говоря по совѣсти, былъ лучшій, самый надежный выпускъ нашей школы, въ смыслѣ прочности и плодотворности ученья.

Пришлось потратить не мало хлопотъ, чтобы экзамень состоялся, и все-таки ребята утромъ пахали, а послѣ обѣда держали экзамень.

Въ сущности, причина такого неудобнаго распоряженія, какъ сборъ учениковъ нѣсколькихъ школъ въ одинъ пунктъ, заключается не въ томъ, чтобы члены училищнаго совѣта не имѣли возможности побывать въ каждой школѣ, а въ томъ, что между ними довольно такихъ, которые уклоняются отъ этихъ посѣщеній, да и вообще мало интересуются дѣломъ народнаго образованія. Спрашивается: для чего же они состоятъ въ этомъ званіи? и неужели нельзя найти членовъ болѣе интеллигентныхъ? Не исключенія же, возможные только при особенно благоприятныхъ условіяхъ, члены Александровскаго училищнаго совѣта, время барона Корфа, или члены Псковскаго училищнаго совѣта, нѣсколько разъ въ году объѣзжающіе школы своихъ участковъ и представляющіе подробные отчеты о своихъ посѣщеніяхъ и о состояніи осмотрѣнныхъ школъ! Конечно нѣтъ! Но бѣда въ томъ, что есть такія несчастныя мѣстности, гдѣ господствуетъ ложное мнѣніе, будто въ члены училищнаго совѣта годится всякій, кто пожелаетъ, будто члену училищнаго совѣта можно, не грѣхъ и не стыдно ничего не дѣлать, даже въ засѣданіяхъ совѣта не бывать, потому что протоколъ засѣданія можно подписать и дома,—и числятся членами лица, совершенно равнодушныя къ школѣ и народному образованію. Понятно, что такіе господа не желаютъ посѣщать школы ни во время учебнаго года, ни во время экзаменовъ. Если же иногда имъ приходится ѣхать на экзамены, то они усердно настаиваютъ, что надо-де согнать въ одинъ пунктъ экзаменуемыхъ изъ пяти—шести школъ, а на самомъ экзаменѣ, гдѣ значатся предсѣдателями, играютъ роль ужь никакъ не просвѣтителей.

Предлагаютъ такому предсѣдателю экзаменной комисіи обратить вниманіе на годовыя письменныя работы экзаменующихся учениковъ: «А, ну ихъ! говорить онъ: и такъ надоѣло, очень нужно еще тетрадки просматривать!»

Предлагаютъ такому предсѣдателю спросить учениковъ что нибудь объ отечествѣ, о прошедшемъ отечествѣ: «А на что, говорить, это нужно знать мужикамъ? лучше-бы вы ихъ поменьше учили».

Предлагаютъ такому предсѣдателю экзаменную письменную работу учениковъ, для просмотра и постановки балла: «Ошибочки есть, говорить онъ съ важнымъ видомъ—и безъ церемоніи букву е въ словѣ дверь поправляетъ на ѣ!»

Хорошо, если при такомъ предсѣдателѣ на экзаменѣ случится дѣльный и тепло относящійся къ дѣлу инспекторъ или директоръ училищъ; онъ беретъ въ свои руки и предсѣдателя, и экзаменъ,— и даетъ послѣднему благообразное направленіе.

Само собой разумѣется, что между членами училищнаго совѣта и у насъ попадаютъ люди другого сорта, но не особенно часто.

Это очень жаль, и надо желать, чтобы взглядъ мѣстныхъ людей на званіе члена училищнаго совѣта измѣнился, чтобы въ члены совѣта привлекались не праздные охотники до земскихъ лошадей, а истинные друзья школы и народнаго образованія.

Вотъ въ школѣ уже все приготовлено для экзамена. Класная комната вымыта, выметена; выставлены и раскрыты окна, и свѣжій, ароматный майскій воздухъ живительной струей врывается въ комнату. Все лишнее изъ этой комнаты вынесено; оставлено только необходимое число ученическихъ столовъ для экзаменующихся, да поставлены вдоль стѣнъ стулья и скамейки для родителей, родственниковъ и вообще для желающихъ присутствовать на экзаменѣ, въ качествѣ публики. А въ передней части класса, гдѣ обыкновенно помѣщаются класныя доски и т. под., теперь поставленъ особый столъ для экзаменаторовъ и другихъ официальныхъ лицъ, которыя иногда посѣщаютъ экзаменъ. На столѣ разложены необходимыя книги, тетради, бумага, перья и проч. Учитель перемѣнилъ свою обыкновенную рабочую блузу на тотъ парадный костюмъ, какой у него имѣется, и вообще принарядился, т. е. облекся въ крахмальную сорочку, галстухъ и черную пару: нельзя же, пріѣдетъ начальство.

Принарядились, подтянулись и ученики, собравшіеся въ школу для послѣдняго раза чѣмъ свѣтъ: красныя рубахи, «чекменьки», сапоги вмѣсто лаптей; волосы пострижены и причесаны. Гебята шумятъ, болтаютъ, смѣются, возятся, потому что вовсе не боятся эк-

замена и относятся къ нему довольно легко. Эта толпа совсѣмъ не то, что толпа гимназистовъ или реалистовъ передъ экзаменомъ. Тамъ—блѣдныя лица, лихорадочно блестящіе глаза, уныніе, дрожь, смущеніе, а тутъ—ничего подобнаго. И понятно: тамъ рѣшается для каждаго роковой вопросъ, въ родѣ,—«быть или не быть?» а здѣсь родители посылаютъ дѣтей, и ребята собираются на экзаменъ въ видѣ уступки желаніямъ начальства, такъ сказать «для потѣхи», вовсе не озабочиваясь результатами и послѣдствіемъ этого экзамена, за исключеніемъ небольшого числа тѣхъ, которые уже успѣли заразиться городскимъ духомъ мелкаго и дряннаго тщеславія.

Учитель ходитъ въ ожиданіи, взволнованный, тревожный, озабоченный, а ребята и ухомъ не ведутъ, подшучиваютъ другъ надъ другомъ, заливаются звонкимъ ребячьимъ смѣхомъ.

«Ѣдутъ! Ѣдутъ!» закричали ребята со двора. Къ училищу подкатилъ тарантасъ, изъ котораго выходятъ экзаменаторы. Подѣхали и другія «почетныя» лица, вздумавшія посѣтить экзаменъ: батюшка изъ сосѣдняго села, сосѣдка помѣщица, «волостные» и т. под.

Послѣ нѣкоторой суеты, всѣ занимаютъ свои мѣста, и устанавливается должный порядокъ.

За большимъ столомъ сидятъ экзаменаторы, и предсѣдатель комисіи, членъ училищнаго совѣта, съ недовольнымъ лицомъ, уже благовременно зѣваетъ. На стульяхъ и скамьяхъ, вдоль стѣнъ, сидятъ родители и родственники экзаменуемыхъ, впрочемъ, въ небольшомъ числѣ, потому что пора рабочая, и въ полѣ идетъ пахота. Послѣ пѣнія молитвы, ученики размѣстились на своихъ мѣстахъ. Учитель раздаетъ имъ бумагу и перья, а предсѣдатель выбираетъ статью для испытательной диктовки: письменныя испытанія предпосылаются устнымъ.

Проходитъ часа два, пока экзаменующіеся пишутъ диктовку и рѣшеніе ариѳметической задачи. Послѣ того начинается устное испытаніе. Учениковъ вызываютъ и спрашиваютъ по одиночкѣ: прежде всего по Закону Божію, потомъ читаютъ по какой-нибудь русской печатной книгѣ, по рукописи и по церковно-славянскому тексту Евангелія, наконецъ по ариѳметикѣ.

Подробное изложеніе устнаго экзамена было бы утомительно и не интересно, а потому я скажу о немъ только нѣсколько словъ.

По Закону Божію спрашиваютъ молитвы и священную исторію, которая оказывается отзубренною по книжкѣ; иногда одно забытое словечко прерываетъ бойкій отвѣтъ на самомъ интересномъ мѣстѣ, если «батюшка» во время не подскажетъ этого словечка. Батюшка

иногда вдается, въ своихъ вопросахъ, въ богословскія тонкости и горячится, если отвѣты не удовлетворяютъ его. Прочіе экзаменаторы рѣдко вмѣшиваются въ экзаменъ по Закону Божію. Былъ случай, что ученикъ, отвѣчая на вопросъ батюшки, безъ запинки, не переводя духъ, отчиталъ «объ обязанностяхъ ангеловъ», какъ вдругъ членъ училищнаго Совѣта, на этотъ разъ не изъ охотниковъ до земскихъ лошадей, но всѣми признаваемый за большого «чудака» неожиданно обратился къ ученику: «Ну обязанности ангеловъ ты, я вижу, знаешь, а вотъ скажи-ка мнѣ, знаешь ли ты обязанности сельскаго старосты?» Трудно описать эффектъ, произведенный этимъ неожиданнымъ вопросомъ. Крестьяне, сидѣвшіе вдоль стѣны, лукаво улынулись. Оффиціальныя лица смутились. Ученикъ растерялся и не находилъ словъ для отвѣта на неожиданный вопросъ. А «батюшка» не нашутку обидѣлся.

Но «чудака» настоялъ на своемъ: онъ добился таки, что мальчикъ высказалъ, въ чемъ состоитъ дѣло сельскаго старосты и что должно исполнять это дѣло, чтобы не согрѣшить передъ Богомъ и оставаться истиннымъ христіаниномъ.

Потомъ, въ дружеской бесѣдѣ, «чудака» выяснилъ смыслъ своего вопроса, который «батюшкѣ» казался неумѣстнымъ, не имѣющимъ отношенія къ Закону Божію. «Видите ли, говорилъ онъ: мнѣ думается, надо желать, чтобы крестьянскій мальчикъ, которому, можетъ быть, придется когда-нибудь исполнять обязанности сельскаго старосты, не только разумно понималъ эти обязанности, согласно съ гражданскими законами, но и освятилъ бы для себя это пониманіе христіанскимъ ученіемъ, религіозными требованіями, которыя, конечно, ни мало не расходятся съ требованіями гражданскаго закона. Тогда это пониманіе будетъ прочно и на самомъ дѣлѣ когда-нибудь перейдетъ въ честное исполненіе своихъ обязанностей, какое теперь у насъ встрѣчается рѣдко. Мнѣ думается, что религіозное обученіе въ начальной школѣ должно стоять на болѣе практической, жизненной почвѣ. Важно, чтобы сельскій школьникъ, будущій крестьянинъ, прочно стоялъ на христіанскомъ пониманіи и выполненіи своихъ прямыхъ житейскихъ обязанностей, и я считаю самымъ важнымъ на экзаменѣ по Закону Божію въ сельскій школѣ испытаніе крестьянскихъ ребятъ не въ знаніи богословскихъ тонкостей, а именно въ христіанскомъ пониманіи ихъ житейскихъ отношеній и тѣхъ обязанностей, какія имъ придется нести въ жизни».

Чтожъ, мнѣ кажется, что взглядамъ и сужденіямъ «чудака» нельзя отказать ни въ оригинальности, ни въ справедливости.

Читаютъ по гражданской печати и по рукописи матеріаль, какой случится подъ руками, преимущественно небольшія статейки, удобныя для изложенія своими словами, что и совершенно основательно. По церковно-славянски читаютъ и переводятъ текстъ Евангелія согласно съ программой экзамена на льготу по воинской повинности.

По ариѳметикѣ дастся нѣсколько задачекъ для устнаго рѣшенія, но не испытывается ни умѣнье владѣть торговыми счетами, ни умѣнье производить бѣглыя вычисленія.

Оцѣнку отвѣтовъ и письменныхъ работъ, по пятибалльной системѣ, дѣлаетъ отдѣльно каждый членъ экзаменной комиссіи; въ томъ числѣ и учитель. Къ сожалѣнію, голосъ послѣдняго иногда, по произволу иного самодурнаго члена училищнаго совѣта, подвергается страннымъ стѣсненіямъ, хотя учитель, собственно говоря, наиболѣе компетентное лицо въ этомъ случаѣ: онъ имѣетъ возможность вѣрнѣе оцѣнить знанія и умѣнья своихъ учениковъ, пользуясь для этого не только случаяными экзаменными работами и отвѣтами, а близкимъ знакомствомъ съ ними въ продолженіе всего учебнаго курса. Былъ случай что членъ училищнаго совѣта, уѣздный врачъ, неизвѣстно какъ и для чего получившій это званіе, враждебно настроившись противъ одного нашего учителя, довелъ бѣднаго до слезъ своими грубыми нападками на его мнимонисходительную оцѣнку ученическихъ отвѣтовъ, пригрозилъ «составить протоколъ» и такимъ насильственнымъ способомъ заставилъ юношу отказаться отъ его балловъ. Казалось-бы, надо допустить что-нибудь одно: или признать учителя полноправнымъ членомъ экзаменной комиссіи и не насиловать его совѣсти въ постановкѣ того или другого балла за ученическіе отвѣты, или вовсе устранить его отъ оцѣнки этихъ отвѣтовъ, какъ лицо пристрастное и не заслуживающее довѣрія. Послѣднее было-бы не согласно съ закономъ, но за то послѣдовательно. А то получается такой курьезъ: дѣлай оцѣнку, но не такую, какая справедлива по твоему разумѣнію, а такую, какъ прикажутъ. Положимъ, тутъ выходитъ, что какъ будто и законъ соблюденъ, и устраненно вмѣшательство учителя въ оцѣнку ученическихъ отвѣтовъ; но за то, какъ хотите, тутъ нѣтъ здраваго смысла. Во всякомъ случаѣ, въ дѣлѣ обученія и народнаго образованія нѣтъ возможности и неблагоприятно обходиться безъ довѣрія къ учителю, а наши русскіе народные учителя, сколько я знаю и какъ глубоко убѣжденъ, по своему нравственному достоинству, въ большинствѣ, вполне достойны такого довѣрія.

Экзаменъ оконченъ. Составлены и подписаны: списки съ окончательными баллами (по Закону Божию, по чтенію, письму и ариѳме-

тикѣ) и протоколъ; экзаменныя письменныя работы подшиты для передачи въ училищный совѣтъ. Начальство торопливо уѣзжаетъ. Учитель сообщаетъ ученикамъ о результатахъ экзамена. Школа пустѣетъ и запирается.

Послѣ всякаго такого экзамена въ сельской школѣ, говоря откровенно, меня одолеваетъ сомнѣніе: полно, есть-ли надобность въ этихъ экзаменахъ, съ ихъ оффиціальной обстановкой? полно, приносятъ ли они какую-нибудь пользу? нужны-ли и эти преслсвутыя свидѣтельства, и эти похвальные листы, которые навязываютъ крестьянскимъ ребятамъ, какъ результатъ экзамена? полно, нужна ли и справедлива ли даже та льгота по воинской повинности, которая соединяется съ этими свидѣтельствами?

Обыкновенно говорятъ, что свидѣтельства и льготы по воинской повинности привлекаютъ въ школы крестьянскихъ дѣтей, способствуя распространенію грамотности и образованія въ народѣ.

Еще говорятъ, что экзамены служатъ для контроля надъ дѣятельностью школы и учителя, что на экзаменѣ можно въ короткое время оцѣнить эту дѣятельность, видѣть большую или меньшую соразмѣрность государственныхъ и общественныхъ затратъ на дѣло народнаго образованія съ ихъ результатами.

Прежде всего скажу нѣсколько словъ по поводу послѣдняго довода въ пользу экзаменовъ.

Справедливо ли, что учитель является отвѣтственнымъ за число учениковъ, представляемыхъ къ экзамену? Справедливо-ли измѣрять полезность школы и дѣятельность учителя числомъ и даже успѣхами именно этихъ учениковъ? Почему не идутъ въ счетъ тѣ ученики которые не являются на экзаменъ, не жаждутъ ни свидѣтельствъ, ни похвальныхъ листовъ, ни публичнаго одобренія начальства?

Я уже говорилъ, какъ трудно бываетъ учителю удерживать въ школѣ учениковъ съ приходомъ весны и какъ невозможно удержать до конца учебнаго года все старшее отдѣленіе, въ полномъ составѣ. Я уже говорилъ и о томъ, какъ равнодушно относятся—не къ грамотѣ и книжному ученю, а къ свидѣтельствамъ и похвальнымъ листамъ—крестьяне, въ большинствѣ, какъ неохотно поступаются они, за весьма небольшими исключеніями, интересами своего хозяйственнаго быта, ради экзамена. Очевидно, что отъ учителя очень очень мало зависитъ число учениковъ, которыхъ онъ представляетъ къ экзамену. У самаго лучшаго, способнаго и работающаго учителя это число можетъ быть ничтожно; у самаго плохого, бездарнаго и лѣниваго оно можетъ быть гораздо больше. Мало того, измѣряя до-

стоинство учителя этимъ числомъ, мы наваливаемъ на него тяжелую и въ высшей степени неприятную заботу, собственно говоря не относящуюся къ дѣлу учительства.

И съ какой стороны ни посмотрите на дѣло, экзаменъ не можетъ давать удовлетворительнаго матеріала для оцѣнки достоинства учителя и дѣятельности школы. Съ одной стороны, извѣстно, что отвѣты учениковъ на экзаменахъ всегда и вездѣ имѣютъ чисто случайный характеръ, и чисто плохой ученикъ сходитъ на экзаменѣ за хорошаго, хорошій за плохого.

Во-вторыхъ, внѣ экзамена остается значительное число учениковъ, изъ которыхъ одни не доходятъ до третьяго отдѣленія, другіе оставляютъ школу какъ разъ за мѣсяць, за два до экзамена и не являются на этотъ не мудреный для нихъ экзаменъ. Иногда это бываютъ самые надежные ученики школы: знаю я между ними не мало такихъ, которые очень удовлетворительно обучили грамотѣ значительное число взрослыхъ мужиковъ, а сами постоянно берутъ и читаютъ книжки изъ училищной библіотеки, тогда какъ нѣкоторые изъ окончившихъ курсъ, получивъ свидѣтельство, не заглядывали въ школу и не развертывали никакой книжки. Если бы у насъ назначались въ члены училищнаго совѣта все лица интеллигентныя, хорошо понимающія дѣло и тепло къ нему относящіяся, училищный совѣтъ имѣлъ бы возможность судить о дѣятельности школы и о достоинствѣ учителя по даннмъ болѣе важнымъ, нежели выпускной экзаменъ раздѣливъ уѣздъ на участки по числу членовъ: каждый членъ совѣта могъ бы нѣсколько разъ въ учебномъ году посѣтить всѣ школы своего участка, оставаясь въ нихъ не по часу, а по два—по три дня, чтобы познакомиться и съ учителемъ, и съ учениками, и съ ходомъ преподаванія и съ познаніями и умѣньями учащихся. Подробное и добросовѣстное изложеніе этихъ посѣщеній дало бы училищному Совѣту богатый матеріалъ для оцѣнки школы и учителя, да и для улучшенія учебнаго дѣла въ нашихъ заброшенныхъ сельскихъ школахъ эти посѣщенія имѣли бы очень большое значеніе. До какой степени доходить у насъ склонность сводить живое дѣло на канцелянскій формализмъ можно видѣть по слѣдующимъ установленіямъ, существующимъ въ нашихъ мѣстахъ.

Чтобы имѣть вѣрныя и точныя данныя о числѣ учениковъ, посѣщающихъ сельскія школы, установлены ежемѣсячныя учительскія рапортички, въ которыхъ отмѣчается ежедневно это число, съ распределеніемъ по поламъ и отдѣленіямъ. По недовѣрію къ учителю, требуется, чтобы вѣрность его показаній удостовѣрялась волостнымъ

начальствомъ. Тутъ все поражаетъ своею странностью. Странно ничѣмъ не вызванное недоувѣріе къ учителю, который ставится въ какое-то подчиненное отношеніе къ волостному старшинѣ, а вѣрнѣе къ волостному писарю, такъ какъ безграмотной волостной старшинѣ у насъ обыкновенно находится въ полномъ распоряженіи писаря. Странно и наивное предположеніе, что волостное начальство можетъ и захочетъ ежедневно провѣрять число учениковъ во всѣхъ школахъ волости, изъ коихъ только одна находится въ томъ же селѣ, гдѣ и волостное правленіе, а другія въ 7—10 верстахъ отъ него, Странна и не менѣе наивна увѣренность, что рапортичка учителя много выиграетъ въ достовѣрности, коль-скоро будетъ удостовѣрена волостнымъ начальствомъ. Понятно что при хорошихъ отношеніяхъ между учителемъ и волостнымъ писаремъ послѣдній удостовѣритъ, все что первый ни напишетъ, безъ всякой провѣрки, которая къ тому же и невозможна, а при плохихъ отношеніяхъ—учитель отдается если не на съѣденіе, то на всевозможныя издѣванья писарю, какъ-бы безукоризненно честенъ онъ ни былъ въ своихъ показаніяхъ.

Недоувѣріе къ законоучителямъ, вызвало распоряженіе, чтобы учителя сообщали о числѣ данныхъ законоучителями уроковъ. Этотъ негласный контроль одного преподавателя надъ другимъ или вносить раздоръ и недоброжелательство въ ихъ взаимные отношенія, что, конечно, вовсе не желательно, или можетъ вызвать между ними сдѣлку по пословицѣ «рука руку моетъ», что опять таки можетъ отзываться на дѣлѣ только плохими, нежелательными результатами.

Формализмъ—плохая замѣна истинно-педагогическаго, живаго отношенія къ дѣлу и къ школѣ, и только замѣна этого канцеляризма непосредственнымъ, толковымъ и сердечнымъ наблюденіемъ членовъ училищнаго совѣта можетъ установить вѣрную оцѣнку дѣятельности школы и учителя.

Возвращаюсь къ свидѣтельствамъ и экзаменамъ. Мнѣ думается, что льгота по воинской повинности, связанная съ полученіемъ свидѣтельства, не имѣетъ никакого основанія и оправданія. Срокъ отбыванія этой повинности въ настоящее время такъ коротокъ, что она перестала быта тяжелою повинностью; для грамотнаго же, сравнительно, болѣе развитога и смышленаго новобранца ея отбываніе и такъ облегчается уже самою грамотностью и смышленностью его, какое же основаніе еще сокращать для него срокъ этого отбыванія? Крестьяне очень хорошо понимаютъ, насколько легче отбываніе воинской повинности для грамотнаго и смышленаго парня, и дорожатъ не льготой, которую даетъ свидѣтельство,

а грамотностью и смышленостью, которую даетъ школа. Между тѣмъ и на «службѣ царской», конечно, нужнѣе грамотные и смышленные,—и сокращеніе срока службы для нихъ, по моему, ничѣмъ не оправдывается. Грамотность и приобрѣтенныя въ школѣ знанія и умѣнья, соединенныя съ нѣкоторымъ умственнымъ развитіемъ, съ смышленостью,—сами по себѣ большое преимущество для человѣка, и нѣтъ никакой разумной причины давать этому человѣку еще какія то льготы сравнительно съ людьми, почему бы то ни было лишенными этого крупнаго преимущества.

Едва ли желательно и привлекать дѣтей въ школу какими-бы то ни было посторонними льготами, которыя не вытекаютъ сами собой изъ существа дѣла. Грамотному легче воинская служба, и чѣмъ больше малый учился въ школѣ, тѣмъ легче ему служить,—вотъ льгота, сама собой вытекающая изъ существа дѣла, очень чувствительная и понятная для самихъ крестьянъ. Гораздо болѣе значенія имѣеть и является вполне справедливымъ распоряженіе одного преосвященнаго, чтобы всѣхъ вступающихъ въ бракъ, какъ жениха, такъ и невѣсту, подвергать предварительному испытанію въ знакомствѣ съ основными началами христіанскаго ученія и въ знаніи важнѣйшихъ молитвъ съ пониманіемъ.

Есть полное основаніе требовать, чтобы лица, вступающія въ бракъ, будущіе отцы и матери, воспитатели своихъ дѣтей сознательно относились къ предстоящему таинству и къ обязанностямъ, какія принимаютъ на себя, были-бы способны воспитывать и наставлять своихъ будущихъ дѣтей. Между тѣмъ такое требованіе конечно, представляется сильнымъ средствомъ, чтобы побудить крестьянъ посылать въ школу своихъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ безразлично. Послѣднее обстоятельство, установленіе безразличія между мальчиками и дѣвочками, тоже очень важно. До сихъ поръ въ нашихъ сельскихъ школахъ дѣвочки составляютъ ничтожный процентъ въ общемъ числѣ учащихся, и грамотныхъ женщинъ въ крестьянствѣ очень мало.

Распространеніе грамотности и образованія въ народѣ пошло-бы гораздо быстрѣе и успѣшнѣе, если-бы увеличилось число грамотныхъ, читающихъ и мыслящихъ матерей, да улучшилось бы и домашнее воспитаніе дѣтей, отъ котораго много зависятъ физическія и нравственныя качества грядущихъ поколѣній. Мы такъ часто жалуемся, что люди вокругъ насъ вырождаются, становятся слабѣе, болѣзненнѣе, порочнѣе, безхарактернѣе, а никакихъ мѣръ противъ этого вырожденія поколѣній не предпринимаемъ. Самою-

же первую мѣрою должно-бы быть именно приготовленіе умныхъ и мыслящихъ матерей.

Съ устраненіемъ льготы по воинской повинности, устранились-бы сами собой и свидѣтельства, какъ патенты на такую льготу. Надо радоваться, что хоть въ крестьянствѣ русскомъ замѣчается стремленіе къ ученію не ради патентовъ и льготъ, а ради тѣхъ внутреннихъ преимуществъ, какія даетъ оно человѣку. Вы посмотрите во что у насъ обратилось все среднее и высшее образованіе? Въ отчаянную и крайне несимпатичную погоню за аттестатомъ, за дипломъ, за правами. Ученье, знаніе, наука, не имѣютъ цѣны; вся сила, вся прелесть, вся цѣна—въ патентѣ, и погоня за нимъ и за правами, съ нимъ связанными, съ каждымъ годомъ становится все азартнѣе, все яростнѣе, даже сопровождается самоубійствами въ случаѣ неудачи, какъ всякая азартная игра. Какъ хотите, черта времени некрасивая, антипатичная, опасная. Вѣдь юноша, который учится ради патента, уже содержитъ въ себѣ сильныя задатки черстваго карьериста и пріобрѣтателя, этого героя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, этой язвы нашего времени.

Я помню то время, когда наша народная школа, тогда еще только нарождавшаяся, была совершенно чиста отъ заразы мелкаго тщеславія, когда не выдавала она своимъ ученикамъ никакихъ свидѣтельствъ и похвальныхъ листовъ, а ученики ея учились только для того, чтобы чему нибудь выучиться, и родители довольствовались тѣмъ, что учитель одобрялъ ихъ дѣтей, что дѣти выносили изъ школы кое-какія умѣнья и знанія. Но мало-по-малу формализмъ сталъ тѣсниться и безцеремонно врывается и въ эту чистую, такъ сказать, «невинную» школу, внося въ нее язву мелкаго тщеславія и мертвящаго формализма. Завелись «свидѣтельства» и «похвальные листы», замѣнившія книжку, которая прежде давалась всякому ученику, выходящему изъ школы, безъ различія.

Прежде хорошій ученикъ съ радостью уносилъ съ собою изъ школы въ свою хату полезную книжку, а теперь уноситъ ни на что ненужный ему похвальный листъ,—неужели это прогрессъ?

Выиграетъ ли школа и жизнь, когда совершится окончательно переработка «ученья для ученія» въ ученье ради свидѣтельства и похвальнаго листа?

По нашему убѣжденію, это болѣе, нежели сомнительно.

Съ устраненіемъ свидѣтельствъ и похвальныхъ листовъ, устранилась бы и надобность въ официальныхъ экзаменахъ, отнимаю-

щихъ такъ много золотого времени у народной школы на занятія малопроизводительныя въ интересахъ жизни.

Если ужъ надобно, чтобы ученикъ народной школы уносилъ изъ нея вещественные знаки своего пребыванія и обученія въ ней, то для этого достаточно простой записки учителя съ обозначеніемъ времени, когда ученикъ поступилъ въ школу, долго-ли въ ней учился и когда ее оставилъ, пожалуй и успѣховъ его въ школѣ. Кто хочетъ, тотъ пусть беретъ отъ учителя такую записку, не дающую получателю никакихъ правъ и привиллегій.

Да хорошо бы вернуться къ старому обычаю награждать каждого, оставляющаго школу, безъ различія въ успѣхахъ и поведеніи, Святымъ Евангеліемъ, хорошей книгой для чтенія, пожалуй—бумагой, перомъ съ ручкой и карандашемъ.

Х.

О вліяніи школы на нравы мѣстнаго населенія.

Когда я переселялся изъ города въ деревню, до меня со всѣхъ сторонъ доходили самые некрасивые отзывы о жителяхъ того села, гдѣ мнѣ предстояло жить.

Я и такъ зналъ, что школы въ этомъ селѣ никогда не было, и что здѣсь нельзя предполагать никакихъ признаковъ книжнаго просвѣщенія; это бы еще не бѣда, но я услышалъ многое несравненно худшее. Мнѣ говорили, что крестьяне этого села славятся, какъ поголовные воры и мошенники, лѣнтяи и пьяницы, да еще къ тому-же озорники и грубіяны, чуть не разбойники. Такое мнѣніе о нихъ сложилось и у окрестныхъ помѣщиковъ, и у представителей полиціи, и въ земствѣ, и въ городѣ, отъ котораго село находится всего въ 16—18 верстахъ, и особенно у священника, человѣка солидныхъ лѣтъ, переѣхавшаго сюда изъ другой губерніи и прожившаго въ селѣ уже побольше пятнадцати лѣтъ.

«Ужъ такой-то поганый народецъ, такіе-то окаянныя, прости, Господи! Воровать, плутовать да пьянствовать съ измальства приучаются. Мужики воръ на ворѣ, плутъ на плутѣ, грубіяны, охальники, а бабы — того хуже... Ребята малые — и тѣ на одну статью... Я, знаете, не привыкъ имѣть дѣло съ такимъ народомъ. Я вѣдь не здѣшній. Въ нашихъ мѣстахъ народъ куда лучше».

— Какъ-же, батюшка, вы пятнадцать лѣтъ живете съ такимъ народомъ?

«Что дѣлать, неволя заставляетъ — ну, и живу».

«Думалъ, здѣсь лучше будетъ, да вотъ и промѣнялъ кукушку на ястреба. Теперь и каюсь, да поздно».

— А почему-бы вамъ не попытаться улучшить нравы крестьянъ своимъ благимъ примѣромъ да пастырскими наставленіями?

«Пытался, пробовалъ, да вижу—не проберешь ихъ, избалованъ народъ до послѣдней крайности... Какъ ужъ я, бывало, пробиралъ ихъ. Хорошо, коли промолчатъ, а то еще тебя-же, за твое добро, обругаютъ, окаянные, не радъ, что и связался-то».

— Неужели съ вами-то, съ отцемъ духовнымъ, они такъ грубы?

«Вотъ и видно, что вы городской человекъ, не живали съ мужичьемъ съ этимъ. Да это имъ первое удовольствіе «попа» обругать. Сколько я натерпѣлся отъ нихъ... не приведи Господи! Вотъ недалеко ходить, сосѣдъ у меня есть, Иванъ Поздняковъ — можетъ знаете? Старикъ, борода сѣдая, а такой озорникъ, хуже молодого. Пока тверезый—ничего, смирный, почтительный мужикъ... Онъ изъ крѣпостныхъ, знаете,—вѣдь, тутъ два общества: одни государственные, а другіе бывшіе крѣпостные, — ну, такъ эти какъ будто по-смирнѣе немножечко... Да, я объ Иванѣ Поздняковѣ началъ. Тверезый, говорю, ничего, а какъ выпилъ, да зашумѣло въ головѣ, — сейчасъ на улицу и ну ругаться самыми похабными словами. Станетъ противъ оконъ, окаянный, да и честить на всю улицу... Ну, сами знаете: что у тверезаго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ... Я и усовѣщевалъ, и къ крутымъ мѣрамъ прибѣгалъ, и жаловался, — ничто не беретъ.. Что съ нимъ, съ пьянымъ-то, подѣлаешь? — Ну, и терплю»...

— Съ пьянымъ, конечно, лучше не связываться, а на трезвыхъ-то, можетъ быть можно подѣйствовать добрымъ словомъ, особенно пастырскимъ поученіемъ въ церкви...

«Эхъ извините меня, все это пустыя бредни. Фантазируютъ люди, которые мужика въ глаза не видали, или и видали, да не жили съ нимъ, — вотъ какъ вы, напримѣръ. А я ужъ двадцать лѣтъ тутъ околачиваюсь, отъ юности моя съ мужикомъ путаюсь, такъ знаю его вдоль и поперекъ. Вотъ вамъ примѣръ. На дняхъ только иду я, во время служенія, въ алтарь, — смотрю, у мѣстной иконы на большомъ подсвѣчникѣ лежитъ грязная рукавица мужицкая. Ну—безобразіе,—я взялъ да сбросилъ рукавицу! «какой—моль—дуракъ тутъ рукавицу свою положилъ!» А рядомъ стоитъ Карпуха, тоже сосѣдъ—этотъ уже изъ государственныхъ,—лядацій мужиченко, а на дерзости да охальства за словомъ въ карманъ не

полѣзеть, окаянный: «самъ ты, говорить, дуракъ!» Вотъ вы съ ними въ храмъ Божию и разговаривайте!»...

«Говорю вамъ, такъ думаютъ только тѣ, кто не живаль и дѣла не имѣль съ нашими мужиками. Всѣ эти проповѣди и поученія не для нихъ. Ничего они не поймутъ, да и слушать не станутъ. Истинно вамъ говорю, съ ними нельзя и разговаривать-то по человѣчески, а можно только ругаться. — Это они поймутъ».

— Да!? Наконецъ, мало-ли есть печатныхъ поученій для произнесенія въ церкви на всевозможные случаи? Можно просто прочитать, тутъ лишняго, опаснаго, ничего быть не можетъ.

«Говорю вамъ, и не поймутъ они этихъ поученій, и слушать не будутъ».

— Да вы испытали, пробовали, батюшка?

«Не пробоваль, вратъ не хочу, да и пробовать напрасно. Сказано: «не мечите бисера». Слава Богу, я не новичекъ, не первый годъ живу съ мужикомъ, знаю его довольно хорошо. Пусть ужъ это молодые да фантазеры разные дурачатся, а я и такъ знаю, что ни къ чему это, пустяки одни... Нѣтъ, я считаю много полезнѣе поговорить съ мужикомъ на дому, да по просту. Это постоянно и дѣлаю. Придешь къ нему въ хату со крестомъ или съ требой какой, а то и самъ онъ придетъ ко мнѣ съ какой ни на есть своей нуждой,—вотъ и поговоришь съ нимъ по своему. Тутъ все припомнишь, всѣ его безобразія, всѣ обиды, какія отъ него перенесъ, да за все разомъ и отдѣлаешь такъ, что любо. Какъ нужда-то его захватить, онъ смиренъ, голыми руками его бери, — слушаетъ да кланяется, а самъ ни гу-гу... Вотъ какъ съ ними надо».

— Прекрасно. Вы предпочитаете такой способъ поученія. Васъ привело къ нему знакомство съ народной жизнью, сближеніе съ мужикомъ...

«Позвольте, позвольте, что это вы такое говорите, загорячился батюшка, — чтобы да я сталъ сближаться съ мужикомъ? Это очень даже низко для моего званія. За кого-же вы меня принимаете? Это точно, бываютъ между нашей братьей такіе, что не прочь и выпить, и побалагурить съ мужикомъ, а я брататься да сближаться съ нимъ не согласенъ, извините меня. Это даже обидно слышать»...

— Виновать, я не хотѣль сказать ничего обиднаго. Я хотѣль сказать только, что близкое знакомство съ мужикомъ привело васъ къ такому способу поученія. Но, вѣдь, и этимъ способомъ вы не исправили, не улучшили крестьянскихъ нравовъ? По вашимъ собственнымъ словамъ, и теперь у васъ въ селѣ остаются все тѣ же

ужасные нравы, — выходить, что вы не достигли ни каких хороших результатов?

«Я достигъ-съ тѣхъ результатовъ, что мужики меня хоть бояться стали. По крайней мѣрѣ, страхъ знаютъ, не помыкаютъ по полу, какъ тряпкой какой».

— Но нравы-то, нравственность-то...

«Э, прости Господи, дались вамъ эти нравы, — совсѣмъ разсердился батюшка: вотъ вы сами попробуйте ихъ исправить, бесѣдуйте съ ними, школы заводите, а мы посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Не увидимъ, такъ услышимъ. А мнѣ, право, некогда этимъ заниматься. У меня семья на шеѣ, дочери-невѣсты, а приходъ-то весь не больше 500 душъ, — много-ли тутъ доходовъ-то получишь? Надо жить, надо дѣтей пристроить, — право, объ этихъ пустякахъ и подумать-то нѣтъ ни времени... Одно вамъ скажу: дрянъ здѣсь народъ. Поживете—сами увидите, и на-врядъ вы здѣсь уживетесь.. Впрочемъ, дай Богъ, дай Богъ!»

Проживши годъ на новомъ мѣстѣ, я увидѣлъ, что въ печальныхъ отзывахъ о мѣстныхъ крестьянахъ, какіе мнѣ приходилось слышать, не мало правды, но есть и преувеличенія. Я не искалъ, но и не избѣгалъ сближенія съ крестьянами, а случаевъ для этого представлялось не мало: сдача земли, наемъ работниковъ, покупка разныхъ произведеній крестьянскаго хозяйства и множество иныхъ столкновеній поневолѣ заставляли всматриваться въ мѣстнаго мужика, приглядываться къ нравамъ среды, ея нуждамъ, понятіямъ, желаніямъ, обычаямъ, ея семейному и общественному быту.

Крестьяне, дѣйствительно, въ большинствѣ, оказались людьми не высокой нравственности и честности. Пользуясь незнаніемъ, до-вѣрчивостью и затрудненіями новаго, заѣзжаго чело-вѣка, они за все брали въ три-дорога, обманывали, плутовали, при случаѣ и крали—то мѣру другую изъ зерна, отпущеннаго на посѣвъ, то кнопу сѣна съ луга, то копну хлѣба съ поля, то дерево изъ лѣсу, то и со двора, что плохо лежитъ,—доску, листъ кровельнаго желѣза, вязанку соломы изъ омѣта, и т. п. Они и попадались на такихъ кражахъ и обманахъ, но при этомъ, къ удивленію, не обнаруживали ни стыда, ни сознанія, что сдѣлали дурное дѣло, ни раскаянія, когда кража или обманъ были раскрыты и обличены до несомнѣнной очевидности ясными уликами. Мало того, иногда дерзко и нахально, на обличеніе ихъ обмана или кражи, не стѣснялись отвѣчать грубостью, ругательствомъ, непечатнымъ словомъ. Бывшіе крѣпостные въ этихъ случаяхъ держались скромнѣе, приниженнѣе,

низкопоклоннѣе, но за то они и чаще попадались въ воровствѣ, плутовствѣ, недобрсовѣстномъ исполненіи работы.

Всматриваясь въ дѣло и добираясь до изнанки, пришлось убѣдиться, что крестьяне даже какъ будто не признаютъ съ своей стороны предосудительнымъ и несправедливымъ дѣломъ кражу или обманъ по отношенію ко всякому, кто «не свой братъ, не крестьянинъ».

Такія нравственные понятія могутъ показаться, по малой мѣрѣ, странными; но въ сущности тутъ нѣтъ ничего ни страннаго, ни ужаснаго. Эти нравственные понятія вырабатывались въ крестьянствѣ издавна и постепенно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, подъ давленіемъ жизненныхъ обстоятельствъ. Дѣло въ томъ, что почти всѣ, кто «не крестьянинъ», такъ долго и безпощадно обирали и всячески эксплуатировали мужика, пользуясь разными своими преимуществами, а при этомъ еще такъ упорно и жестоко его ругали, даже били, унижали и позорили, не признавая въ немъ человѣческаго достоинства и ничего не дѣлая для поднятія въ немъ этого достоинства, что мужикъ постепенно утратилъ и довѣріе (не внѣшнее, которое выражается скиданьемъ шапки, а истинное, внутреннее, душевное уваженіе человѣка къ человѣку) ко всякому «не мужику». Ничего добраго, человѣческаго отъ всякаго, кто «не свой братъ», «не мужикъ», онъ для себя не ожидаетъ. Во всякомъ добромъ и совершенно безкорыстномъ начинаніи такого человѣка онъ или подозрѣваетъ подвохъ, ловушку, или видитъ просто дурацкую барскую затѣю, ради собственной потѣхи. Кто не обманываетъ, не ругаетъ, не эксплуатируетъ его, тотъ ему представляется или плутомъ, котораго надо остерегаться, или «чуднымъ», «блажнымъ», въ родѣ дурачка. Какъ таки человѣкъ имѣетъ полную возможность «обдирать» и всласть глумиться надъ мужикомъ—и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, не дѣлаетъ ни того, ни другого: конечно, или плутуетъ, чтобы потомъ съ мужика-же вдесятеро слупить, или дуритъ, «съ жиру бѣсится». Ну, а съ плутомъ и съ блажнымъ стоитъ-ли церемониться? Кажется, именно поэтому мужикъ не считаетъ ни грѣхомъ, ни преступленіемъ, даже чуть-ли не признаетъ справедливымъ и разумнымъ дѣломъ,—«обѣхтать», «объегорить», «поставить въ дураки», часто съ рискомъ жестоко поплатиться за это,—словомъ, поднадуть, пощипать всякаго, кто «не мужикъ». «Если я его не надую, онъ меня безпремѣнно надуетъ, такъ лучше-же попытаюсь я его надуть». «Если я сдѣлаю по Божьему, безъ обмана, настоящимъ манеромъ,—меня все равно обсчитаютъ и обругаютъ;

сдѣлаю плохо, спустя рукава,—тоже обсчитаютъ и обругаютъ,—такъ ужъ лучше не буду себя неволить, сдѣлаю кое-какъ,—по крайности, не уморюсь и брань приму не понапрасну, да и въ дуракахъ то «онъ» останется, а не я», «Хоть «онъ» и судить и то и сѣ, и пятое и десятое, а вѣдь навѣрняка обманетъ,—развѣ впервой?—былое дѣло,—постой-же, лучше я «его» объегорю!» «Объегорить-то «его» нашему брату-мужику и грѣха нѣтъ,—развѣ онъ нашъ братъ-хрестьянинъ? Да я «ему» ни въ жизнь спуску не дамъ, попадись онъ мнѣ только». «Своего брата-хрестьянина облапошить—оно точно грѣшно, а «его» то объѣхать—самое то-есть разлюбезное дѣло, и никто меня за это самое не осудить».

Такія нравственныя понятія хрестьянина, по отношенію къ «не мужику», унаслѣдованы имъ отъ многихъ предыдущихъ поколѣній, а ими обусловливаются его обманъ, плутовство, воровство которыя въ его глазахъ—или благоразумная самооборона, или справедливое возмездіе.

Грубость мужика, которой, конечно, нельзя не признавать, то же продуктъ долгихъ годовъ и безчисленныхъ примѣровъ. Ничему, кромѣ грубости, никто и никогда не училъ его. Ну, мужикъ и научился артистически ругаться, превзошелъ учителей въ этомъ искусствѣ, и ругань стала его общеупотребительной, разговорной рѣчью. Онъ отсюду, отъ всѣхъ и вездѣ видѣлъ только, грубость, которая, мало-по-малу, глубоко забралась въ мужицкіе нравы, ничѣмъ не смягчаемая.

Нельзя было не видѣть и наклонности мужиковъ къ выпивкѣ чрезъ мѣру, при всякомъ удобномъ случаѣ.

Просваталъ мужикъ дочь—выпивка (такъ и говорится: «пропилъ дѣвку»), сдали міромъ общественную рыбную ловлю—выпивка и т. д. (объ этой наклонности я говорилъ уже въ статьѣ 5). А ужъ о свадьбахъ и праздникахъ нечего и говорить: всякая свадьба, свой храмовой и всякій большой праздникъ—непремѣнно соединяются съ трехдневнымъ пьянствомъ. Извѣстное дѣло: «кто празднику радъ—тотъ до свѣту пьянъ». Въ первые дни Рождества и Пасхи, въ Троицынъ день и т. под. пьяные съ утра до вечера галдятъ, ругаются и всячески безобразничаютъ около винной лавочки и на большой сельской улицѣ, и это самые безпокойные дни для сельскаго жителя «не—мужика», когда дѣйствительно надо «ухо востро держать», потому что пьянымъ иногда приходятъ въ голову дикія фантазіи. Тутъ они забываютъ все и во весь развертъ раскрываютъ все то, что у трезвыхъ таится въ глубинѣ души. Тутъ того и

жди—или драки съ увѣчьемъ, а то и со смертоубійствомъ, или буйнаго безчинства, или пожара, который все село, какъ помеломъ, смететь.

Сначала эти пьяные праздники меня только возмущали, потомъ заставили призадуматься. Явилось желаніе поговорить, вразумить «Надо же и мужику отдохнуть да повеселиться», отвѣчаютъ крестьяне на всѣ благоразумныя рѣчи: «вѣдь мы какъ работаемъ-то!—ну, то же и попраздновать хочется. А какъ намъ праздновать? Вы вотъ въ городъ поѣдете али къ сосѣду, къ Павлу Николаичу или къ Владиіру Ивановичу—чайку тамъ попить, въ карточки поиграть,—ну, и отъ винца тоже, поди, не откажетесь,—знаемъ мы, иные господа здѣрово выпиваютъ. Въ городѣ у васъ кіатры разные, музыка, катанья да гулянья,—а у насъ какое веселье?—Выпьешь бутылочку, зашумѣло въ головѣ,—вотъ и весело, вотъ и все наше веселье мужицкое!!!

И правда, русскій крестьянинъ—человѣкъ труда по преимуществу, тяжелаго и непрерывнаго мускульнаго труда. Но трудъ трудомъ, а все же у него существуетъ законная человѣческая потребность отдохнуть, не въ смыслѣ выспаться только, но въ смыслѣ—развлечься, повеселиться, доставить себѣ какое-нибудь захватывающее наслажденіе, пожалуй—забыться, оторваться на время отъ однообразной и тяжелой «обыденщины». Единственнымъ доступнымъ для него такимъ удовольствіемъ и наслажденіемъ является выпивка и соединенное съ ней то безпечальное сдуреніе, которое даетъ ему возможность забыть обычную тяготу и неприглядность жизни. Вотъ почему крестьяне за вино охотно соглашаются на многое, на что не сманишь ихъ ни словами, ни деньгами: слишкомъ сходно продаютъ свой хлѣбъ, свои дрова, свой трудъ, за поль-цѣны сдаютъ общественную землю, соглашаются давать ложныя показанія слѣдователю, обѣлить виноватаго, и т. под. Ловкіе люди знаютъ это очень хорошо, и безъ зазрѣнія совѣсти всякій пользуется слабостью мужика къ вину въ своихъ интересахъ.

У нашего крестьянина есть хорошій, высоко-нравственный трудъ—трудъ земледѣльческій; но у него нѣтъ никакого сколько-нибудь доброкачественнаго удовольствія, и никто никогда не позаботился дать ему такое удовольствіе. Многіе усердно сѣяли на эту почву плевелы, а пшеницы никто не хотѣлъ сѣять,—что-же удивительнаго, если и выросли только одни плевелы, а не пшеница?

Да, много правды было въ суровыхъ отзывахъ, какіе мнѣ пришлось выслушать о крестьянахъ того села, гдѣ я поселился; но въ

тѣхъ осужденіяхъ, которыя соединялись съ высказываніемъ этой правды, было немало несправедливости.

Замѣчательно, что когда строился въ селѣ домъ для училища, крестьяне рѣшительно не вѣрили, что это будетъ училище. Почему-то они пришли къ убѣжденію, что строится не училище, а трактиръ,—и почти всѣ радовались, немногіе роптали (больше—бабы).

«Николи у насъ училища не было,—и съ какой таки стати строить экую хоромину подъ училище?».

„И на кой лядъ намъ оно, это самое училище? Сколько годовъ жили такъ, а тутъ на-ко, держи карманъ, училище будутъ заводить,—какъ-же, жди!!!

„Вѣрное слово—трактиръ строятъ,—бѣлую харчевню, значить. И разлюбезное это дѣло, братцы: выпить-ли захочешь, закусить-ли, чайку испить, али цыгарочки покурить,—все тебѣ съ нашимъ почтеньемъ!!!

„И сдерутъ-же съ тебя за это самое почтенье, только держись!“

„Ну, извѣстно,—не то, что въ кабацѣ, безъ этого никакъ невозможно. Ты смотри, чудакъ, домъ-то какой, одно слово—хо-ро-мы! Какую прорву деньжищъ на него ухлопаютъ, надо съ кого нибудь верстать, да еще и барыши наживать“.

Въ постройку трактира, гдѣ будутъ съ нихъ драть втрое, чтобы наверстать всѣ расходы и барышъ получить, въ предпріятіе, выгодное для предпринимателя и рассчитанное на трудовыя ихъ денежки,—они вѣрили, а въ училище, гдѣ будутъ даромъ учить ребятъ, предпріятіе безкорыстное, не прикосновенное ни къ ихъ деньгамъ, ни къ ихъ спинамъ, рѣшительно отказывались вѣрить. Только нѣкоторыя бабы тужили и ворчали, что въ этотъ трактиръ много мужицкаго добра уйдетъ: то былъ одинъ кабакъ, откуда приходилось силкомъ тащить разгулявшихся мужиковъ (тогда кабакъ свободно торговалъ „распивочно“ и „на выносъ“, теперь онъ „распивочно“ торгуетъ только по секрету), а тутъ будетъ еще трактиръ.

Но построилось, дѣйствительно, училище, а не трактиръ; многіе разочаровались, но были и такіе, что порадовались.

Назначенъ былъ день для открытія училища. На сельскомъ сходѣ было объявлено, чтобы желающіе приводили ребятъ.

„А денегъ съ насъ не потребуютъ“? было первымъ вопросомъ мужиковъ.

Когда убѣдились, что денегъ не потребуютъ ни съ родителей ни съ общества,—повели ребятъ, но все-таки недовѣрчиво и осторожно, съ разными оговорками. Нельзя сказать, чтобы они не понимали

пользы грамотности и ученья, — нѣтъ, совсѣмъ даже напротивъ, многіе, можно сказать — большинство, признавали эту пользу, но не могли понять, ради чего, изъ какихъ-такихъ барышей люди хлопчутъ, тратятся? — Не можетъ быть, чтобы такъ, — дѣло не чисто. „Мы ему не вѣримъ“, прямо говорили мужики про попечителя, строившаго училище на свои деньги, т. е. не вѣрили его безкорыстію. Вскорѣ кто-то пустилъ по селу слухъ, будто попечителю казна платитъ за каждаго мальчика, поступившаго въ училище, сорокъ рублей, — ни больше, ни меньше, какъ сорокъ. Слухъ пришелся кстати: у крестьянъ, по крайней мѣрѣ, ослабѣло опасеніе, что съ нихъ потянутъ деньги на училище. У нѣкоторыхъ даже возникла остроумная мысль: нельзя-ли имъ самимъ что-нибудь сорвать за своихъ ребятъ съ учителя, съ батюшки, съ попечителя. Конечно, эта надежда не оправдалась.

Началось ученье и пошло своимъ порядкомъ.

Вскорѣ, рядомъ съ ученьемъ, началось и участіе дѣтей въ церковномъ богослуженіи; организовался хоръ, который придалъ богослуженію немало благолѣпія и приводилъ крестьянъ въ восторгъ и умиленіе. Но покушенія что-нибудь сорвать съ училища и причастныхъ къ нему лицъ — продолжались долго, а иногда соединялись и съ угрозами не пускать ребятъ на ученье. Держался и слухъ о сорокарублевой субсидіи изъ казны.

Прошло больше пяти лѣтъ. Сотни двѣ ребятъ перебивало въ школѣ. Многіе изъ нихъ, — мальчиковъ гораздо больше, чѣмъ дѣвочекъ, — прошли полный курсъ, сдали экзаменъ и получили свидетельства; другіе не дошли до конца, но все-таки вышли изъ школы грамотными, съ умѣньемъ читать по гражданской и по церковной печати, а также писать и считать. Въ селѣ завелись свои грамотные и письменные люди.

Школа, бѣганье ребятшекъ съ сумками на учебу, чтеніе вслухъ въ хатахъ книжекъ, пѣніе въ церкви, — все это, мало-по-малу, вошло въ нравы, какъ дѣло обычное и привычное. Испарилась не только мысль о трактирѣ съ „нашимъ почтеніемъ“, но и покушенія что-нибудь сорвать съ училища.

Измѣнились-ли за это время хоть сколько-нибудь къ лучшему нравы мѣстнаго населенія?

Человѣку, не вовсе постороннему и все это время прожившему въ селѣ, постоянно имѣющему передъ глазами однихъ и тѣхъ же людей, — въ этомъ случаѣ опасно положиться на свой взглядъ. Такъ легко принять за дѣйствительность собственныя мечты и навязать дѣйствительности то, о чемъ мечтаешь, чего слишкомъ

сильно желаешь; съ другой стороны, бываетъ, что люди, сжившись съ извѣстной дѣйствительностью, приглядѣвшись и привыкнувши къ ней, начинаютъ мириться съ ея дурными сторонами, воображая, будто она имѣнилась, стала лучше, обманывая себя и другихъ.

Гораздо надежнѣе сужденія постороннихъ лицъ, изрѣдка посѣщающихъ село, изрѣдка имѣющихъ дѣло съ мѣстными людьми. Отъ постороннихъ приходится слышать весьма утѣшительные отзывы. „П—скихъ мужиковъ узнать нельзя съ той поры, какъ въ селѣ устроилось училище“, отзывался мѣстный становой приставъ Х. Θ. Х.: „иначе ведутъ себя, иначе говорятъ, иначе смотрятъ, не стало и половины прежней грубости, плутовства, безчинства“.

Сосѣдній урядникъ, Я. И. Г., заѣхавши въ село, хвалитъ обходительность и добродушіе крестьянъ, а особенно вѣжливость и, такъ сказать, благовоспитанность ребятъ, сравнительно съ тѣмъ, что видитъ онъ въ своемъ участкѣ.

Дачники, которые переселяются въ наше село на лѣто (преимущественно городскіе учителя), тоже стали очень благосклонно отзываться о нашихъ крестьянахъ: „и смиренный-то народъ, и вѣжливый, и услужливый, и жить-то у насъ спокойно и безопасно (а живутъ они въ крестьянскихъ хатахъ, рядомъ съ хозяевами, потому что дачъ у насъ, въ общепринятомъ смыслѣ, нѣтъ), никогда ничего не пропадетъ, никто грубаго слова не скажетъ“. Приходилось слышать и отъ сосѣднихъ помѣщиковъ, что и мужики и бабы, и ребятишки наши измѣнились къ лучшему.

Слыша такіе отзывы, начинаешь довѣрчивѣе относиться и къ собственнымъ впечатлѣніямъ, приводящимъ къ тому же заключенію что въ мѣстномъ населеніи произошла перемѣна къ лучшему. Въ отзывахъ станового пристава, урядника, дачниковъ и сосѣднихъ помѣщиковъ, людей постороннихъ и положительныхъ скорѣе слишкомъ строгихъ, нежели снисходительныхъ къ крестьянамъ не можетъ быть ни самообмана, ни успокоивающей приглядки каковыя предполагаешь въ самомъ себѣ. Да, мѣстные люди, дѣйствительно, стали честнѣе въ расчетахъ, въ уплатѣ долговъ, въ отбываніи работъ, мягче, вѣжливѣе въ обращеніи, довѣрчивѣе при заключеніи всякихъ условій, благожелательнѣе и склоннѣе обращаться не только за матеріальной помощью (хлѣбомъ или деньгами), но и за совѣтомъ.

Конечно, пить вино они не перестали и, вѣроятно, село въ послѣдніе годы, приблизительно, выпиваетъ столько же вина, сколько выпивало пять лѣтъ тому назадъ. Но—право же—и пить то наши мужики стали какъ-то совѣстливѣе, стыдливѣе, сдержаннѣе. Встрѣ-

тится выпившій мужикъ: „извините“, говорить, — „я сегодня выпивши, не осудите!“

Чѣмъ же именно, какими благотворными вліяніями, можно объяснить происшедшую въ мѣстномъ населеніи перемѣну къ лучшему? Становой приставъ прямо приписываетъ ее школѣ; къ тому же склонны и другія лица, замѣтившія эту перемѣну. Думается, что такое объясненіе нѣсколько односторонне и рисковано. Вѣдь школа дѣйствуетъ непосредственно только на ребятъ, которые въ ней учатся и даже составляютъ менѣе половины общаго числа дѣтей школьнаго возраста. Ея вліяніе на мѣстное населеніе можетъ явно обнаружиться только въ подростающемъ поколѣніи. Не преувеличивая вліянія школы, можно допустить только, что ей принадлежитъ нѣкоторая доля участія въ замѣченной многими перемѣнѣ, рядомъ съ другими жизненными вліяніями, раскрытіе которыхъ не входитъ въ рамку этого очерка, да и вообще въ планъ предлагаемыхъ записокъ. При томъ школа тутъ имѣла значеніе не какъ школа, обучающая крестьянскихъ ребятъ, а какъ общественное учрежденіе, состоящее въ постоянныхъ соприкосновеніяхъ, въ живомъ общеніи съ мѣстнымъ населеніемъ.

Надо пояснить, что это за соприкосновенія и въ чемъ состоитъ это общеніе.

Наша школа, съ самаго открытія ея въ 1884 г. и до послѣдняго времени, старалась притягивать, приближать къ себѣ и къ своему дѣлу мѣстныхъ людей, относясь къ нимъ не свысока и грубо, а съ лаской и съ уваженіемъ, какое подобаешь всякой полноправной живой человѣческой личности.

На открытіе школы, происходившее въ день Казанской Божіей Матери, 22-го октября, были приглашены, наравнѣ съ разными почетными лицами, и наши сельскіе „старіки“. Они принарядились, пригладились и пришли въ зданіе школы, видимо довольные оказаннымъ имъ почетомъ. Отъ всѣхъ участниковъ школы они встрѣтили уважительное, ласковое и доброжелательное къ себѣ отношеніе, которое легко побѣдило ихъ неловкость и опасливость, очевидно происходившія отъ непривычки къ данному положенію. Ихъ познакомили съ внѣшнимъ благоустройствомъ школы. Они много ахали и дивились, потому что школа, съ ея устройствомъ и обстановкой, для нихъ была невиданной новинкой.

«Ахъ, какъ все прекрасно!»

«Посидѣлъ-бы тутъ, — хорошо!» «Возьмите ужь сюда не то, что моего Ванюху, а и меня самого, право, — учиться буду!» «Что и

говорить, распрекрасно! Слышь, Иванъ Нефедычъ, давай, что-ли и мы съ тобой учиться, въ книжку будемъ читать!» Словомъ, школа, своей внѣшностью, своимъ привѣтомъ, своей доступностью, съ перваго раза понравилась крестьянамъ. «Старики», а особенно бабы, стали охотно похаживать въ школу: то «поглазѣть» и «послушать», какъ ребята учатся, а то по приглашенію, чтобы «въ родѣ какъ и самимъ поучиться».

Приглашеніе со стороны школы началось открытіемъ вечеровъ съ волшебнымъ фонаремъ.

Школа имѣетъ въ своемъ распоряженіи большой волшебный фонарь Карпентера, дающій картины до 5 аршинъ въ квадратъ, и значительную коллекцію хорошихъ картинъ (до 250) разнообразнаго содержанія, интересныхъ и поучительныхъ не только для дѣтей, учащихся въ школѣ, но и для взрослыхъ крестьянъ. Тутъ есть картины изъ Священной Исторіи ветхаго и новаго завѣта; есть картины русскихъ городовъ, святынь, разнообразныхъ мѣстностей; есть картины бытовыя, представляющія наглядно и живо все разнообразіе Русской земли, ея природы и населенія; есть картины къ Русской исторіи, начиная бытомъ древнихъ славянъ и оканчивая послѣдней турецкой войной; есть картины къ народнымъ былинамъ и къ художественнымъ произведеніямъ русскихъ поэтовъ (Жуковского, Крылова, Пушкина, Кольцова, гр. Л. Толстого, Некрасова и др.); есть картины иностранныхъ городовъ, замѣчательныхъ мѣстностей и явленій природы (огнедышащихъ горъ, водопадовъ и т. п.); есть хроматропы и другія картины съ движеніемъ (движущійся поѣздъ желѣзной дороги, мельница и т. п.); есть, наконецъ, картины забавныя, которыя не содержатъ въ себѣ ничего поучительнаго, но вызываютъ невинный и добродушный смѣхъ, а потому нравятся и дѣтямъ, и взрослымъ.

Картины показываются въ большой классной комнатѣ (18 × 8 аршинъ), а экраномъ служитъ выбѣленная стѣна.

Само собой разумѣется, что картины соединяются съ объясненіями, чтеніями, рассказами и разговорами, соответствующими его содержанію, а часто и съ хоровымъ пѣніемъ. Ученики школы тутъ являются постоянными и дѣятельными участниками: они говорятъ о содержаніи картины, отвѣчаютъ на вопросы, излагаютъ событія Священной исторіи, произносятъ стихотворенія, читаютъ, поютъ.

Когда въ первый разъ на вечеръ съ волшебнымъ фонаремъ было приглашено, черезъ учениковъ, взрослое населеніе села, желающихъ оказалось столько, что не было возможности помѣстить

всѣхъ; но трудно было и удерживать напѣрающую толпу, которая не поддавалась никакимъ просьбамъ, убѣжденіямъ и угрозамъ, а ломилась, лѣзла на проломъ, одержимая непобѣдимымъ любопытствомъ. Произошла просто свалка; побили стекла, поломали перила.

На будущее время придумали установить очередь и предварительную раздачу опредѣленнаго числа билетовъ («ерлыковъ», по выраженію крестьянъ). Пришлось пригласить, для порядка, сельскія власти, старосту и сотскихъ, чтобы въ школу допускались только имѣющіе билеты.

Все-таки надлежащій порядокъ установился не скоро: требовалось, въ нѣкоторомъ родѣ, перевоспитаніе грубой и мало-мыслящей толпы. Картины, чтенія, рассказы, разговоры — произвели большое впечатлѣніе, которое быстро разнеслось по селу. Пошли толки, и число желающихъ посмотреть и послушать не уменьшалось. Долго еще тѣ, кому не пришлось получить билета, приходили не въ очередь — и упрашивали, и кланялись, и ругались, и насильно врывались въ домъ. Были случаи и невиннаго плутовства: баба съ билетомъ пройдетъ въ дверь, а билетъ швырнетъ назадъ или выброситъ въ форточку, чтобы имъ могъ воспользоваться ктонибудь другой. Были замѣчены и поддѣльные билеты.

Надо сказать, что въ такихъ хитростяхъ попадались исключительно женщины, а мужики старались пройти или упросомъ, или черезъ протекцію своихъ властей. Во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, на вечеръ всегда оказывалось присутствующихъ больше рассчитаннаго числа.

Только мало-по-малу мѣстное населеніе стало проникаться пониманіемъ, что невозможно впускать въ домъ больше опредѣленнаго числа людей, что порядокъ необходимъ, что нельзя безчинствовать и силкомъ ломиться въ чужой домъ. Совершилась все-таки нѣкоторая побѣда надъ грубостью и стаднымъ чувствомъ невѣжественной, невоспитанной толпы.

Теперь вечера съ волшебнымъ фонаремъ проходятъ тихо и спокойно, хотя интересъ къ нимъ въ мѣстномъ населеніи нисколько не утратился и не ослабѣлъ.

Учащіеся и приглашенные взрослые собираются въ первой комнатѣ школьнаго помѣщенія (нѣчто въ родѣ рекреационной) и спокойно ждутъ, когда ихъ пригласятъ въ классную комнату, гдѣ находится волшебный фонарь. Сперва впускаются учащіеся и занимаютъ переднія мѣста. Взрослое населеніе села уже свыкло съ той мыслью, что дѣти — первые люди въ школѣ и что имъ принад-

лежать лучшія мѣста. Послѣ этого входятъ, черезъ другую дверь, взрослые и помѣщаются позади учащихся.

Всѣ смотрятъ и слушаютъ спокойно, не нарушая порядка и тишины. Иногда слышатся краткія замѣчанія и восклицанія или невольный добродушный смѣхъ, когда увидятъ или услышатъ что-нибудь забавное. Всегда много восклицаній и смѣху вызываетъ сказка Пушкина про рыбака и золотую рыбку и пѣсенное стихотвореніе Кольцова «Что ты спишь, мужичекъ»...

Вечера съ волшебнымъ фонаремъ, которые зимою бываютъ два и три раза въ недѣлю, стали симпатичнымъ и любимымъ развлеченіемъ мѣстныхъ крестьянъ, и они очень дорожатъ этимъ развлеченіемъ. Они не довольствуются одинъ разъ видѣть картины и прослушать соединенныя съ ними чтенія и объясненія, но рвутся посмотреть и послушать то же самое и во второй, и въ третій разъ. Узнавая уже знакомую картинку, встрѣчаютъ ее радостнымъ восклицаніемъ, какъ стараго и дорогого пріятеля, и рассматриваютъ ее, и выслушиваютъ объясненія къ ней, съ новымъ удовольствіемъ.

А школа, съ своей стороны, тоже дорожитъ этими вечерами съ волшебнымъ фонаремъ—не только потому, что они приносятъ большую пользу и удовольствіе учащимся, усиливая успѣхи обученія, но и по инымъ причинамъ. Во-первыхъ, это, въ нѣкоторомъ родѣ, аудиторія для взрослыхъ неграмотныхъ крестьянъ: здѣсь они наглядно знакомятся съ событіями священной исторіи, съ отечествомъ и его прошедшимъ; отсюда они выносятъ благотворныя впечатлѣнія, которымъ простой неграмотный человѣкъ легче подчиняется, нежели самымъ умнымъ и глубокимъ отвлеченнымъ поученіямъ. Во-вторыхъ, эти вечера вносятъ въ однообразную трудовую жизнь крестьянина новое удовольствіе, несравненно болѣе доброкачественное, нежели его обычныя удовольствія, а это очень важно. Какъ анти-гигіеническая работа портитъ физическое здоровье, т. е. тѣло человѣка,—такъ низменные удовольствія портятъ его душу. Это одинаково справедливо по отношенію не только къ крестьянской, но и ко всякой средѣ. Вспомнимъ вліяніе такихъ работъ, какъ сидячая работа въ душныхъ городскихъ канцеляріяхъ или на многихъ фабрикахъ (напр. табачныхъ). Вспомнимъ вліяніе такихъ низменныхъ удовольствій, какъ театральныя представленія съ оперетками, двусмысленными куплетами и соблазнительными плясками, какъ пьяныя оргіи и ночная картежная игра.

Въ-третьихъ, эти вечера много сближаютъ школу съ мѣстнымъ населеніемъ, а эта близость обоюдно выгодна. Школа только тогда

пустить глубокие корни въ деревнѣ, когда она будетъ близка и мила мѣстному населенію, не отгородится отъ него непроницаемой стѣной, а привлечетъ его къ себѣ,—и во всякомъ случаѣ отъ такого сближенія она можетъ только выиграть, но ужь никакъ не проиграть; а для взрослыхъ крестьянъ полезно даже простое частое присутствіе въ школѣ, помимо всего поучительнаго, что они здѣсь увидятъ и услышатъ, какъ полезно для всякаго часто бывать въ хорошей компаніи.

Спустя нѣсколько времени, оказалось возможнымъ установить, рядомъ съ картинами, и простыя чтенія для взрослыхъ—сперва для бывшихъ учениковъ школы, а потомъ и для всѣхъ желающихъ. Объ этихъ чтеніяхъ уже было говорено въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ. А эти чтенія послужили примѣромъ для чтеній, которыя стали устраиваться и въ крестьянскихъ хатахъ. Бывшій ученикъ школы беретъ изъ училищной библиотекѣ «занятную» книжку и по вечерамъ читаетъ ее вслухъ въ своей семьѣ; иногда на такое чтеніе приходятъ и сосѣди коротать длинный зимній вечеръ.

Кромѣ того, родители и родственники учащихся, да и вообще желающіе изъ крестьянъ, постоянно приглашаются въ школу на экзамень и на годовой праздникъ 22 октября, день открытія школы.

Но экзамень не всегда бываетъ въ нашемъ селѣ: иногда наши ученики, по распоряженію училищнаго совѣта, должны отправляться на экзамень въ одно изъ сосѣднихъ училищъ, верстъ за 7, за 10; да и происходитъ экзамень весной, въ первой половинѣ мая, т. е. въ самую горячую рабочую пору; а потому на экзамень явятся весьма немногіе изъ крестьянъ.

Октябрь—время болѣе свободное въ земледѣльческой быту, и годовой праздникъ школы бываетъ гораздо многочисленнѣе экзамена. Нельзя не признать счастливую самую мысль—праздновать день открытія школы, и хорошо, если бы она получила примѣненіе во всѣхъ русскихъ селеніяхъ, гдѣ существуютъ школы. Такіе праздники, 19 февраля, какъ день открытія школы, затрогивая лучшія струны человѣческой души, чрезвычайно полезны въ нравственномъ отношеніи.

День 22 октября наша школа празднуетъ молебствіемъ и актомъ. Актъ состоитъ изъ умѣстныхъ чтеній и рѣчей, пѣнія, раздачи свидѣтельствъ объ окончаніи курса наградъ.

Порядокъ акта установился такой.

Прежде всего хоръ поетъ: «Днесъ Святаго Духа насъ собра»,

потомъ попечитель предлаетъ «почтеннымъ гостямъ» выслушать отчетъ училища.

За чтеніемъ отчета слѣдуетъ раздача свидѣтельствъ и наградъ ученикамъ, окончившимъ въ этомъ году. Они получаютъ награды —отъ училищнаго совѣта, отъ школы, отъ попечителя, отъ учителя: книги, тетради, почтовую бумагу, конверты, ручки съ перьями, карандаши. Вызванный ученикъ подходитъ къ столу для полученія свидѣтельства и наградъ, и хоръ поетъ ему славу:

«Слава на нивѣ колосу спѣлому,

«На селѣ грамотѣю Таранину.

Слава! Слава!»

Особые подарки раздаются, какъ настоящимъ, такъ и бывшимъ ученикамъ и ученицамъ школы, за посѣщеніе спѣвокъ и усердное участіе въ церковномъ богослуженіи: полотенцы съ шитьемъ, кушаки, шапки, носовые платки (къ употребленію которыхъ желательно приучать сельское населеніе), книжки, картины, и т. под.

Послѣ этого попечитель школы обыкновенно обращается съ рѣчью къ присутствующимъ крестьянамъ: о пользѣ грамотности и книжнаго ученія, о томъ, для чего родителямъ надо посылать дѣтей въ школу, а дѣтямъ учиться, о постепенномъ распространеніи грамотности въ русскомъ народѣ, о желательномъ отношеніи крестьянъ къ школѣ, и т. под.

Затѣмъ нѣкоторые изъ учениковъ, окончившихъ курсъ въ этомъ году, читаютъ лучшія изъ своихъ сочиненій, а это чтеніе чередуется съ хоровымъ пѣніемъ, подобраннымъ въ соотвѣтствіе съ содержаніемъ чтеній. Напримѣръ, ученица Сезина читала сво сочиненіе «Нашъ праздникъ», а хоръ пѣлъ стихотвореніе Аксакова «Колоколь къ вечернѣ христіанъ зоветь», ученикъ Давыдовъ читалъ сочиненіе «Земледѣльческій трудъ», а хоръ пѣлъ «Пѣсню пахаря» Кольцова, ученикъ Бухоновъ читалъ сочиненіе «Жизнь за царя» (о подвигѣ Сусанина), а хоръ пѣлъ «Славься», ученикъ Протопоповъ читалъ сочиненіе «Рѣка Донъ въ русской исторіи», хоръ пѣлъ стихотвореніе Пушкина «Здравствуй Донъ!», ученикъ Фурсовъ читалъ сочиненіе «Чему научились мы въ училищѣ?», а хоръ пѣлъ «Грамота, мудреная моя»..., и т. п. Это приводятся заглавія сочиненій, читанныхъ, конечно, не на одномъ актѣ.

Актъ оканчивается пѣніемъ гимна «Боже, царя храни!»

Крестьяне съ видимымъ удовольствіемъ и какъ будто съ нѣкоторою благородною гордостью присутствуютъ на актѣ, внимательно выслушивая все, что читаютъ и говорятъ, время отъ времени от-

зываясь на рѣчи, обращенныя къ нимъ, въ скромной формѣ: «Истинная правда!»... «Благодаримъ покорно!»... «Слава Богу!»... «Дай то Господи!»... и т. п. Они, видимо, здѣсь чувствуютъ себя желанными и почетными гостями и проникаютъ сознаниемъ своего человѣческаго достоинства. О родителяхъ дѣтей, получающихъ свидѣтельства и награды, а особенно читающихъ на актѣ свои сочиненія, и говорить нечего: они такъ и сияютъ отъ счастья или плачутъ счастливыми слезами; особенно слезно умиляются матери.

Еще крестьяне любятъ приходить въ школу на уроки пѣнія и на спѣвки, которыя зимой тоже бываютъ больше вечерами. Сначала присутствіе ихъ тутъ казалось неудобнымъ и стѣснительнымъ, но потомъ школа пришла къ такому убѣжденію, что устранять этихъ слушателей нѣтъ основанія: они дѣлу не мѣшаютъ, они приходятъ только съ истиннымъ желаніемъ послушать, другіе, кромѣ того, провожаютъ своихъ ребятъ, которымъ приходится идти довольно далеко. А послушать пѣніе крестьяне любятъ, и участіе школьнаго хора въ церковномъ богослуженіи приводитъ ихъ въ умиленіе.

Въ концѣ концовъ, надо признать, что сельская школа, обучая ребятъ, можетъ имѣть благотворное вліяніе и вообще на мѣстные нравы, т. е. не только на дѣтей, но и на всю совокупность мѣстнаго населенія. Для этого отъ школы требуется очень немного. Впервыхъ, отреченіе отъ гордой замкнутости, искренняя и честная, такъ сказать, публичность ея дѣятельности, соединенная съ полною готовностью отдавать откровенный отчетъ объ этой дѣятельности родителямъ, чьихъ дѣтей она обучаетъ, обществу, которому она хочетъ служить, независимо отъ того, на чьи средства она сама существуетъ. Школа—не фабрика, которая обязана отчетомъ только предпринимателю-хозяину; учитель—не управляющій фабрикой, который никого знать не хочетъ, кромѣ хозяина. Къ обученію дѣтей нельзя относиться такъ, какъ къ обработкѣ хлопка или трепья.

Школа и учитель, прежде всего, отвѣтственны передъ Богомъ, передъ обществомъ и родителями своихъ учениковъ, и этой отвѣтственности ни школа, ни учитель—не должны и не могутъ уклоняться, изъ чьего-бы кармана ни отпускались деньги на ихъ содержаніе.

Во-вторыхъ, для этого школа должна находиться въ живомъ общеніи съ мѣстнымъ населеніемъ, всѣми средствами и при всякомъ удобномъ случаѣ привлекать и приближать его къ себѣ.

Въ-третьихъ, она должна относиться къ родителямъ и родственникамъ своихъ учениковъ, да вообще къ мѣстнымъ людямъ не свы-

сока и надменно, а съ лаской, доброжелательствомъ и уваженіемъ. Не ихъ вина, если они неграмотны, невѣжественны и грубы, но имъ подобаешь честь, при своемъ невѣжествѣ, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, эти темные люди сохранили какую-нибудь воспримчивость къ истинному, доброму и прекрасному.

Въ четвертыхъ, относясь съ уваженіемъ и доброжелательствомъ къ мѣстнымъ людямъ, школа должна помнить, что не люди эти, съ ихъ дѣтьми, существуютъ на свѣтѣ для школы, а школа существуетъ для нихъ, Тогда она будетъ добросовѣстно всматриваться въ окружающую жизнь, съ ея условіями и потребностями,—и разъ на всегда откажется отъ неразумной претензіи насиловать эту жизнь, ---напротивъ, сама будетъ приспособляться къ условіямъ и потребностямъ жизни, чтобы честно служить ей на благо.

XI,

Опытъ народнаго театра.

Въ старшемъ отдѣленіи школы ученики читали въ книгѣ для чтенія, одобренной Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, сцену изъ драматической хроники покойнаго Островскаго «Козьма Захаревичъ Мининъ-Сухорукъ». При этомъ учитель рассказалъ ученикамъ, какъ подобныя сочиненія, изображающія событія не въ формѣ разказа, а въ формѣ дѣйствія, представляются въ театрѣ, что такое театръ, какъ онъ устраивается, въ чемъ заключается искусство исполнителей и какое впечатлѣніе производитъ театръ на зрителя. Ученики были видимо заинтересованы.

— Вотъ бы посмотрѣть!—сказалъ Ѳедоръ Давыдовъ, одинъ изъ лучшихъ учениковъ, малый лѣтъ 15-ти, способный, любознательный и прилежный, большой охотникъ до чтенія.

Къ слову сказать, теперь этотъ Ѳедоръ Давыдовъ уже взрослый мужикъ, даже женатый, но по прежнему любознательный, падкій къ ученію и книгѣ. Изъ него вышелъ хорошій работникъ и честный человекъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ охотно посѣщаетъ всякія чтенія, всякія вечернія и воскресныя занятія, бывающія въ школѣ, постоянно беретъ книги изъ школьной библіотеки, знакомъ съ Пушкинымъ и Гоголемъ. Онъ составляетъ гордость и родной семьи и школы.

— А что, кабы да намъ самимъ представить этого Кузьму Захаревича? отозвался пріятель Давыдова, Ѳеодоръ Таранинъ, не

столько способный, сколько старательный и солидный, теперь тоже женатый мужикъ.

— Какъ же мы будемъ представлять?— у насъ нѣтъ ни театра, ни декорацій!..

— А такъ, ты говори за Минина, я буду Аксеновъ, Варя — Марѳа Борисовна, еще кто-нибудь будетъ говорить за Колзакова...

— Ну, ужъ, это что за театр! продолжалъ Давыдовъ: развѣ я похожъ на Минина? Да и безъ декорацій нельзя... Надо говорить на площади у Нижегородскаго Кремля, а у насъ тутъ столы да доски... Ничего не похоже будетъ, никто не повѣритъ...

— А ты думаешь, въ настоящемъ театрѣ всѣ такъ и вѣрятъ? Тоже, поди, понимаютъ, что не Мининъ тутъ, не Марѳа Борисовна, а все актеры...

— Понимать-то понимаютъ, а все-же съ декораціями-то выходитъ похоже на правдышное... Ну, и одѣнутся какъ слѣдуетъ, бороды, тамъ, привяжутъ, и все такое...

— Нѣтъ, что же, Таранинъ хорошо придумалъ, вмѣшался учитель: мы можемъ разобрать роли, выучить ихъ наизусть, и пускай всякъ говорить свою роль, кому какая достанется, будто въ театрѣ. Все-таки будетъ похоже на театр, особенно если будете хорошо говорить свои роли.

— Ну, что-жъ, давайте! съ оживленіемъ отозвался тотъ же Давыдовъ: я буду Мининъ!..

Роли разобрали, сперва попробовали читать по книгѣ, потомъ выучили,—и получилось нѣчто въ родѣ театральнаго представленія. Роли говорили толково, съ пониманіемъ и одушевленіемъ.

Одинъ разъ, въ рождественскіе праздники, въ школѣ была устроена ёлка, а съ ёлкой были соединены картины волшебнаго фонаря и чтенія. Между прочимъ, три ученика изображали въ лицахъ басню Крылова «Два мужика»: одинъ рассказывалъ, какъ онъ, въ пьяномъ видѣ, сжегъ свой домъ и дворъ; другой рассказывалъ, какъ онъ, тоже пьяный, упалъ съ лѣстницы и остался безъ ногъ; а третій объяснилъ имъ, что оба сами виноваты въ своемъ несчастіи. Вышло нѣчто въ родѣ театральнаго представленія, и это маленькое представленіе имѣло полный успѣхъ. Оно произвело впечатлѣніе, очень понравилось мужикамъ и бабамъ, которые были приглашены на этотъ школьный праздникъ, возбудило между ними разговоры и обсужденіе тѣхъ фактовъ и вопросовъ, какіе содержатся въ прекрасной баснѣ дѣдушки-Крылова, съ ея чисто

народнымъ русскимъ разговорнымъ языкомъ, ея бойкой и мѣткой характеристикой народныхъ нравовъ.

Но оно вызвало толки и обсуждения не только между крестьянами, а также и въ кружкѣ интеллигентныхъ лицъ, бывшихъ зрителями этого маленькаго представленія.

Сидя около самовара, они разговорились о томъ, нельзя ли отъ такихъ маленькихъ представлений, чисто школьнаго характера, перейти къ болѣе серьезнымъ народнымъ представленіямъ — и, въ концѣ концовъ, устроить вполнѣ народный театръ, съ исполнителями и зрителями изъ народа, съ репертуаромъ изъ народной жизни преимущественно и, во всякомъ случаѣ, доступнымъ пониманію даже неграмотной крестьянской среды.

Одни находили это и невозможнымъ и ненужнымъ. «Во-первыхъ, говорили, нѣтъ подходящихъ пьесъ... Что есть лучшаго въ русской драматической литературѣ, то будетъ мало понятно, или даже вовсе непонятно зрителямъ. Во-вторыхъ, не подобрать и маломальски сносныхъ исполнителей, не устроить не только талантливаго, но даже сколько-нибудь основнаго исполненія. Если въ городахъ нашихъ всѣ театры, и любительскіе, и профессиональные, страдаютъ недостаткомъ въ сносныхъ исполнителяхъ, — то гдѣ же взять ихъ для деревенской сцены? Въ-третьихъ, не найдется и зрителей. Театръ будетъ всегда представлять пустыню»...

— И это самое главное. Если бы даже, сверхъ всякаго ожиданія, нашлись удовлетворительные исполнители и пьесы, доступныя пониманію сельскаго люда, все-таки не для кого будетъ въ деревнѣ играть, развѣ для поповыхъ дочекъ, да для волостного писаря и его супруги, — такъ при чемъ же тутъ титулъ «народнаго» театра? Все дѣло въ томъ, что театръ — удовольствіе чисто городское, да и къ городскому-то русскому населенію привитое искусственно, а отнюдь не выросшее само собой изъ глубины народной жизни, — не русское, а заносное удовольствіе. Оно не соотвѣтствуетъ ни характеру, ни вкусамъ русскаго народа...

— И для чего мы будемъ усиленно прививать это чуждое нашему народу удовольствіе къ жителямъ русской деревни? Ужъ и такъ русская деревня замѣтно заражается нездоровыми городскими привычками и наклонностями: мало-по-малу теряется и народный характеръ костюма, замираетъ и народная русская пѣсня, пропадаетъ и патріархальная чистота деревенскихъ нравовъ... Кабакъ или трактиръ, уродливые городскіе наряды, папироска, пошлая фабричная гармонія и пѣсня, своеволие и распущенность

молодежи—вотъ что стало бойко врываться въ русскую деревенскую жизнь, еще недавно столь чистую, простую, полную поэзіи, наивности, патріархальной простоты. А тутъ еще — театры, пожалуй — оперетка, комическіе куплеты! Да Боже избави! Какъ хотите, правъ тотъ бывшій профессоръ, а нынѣ истинно-народный русскій учитель, который говоритъ, что русскому крестьянству ни на что не нуженъ театръ, что всѣ толки о народномъ театрѣ у насъ — блажь и пустыя бредни...

— Просто хочется празднымъ людямъ потѣшить самихъ себя, — вотъ они отъ бездѣлья, ради собственной потѣхи, и выдумываютъ какіе-то, яко бы народные, спектакли, которые народу вовсе не интересны и не нужны, за которые мужикъ снопа гнилой соломой не дастъ,—да свою потѣху прикрываютъ фразами о народномъ благѣ...

— Русскій народъ съ презрѣніемъ смотритъ на нѣмецкую «камедь», какъ на глупое ломанье, и русскій человѣкъ, не тронутый ложной цивилизаціей, совершенно неспособенъ къ этому ломанью: ему просто стыдно ломаться для потѣхи публики.

Другіе оспаривали такія сужденія.

— Ваши толки, какъ и увѣренія бывшаго профессора, если вы ихъ вѣрно передаете, свидѣтельствуя только о поверхностномъ знакомствѣ съ народомъ или о намѣренномъ игнорированіи извѣстныхъ явленій народной жизни. Если бы этого не было, то какъ можно упустить изъ виду, что многія народныя игрища и вѣковые народные обряды у насъ представляютъ собой несомнѣнные зачатки самороднаго народнаго театра, что у насъ прямо изъ народа выходили высокоталантливые актеры, каковъ, на примѣръ, былъ Щепкинъ? Нѣтъ никакихъ основаній утверждать, будто театральныя представленія противны русскому народному характеру и народнымъ вкусамъ...

— Припомните, съ какимъ удовольствіемъ смотрѣли и слушали мужики и бабы сегодня это маленькое школьное представленіе, какъ хорошо поняли его, какъ оно расшевелило ихъ мысль, какіе вызвало разговоры и обсужденія. Я думаю, что никакія рѣчи противъ пьянства не произведутъ на нихъ такого глубокаго и благотворнаго впечатлѣнія, какъ эта басенка Крылова въ лицахъ. Очень вѣроятно, что оперетки, въ родѣ „Елены прекрасной“, будутъ и вредны, и непонятны, и не по вкусу нашему солидному крестьянину, но представленія болѣе разумныя и близкія ему, по содержанію и формѣ, затрогивающіе живые вопросы народнаго быта, навѣрняка—понравятся и полюбятся крестьянину.

— И во всякомъ случаѣ ни мы, ни бывший профессор—не можемъ рѣшить, пойдутъ или нѣтъ наши крестьяне на представленія, которыя будутъ доступны и понятны для нихъ. Судя по маленькому представленію, происходившему сегодня, скорѣе—пойдутъ. По всѣмъ вѣроятностямъ, зрители будутъ. Да найдутся и толковые, а, можетъ быть, и талантливые исполнители... Припомните, какъ толково была представлена сегодня басни Крылова, съ пониманіемъ и большой правдивостью. А учитель рассказывалъ, что не менѣе толково и съ одушевленіемъ ученики школы разыгрывали въ классѣ, безъ всякихъ декорацій и костюмовъ, сцену Островскаго „Козьма Зах. Мининъ“. Повѣрьте, господа, въ русскомъ крестьянствѣ такое обиліе всякихъ талантовъ, что навѣрно найдутся способные актеры.

— А на разговоры объ устройствѣ народнаго театра, т. е спектаклей доступныхъ и понятныхъ нашему крестьянству, — нельзя смотрѣть такъ односторонне и недовѣрчиво, что это-моль пустыя выдумки и затѣи праздныхъ людей ради собственной потѣхи. Люди, которые стоятъ близко къ крестьянскому быту, которые не на словахъ только, а на дѣлѣ показали радѣніе о благѣ народа, справедливо говорятъ, что нашему крестьянству, *въ его суровой трудовой жизни, необходимо какое-нибудь захватывающее его удовольствіе.* Трудъ-то у него есть прекрасный, здоровой для тѣла и души, а удовольствія-то такого нѣтъ. Вотъ онъ и тащится въ кабакъ, пропиваетъ сперва лишнюю копѣйку, потомъ трудовыя сбереженія, запасенныя на черный день, а наконецъ ужъ и то, что необходимо для него самого и для семьи... За это его въ „холодную“ запираютъ, и порютъ, и ругаютъ, но ни „холодная“, ни розги, ни ругань, ни наставленія, ни проповѣди не помогаютъ. Почему? Потому что человѣческая потребность доставлять себѣ удовольствіе, въ видѣ отдыха и развлеченія послѣ тяжелаго мускульнаго труда, свойственная мужику, какъ и всякому живому человѣку,— не находитъ другого исхода, а исходъ ей необходимъ. Кабакъ, водка, выпивка до одурѣнія—единственный возможный исходъ для этой потребности въ русской деревнѣ, и не для одного только мужика. А это—исходъ, какъ извѣстно, очень опасный. Это засасывающее болото: оно постепенно, неудержимо тянетъ человѣка къ гибели, губить и его тѣло, и душу...

— Вы примите во вниманіе, что пьянствомъ у насъ въ деревнѣ заражается не только безграмотный крестьянинъ, вѣчно несущій тяжелый воловій трудъ, питающійся только чернымъ хлѣбомъ и

картошками, но и псаломщикъ, и волостной писарь, иногда и учитель, и землевладѣлецъ, даже и батюшка...

— Значить, внести въ сельскую жизнь новое удовольствіе, болѣе доброкачественное, нежели одуряющая выпивка, — дѣло важное. И къ этому дѣлу нельзя относиться такъ легкомысленно, какъ относитесь вы. Театральныя представленія могутъ быть именно такимъ удовольствіемъ, доступнымъ для всякаго деревенскаго жителя, даже вовсе неграмотнаго. Въ этомъ, въ ихъ доступности даже для неграмотной массы, ихъ преимущество передъ книгой. Впрочемъ, они могутъ не уступать книгѣ и въ поучительности, — все дѣло въ выборѣ піесъ для представленія. Другой вопросъ—нужна-ли усиленная погоня за намѣренной поучительностью театральныя представленій. Во всякомъ случаѣ, гоненіе противъ народныхъ театральныя представленій и глумленіе надъ ними такъ-же не-лѣпо, какъ глумленіе надъ улучшеніемъ народнаго быта. И насмѣшки надъ попытками устроить такія представленія такъ-же отзываются пошлостью и черствостью, какъ насмѣшки надъ раздачей хлѣба голоднымъ.

— Это очень снисходительно, когда такія насмѣшки объясняютъ легкомысліемъ. При нѣкоторой нетерпимости и односторонности, свойственной самимъ этимъ господамъ, для ихъ шуточекъ, можно-бы подыскать объясненіе гораздо болѣе жесткое. И думается, что оно будетъ куда справедливѣе, нежели то обвиненіе въ погонѣ за собственной потѣхой, съ которымъ выступаютъ эти господа противъ сторонниковъ народнаго театра. Извѣстно, что у насъ еще довольно людей, которые считаютъ выгодными для себя не только народную бѣдность, но и невѣжество, даже и пьянство и полный развратъ... Вотъ эти-то господа особенно усердно воюютъ противъ народной школы, противъ расширенія ея программы противъ народныхъ чтеній—и противъ народнаго театра, да ивообще противъ всего, что можетъ внести въ народную жизнь хоть одинъ лучъ свѣта.

— И они-то именно прикрываютъ свое гадкое своекорыстіе лицемѣрными фразами о святости и неприкосновенности народнаго духа, вѣковыхъ основъ народной жизни, о народной правдѣ, о преклоненіи передъ нею... Лицемѣры! они не способны ни передъ чѣмъ преклоняться, кромѣ своего кармана, и ради барыша готовы пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ...

Споръ сталъ принимать нѣсколько щекотливый характеръ, все болѣе и болѣе раздражая противниковъ, и въ концѣ концовъ не привелъ ни къ чему, какъ большая часть подобныхъ споровъ.

Большинство спорившихъ были люди прѣзжіе которые на- другой-же день разѣхались въ разныя стороны. По всѣмъ вѣро- ятностямъ, для нихъ этотъ споръ не имѣлъ никакого значенія и прошелъ безъ всякихъ послѣдствій. Но онъ не прошелъ безслѣдно для присутствовавшихъ тутъ мѣстныхъ жителей. Послѣ спора осталась на мѣстѣ мысль объ устройствѣ народныхъ театральныхъ представленій. Эта мысль крѣпко засѣла въ головахъ мѣстныхъ людей, которые и рѣшились сдѣлать опытъ.

Большая классная комната, состоящая собственно изъ двухъ комнатъ, соединенныхъ аркою, съ двумя выходами въ переднюю и однимъ въ комнату учителя, представляла всѣ удобства для устройства небольшой сцены и порядочнаго помѣщенія для зри- телей. Исполнителей надо было набирать изъ бывшихъ учениковъ и ученицъ. Самымъ труднымъ дѣломъ представлялся выборъ пьесы. На первый разъ необходимо было, при этомъ выборѣ, имѣть въ виду слѣдующія соображенія:

1) чтобы содержаніе пьесы, кромѣ безукоризненности въ нрав- ственномъ отношеніи, въ смыслѣ благотворности впечатлѣнія, было взято изъ народнаго быта, знакомаго исполнителямъ и зрителямъ;

2) чтобы между дѣйствующими лицами преобладали подростки, такъ какъ большинство исполнителей еще не совершенно взрослые люди;

3) чтобы пьеса, при самыхъ умѣренныхъ художественныхъ тре- бованіяхъ, все-таки не лишена была нѣкотораго литературнаго достоинства,—по крайней мѣрѣ, изображала-бы сцены изъ народ- наго быта правдиво и жизненно;

4) чтобы пьеса не была ни слишкомъ серьезна и скучна, ни безсодержательна и пуста.

Остановились для начала на пьесѣ г. Васильева „Сиротка“, сцены изъ народнаго быта (изд. 2-е Спб. 1887 года, ц. 40 к.).

Въ пьесѣ два дѣйствія или двѣ сцены. Большая часть дѣй- ствующихъ лицъ—подростки, мальчики и дѣвочки. По содержанію, она не представляется ни безжизненной и пустой, ни дѣланой и фальшивой, ни приторно поучительной и скучной, но въ ней есть хорошая мысль, выраженная достаточно ясно и живо. Дѣй- ствіе развивается естественно, разговоры ведутся народной рѣчью, схваченной довольно вѣрно, безъ поддѣлки, безъ утрировки и безъ грубо — стенографическаго характера. Характеры дѣйствующихъ лицъ, правда, намѣчены довольно поверхностно и блѣдно, но все-же правдиво. Среди дѣйствія и разговоровъ искусно введены на-

родныя игры и пѣсни, что придаетъ пьесѣ не мало оживленности и разнообразія. Въ цѣломъ отъ пьесы получается на сценѣ удовлетворительное впечатлѣніе.

Первая сцена представляетъ сельскую улицу въ праздничный день. Здѣсь обрисовывается трудное положеніе сироты въ чужой семьѣ. Вторая сцена представляетъ полянку въ лѣсу, ночью, при лунномъ свѣтѣ. Разговоры мальчиковъ, которые стерегутъ лошадей и расположились около костра, напоминаютъ «Бѣжинъ лугъ» Тургенева: сцена очень живая, поэтическая и правдивая. Среди суетвѣрныхъ разсказовъ и толковъ искусно введены умныя рѣчи мальчика, который учился въ школѣ и очень просто разбиваетъ страхи и фантазмагоріи своихъ товарищей. Здѣсь же является старый лѣсникъ, который выручаетъ сиротку изъ труднаго положенія, и пьеса оканчивается веселой народной пѣсней, которую поютъ хоромъ мальчики и дѣвочки.

Собрались бывшіе ученики и ученицы школы и выслушали прочитанную имъ пьесу. Пьеса понравилась, и роли, которыя уже были заблаговременно переписаны, разобрали охотно. Затрудненіе въ выборѣ подходящихъ исполнителей для взрослыхъ ролей—пожилой крестьянки Домны и стараго лѣсного сторожа Михѣя Иванова—уладилось очень легко. Между бывшими учениками, окончившими курсъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нашлись: дѣвушка лѣтъ 18—19, которая взяла на себя роль Домны, и малый лѣтъ 19, выглядывавшій старше своихъ лѣтъ, котораго еще въ школѣ называли въ шутку «дѣдушкомъ»,—онъ взялъ роль лѣсного сторожа. Правда, оба эти лица, ни на этотъ разъ, ни въ послѣдствіи, не обнаружили сценическихъ дарованій, но оба они оказались, во-первыхъ, старательными и толковыми исполнителями, не портящими никакой роли, во-вторыхъ, очень покладливыми, принимающими на себя всякую роль, какую имъ дадутъ, и всегда усердно работающими надъ ней. Благодаря этой покладливости и трудолюбію, они впоследствии обнаружили большой успѣхъ въ сценическомъ искусствѣ и дали возможность ставить пьесы, которыя безъ нихъ, при существующихъ наличныхъ силахъ, были бы совершенно невозможны. На остальные роли (дѣвочекъ и особенно мальчиковъ) охотниковъ было такъ много, что можно было дѣлать выборъ; дѣвочки всѣ получили по роли, потому что ихъ было какъ разъ столько, сколько нужно, но изъ мальчиковъ были выбраны наиболѣе подходящіе, сколько можно было объ этомъ судить, зная ихъ характеры и способности. Выборъ, какъ показали результаты, былъ сдѣланъ удачно, и первая

же репетиція показала, что сцена мальчиковъ въ «ночномъ» будетъ, по исполненію, лучшее мѣсто во всей пьесѣ. Пока исполнители считывались, изучали, заучивали роли и три—четыре раза въ недѣлю репетировали безъ декорацій, безъ надлежащей обстановки, безъ костюмовъ и гримировки, шла подготовка сцены, декорацій и обстановки. Приготовили занавѣсъ изъ сѣраго (небѣленаго) холста съ красными кумачными полосами и оборками, на шнуркахъ и кольцахъ: вышло очень красиво и удобно. Декораціи писали масляными красками на длинныхъ полосахъ шведскаго картона, который продается по 1 р. 25 к. за кусокъ, длиною до 25 аршинъ, а шириною въ аршинъ. Для экономіи и удобства писали на обѣихъ сторонахъ картона: на одной сторонѣ—деревенскую улицу, на другой—лѣсъ, такъ что для перемѣны декораціи, во время антракта, стоило только перевернуть ихъ на другую сторону, и улица очень скоро обращалась въ лѣсъ. Писали масляными, а не клеевыми красками; тоже не безъ расчета: хотя масляныя краски обходятся дороже и даютъ рисунокъ менѣе яркій, но зато картонъ, пропитанный масломъ, теряетъ свою ломкость и пріобрѣтаетъ большую прочность, что не лишено значенія, особенно при томъ способѣ установки декорацій, къ которому пришлось прибѣгнуть. Декораціи привѣшивали на крючки, привинченные къ потолку, для этого на обоихъ концахъ каждой декораціи приклеили деревянные бруски: одинъ для привѣшиванія на крючки, другой для того, чтобы картонная полоса висѣла ровно.

Послѣ пяти—шести репетицій дѣло пошло на ладъ. Мало по малу твердо выучили роли, разучили и хоры, приготовили декораціи и всю необходимую обстановку: луну, костеръ, соловья и тому под.

Для перваго опыта былъ устроенъ бесплатный спектакль. Для соблюденія порядка, раздавались билеты (крестьяне называютъ ихъ «ерлыками»), но раздавались бесплатно. Желающихъ получить «ерлыкъ» оказалось такъ много, что удовлетворить всѣхъ не было никакой возможности. Пришлось назначить сперва второй повторительный спектакль, а потомъ и третій, и послѣ каждого спектакля число желающихъ попасть на представленіе не уменьшалось, а увеличивалось. На каждое представленіе можно было допустить не болѣе 70 человекъ, и три спектакля не могли удовлетворить все мѣстное населеніе. Во всякомъ случаѣ, первый опытъ народнаго театра можно было считать удавшимся: и исполненіе, для начала, было весьма сносное, и мѣстнымъ людямъ представленіе понравилось.

Относительно исполненія, какъ уже было говорено, лучшею, наиболѣе удачною оказалась сцена мальчиковъ въ «ночномъ». Тутъ дѣти были хороши, естественны, правдивы и характерны, всѣ исполняли свои роли съ наивною правдивостью, съ искреннимъ простодушнымъ увлеченіемъ, съ непринужденной натуральной бойкостью. Удалась и пѣсня соловья, которая на нѣсколько минутъ прерываетъ болтовню ребятишекъ, внося затѣмъ въ эту болтовню новое содержаніе. Извѣстная самодѣльная машинка, состоящая изъ гусянаго пера, опущеннаго въ кружку съ водой, при нѣкоторой сноровкѣ, отлично подражаетъ соловьиному пѣнію. Сцена получилась очень живая, интересная и поэтическая. Всѣ слушали и смотрѣли съ напряженнымъ вниманіемъ, совершенно тихо... вдругъ кто то прервалъ эту тишину громкимъ короткимъ восклицаніемъ: «ловко!»

Вообще мальчики обнаружили больше живости, пониманія и правдивости въ исполненіи ролей, больше сценической способности, нежели дѣвочки, рѣчи которыхъ все какъ то смахивали на повтореніе заученнаго урока, а фізіономіи и движенія отзывались вялостью и принужденностью. Только впоследствии и у нихъ,—конечно не у всѣхъ,—стала замѣчаться «игра», въ смыслѣ пониманія и нѣкотораго увлеченія ролью.

Впрочемъ, сиротка Дуня, дѣвочка живая и даровитая, только что окончившая курсъ школы со свидѣтельствомъ и похвальнымъ листомъ (говоримъ про исполнительницу), играла недурно, не крайней мѣрѣ толково и развязно,—ей не доставало только увлеченія ролью и много мѣшала смѣшливость, порою совсѣмъ неумѣстная. Много оживлялъ первое дѣйствіе мальчикъ со змѣемъ, исполнявшій свою маленькую роль очень бойко, даже задорно. Зато игры и разговоры дѣвочекъ шли довольно вяло, принужденно; выручили только хоры. Взрослыя роли, тетка Домна и лѣсной сторожъ Михѣй Ивановъ, исполнялись не особенно живо, но старательно и дѣльно. Въ заключеніе, когда все дѣйствіе окончилось благополучно, два мальчика, въ красныхъ рубахахъ, лихо плясали подъ звуки извѣстной хоровой пѣсни «Ахъ, вы, сѣни, мои сѣни!».

Публика держалась скромно и сдержанно, но, видимо, была заинтересована и увлечена новымъ для нея удовольствіемъ. Изрѣдка слышался откровенный смѣхъ или раздавалось восклицаніе, въ родѣ: «ой, ловко!» или «лихо!» и т. п.

По селу, послѣ перваго же спектакля, пошли толки, что «охъ, хорошо въ тіатрѣ», «занятно и весело», «ребята приставляютъ ловко:

Оедюха солдатомъ нарядился, и усы у него сѣдые, и говорить не своимъ голосомъ», «Наташа казанской сиротой прикинулась, и не подумаешь, что внучка Василя Иваныча», «а ужъ плясали Николка съ Васькой важно, то-есть всеми суставами». Все-таки трудно было подмѣтить, какъ сельская публика поняла представленіе, насколько увлеклась имъ и что именно ей нравилось въ этомъ представленіи. Шли на спектакль охотно, на перебой, — не хватало мѣстъ и билетовъ, но, вѣдь, билеты раздавались бесплатно, а «даровому лѣнливый не радъ». Поэтому, не смотря навидимый успѣхъ первыхъ спектаклей, возможность деревенскаго театра, какъ желаннаго удовольствія высшаго порядка и противовѣса кабаку, была еще под сомнѣніемъ. Только очевидная готовность деревенскихъ людей хоть бы чѣмъ нибудь пожертвовать, да побывать въ театрѣ могла разсѣять это сомнѣніе.

Прошелъ годъ. Наступила новая зима. И что же? Совершенно неожиданно, какъ то сами собой, безъ всякаго особеннаго повода, появились вопросы и разговоры о театрѣ. Спрашиваютъ: будетъ ли нынѣ театр? а хорошо бы опять посмотрѣть, особенно — если бы что нибудь новенькое! Вспоминали прошлогоднія представленія, хвалили. А юные артисты настойчиво просили ролей. Все это явно показывало, что таатромъ заинтересовались, что впечатлѣніе осталось довольно сильное и глубокое, что возобновленія и продолженія спектаклей желаютъ.

Съ этого времени устроились спектакли съ умѣренной платой за билетъ 20 и 10 коп. для публики исключительной, въ родѣ волостнаго начальства и т. под. деревенской знати, 5 коп., 3 коп., 2 к. и 1 коп. Оказалось, что деревенскіе люди не прочь пожертвовать за вечеръ нѣсколько коп., лишь бы побывать въ театрѣ. Конечно, крестьяне брали больше самые дешевые билеты, и копеечная публика была самая интересная. Въ общемъ, сборы не превышали 5—6 рублей за спектакль. Деньги поступали въ общую кассу, а по окончаніи всѣхъ спектаклей производился дѣлежъ ихъ между исполнителями. Каждый получалъ долю, соотвѣтствующую его участію въ спектакляхъ; доля одного лица не превышала 3-хъ рублей, большинство довольствовалось меньшимъ.

Понятно, что нельзя-же было все повторять одну «Сиротку». И вотъ, въ репертуаръ нашего деревенскаго театра, кромѣ «Сиротки» и дивертисиментовъ, съ пѣніемъ и чтеніемъ стихотвореній, постепенно входили новыя пьесы; выборъ ихъ обусловливался какъ соображеніями первоначальными, такъ и наличными сценическими

силами, которыя теперь уже значительно выяснились, а также другими условіями возможности ихъ постановки. Строгая разборчивость была невозможна, и безъ ошибокъ обойтись было трудно. Вотъ эти пьесы.

«Жизнь за Царя», представленіе для народнаго театра въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 6-ти картинахъ («Читальня народной школы» за 1889 годъ). Это представленіе, нѣчто въ родѣ драмы, переделано изъ либретто извѣстной оперы Глинки. Понятно, что въ немъ изображается знаменитый подвигъ Сусанина въ 1613 году. Въ дѣйствіе введены хоры, по большей части народныя пѣсни, а въ заключеніи сохраненъ хоръ «Славься» съ колокольнымъ звономъ. Постановка пьесы довольно сложная, съ перемѣною декораций, съ появленіемъ зари и т. под., но это значительно усиливаетъ эффектность представленія, и оно особенно понравилось публикѣ, такъ что его приходилось повторить нѣсколько разъ и постоянно при полномъ сборѣ. Большое впечатлѣніе производила геройская смерть Сусанина, а также послѣдняя картина, представляющая внутренность Кремля и сопровождаемая торжественнымъ хоромъ и колокольнымъ звономъ. Крестьяне очень одобряли Сусанина за его подвигъ, одобряли и того, кто исполнялъ эту роль, но, кажется, не столько за исполненіе,—впрочемъ, вообще говоря, очень старательное и дѣльное,—сколько за симпатичныя стороны роли.

Въ исполненіи здѣсь въ первый разъ обнаружилась несомнѣнная сценическая даровитость, нѣчто въ родѣ таланта, въ одномъ мальчуганѣ лѣтъ 15-ти, исполнявшемъ небольшую роль пана Копычинскаго, начальника польскаго отряда. Онъ не только понялъ роль и выполнялъ ее толково, но и внесъ въ нее кое-что свое: сохраняя надлежащую важность и кичливость, онъ придавалъ своей роли комическій оттѣнокъ, благо у него оказалось вдоволь природнаго комизма, состоящаго не въ кривляньи, а въ непринужденномъ умѣньи смѣшить безъ всякихъ шутовскихъ выходовъ. Къ этому надо прибавить, что въ игрѣ этого юноши нельзя было замѣтить ни заученности, ни стѣсненія: онъ держался на сценѣ свободно, просто, словомъ—какъ дома. Съ перваго же представленія «Жизни за Царя», Иванъ Бухоновъ обратилъ на себя общее вниманіе и сталъ любимцемъ мѣстной публики. Перейдемъ къ другимъ пьесамъ.

«Не такъ живи, какъ хочется», бытовая драма покойнаго Островскаго, съ нѣкоторыми сокращеніями. На эту драму выпалъ наибольшій успѣхъ, послѣ «Жизни за Царя». Постановка

ея особенно удалась: роли пришлось всё́мъ болѣе или менѣе по плечу и по вкусу; разнообразныя хоры, внесенныя въ пьесу, преимущественно во второе дѣйствіе (масленица), исполнялись бойко и весело; даже въ многочисленныхъ сценахъ не было ни путаницы ни суеты, ни вялости. Въ исполненіи выдавались: кузнецъ Еремка—Иванъ Бухоновъ, комизмъ котораго здѣсь нашелъ себѣ обильную пищу, и содержательница постоялаго двора Спиридоновна; въ исполненіи послѣдней роли, кромѣ толковости, тоже видѣлась «игра».

За недостаткомъ исполнительницъ на взрослыя роли, на роль Груши пришлось пригласить неграмотную, но бойкую дочь мѣстнаго кузнеца,—и та выполнила свое дѣло недурно, потому что роль хорошо подошла къ ней, а заучила она ее со словъ подружки, дочери псаломщика. Эту драму тоже пришлось повторить нѣсколько разъ, потому что не только всё хотѣли посмотрѣть ее, но многіе желали видѣть и во второй и въ третій разъ. Публика уже становилась разборчивой: многіе, покупая «ерлыки», уже требовали или «Жизнь за Царя», или «Кузнеца Еремку», и только въ крайности, за неимѣніемъ свободныхъ мѣстъ, брали билетъ на «Сиротку». Драму Островскаго стали называть не авторскимъ названіемъ «Не такъ живи», а своимъ—«Еремка кузнецъ», и въ этомъ, кажется, выразилось, что именно болѣе всего понравилось въ представленіи. И по разговорамъ по поводу его, и по восклицаніямъ и веселому смѣху во время самаго представленія, видно было, что сила впечатлѣнія заключалась не въ поучительной сторонѣ, а въ занимательности событій, въ смѣшныхъ комическихъ сценахъ и пѣсняхъ. Оно и понятно: не учиться шли зрители въ театръ, а отдохнуть, позабавиться. Между прочимъ, Еремка, съ балалайкой въ рукахъ, поетъ комическую пѣсню «Жилъ Еремка да Оома», а хоръ дѣвушекъ припѣваетъ: «ой лапти мои, лапоточки мои»,—эта пѣсня приводила публику въ полный восторгъ. Но нельзя сказать, чтобы и поучительная сторона драмы проходила незамѣченной: всё осуждали Петра и за безобразную семейную жизнь, и за разгулъ, и за непочтительность къ отцу; всё съ интересомъ слушали послѣдній его рассказъ, какъ звонъ колокола спасъ его отъ проруби, и радовались его раскаянію.

Вообще мы считаемъ эту превосходную драму Островскаго одною изъ самыхъ лучшихъ и вполне пригодныхъ пьесъ для народнаго театра. Она и для исполненія не представляетъ большихъ трудностей. Конечно, мы говоримъ не объ артистическомъ, а только

о сносномъ исполненіи, которое не искажаетъ пьесы и жизни, не совершенно лишено жизненной правды.

«Недоросль», сцены изъ комедіи Фонъ-Визина,—именно сцены ученя Митрофанушки. Мысль поставить эти сцены вызвана была тѣмъ натуральнымъ и живымъ комизмомъ, который обнаружился въ Иванѣ Бухоновѣ, о чемъ было говорено выше. Можно было ожидать, что изъ него выйдетъ хорошій Митрофанушка, и яесьма было интересно испытать, хватить ли у этого юноши умѣнья и догадки примѣнить свою комическую способность къ условіямъ совершенно иной жизни, перелицеваться изъ кузнеца Еремки въ барчука Митрофанушку. Иванъ Бухоновъ оправдалъ ожиданія, на него возложенныя: онъ явился очень забавнымъ, но отнюдь не карикатурнымъ Митрофаномъ Простаковымъ. Цыфиркинъ и Кутейкинъ были тоже весьма удовлетворительны, Вральманъ—нѣсколько карикатуренъ. Но вообще сцены сошли весьма весело и живо, и публика много смѣялась добродушнымъ и заразительнымъ смѣхомъ.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что составъ нашей публики, послѣ первыхъ спектаклей, значительно измѣнился.

Вѣсти о нашихъ деревенскихъ спектакляхъ разошлись по окрестности. Стали приходять и пріѣзжать гости изъ сосѣднихъ селеній и даже изъ города: это была публика по большей части дорогая, очень полезная для увеличенія сбора. Одни пріѣзжали изъ любопытства, интересуясь актерами и актрисами изъ крестьянъ, никогда не видавшими ни театра, и почти ничего, кромѣ родного села. Другіе, сельскіе учителя, волостные писаря, фельдшера, ихъ жены и родственники,—просто для развлечения отъ утомительнаго однообразія сельской жизни. Какъ бы то ни было, публика постепенно пріобрѣла болѣе разношерстный характеръ, сравнительно съ первыми спектаклями. Горожане внесли въ мѣстные театральные нравы открытое и шумное выраженіе своего удовольствіе въ видѣ аплодисментовъ и вызововъ.

«Козьма Захаревичъ Мининъ-Сухорукъ», сцены изъ драматической хроники Островскаго, именно—сцены на площади, когда Мининъ своею рѣчью и своимъ религіозно-патріотическимъ воодушевленіемъ поднялъ нижегородцевъ на спасеніе Москвы и отечества. Представленіе понравилось сколько своей сущностью, столько и красивой внѣшней обстановкой. Вообще, сколько мы замѣтили, крестьянъ болѣе интересуютъ сцены не обыденнаго характера, а выходящія изъ уровня обыденной жизни, особенно же героическія, обнаруживающія чрезвычайный подъемъ духа, или

забавныя, вызывающія веселость и смѣхъ. Воодушевленіе Минина было недурно, съ пониманіемъ и увлеченіемъ, передано тѣмъ самымъ Оедоромъ Давыдовымъ, о которомъ мы говорили въ началѣ этого очерка, который еще школьникомъ выражалъ желаніе представить Минина. Зрители, видимо, поняли и оцѣнили это одушевленіе народнаго русскаго героя.

«Омутъ», или «Въ городъ на чалочкѣ, а изъ города на палочкѣ», рассказъ въ лицахъ изъ деревенской жизни, для народнаго театра, Н. А. Полушина (Москва, 1889 г.). Это нѣчто въ родѣ комедіи изъ народнаго быта, въ двухъ дѣйствіяхъ. Омутъ, губящимъ людей, здѣсь представляется городъ. Основная идея комедіи выражается въ словахъ дѣда Данилы: «Развѣ можно мужика, али бабу, али дѣвку отъ земли, да отъ деревни отрывать, да въ городъ бросать?» «Кажинный мужикъ, какъ корень матерой, сиди на землѣ да ростокъ пущай. Родился въ деревнѣ и помирай въ деревнѣ». «Деньги въ городѣ остались, а у насъ—хлѣбъ. Посмотримъ, кто осилитъ!»

Очевидно, что комедія бьетъ на поученіе, хочетъ отвадить крестьянъ отъ города, прикрѣпить къ деревнѣ и къ землѣ. Ничего дурного въ этомъ, конечно, нѣтъ; но въ погонѣ за поученіемъ авторъ пересаливаетъ, и главное дѣйствующее лицо, дѣдъ Данило, произноситъ такъ много и такихъ длинныхъ поучительныхъ рѣчей, притомъ въ сущности повторяя на разные лады все одно и то же, что является уже не живымъ лицомъ, а скучноватымъ резонеромъ, воплощеннымъ поученіемъ, и вся пьеса отъ этого становится нѣсколько скучной, надоѣдающей. Выручаютъ двѣ-три комическія сцены: въ первомъ дѣйствіи, которое называется «Проводы», появленіе деревенской сплетницы Козихи, лица довольно комическаго, а во второмъ—возвращеніе (и дѣйствіе называется «Возвращеніе») изъ города Ивана и Аграфены и ихъ взаимная перебранка, при чемъ они незамѣтно раскрываютъ всѣ городскія похождения свои: какъ въ этой перебранкѣ, такъ и въ самой наружности, въ отрепанныхъ городскихъ нарядахъ возвратившихся, много забавнаго. Вотъ эти комическія сцены нѣсколько оживляютъ довольно монотонное дѣйствіе и публику, которая помираетъ со смѣху, глядя на Козиху и на этихъ городскихъ щеголей, на Аграфену съ дырявымъ зонтикомъ и на Ивана съ гармоніей. Если бы не эти забавныя сцены, зрители, кажется, задремали бы; умныя поучительныя рѣчи Данилы съ перваго раза привлекаютъ къ себѣ вниманіе, но скоро надоѣдаютъ: «ну, затвердилъ старикъ, заладилъ все одно да одно,—

надо́ль!» Надо сказать, что исполненіе пьесы было довольно удовлетворительное, и неуспѣхъ ея никакъ нельзя приписывать исполненію. Толковый Ѳедоръ Давыдовъ очень старался и былъ вполнѣ приличенъ въ роли Данилы, игралъ съ огонькомъ и съ выдержкой. Козиха, а также Иванъ и Аграфена, возвратившіеся изъ города, были не карикатурны, но достаточно забавны.

«Что такое жена?» комедія въ одномъ дѣйствіи, для народнаго театра, сочиненіе Н. А. Полушина, страдающая тѣми же недостатками, какъ и предыдущая, но не содержащая въ себѣ такихъ забавныхъ сценъ и явленій, какія оживляютъ послѣднюю, имѣла еще меньше успѣха. Въ ней главное дѣйствующее лицо, въ образѣ котораго воплощается основная мысль, что бабу надо любить, беречь и учить «добромъ»,—тоже скучный резонеръ (старикъ Филиппъ). Онъ все поучаетъ и говоритъ длинныя рѣчи, очень сильныя, даже краснорѣчивыя, не безъ ораторскихъ замашекъ, но тѣмъ не менѣе довольно скучныя. Это скучное резонерство Филиппа такъ надо́даетъ, что публика съ большимъ сочувствіемъ начинаетъ относиться къ рѣчамъ его противника Дмитрія, кратко возражающаго, что «безъ страха невозможно... на то жена!» Въ концѣ концовъ поучительная цѣль автора совсѣмъ теряется. Вотъ что значитъ пересолить: какъ разъ придешь къ результату, прямо противоположному своей цѣли. И опять причина неуспѣха пьесы лежала не въ исполненіи, весьма порядочномъ, а въ самой пьесѣ.

Справедливость требуетъ сказать, что обѣ комедіи г. Полушина и задуманы, и написаны очень недурно; въ нихъ правдиво и мѣтко схвачены истинныя явленія народной жизни; лица говорятъ не выдуманномъ и не искаженнымъ народнымъ языкомъ; въ нихъ есть и намеки на характеры, проведенные довольно послѣдовательно. Дѣло испортило распространенное у насъ заблужденіе, будто въ литературѣ для народа непременно нужны поученія, будто для него недостаточно простого изображенія безобразныхъ или свѣтлыхъ явленій жизни, а необходимы еще истолкованія ихъ и поучительные выводы, которыхъ онъ самъ якобы сдѣлать не въ состояніи. Не довѣряя живому впечатлѣнію, которое вызывается простымъ правдивымъ изображеніемъ безобразныхъ явленій жизни, съ ихъ естественными послѣдствіями, авторъ ввелъ въ свои комедіи усердствующихъ резонеровъ, которые своими скучными и дѣланными поученіями расхолаживаютъ живое впечатлѣніе, наводятъ скуку, утомляютъ и только вредятъ дѣлу.

«Василиса Марковна», лучшая изъ пьесъ, написанныхъ г. По-

лушинымъ, хотя тоже не свободная отъ претензій на поученіе народа, но, повидимому, рассчитанная больше на поучительность впечатлѣній, нежели длинныхъ рѣчей. Сильно драматическая роль героини можетъ затруднить удовлетворительное исполненіе пьесы, потому что на такія женскія роли всего труднѣе найти и способныхъ, и желающихъ исполнительницъ, по крайней мѣрѣ, у насъ.

«Чужое добро въ прокъ нейдетъ», драма А. Потѣхина, съ нѣкоторыми сокращеніями. Эта пьеса трудна для исполненія въ полномъ видѣ; покушеніе на убійство и раскаяніе, какъ вообще сильно драматическія сцены, совсѣмъ не удаются. Мы оставляемъ безъ сокращеній первое дѣйствіе, а прочія упростили сообразно съ силами исполнителей, заботясь только о сохраненіи общаго смысла пьесы.

«Майская ночь», комедія въ 3 дѣйствіяхъ, передѣланная изъ повѣсти Гоголя, при чемъ дѣйствіе перенесено изъ малороссійской деревни въ великороссійскую, а сцена съ русалками, по многимъ причинамъ неудобная для постановки, обращена въ сонъ.

Пьеса веселая, идетъ бойко и нравится.

«Слава Богу, мужъ лапотъ сплелъ», комедія Кохановской съ нѣкоторыми передѣлками и сокращеніями: устранена идеализація барства при крѣпостныхъ порядкахъ, которымъ въ пьесѣ приданъ небывалый благодушно-патріархальный характеръ.

Идетъ хорошо и нравится.

«Степка отпѣтый», сцены изъ народной жизни въ 4 дѣйствіяхъ, О. Грекова («Читальня народной школы» за 1890 годъ). Пьеса эта написана очень бойко, правдиво, весело и тѣмъ особенно удобна, что большая часть дѣйствующихъ лицъ въ ней, подобно «Сироткѣ» г. Васильева, подростки. Нѣкоторыя трудности постановки, на примѣръ плаваніе въ лодкѣ по рѣкѣ, мы устраняемъ, перенося за сцену. Благодаря превосходному исполненію главной роли, пьеса идетъ очень весело и чрезвычайно нравится.

Ямщики, сцены Григорьева, идутъ съ успѣхомъ, благодаря очень типичному исполненію роли старосты.

Бобыль, комедія, передѣланная изъ сценъ Круглополева, причемъ прибавлено 3-е дѣйствіе, съ ряжеными, и ослабленъ драматизмъ послѣдней сцены, съ сохраненіемъ общаго смысла пьесы, (Бобыль жертвуетъ личнымъ счастьемъ ради счастья любимой дѣвушки), одна изъ самыхъ любимыхъ пьесъ: типическія фигуры знахаря и свахи, колядованіе, гаданье, ряженые, свадебные обряды, разнообразное пѣніе, все это приходится по вкусу деревенской публикѣ и доставляетъ ей истинное наслажденіе.

Первый винокуръ Л. Толстого шель превосходно одинъ разъ, но «чертовщина», играющая въ піесѣ такую важную роль, принудила снять ее со сцены.

Заканчивая нашъ настоящій очеркъ, мы думаемъ, что произведенъ дѣйствительный опытъ деревенскаго народнаго театра, именно въ томъ видѣ, какъ того желали лица, споръ которыхъ былъ изложенъ въ началѣ этого очерка. И этотъ опытъ поможетъ читателю рѣшить вопросъ, бывший предметомъ изложеннаго спора. Сдѣлаемъ и мы свои выводы изъ этого опыта.

Надо согласиться, что народный театръ, съ исполнителями и публикой изъ народа, съ пьесами, доступными вниманію этой публики, въ русской деревнѣ и желателенъ, и возможенъ. Онъ, дѣйствительно, внесетъ въ народную жизнь новое удовольствіе, неизмѣримо высшаго качества, нежели тѣ, которыми приходится обыкновенно продовольствоваться нашему деревенскому люду, удовольствія низменныя и грубыя. Это гораздо важнѣе, нежели кажется съ перваго раза. Не можетъ человѣкъ наполнить свою жизнь однимъ трудомъ, даже самымъ интереснымъ и разнообразнымъ,—ему нужно, время отъ времени, наслажденіе, удовольствіе, развлеченіе, и надо желать, чтобы это было удовольствіе не грубое, низменное и губительное, а здоровое, освѣжающее и возвышающее.

На народный театръ и надо смотрѣть именно какъ на таковое удовольствіе для людей, большую часть своей жизни отдающихъ тяжелому труду. Цѣлью его, прежде всего, надо поставить не поученіе, а именно развлеченіе для трудящихся чернорабочихъ. Безъ сомнѣнія, театръ можетъ и будетъ способствовать смягченію нравовъ, но не нарочитой поучительностью, а именно какъ удовольствіе высшаго порядка, освѣжающее духъ и силы, тогда какъ обычныя удовольствія и развлеченія нашего простонародья грубы и низменны, развращаютъ и разоряютъ его. Постепенно, мало по малу, устраняя или, по крайней мѣрѣ, хотъ ослабляя силу этихъ послѣднихъ, театръ будетъ полезенъ, помимо всякихъ нарочитыхъ поученій, живыми впечатлѣніями, возвышающими духъ, проясняющими мрачное и унылое настроеніе, разгоняющими тяжелыя и безотрадныя думы. Довольно и этого, лишь бы только нашъ рабочій людъ полюбилъ театръ больше кабака, предпочиталъ его кабаку, охотнѣе несъ свою трудовую копейку въ театръ, нежели въ кабакъ. Неумѣлая погоня за поучительностью какъ разъ можетъ испортить дѣло. Надо въ народномъ театрѣ давать народу именно то, что ему нравится, а не навязывать насильно то, что мы признаемъ полезнымъ и поучительнымъ для

него, — и дѣло смягченія нравовъ, посредствомъ театра, сдѣлается само собой. Эта простая театральная публика, руководимая только непосредственными впечатлѣнїями, обладаетъ хорошимъ и вѣрнымъ чутьемъ, легко угадывающимъ всякую фальшивую выдумку, сочиненную для ея поученія, какъ бы искусно она ни была замаскирована. Она такъ же легко раскусываетъ противное ей поученіе, предлагаемое ей подъ видомъ удовольствія, какъ ребенокъ чуетъ касторовое масло, примѣшанное къ сладкому сиропу.

Надо согласиться, что для народнаго театра въ нашей деревнѣ найдется и публика, которая будетъ посѣщать его охотно, и кружокъ толковыхъ исполнителей, если въ деревнѣ, благодаря школѣ, уже есть смышленная, грамотная и читающая молодежь. Родители-крестьяне ничего не имѣютъ противъ участія ихъ дѣтей въ театральныя представленія, ничего дурного и позорнаго въ этомъ они не видятъ, ни для своихъ мальчиковъ, ни для дѣвочекъ; а крестьянская молодежь берется за это дѣло охотно, добросовѣстно и толково. Конечно, на таланты и блестящее исполненіе ролей напасть не легко, но толковые и старательные исполнители вездѣ найдутся.

Что касается содержанія народныхъ представленій, то надо помнить, что все значеніе, вся сила ихъ заключается въ характерѣ впечатлѣній, производимыхъ на зрителей. Важно, чтобы они не нагоняли скуки и не возбуждали недовѣрія, — напротивъ, привлекали бы къ себѣ и захватывали вниманіе, а затѣмъ, конечно, нужны впечатлѣнія смягчающія, возвышающія, возбуждающія отвращеніе, антипатію и смѣхъ по отношенію къ явленіямъ жизни грубымъ, неодобрительнымъ, безобразнымъ, сочувствіе къ явленіямъ свѣтлымъ. Опытъ показалъ, что всего болѣе нравятся зрителямъ изъ народа, сильнѣе привлекаютъ ихъ вниманіе тѣ представленія, которыя даютъ изображенія не заурядной будничной жизни, а чего либо выходящаго изъ ряда, что, на примѣръ, отличается трагическимъ или героическимъ характеромъ, или что очень забавно, что поражаетъ или вызываетъ неудержимый смѣхъ. Въ этомъ очеркѣ указано нѣсколько пьесъ, которыя нравятся зрителямъ-крестьянамъ, но, конечно, въ русской драматической литературѣ можно найти еще не мало произведеній, вполне пригодныхъ для народнаго театра и, можетъ быть, лучшаго качества. Вѣроятно, въ силу потребности, явятся и новыя произведенія, какъ явились въ послѣднее время упомянутые выше драматическіе опыты г. Полушина.

Пожелаемъ, чтобы новыя писатели, посвящающіе свое перо народному театру, освободились отъ несчастной мысли непременно

поучать. Это и вообще вредить достоинству и популярности литературныхъ произведеній, а особенно—произведеній драматическихъ.

ХІІ.

Итоги и уроки голоднаго года.

Послѣдній неурожай (1891 г.), вызвавшій голодовку въ значительной части земледѣльческой Россіи, въ нашемъ краѣ подготовлялся постепенно и былъ послѣдствіемъ цѣлаго ряда неблагоприятныхъ явленій, которыя слѣдовали одно за другимъ въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ.

Не выяснено, случайныя и временныя были это явленія или достаточно устойчивыя, какъ естественный и необходимый результатъ такихъ прочныхъ климатическихъ и почвенныхъ измѣненій, которыя произошли, въ значительной мѣрѣ, отъ нашего неблагоразумія, отъ нашей малокультурности: истребленія лѣсовъ, истощенія почвы, плохой обработки земли, невѣжественной косности въ земледѣльческомъ хозяйствѣ и т. под. Между тѣмъ, это—вопросъ очень важный, можно сказать—роковой, и жаль, что у насъ мало думаютъ о немъ. Трудно сказать, на сколько основательны и утѣшительны ссылки на прежніе неурожаи, за которыми слѣдовали десятки удовлетворительныхъ и даже обильныхъ урожаевъ.

Еще съ іюля 1890 года у насъ началось упорное бездождіе. То было очень жаркое и сухое лѣто. И все таки, благодаря весеннимъ дождямъ, урожай получился порядочный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, уже этимъ лѣтомъ началась подготовка полнаго неурожая въ будущемъ 1891 году.

Всѣ думали, что послѣ сухого лѣта будетъ, какъ бывало прежде, «мочливая» осень, и удастся посѣвъ озимей; но прошелъ и августъ, перевалило и за половину сентября, а дождя нѣтъ какъ нѣтъ. Продолжительное тоскливое ожиданіе дождя притомило нашихъ замедѣльцевъ, и селомъ стало овладѣвать безпокойство.

«Надо, ребята, сѣять,—ждать нечего! Сѣй рожь въ золу да въ пору, говоритъ пословица».

— Подождемъ еще малость, авось Господь смилуется, дождичекъ пошлетъ.

«Ну, смотрите, чтобы да не дожждаться морозовъ»..

Нѣкоторые посѣяли на сухую, другіе все ждали—и точно дождались... утренниковъ. Медлить больше не приходилось. Кто еще не посѣялъ, тотъ и остался съ незасѣянной землей. Въ октябрѣ,

когда только озими ранняго посѣва «вышли изъ краски», стало порядочно морозить, а съ ноября началась настоящая зима, суровая и немилостивая. На этотъ разъ вовсе не было обыкновенной ноябрьской слякоти и грязи; разомъ установилась легкая санная ѣзда, радуя деревенскихъ жителей и того больше—крестьянскихъ лошадей, заморенныхъ тяжелой лѣтней работой. Но въ сущности радоваться было не чему. Снѣгу все-таки было мало и больше уже не прибавлялось, а морозы пошли сплошные и очень сильные, ниже 25° по Р., съ рѣзкими восточными вѣтрами и метелями, которые скоро смели съ полей весь снѣгъ. Такой суровой малоснѣжной зимы, такихъ упорныхъ и злыхъ морозовъ, по словамъ нашихъ старожиловъ, давнымъ-давно не бывало.

Ужъ сухая осень не обѣщала урожая озимыхъ хлѣбовъ въ будущемъ году, зима еще уменьшила шансы на сносный урожай, а весна убила всякую надежду, довершивъ убійственное дѣйствіе на озимыя поля осени и зимы. Наступила она въ 1891 году очень рано и дружно, но безъ воды, безъ разлива, и чрезвычайно капризная: началась жарамы, которые смѣнились морозами, не было только дождя. И эти ранніе жары безъ дождей, и эти поздніе морозы съ вѣтрами окончательно погубили озимые всходы; да и посѣвъ яровыхъ былъ плохой, мало надежный... На лугахъ безъ разлива не было травы. Въ садахъ впропали отъ морозовъ груши, сливы, вишни; погубила ихъ и суровая зима, и неблагоприятная весна. Бездождіе тянулось до осени, т. е. цѣлый годъ. Всякая растительность погорѣла; пыль стояла столбами; прыснулъ раза два-три такой дождь, который даже пыли не прибилъ; земля оставалась совершенно сухою и дала глубокія трещины... Понятно, что урожай на все получился самый жалкій, или, лучше сказать получился полный не урожай. Заливные луга, которые вовсе не заливались, дали ничтожное количество плохого сѣна руна и вовсе не дали отавы, которую такъ и не косили. На бахчахъ и въ огородахъ не было ни картофеля, ни капусты, ни огурцовъ. Въ садахъ не было ни сливъ, ни вишенъ, ни малины. А главное—въ поляхъ было все рѣдко, низко, плохо, бѣдно... Наше село и его поля расположены на высокомъ и совершенно открытомъ берегу Дона, отчего непрерывная годовая засуха здѣсь была особенно губельна для всѣхъ хлѣбовъ. Рожь не вышла ни соломою, ни зерномъ, ни количествомъ, ни качествомъ; ставили по 2, по 3 копны на десятинѣ, зерно получали мелкое, тощее, маловѣсное. Овесъ и просо дергали руками, потому что косить оказалось невозможно. Въ концѣ концовъ

вышло и ничтожное количество и зерна, да еще плохого, и соломы. Куда не посмотришь, ничего не видѣлось отраднаго: на заливномъ лугу не было, какъ бывало прежде, цѣлаго строя объемистыхъ и душистыхъ стоговъ. На дворахъ и гумнахъ не воздвигались ни увѣсистыя «кладушки» хлѣба, ни обширныя «омѣты» золотистой соломы. Съ бахчей везли капусту безъ кочней. Картофель копали мелкій, какъ орѣхъ, да и тотъ оказался не прочнымъ, болѣзненнымъ, и скоро его пришлось выбросить.

Деревня еще не обнаруживала явнаго унынія, пока была поглощена заботой о посѣвѣ озимаго хлѣба, а удачное выполненіе этого дѣла тѣмъ болѣе поддерживало ея бодрость и спокойствіе. Осенью прошли хорошіе дожди. Благодаря своевременному полученію земской осуды, въ половинѣ августа, наши крестьяне успѣли посѣяться во-время и очень удачно: сѣвъ пришелся какъ разъ послѣ дождя и подъ дождь,

Зато послѣ посѣва на крестьянъ всею тяжестью налегла дума о томъ, какъ прожить и прокормиться до будущаго урожая: очевидно было, что не хватитъ ни хлѣба для семьи, ни корма для скотины.

Село притихло, какъ будто значительная часть населенія куда-то выбыла. Но на самомъ дѣлѣ населеніе его не убавилось, а увеличилось, потому что возвратились домой, въ семьи, многіе изъ мѣстныхъ крестьянъ, жившіе работниками въ людяхъ—въ городѣ или другихъ селеніяхъ: въ виду неурожая, даже богатые хозяева стали сокращать число работниковъ, и отпущеннымъ ими людямъ некуда было дѣваться, кромѣ родной семьи.

Всѣ какъ-то съжились, попрятались, призадумались. Улица опустѣла. Не слышно было ни пѣсенъ, ни шумныхъ разговоровъ. Надъ селомъ тяготѣло мучительное ожиданіе чего-то страшнаго, непривычнаго, небывалаго. Уже въ октябрѣ во многихъ семьяхъ стали обнаруживаться рѣзкіе признаки безхлѣбицы. На бѣду, эта безхлѣбица соединялась съ полной безработицей, и это много увеличивало опасность положенія. Пошла усиленная распродажа, по дешевой цѣнѣ, овецъ, коровъ, лошадей, сколько по той причинѣ, что не было надежды прокормить ихъ до весны, столько и для добыванія денегъ на хлѣбъ. Между тѣмъ, цѣны на зерно и муку быстро росли, и уже въ октябрѣ ржаная мука въ городѣ продавалась въ лавкахъ по 1 р. 42 к. за пудъ и дороже, да и то сомнительнаго достоинства, съ подмѣсями.

Сначала крестьяне разговаривали между собой о томъ, какъ быть, потомъ пошли къ тѣмъ людямъ, отъ кого надѣялись получить

не помощь, а полезный совѣтъ, въ училище, къ священнику, къ мѣстнымъ землевладѣльцамъ. «Проѣдимся мы въ эту зиму, а иные и съ голодухи перемрутъ, говорилъ пожилой мужикъ съ глубокими глазами и сосредоточеннымъ взглядомъ: что тутъ дѣлать».

— Скотинѣнку пораспродадимъ, коровъ—лошадей проѣдимъ, а потомъ что?—

«Скотинѣнки не на долго хватить,—вишь, на нее цѣна-то какая, почитай за дарма идетъ, а зима-то длинна»....

— А мнѣ вотъ и продавать-то нечего, придется землю закладывать... Въ работники изъ-за хлѣба пошелъ бы, такъ и то никто не беретъ...

— Что тутъ дѣлать, и ума не приложишь...

«Надо прошенье подавать: дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ»...

— Вѣстимо, надо «способіе» просить. Слыхалъ я отъ стариковъ, въ голодные годы всегда мужикамъ отъ Царя способіе идетъ.—

«Надо тоже хлопотать, чтобъ изъ магазии нашъ хлѣбъ роздали, кто всыпалъ».

— Чтò тамъ изъ магазии! Много-ли въ магазиѣ хлѣба-то? Кто его засыпалъ-то? Первой—другой, да и обчелся... А кто не засыпалъ ничего, ему, молъ, помирать?

«Самъ виновать, чего не засыпалъ! Были урожаи добрые, хлѣбушка Господь вволю давалъ, для чего залишній-то хлѣбъ не приберегъ про черный день?»

— То-то мы дураки неотесанные! Правду говорятъ: громъ не грянетъ—мужикъ не перекрестится...

«Ну, теперь, братцы, поздно объ этомъ толковать, что о лѣтошнемъ снѣгѣ. Не засыпалъ,—значить, такъ тому и быть, и начальство не нудило. А вотъ какъ теперь-то быть?—вотъ что ты разсуди, милый человекъ».

— Это точно. Ка-бы работа какая ни на есть, работой-бы прокормился, и скотинку бы уберегъ, и на хлѣбъ заработалъ, не въ первой,—такъ вотъ поди-же, нѣтъ ея, работы-то...

«Это что и говорить,—кабы работа была—и горевать не объ чемъ. То и бѣда: и хлѣба нѣтъ, и работы нѣтъ, и купить, значить, не на что... А хлѣбъ дорогой: мы въ томъ году его по 40 коп. продавали, а теперь полтора рубля подай! Тутъ и толковать нечего, конецъ намъ пришелъ».

— Зачѣмъ конецъ? Какъ такъ конецъ? вдругъ загорячился мужикъ со средоточеннымъ взглядомъ: надо толковать, съ знающими

людьми посовѣтовать. Ты, свать Гаврило, молвилъ—въ старые годы отъ Царя способіе шло? Не хлѣба, такъ работы надо просить...

Изо всего было видно, что медлить и бездѣйствовать, чего-то выжидая, на что-то надѣясь, деревенскимъ людямъ и стыдно, и грѣшно.

Въ октябрѣ-же у насъ опѣшно организовалось частное сельское попечительство для помощи крестьянскимъ семействамъ, пострадавшимъ отъ неурожая. Какъ-то само собой случилось, что дѣло это связалось съ мѣстнымъ училищемъ: здѣсь, прежде всего, началась помощь, здѣсь обсуждались возникавшіе вопросы, здѣсь собирались многія нужныя для дѣла свѣдѣнія.

Рѣшено было: начать дѣло помощи немедленно, не допуская мѣстнаго населенія до голодовки, до распродажи всей скотины, до полного разрушенія крестьянскаго хозяйства, до питанія плохимъ хлѣбомъ, съ суррогатами и подмѣсами, до истощенія физическихъ силъ и полного упадка духа.

Для этого надо было тотчасъ же начать и бесплатную раздачу питательныхъ матеріаловъ вполне хорошаго качества (хотя бы только ржаной муки, потому что питаться однимъ чернымъ хлѣбомъ и квасомъ нашему мужику случалось не разъ), и продажу хлѣба по удешевленной цѣнѣ. Но попечительство было крайне бѣдно-средствами. Въ нашемъ селѣ вовсе нѣтъ богатыхъ людей съ значительными деньгами. Въ составъ попечительства вошли лица, существующія преимущественно своимъ личнымъ трудомъ и тоже пострадавшія отъ неурожая. Необходимость заставляла обращаться за средствами въ городъ, къ оффиціальнымъ лицамъ, и громко «кликнуть кличь».

Но открытыя воззванія къ сострадательнымъ лицамъ не одобрялись, и наше воззваніе не прошло черезъ печать, пришлось ограничиться письменными и устными обращеніями къ знакомымъ.

Наверху, да и вообще въ городѣ, еще плохо вѣрили не только въ неизбежность, но и въ возможность голодовки, очевидную для деревенскихъ жителей, близко стоящихъ къ народу; заявленія нашего частнаго попечительства показались преждевременными и встрѣтили довольно холодный пріемъ. Тогда еще многіе думали, что крестьяне-земледѣльцы, владѣющіе землей и скотомъ, «какъ нибудь» прокормятся собственными средствами; а мысль о совершенномъ разрушеніи крестьянскаго хозяйства, гибельномъ не для однихъ только крестьянъ, о трудно поправимомъ упадкѣ народной производительной силы, кажется, еще никого не тревожила и не занимала.

Изъ рѣчей крестьянъ, образчикъ коихъ приведенъ выше, очевидно было, что самою лучшею помощью для нихъ была-бы производительная работа, хорошо оплачиваемая, если-бы такую работу дать имъ своевременно: они и прокормились-бы работой, и не влѣзли-бы въ обременительные долги, и не нуждались-бы въ унижительной даровой кормежкѣ, и не распродали-бы рабочаго скота, не разрушили своего крестьянскаго хозяйства.

Но безъ значительныхъ средствъ объ организациі такихъ работъ нечего было и думать. А средства, при данныхъ условіяхъ и при холодномъ отношеніи къ крестьянской нуждѣ со стороны горожанъ, собирались туго.

«У насъ и своихъ нищихъ много, всѣхъ не накормишь», отговаривались одни.

— Вѣрно, они у васъ лѣнтая, работать не хотятъ,—оттого и сидятъ безъ хлѣба, огрызались другіе.

«Да вы дайте имъ работу».

— Ну, вотъ еще: что они, малые ребята что-ли, не могутъ работы найти.

«Да гдѣ-жъ ее найти-то, покажите».

— Это ужъ не наше дѣло. Кто хочетъ работать, тотъ безъ работы не останется. А сидитъ безъ работы,—значить, нужда не большая.

Отдѣлываясь такими отговорками, многіе городскіе капиталисты холодно отворачивались отъ крестьянской нужды безъ зазрѣнія совѣсти.

Надо правду сказать, что впослѣдствіи этотъ холодъ смѣнился большой теплотой и даже дѣятельнымъ и шумнымъ вмѣшательствомъ городскихъ филантроповъ, и особенно филантропокъ въ деревенскія дѣла,—къ сожалѣнію, не всегда удачнымъ и толковымъ. Не всѣ ограничивались скромной ролью «доброхотныхъ дателей», всѣмъ захотѣлось выступить въ роли дѣятелей-героевъ. Открылась широкая и благодарная арена для мелкаго тщеславія, чтобы въ дребезги разбить и земство, и администрацію, яко бы «промигавшихъ» голодовку, на шумѣть на всю губернію и явиться чуть не спасителями отечества на счетъ того же земства, той же администраціи, ни чѣмъ не жертвуя съ своей стороны.

Какъ бы то ни было, нашему попечительству, пожелавшему дѣйствовать задолго до этой смѣны холода тепломъ, тишины шумомъ, спокойствія суетой (эта чудодѣйственная смѣна произошла не раньше декабря, когда крестьяне, пострадавшіе отъ неурожая и без-

работицы, вдоволь наголодались), пришлось приступить къ дѣлу безъ замедленія и почти безъ средствъ, а потому и безъ опредѣленнаго плана, дѣйствуя, такъ сказать, ощупью, наскоро удовлетворяя очевидныя и неотложныя нужды мѣстнаго населенія и отлагая до благопріятнаго времени болѣе широкія и радикальныя мѣропріятія.

Началомъ этой дѣятельности, какъ уже было сказано раньше— тѣсно связанной съ училищемъ и, можетъ быть, потому получившей нѣкоторый воспитывающій характеръ, или приступомъ къ ней, была рѣчь, съ которою обратился къ крестьянамъ одинъ изъ членовъ попечительства на актѣ училища, 22 октября, послѣ прочтенія отчета и раздачи свидѣтельствъ училищнаго совѣта ученикамъ, окончившимъ курсъ въ истекшемъ учебномъ (1890—91) году.

Этой рѣчью предполагалось и ободрить крестьянъ, которые собираются ежегодно и на сей разъ собрались въ весьма значительномъ количествѣ на обычное школьное торжество, и съ перваго раза установить правильное отношеніе съ ихъ стороны къ той скромной помощи, какой они могутъ ожидать отъ попечительства.

Считаемъ не лишнимъ привести эту рѣчь почти до-словно, впрочемъ по-памятно, но проредактированную тѣмъ лицомъ, которымъ она была сказана.

Почтенные гости!

Выслушавъ отчетъ нашего сельскаго училища, порадуемся на обильные и сладкіе плоды ученья, которые намъ принесъ минувшій годъ,—и да послужатъ они намъ хотя нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ виду грозящаго намъ тяжелаго бѣдствія.

Восьмой годъ я живу среди васъ, почтенные старожилы села Петина, раздѣляя съ вами и радости ваши, и горести. Всѣ предъидущіе годы мы, благодаря Бога, пережили благополучно. Конечно, и прежде бывали у насъ невзгоды и огорченія: посредственные урожаи то озимыхъ, то яровыхъ хлѣбовъ, скотскіе падежи, пожары,—какъ быть?—безъ этого ни одинъ человекъ не проживетъ своего вѣка. Да отъ постоянного благополучія люди, пожалуй, совсѣмъ бы избаловались и озвѣрѣли.

Но въ нынѣшнемъ году насъ постигло великое, небывалое бѣдствіе. Минувшее лѣто не дало намъ ни хлѣба, ни каши, ни картофеля, ни капусты и никакихъ овощей, ни соломы, ни сѣна. Пропали прахомъ—и земля, и сѣмена, и работа,—и вотъ теперь надвигается страшная, для многихъ голодная и холодная, зима.

Нельзя не замѣтить, что сельскимъ людомъ овладѣло уныніе и

раздумье. Слышатся скорбныя рѣчи: за что насъ Богъ наказываетъ? что будетъ съ нами зимой? какъ прокормить семью? что дѣлать съ бѣдной скотиной? какъ уплатить подати?.. и т. п.

Понятно, что въ такую пору нельзя не призадуматься. Но думы думами, заботы заботами; а должно-ли роптать, унывать и падать духомъ?

Какъ постоянный житель села, какъ человекъ близкій къ вамъ, я не могу не принимать близко къ сердцу и не раздѣлять вашихъ думъ и скорбей. Но все-таки, по совѣсти скажу: роптать, унывать и падать духомъ намъ не должно!

Во-первыхъ, какая польза отъ этого ропота и унынія? Не облегчатъ они нашего труднаго положенія, а только пуще возмутятъ и безъ того покойную душу, усугубятъ ея тревожное состояніе. Поддаваясь ропоту и унынію, человекъ только пуще раздражаетъ самъ себя; безъ всякой пользы для дѣла; а чрезмѣрное раздраженіе не приводитъ къ добру. Это все равно, что больному коростами расчесывать свои болячки: не подживутъ онѣ отъ этого, а пуще разболятся.

Во-вторыхъ, не беспомощны и покинуты остаемся мы въ трудную годину. Вспомните, что наши озимыя поля, хотя мы нынѣ и сѣмянъ не собрали, засѣяны своевременно и уже мѣсяць тому назадъ были покрыты прекрасными, ровными и густыми зелеными. Какъ только обнаружилось, что у многихъ крестьянъ не хватаетъ зерна для обмѣненія озимаго поля, наше заботливое земство поспѣшило съ своею помощью. Какъ только обнаружилось, что у крестьянъ, по случаю неурожая, мало соломы для топки, правительство наше распорядилось о бесплатномъ отпускѣ имъ хворосту и валежника изъ казеннаго лѣса. Какъ только обнаружилось, что многимъ крестьянамъ приходится голодать,—и правительство, и земство, и частныя лица стали обдумывать мѣры и собирать средства для продовольствія нуждающихся, для удешевленія хлѣба, для увеличенія заработковъ.

И у насъ въ селѣ устроилось свое попечительство. Оно немедленно откроетъ свои дѣйствія для помощи нуждающимся. Но прошу васъ помнить, почтенные гости, и внушать всѣмъ односельцамъ, что у попечительства нѣтъ средствъ для даровой помощи и даровой кормежки. Да и не подобаетъ человеку, который можетъ работать, кормиться милостыней. И Господь повелѣлъ человеку «зарабатывать свой хлѣбъ въ потѣ лица». Всѣ нуждающіеся крестьяне, способные къ работѣ и не нашедшіе такой ра-

боты на сторонѣ, будутъ пользоваться помощью попечительства съ обязательствомъ работать на пользу нашего сельскаго общества. И надо, чтобы никто не уклонялся отъ этой работы, когда она начнется.

Какія именно работы и когда открыть,—объ этомъ мы потолкуемъ сообща; тутъ понадобится и вашъ голосъ,—«умъ хорошо, а два лучше того», и попечительство пригласить для совѣщанія тѣхъ «стариковъ», поопытнѣе и поуменѣе какихъ вы сами выберете.

Но я еще не все сказалъ, почему намъ не должно роптать и унывать.

Въ-третьихъ, рядомъ съ бѣдствіемъ, милосердый Богъ посылаетъ намъ и радости, чтобы мы не поддавались унынію и отчаянію, не падали духомъ. Вотъ, въ нынѣшнемъ году у насъ былъ неурожай въ полѣ, за то—урожай въ школѣ. Нынѣ у насъ особенно велико число дѣтей, окончившихъ курсъ со свидѣтельствомъ. Въ селѣ прибавилось много разумныхъ грамотѣевъ, которые усвоили и Законъ Божій, и грамоту, и счетъ, которые знаютъ, какъ надо жить по Божьи, и многое полезное, что написано въ умныхъ книжкахъ и что пригодится имъ въ жизни. Развѣ это не радость, не утѣшеніе и родителямъ, и всѣмъ жителямъ села? Развѣ за это мы не должны благодарить Бога, въ одно и то же время карающаго и милующаго насъ?

Въ четвертыхъ, будто такъ часто намъ приходится испытывать бѣдствія, подобныя нынѣшнему неурожаю, что мы не можемъ перенести Божіей кары безъ ропота и унынія? За семь лѣтъ, какъ я живу съ вами, не было ничего подобнаго. Да старики говорятъ, что такая голодовка была только пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Дѣло въ томъ, что урожай и удачи мы принимаемъ, какъ что-то обыкновенное, должное, заслуженное нами, а всякую бѣду и невзгду считаемъ несправедливостью, незаслуженной нами обидой. Но полно, такъ ли это? Вотъ о чемъ надо подумать. Не можетъ быть, чтобы бѣдствіе упало на головы наши безъ вины и повода съ нашей стороны. Какъ оглянешься на свою прошлую жизнь, да пораскинешь умомъ,—за всякимъ изъ насъ найдется не мало провинностей, достойныхъ наказанія,—вотъ роптать-то намъ и не приходится, а надо призадуматься о томъ, какъ бы самого себя очистить на будущее время отъ прежнихъ провинностей, исправиться и стать на путь истинный. Каждый изъ насъ самъ для себя найдетъ и выяснитъ свои личныя провинности, и не подобаетъ намъ копаться въ душѣ ближняго. Но есть провинности общія, къ кото-

рымъ всѣ мы причастны, которыя составляютъ общія нашѣ грѣхъ. Объ этихъ надо подумать и потолковать сообща.

Я могу указать на двѣ такія общія наши провинности, отъ которыхъ намъ прежде всего слѣдовало бы очиститься и освободиться для общаго нашего блага.

Первая изъ нихъ—общественная рознь: нѣтъ у насъ въ селѣ единодушія, настоящей человѣческой любви между собою, прочной и разумной общественности. Всѣ врозь, каждый живетъ самъ по себѣ и самъ для себя, пренебрегая мірскими интересами и дѣлами, нерѣдко даже жертвуя мірскимъ общественнымъ дѣломъ и мірской выгодой ради выгоды своей личной.

Другая наша общая провинность—безпечность, вслѣдствіе которой всѣ мы живемъ безъ заглядки впередъ. Стало бы всего на нашъ вѣкъ, а какъ будутъ жить наши дѣти—о томъ у насъ думы мало. Хватило бы мнѣ хлѣба, сѣна, топки, а тамъ—хоть трава не расти... Мы живемъ такъ, какъ будто бѣлый свѣтъ нами кончается, да недалеко хватаетъ и наша забота о самихъ-то себѣ... Нѣтъ у насъ думы про черный день: какъ-нибудь, молъ, проживемъ, а во сь не пропадемъ. Но не всегда вывозитъ насъ «авось», да «какъ-нибудь»,—это друзья ненадежные, обманчивые.

Много зла происходитъ отъ этихъ двухъ нашихъ общихъ провинностей, отъ беспечности и общественной розни.

Отъ этого почти пусть оказывается нашъ общественный запасной магазинъ: пришла голодовка, а запаса-то у насъ нѣтъ. Говорятъ: насъ-де не заставляли засыпать зерно въ магазинъ въ урожайные годы,—да сами-то мы ребята малые, что ли? Все насъ заставляй, да понукай! Когда же мы будемъ сами о себѣ заботиться и жить своимъ умомъ-разумомъ?

Отъ этого мы продаемъ свой навозъ въ чужія руки, а наши поля остаются безъ удобренія и съ году на годъ теряютъ свою плодородность.

Говорятъ: мы за навозъ деньги получаемъ. А сколько мы теряемъ отъ того, что земля все меньше, да меньше даетъ намъ хлѣба? Выгодно-ли, полно, продажей навоза замѣнять продажу лишняго хлѣба, или, продавая по ничтожной цѣнѣ навозъ, покупать для себя дорогой хлѣбъ при весьма частой нехваткѣ его для прокормленія семьи? Отъ этого загаженъ нашъ общественный заливной лугъ и не даетъ намъ десятой доли того сѣна, какое давалъ въ старые годы.

Отъ этого у многихъ изъ насъ не взметано съ осени и яровое

поле, да и вообще общественная земля плохо обрабатывается. Она-де не моя, общественная, что я буду хорошо ее обрабатывать,—нынѣ она у меня, а черезъ годъ, Богъ вѣсть, кому достанется!

Отъ этого вырубленный общественный лѣсъ не оберегается и растетъ плохо.

Отъ этого у насъ такой опасный и неудобный вѣздъ въ село по горѣ съ рѣки, крутой, узкій, погубившій не мало крестьянскихъ лошадей, хотя исправить его, скопать крутизну и проложить широкую, удобную и безопасную дорогу очень легко. Но для этого нужна дружная работа всего общества,—ну, а мы къ такой дружной, единодушной работѣ, по своему собственному почину, безъ приказанія и палки, не привыкли,—вотъ и лошадей своихъ мы губимъ, и сами мучаемся, а дороги хорошей, должно быть, до окончанія вѣка не проложимъ.

Отъ этого у насъ въ селѣ нѣтъ ни общественной бани, ни общественныхъ колодцевъ и прудовъ на случай пожара, ни общественныхъ вѣсовъ, ни хорошаго общественнаго быка въ стадѣ.

Словомъ, мы ничего не хотимъ дѣлать міромъ и для міра, со-обща и для всѣхъ, на общую пользу: что, молъ, я буду о другихъ заботиться, для міра работать! Свое хозяйство у многихъ ведется добропорядочно, но все общественное—плохо, безпорядочно, безпризорно, начиная общественной землей и оканчивая общественнымъ кладбищемъ, гдѣ по могиламъ нашихъ дѣдовъ и отцовъ бродятъ лошади, коровы и свиньи.

Все отъ этого-же и большая часть нашихъ дѣтей остается безъ изученія, хотя у насъ въ селѣ даровая школа, которая намъ ничего не стоитъ и ничего отъ насъ не требуетъ и не проситъ.

Эти двѣ наши общія провинности, безпечность и общественная рознь, укоренились въ насъ крѣпко и, конечно, намъ, людямъ пожилымъ, трудно совсѣмъ отдѣлаться отъ нихъ. Все-таки и намъ самимъ надо бороться съ ними, а пуще всего надо позаботиться о томъ, какъ бы да не передать ихъ нашимъ дѣтямъ. Но какъ уберечь дѣтей, если они и дома, и на улицѣ, и у сосѣдѣй будутъ постоянно видѣть примѣры этой безпечности и розни?

Лучшее средство для этого—книжное ученье въ школѣ. Здѣсь дѣти воспринимаютъ и усваиваютъ правила и примѣры христіанской любви къ ближнему, христіанскаго единодушія и разумной заботливости о себѣ и другихъ. Отсюда они вступаютъ въ жизнь съ хорошими задатками. Не даромъ Господь въ нынѣшнемъ

году, карая насъ неурожаемъ въ полѣ, порадовалъ урожаемъ въ шк о л ѣ. Не должно ли это служить намъ указаніемъ, чему мы прежде всего, должны научиться изъ постигшаго насъ тяжелаго испытанія?

Отъ всей души желаю вамъ, почтенные гости, бодро, съ должнымъ смиреніемъ и съ необходимымъ терпѣніемъ, безъ ропота и не падая духомъ, пережить предстоящій трудный годъ. Но это не все. Не менѣе того отъ души желаю вамъ воспользоваться тяжкимъ урокомъ этого года на благо себѣ и своимъ дѣтямъ!» Рѣчь произвела хорошее впечатлѣніе. Крестьяне ободрились надеждой на скорую помощь и обѣщались исправно работать, какъ только начнутся работы. Мы увидимъ, что они сдержали свое обѣщаніе.

Были приглашены выборные изъ крестьянъ для установленія тѣхъ видовъ помощи, которые наиболѣе необходимы и желательны. Прежде всего надо было рѣшить, какія семьи нуждаются въ немедленной и бесплатной помощи, а также, въ какомъ видѣ устроить эту помощь, въ видѣ ли общей столовой, или въ видѣ выдачи пищевыхъ матеріаловъ въ семьи, для прокормленія на опредѣленный срокъ.

— По что столовая? Это намъ не гожо. Пра; не гожо. Мы привычны—хошь хлѣба сухого съ кваскомъ поѣсть, да дома, въ своемъ семействѣ.

«Топка же у насъ теперича—слава Богу—есть, хлѣбушка дома испечь можно, а за разносоломъ разнымъ мы не гонимся».

— И куда это—хошь бы Егоръ Дочкинъ—потащить въ твою столовую эндакую араву,—вѣдь у него ихъ чуть не двадцать душъ.

— Или Григорій Григорычъ Сезинъ, у него тоже семья не малая. Человѣкъ онъ древній, привыкъ изстари своимъ домомъ жить, и вотъ тебѣ, на старости лѣтъ—забирай всю семью, да въ застольную на даровую кормежку каждый день тащись, — да онъ отъ одной стыдобушки завсе сляжетъ».

— А за хлѣбомъ-то на чужой дворъ идти — не все ли равно?

«То разъ или два въ мѣсяцъ, а то каждый день срамись, и выходитъ, не все равно».

— Али, можетъ, вы будете кормить только малыхъ ребятъ да стариковъ?

— Вотъ еще! А другіе-то съ голоду помирай! Ребята да старики будутъ щи съ убиной да кашу съ масломъ ѣсть, а работники лапу сосать? Придумалъ, свать Гаврило! ловко!

Такъ и рѣшили: помогать нуждающимся не внѣ семьи, а въ

самыхъ семьяхъ, улучшая семейное питаніе, приблизительно, до установившейся въ народномъ быту нормы, не отрывая отъ семейнаго очага немногихъ и не оставляя безпомощнымъ большинство,—помогать безъ нарушенія установившагося семейнаго строя, не внося въ семьи поводовъ къ зависти, попрекамъ и разладу. На это рѣшеніе наводили какъ рѣчи крестьянъ, такъ и другія соображенія. Хотѣлось сдѣлать помощь попечительства, по возможности, незамѣтною, наименѣе унизительною для нуждающихся, щадящею ихъ самолюбіе и не притупляющею ихъ застѣнчиваго отношенія къ даровому хлѣбу, которое еще сохранилось въ нашемъ чисто земледѣльческомъ населеніи.

Въ этой формѣ попечительство начало свою помощь и въ этой формѣ продолжало ее до конца, потому что она оказалась наиболее соответствующею мѣстнымъ правамъ и желаніямъ нуждающихся, вполне удовлетворяющею ихъ нужды съ наименьшимъ рискомъ.

Правда, удовлетвореніе нуждъ населенія, пострадавшаго отъ неурожая, въ такой формѣ обходится сравнительно дороже, но за то и преимущества его не маловажны, особенно, въ соединеніи съ своевременнымъ началомъ помощи, до наступленія полной голодовки и очевиднаго истощенія силъ.

Выборные отъ крестьянъ добросовѣстно и точно опредѣлили, въ какія именно семьи необходимъ немедленный бесплатный отпускъ пищевыхъ матеріаловъ; составился списокъ съ подробнымъ описаніемъ семейнаго и имущественнаго положенія этихъ нуждающихся, а выборнымъ было поручено оповѣстить ихъ, что они могутъ обращаться за помощью къ попечительству.

Одновременно двое изъ членовъ попечительства предложили немедленно устроить на свой счетъ, во первыхъ, раздачу печенаго хлѣба хорошаго качества, тѣмъ учащимся въ школь, родители которыхъ бѣдны, не имѣютъ своего хлѣба и принуждены покупать его, во-вторыхъ столовую, съ горячей пищей, для малолѣтнихъ сиротъ и вообще тѣхъ дѣтей, недостигнувшихъ школьнаго возраста, которыя живутъ при особенно неблагоприятныхъ условіяхъ.

Съ 1 ноября дѣло было въ полномъ ходу.

Число учащихся въ школь въ эту осень осталось прежнее, но увеличилось число дѣвочекъ, потому что дома имъ не было дѣла: конопля не родилась, у большинства крестьянъ вовсе не было пряжи. Изъ этого видно, что сравнительно меньшее число дѣвочекъ въ школь обуславливалось не столько предубѣжденіемъ народа противъ обученія ихъ грамотѣ, сколько хозяйственными соображеніями.

Дѣти школы добросовѣстно указали сами, кому изъ нихъ слѣдуетъ получать хлѣбъ, у кого дома довольно, и дѣти зажиточныхъ родителей сами заявили, что у нихъ есть свой хлѣбъ. Были случаи недобросовѣстныхъ претензій на даровой хлѣбъ, но не со стороны дѣтей, а со стороны родителей. Мальчуганъ изъ зажиточной семьи вдругъ исчезаетъ изъ школы; по справкамъ оказывается, что отецъ или мать не пускаютъ его въ школу по той причинѣ, что ему не даютъ хлѣба. Но проходитъ недѣля, и мальчуганъ снова является: это была угроза и попытка насильственно попользоваться даровымъ хлѣбомъ для сына. Дѣтямъ изъ бѣдныхъ и многолюдныхъ семей выдавалось по двѣ, по три порціи, на братьевъ или сестеръ, не посѣщающихъ школы, и они уносили эти лишнія порціи домой. Нѣкоторые носили домой и свою порцію, чтобы дома съѣсть этотъ хлѣбъ съ горячей похлебкой или квасомъ. Вообще къ хлѣбу относились бережно и даже какъ-то благоговѣйно. Чувство благодарности къ школѣ, ихъ питающей, выражалось на каждомъ шагу, но очень наивно, иногда трогательно.

Получали хлѣбъ-соль отъ 30 до 40 школьниковъ. Санитарное состояніе школы все время было вполне удовлетворительно; заболѣваній въ эту зиму, сравнительно съ прежними, было очень мало, а цынги, которая весной свирѣпствовала въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи, у насъ вовсе не было. Столовая для дѣтей устроилась въ частномъ помѣщеніи и лежала на исключительномъ иждивеніи одного изъ членовъ попечительства.

Раздача пищевыхъ матеріаловъ въ семью и продажа хлѣба по удешевленной цѣнѣ разрослись, можно сказать, съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ истощенія хлѣбныхъ запасовъ, которыми владѣли крестьяне. Ежедневно все утро, часовъ до 2-хъ, до 3-хъ, уходило на удовлетвореніе толпы мужиковъ и бабъ, приходившихъ за хлѣбомъ. Хлѣбъ отпускали и бесплатно, и за деньги послѣ тщательнаго обслѣдованія состоянія семьи, отпускали на опредѣленные сроки, сообразно съ числомъ и возрастомъ ѣдоковъ. Въ первое время сроки соблюдались плохо, потому что крестьяне не привыкли въ прежніе годы къ бережливости и благоразумной распорядительности; крестьянскаго мальчугана, бывало, никогда не увидишь безъ куска хлѣба, который не столько съѣдался, сколько крошился и разбрасывался; но мало по малу, поддаваясь убѣжденіямъ и настояніямъ, почти всѣ стали являться за хлѣбомъ въ срокъ, назначаемый на томъ билетикѣ (по крестьянски—«ерлыкѣ»), который выдавался для полученія хлѣба изъ склада.

Дольше другихъ протестовали противъ сроковъ тѣ, которые брали хлѣбъ на деньги.

«Я вѣдь не даромъ, а за свои деньги, такъ что-ста тебѣ за дѣло? Ты деньги-то получай, а тамъ ужъ не твоя забота, хоть бы я и въ одинъ день все поѣлъ».

— Нельзя, другъ: хлѣба у насъ мало, хлѣбъ дорогой, а народу за нимъ приходитъ—видишь, сколько! Не беречь его, такъ многимъ отказывать придется. Ну, мы и рассчитываемъ по ѣдокамъ, чтобъ всякій былъ сытъ, да чтобъ и понапрасну, безъ толку и безъ надобности хлѣбъ не пропадалъ.

«А до срока такъ-таки и не отпустишь? А въ лавкѣ-то въ городѣ, что-жъ сроковъ не спрашиваютъ; только бери, сдѣлай милость да денежки подавай?»

— Здѣсь хлѣбъ продается не для барыша, а ради деревенской нужды. Самъ знаешь, половина села безъ хлѣба сидитъ. Барышнику что не больше продать, то лучше, а здѣсь приходится хлѣбъ беречь, чтобы на всѣхъ хватило, никто бы безъ хлѣба не остался. Потому и за деньги приходится отпускать на сроки.

Такія и подобныя объясненія приходилось повторять много разъ, пока удавалось преодолѣть мужицкую привычку не стѣсняться въ расходованіи хлѣба.

Возрастающая нужда заставляла попечительство расходовать свои средства крайне бережно и осмотрительно. Правда, что и средства его стали возрастать по мѣрѣ того, какъ въ городѣ измѣнялось отношеніе къ крестьянской нуждѣ, а измѣняться оно, какъ уже было сказано, стало съ декабря: усилились частныя пожертвованія, поступали пособія благотворительныхъ учреждений. Но и времени впереди, до новаго урожая, еще было много.

Прискорбнѣе всего, что въ отношеніи крестьянъ къ помощи попечительства стали обнаруживаться весьма непріятныя измѣненія. Въ первое время замѣчалась большая доля застѣнчивости и совѣстливости въ пользованіи помощью. Случалось наталкиваться на факты чрезвычайной стойкости въ нуждѣ и деликатности въ исканіи помощи. Случалось, что попечительство вынуждено было брать на себя починъ своевременнаго огражденія крестьянскаго хозяйства отъ разрушенія, когда нуждающіеся рѣшались пожертвовать всѣмъ, лишь бы не подвергаться униженію—протягивать руку за помощью. Бойкая въ другое время баба нѣсколько разъ подходитъ къ воротамъ того двора, гдѣ производилось назначеніе пособій, и уходитъ прочь, потому что не въ силахъ преодолѣть чувство стыда, удер-

живающее ее отъ униженія просить о хлѣбѣ, хотя въ хатѣ нѣтъ ни куска. Пожилой мужикъ нѣсколько недѣль живетъ впргоолодь, но не просить помощи, а на совѣты сосѣдей—обратиться къ попечительству, отвѣчаетъ: «пусть сами придутъ, а ужъ я не пойду!»—и дѣйствительно, пришлось самимъ идти къ нему. Другой, въ такомъ же положеніи, на вопросъ, почему онъ не просилъ помощи, говоритъ: «и безъ меня много,—развѣ я не вижу».

Замѣчательно, что такія и подобныя проявленія стойкости и деликатности преимущественно обнаруживались со стороны самыхъ бѣдныхъ деревенскихъ обывателей. Зажиточные и богатые нерѣдко, къ удивленію, были очень нахальны.

«Другимъ даете, и мнѣ давайте! А это что за порядокъ: одному и хлѣбъ, и пшено, а другому ничего?»

— Одинъ бѣдный, ему съ голоду приходится умирать безъ помощи, а у другого, слава Богу, непочатая кладушка стоитъ!

«Да у того-то каждый годъ неурожай, такъ ему каждый годъ и помогать, а онъ—лежи себѣ на печи».

— Въ другіе годы никому не помогали, всѣ сами кормились, кто своимъ хлѣбомъ, кто работой, да покупнымъ.

«Нѣтъ, ужъ какъ хотите, а помогать, такъ всѣмъ помогать, а то никому не надо!»

Случалось, что зажиточные припрятавали зерно, муку, даже овецъ, чтсбы казаться неимущими и пріобрѣсти видимое право или на помощь попечительства, или на земскую ссуду, въ обязательность возвращенія которой они плохо вѣрили, да едва ли вѣрятъ и теперь. Проверка подворныхъ списковъ, порученная попечительству Земской Управы, для опредѣленія размѣровъ земской ссуды, была не только тяжелымъ трудомъ, но, главное—источникомъ большихъ неприятностей. Ссуды требовали всѣ, и многіе безъ всякой надобности; обременительность ея и значеніе круговой поруки они плохо понимали, да обязательность-то возвращенія, какъ уже было сказано, имъ казалась болѣе, чѣмъ сомнительною. Весьма немногихъ удалось убѣдить, чтобы они добровольно отказались отъ ссуды на этотъ разъ до слѣдующей (ссуда выдавалась нѣсколько разъ). Большая же часть зажиточныхъ крестьянъ, не нуждающихся въ ссудѣ, послѣ составленія протокола при участіи сельскаго старосты и понятыхъ, приходили упрекать, ругаться и угрожать. А когда получилась ссуда, тотчасъ въ городъ полетѣла жалоба, подъ которой, между другими, оказались имена и тѣхъ, которые добровольно отказа-

лись отъ этой ссуды до слѣдующаго раза. Пришлось писать объясненія и оправданія.

Неосновательность жалобы, которая прежде всего была вызвана жадностью и завистью пяти-шести зажиточныхъ домохозяевъ; къ которой пристали другіе изъ «стаднаго» чувства и подчиненія давящей силѣ первыхъ,—эта неосновательность была очевидна.

Правда, жалоба была оставлена безъ всякаго отвѣта, но, къ сожалѣнію, и безъ надлежащаго объясненія ея неразумности и неосновательности. Когда слѣдующая земская ссуда распространилась на всѣхъ домохозяевъ, потому что къ веснѣ, дѣйствительно, всѣ проѣлись, то жалобщики объяснили это обстоятельство именно благодѣтельнымъ вліяніемъ ихъ жалобы, откуда возникъ прямой выводъ, что они были правы и своей жалобой сдѣлали благо чуть не для всего села.

Но мало-по-малу почти всѣ теряли застѣнчивость и благоразумное отношеніе къ помощи попечительства: просьбы стали замѣняться требованіями, иногда весьма грубыми, умеренность — жадностью, доброжелательство — завистью и наговорами другъ на друга «на ушко»:

«Вотъ вы даете Кирилу Протопопову, а онъ земское зерно какъ получилъ, такъ и продалъ...»

— Да онъ получилъ поль-пуда, на мельницу не стоило везти, потому зерно и продалъ, а на эти деньги у насъ купилъ муки: продалъ богатому по хорошей цѣнѣ, а мы продаемъ муку подешевле. У него и лошади нѣтъ, и жена больная!»

«Притворяется! Вы вѣрите, а мы знаемъ, какая она больная».

— Да ее докторъ видѣлъ, его не обманешь.

«А то еще даете Ильѣ Попову, а у него 50 рублей припрятано, — всѣ сосѣди знаютъ, кого спросите».

Попрошайство и льстивыя рѣчи перемѣшивались съ злыми намеками и угрозами: «Мы вами много довольны, вы наши кормильцы, — ужъ ради Бога, отпустите побольше, накиньте пудика два»... «Я вѣдь не какъ другіе, въ глаза и то, и другое, а за ворота вышелъ — васъ же ругать или что, — вонъ какъ Кузя. Я за васъ денно и ночью Богу молюсь. Ужъ сдѣлайте божескую милость, отпустите мучицы пудика три да пшеница мѣрочку»...

«Взялись кормить, а сроки пишете да рты считаете, — кормильцы тоже!»... «Такъ не дадите? — ну, видно жалиться надо... Кирилу да Ильѣ есть, а мнѣ нѣтъ? — ну, я и къ начальству дорогу найду»... «Велѣно всѣхъ дѣ-сыта кормить и чаемъ поить

а вы что? Небось чай-то съ сахаромъ для себя оставили, а мужицкимъ-то хлѣбомъ свою дворню откармливаете»... и т. п.

Въ декабрѣ наше село стали посѣщать ребятишки и бабы сосѣдняго села (Устья) съ просьбами о хлѣбѣ. Хотя это село не входило въ районъ нашего попечительства, долгъ человѣколюбія не позволялъ оставить эти просьбы безъ вниманія. Изслѣдованіе на мѣстѣ показало, что крестьяне Устья, бывшіе крѣпостные, обездоленные крайне плохимъ земельнымъ надѣломъ, недавно раззоренные пожаромъ и оставленные безъ всякой помощи, страшно бѣдствуютъ. Пришлось оказывать имъ помощь, пока въ Устьѣ не организовалось (къ январю) свое дѣятельное попечительство.

Эта помощь сосѣдямъ тоже вызвала недовольство, ропоть и упрѣки. «Своимъ на сроки даютъ, а чужимъ помогаютъ»... «Вамъ на Петино жертвуютъ, а вы въ Устье раздаете»... «Для своихъ не хватаетъ, а для чужихъ есть»... «Чего они лѣзутъ сюда? у насъ хлѣбъ отбиваютъ»... и т. п.

Словомъ сказать, чѣмъ дальше, тѣмъ очевиднѣе сказывалось вліяніе дарового хлѣба, въ соединеніи съ невольной праздностью, обусловливаемой безработицей.

Чтобы остановить это возбужденіе и развитіе человѣконенавистническихъ и другихъ дурныхъ чувствъ, унижающихъ и искажающихъ человѣческое достоинство, попечительство рѣшилось принять усиленныя мѣры для организаціи общественныхъ работъ. Въ декабрѣ произошла перемѣна въ настроеніи города по отношенію къ нуждающемуся крестьянину и надо было воспользоваться этой благопріятной перемѣной для приобрѣтенія средствъ на дѣло.

Опять, въ ожиданіи этихъ средствъ, были приглашены для совѣщанія выборные отъ крестьянъ, чтобы рѣшить, какія работы желательны и возможны, съ пользою для сельскаго общества и при готовыхъ, напрасно пропадающихъ, рабочихъ силахъ. Къ счастью, силы и здоровье нуждающихся были сбережены, благодаря своевременному началу помощи, оградившей крестьянъ отъ голодовки и питанія плохимъ хлѣбомъ,

Нечего было и думать о какихъ-нибудь грандіозныхъ работахъ, требующихъ большихъ затратъ, техническихъ познаній отъ руководителей и особыхъ сноровокъ отъ рабочихъ. Надо было остановиться на работахъ полезныхъ для общества и навѣрно осуществимыхъ, не требующихъ большихъ затратъ, посильныхъ и для руководителей безъ технической подготовки, и для рабочихъ мѣстныхъ крестьянъ.

Были намѣчены слѣдующія работы, соотвѣтствующія вышесказаннымъ условіяхъ:

1. Колодцы въ разныхъ мѣстахъ села, которыхъ въ немъ было недостаточно, такъ что въ случаѣ пожара чувствовался недостатокъ воды, не смотря на близость такого громаднаго резервуара ея, какъ рѣка Донъ. Село расположено на очень высокомъ и крутомъ берегу рѣки, а потому рѣчная вода трудно доступна въ пожарныхъ случаяхъ. Эта полезная общественная работа представляла то удобство, что къ ней можно было приступить зимою. Возникъ вопросъ о срубяхъ, но выборные основательно предложили замѣнить деревянные срубы камнемъ. Правда, что и камень надо было купить у тѣхъ мѣстныхъ крестьянъ, которые наломали, накопили и заготовили его на берегу съ лѣта; но все-таки этимъ затрата на матеріалы удешевилась, да и покупка заготовленнаго камня у нуждающихся въ хлѣбѣ, при невозможности для нихъ иного сбыта въ данное время, не протворѣчила задачѣ попечительства.

2. Общественная баня, въ быту чернорабочаго люда — крайне необходимая въ санитарномъ отношеніи. Понятно, что зимой можно было заняться только подготовительными работами для этой постройки, которую приходилось отложить до весны.

3. Ограда или глубокой ровъ около кладбища, до сихъ поръ совершенно открытаго для всякой скотины.

4. Удобная и безопасная дорога къ селу отъ Дона, по обоимъ берегамъ его, для спуска подъ гору и подъема на гору.

5. Ограда около мѣста, гдѣ прежде была церковь и находится часовенка, тоже совершенно открытаго и доступнаго для телятъ и свиней, которые обыкновенно и пребывали здѣсь лѣтомъ и осенью. Одинъ изъ выборныхъ сказалъ, что на этомъ мѣстѣ хорошо бы развести общественный садъ, и эта мысль всѣмъ понравилась.

6. Мостовая при въѣздѣ въ церковныя ворота, представляющемъ низменность, гдѣ застаивается вода и въ дождливую пору стоитъ непроходимая грязь.

7. Наконецъ и звозъ, какъ работа необходимо сопровождающая всѣ прочія: надо вывозить съ берега на гору и на мѣста камень, надо везти изъ города разные матеріалы для постройки и т. п.

Представленія попечительства на этотъ разъ увѣнчались успѣхомъ: губернскій благотворительный Комитетъ назначилъ ему по собіе въ 300 руб. на матеріалы для общественныхъ работъ.

Работы начались съ января и продолжались непрерывно до уборки новаго хлѣба: сперва копанье и обдѣлка колодцевъ, возка

камня и строительныхъ матеріаловъ, потомъ (въ мартѣ) постройка бани и тесоваго забора около будущаго общественнаго сада, окапываніе глубокимъ рвомъ кладбища, мощеніе въѣзда въ церковныя ворота, проведеніе дороги по крутому берегу Дона, устройство спуска къ рѣкѣ и подъема на гору, проведеніе удобной дороги черезъ логъ, въ которомъ поставлена общественная баня, наконецъ, разведеніе и поливка общественнаго сада, на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то была церковь.

Открытіе работъ произвело, вообще говоря, самое благотворное вліяніе на мѣстное населеніе. За работу принялись охотно и усердно. Очевидно было, что безработица томить крестьянъ: «поработать руки чешутся», по выраженію поэта.

Дѣйствительно, русскому земледѣльческому люду свойственна, въ большинствѣ его представителей, нѣкоторая потребность работы: оно тяжеловато на подъемъ, на нововведенія въ своей жизни и своемъ земледѣльческомъ трудѣ, какъ они установились изстари, но не любить ни лежать праздно, ни слоняться безъ дѣла. Конечно, не безъ исключеній: «въ семьѣ не безъ урода».

Въ зимніе мѣсяцы работы были весьма тяжелы и затруднительны при тѣхъ снѣгахъ и метеляхъ, которыми особенно изобиловалъ февраль. Трудно было и пѣшимъ работникамъ, и коннымъ, лошади которыхъ были крайне изнурены безкормицей. Все-таки уклоненій отъ работы почти не было.

Сперва, пока дѣло только начиналось и требовалось небольшое число работниковъ, попечительство наряжало на работы только тѣхъ крестьянъ, которые наиболѣе пользовались его помощью и получали больше другихъ бесплатнаго хлѣба, а потомъ, когда дѣло стало разрастаться (весной), допускало къ работамъ всѣхъ нуждающихся.

Вызовъ работниковъ, наблюденіе за работами и раздачу билетовъ («ерлыковъ») за рабочіе дни производили сельскія власти: староста, сотскій и десятскіе. Въ лицѣ старосты, Лукьяна Протопова, честномъ, толковомъ и трезвомъ крестьянинѣ, каковы рѣдко бываютъ сельскіе старосты, попечительство нашло хорошаго исполнителя для своихъ распоряженій. Этой толковой исполнительности его много способствовало то обстоятельство, что его младшій братъ окончилъ курсъ училища, человѣкъ письменный, и постоянно помогалъ старшему брату своею грамотностью.

Тутъ то, въ эту тяжелую пору, умный Лукьянъ Протоповъ оцѣнилъ пользу книжнаго ученья и былъ видимо доволенъ, что

своевременно выучилъ грамотѣ брата: приходилось вычитывать распоряженія и земскаго начальника, и земской управы, и сельскаго попечительства, провѣрять и составлять разные списки, считать, подводить итоги, дѣлать надписи на «ерлыкахъ», выдаваемыхъ за работы и т. п.

«Ну, просто капутъ бы, кабы не Оедюха! говорилъ намъ старикъ.

Само собой разумѣется, что работа крестьянъ оплачивается не деньгами, а хлѣбомъ и понемногу усчитывался въ заработную плату тотъ хлѣбъ, который работники брали отъ попечителя бесплатно раньше, до начала общественныхъ работъ.

Вообще говоря, работали безъ отговорокъ, горячо и добросовѣстно. Не только не отговаривались, но то и дѣло приходили за разрѣшеніемъ «поработаться». Мало по малу, даровой хлѣбъ сталъ обращаться въ трудовой. Кто прежде приходилъ за даровымъ хлѣбомъ, теперь приходитъ съ просьбой о работѣ или съ «ерлыками», дающими ему право на полученіе заработнаго хлѣба,— и теперь у него былъ уже другой взглядъ на, другое выраженіе лица, другая манера. Наши крестьяне, пострадавшіе отъ неурожая видимо смотрѣли бодрѣе, разумнѣе, веселѣе, увѣреннѣе. вмѣстѣ съ тѣмъ, прекратились многіе поводы къ раздраженію, къ препирательствамъ и непріятностямъ; призатихли и льстивыя рѣчи, и наговоры другъ на друга, и угрозы. Обнаружился замѣтный подъемъ духа, измѣнилось настроеніе, поднялось нравственное достоинство, Работа на общую пользу, хорошо оплачиваемая, какъ будто образумила, отрезвила крестьянъ. Съ весной открылась работа и для бабъ, которыя, на примѣръ, обмазывали глиной баны, поливали садъ и т. п., и для подростковъ, принимавшихъ участіе въ копаніи рва около кладбища, ямокъ въ саду и пр. Оплачивался трудъ, дѣйствительно, не скупое: рабочій день засчитывался для коннаго работника до 75 коп., для пѣшаго до 50 коп., для работницы и подростка до 30 коп.

Притихшее съ осени село словно пробудилось послѣ временной дремоты, оживилось. Надо сказать, что вся эта зима прошла въ совершенной тишинѣ, даже можно сказать, безъ праздниковъ. Даже въ святки и на масляной не было ни пьяныхъ, ни пѣсенъ, ни гулянья, никакихъ обычныхъ признаковъ «улицы». Теперь же всякому проѣзжему бросалось въ глаза какое то небывалое оживленіе. Кучки рабочихъ сновали и копошились на горѣ (берегъ Дона), у церкви, у кладбища, въ логу, гдѣ строилась баня, у колодца въ

разныхъ мѣстахъ: кто съ ломомъ, кто съ лопатой, кто съ топоромъ или пилой. Весело было смотрѣть на эту дружную, кипучую работу, и прѣзжіе не на шутку дивились: что молъ это сдѣлалось съ Петинимъ?

Можно было опасаться, какъ и предсказывали нѣкоторые пессимисты, что полученіе очередной земской ссуды,—въ извѣстной мѣрѣ, удовлетворившей нужду въ хлѣбѣ,—повлечетъ за собой охлажденіе къ работѣ и уклоненіе отъ нея. Пессимисты ошиблись. Не произошло ни малѣйшей остановки въ производствѣ работъ, которыя и были доведены благополучно до конца въ маѣ. Не помѣшали и весеннія полевые работы: односемейники дѣлились, одиночки отпрашивались на день, на два въ поле и возвращались. Число желающихъ работать на общество, отработывать и зарабатывать хлѣбъ не уменьшалось, а возрастало. Гораздо болѣе опасными для правильного хода работъ могли быть примѣры сосѣднихъ селеній, гдѣ происходила усердная даровая кормежка, и только чисто земледѣльческимъ складомъ жизни нашего села можно объяснить, что эта опасность миновала насъ. Правда, слышались глухіе толки о томъ, что вотъ, молъ, въ Малышевѣ или Устьѣ «кормятъ въ харчевнѣ даромъ», «барыни чаемъ поятъ», «а у насъ получай хлѣбъ да отработывай»... Но слышались и серьезныя возраженія: «вишь ты, чаю захотѣлъ, да ты его и въ урожайные то годы не пиваль, смотри—въ голодный то годъ затынешься, а потомъ и будешь мужицкое добро на чаяхъ пропивать»... «Не привычны мы къ чаю то, и привыкать не по что, не по карману». «Тебѣ бы лежать, да на даровщину кормиться... Смотри, языкъ проглотишь, да бока отлежишь»... «И то, ребята, на печкѣ то лежать день деньской—ой напроскучить»... «Съ даровыхъ то харчей все не сытъ, не въ прокъ они, вонъ лезутъ, а трудовой то хлѣбъ—и сладокъ, и спорче... Толки толками, а работа не стояла. Да и толки эти не имѣли характера недовольства или ропота, а больше походили на случайныя обмолвки, на мимолетныя «мысли вслухъ». Конечно, повторяемъ, не обошлось безъ исключеній. Напримѣръ, непріятное впечатлѣніе производилъ здоровенный мужчина, который съ осени выпрашивалъ у попечительства хлѣба, утирая кулакомъ слезы, всхлипывая, какъ баба, валяясь въ ногахъ и обѣщаясь все отработать; но съ открытіемъ работъ онъ сталъ всячески отлынивать отъ нихъ, а въ мартѣ прямо отказался работать съ другими. Это, однако, не удержало его отъ настойчиваго выпрашиванья хлѣба съ тѣми же слезами, земными поклонами и обѣщаніями работать, которыя все-таки не приводились въ исполненіе. Между тѣмъ, по селу передавали

такія нахальныя рѣчи его: «Какъ же, пойду я работать?! Небось и такъ-ста прокормятъ!» «Въ Малышевѣ да въ Устьѣ почему не работаютъ?.. И мы такіе же мужики, не катаржные, нѣтъ, такъ и къ начальству дорогу то знаемъ тоже.» «Нашему брату хошь бы и кажинный годъ такъ то, мы на неурожай не жалимся, а работать не поидемъ»... «Небось не своимъ хлѣбомъ кормятъ, жертвеннымъ. Отъ казны нѣтъ указу, чтобъ работать»...

Къ счастью, это былъ единственный случай, въ которомъ обнаружилось злокачественное вліяніе соблазнительнаго примѣра соединенныхъ селеній. Въ послѣдствіи и тамъ начали толковать о какихъ то работахъ и объ отпускѣ значительныхъ суммъ на это дѣло... Мы не знаемъ, произведены ли эти работы но и толки о нихъ были уже полезны, какъ отпоръ на претензіи въ родѣ вышеприведенной.

Санитарное состояніе населенія у насъ оставалось до конца вполне удовлетворительно. Наблюденія частной лѣчебницы указываютъ, что число заболѣваній вовсе не увеличилось, сравнительно съ соотвѣтствующими мѣсяцами прошлыхъ (урожайныхъ) годовъ. Всѣ работали охотно и хорошо. Нашлись свои умѣлые и плотники, и колодезники, и садоводы, и мостовщики, а кто не умѣлъ, тѣ скоро и легко перенимали необходимое умѣнье у другихъ. Только печника пришлось пригласить другого, да кровельщикъ и бондарь, дѣлавшій чанъ для бани, были хоть и мѣстные люди, но не входящіе въ составъ нашего сельскаго общества.

Здѣсь будетъ кстати привести таблицу, выбранную изъ записныхъ книгъ попечительства, довольно наглядно показывающую подъемъ и паденіе нужды въ хлѣбѣ за восемь мѣсяцевъ, начиная съ открытія дѣятельности попечительства и оканчивая іюнемъ. Намъ эта таблица представляется очень поучительною:

Мѣсяцы.	Пользовались помощью попечительства:			
	Вообще.		Безвозмездно.	
	Число семей.	Число душъ.	Число семей.	Число душъ.
Ноябрь	44	184	22	52
Декабрь	62	322	34	142
Январь	78	401	54	259
Февраль	80	406	32	124
Мартъ	60	313	11	36
Апрѣль	81	424	15	43
Май	77	401	9	35
Іюнь	102	553	35	147

Здѣсь принята во вниманіе исключительно помощь хлѣбомъ и не включена раздача пшена, мяса, творогу, соли, чаю, сахару, которая производилась, по мѣрѣ надобности и на основаніи непосредственнаго знакомства съ нуждающимся семьями, только бесплатно.

Изъ приведенной таблицы видно, что нужда въ хлѣбѣ возрастала съ каждымъ мѣсяцемъ довольно правильно, и нарушеніе этой правильности замѣчается только въ мартѣ (пониженіе) и въ май (тоже), то есть въ мѣсяцы полученія земской ссуды, что весьма понятно. Наибольшаго напряженія она достигла въ іюнѣ передъ полученіемъ хлѣба новаго урожая, въ пору полного истощенія прежнихъ хлѣбныхъ запасовъ и наибольшей потребности въ готовомъ мѣстномъ хлѣбѣ по случаю полевыхъ работъ, крѣпко привязывающихъ земледѣльца къ мѣсту. А пользованіе даровымъ хлѣбомъ сперва усиливается и въ январѣ достигаетъ наибольшей силы, а съ февраля, т. е. съ открытіемъ общественныхъ работъ, быстро ослабѣваетъ. Правда, и тутъ правильность нѣсколько нарушается въ апрѣлѣ и въ іюнѣ, но это нарушеніе объясняется очень просто: въ первомъ случаѣ—праздникомъ, во второмъ—сокращеніемъ общественныхъ работъ, такъ какъ почти всѣ начатыя работы были уже окончены. За устраненіемъ указанныхъ и уже объясненныхъ уклоненій, таблица представляетъ два ряда цыфръ: первый, опредѣляющій движеніе нужды въ хлѣбѣ вообще, графически можно выразить наклонной, идущей снизу вверху, а второй, опредѣляющій движеніе нужды въ даровомъ хлѣбѣ, выражается кривой, сперва поднимающейся, потомъ опускающейся, причемъ начало пониженія, очень крутое, совпадаетъ съ началомъ общественныхъ работъ, а дальнѣйшій наклонъ соотвѣтствуетъ постепенному развитію этихъ послѣднихъ; новый подъемъ этой кривой, впрочемъ — далеко не достигающій высоты перваго подъема, совпадаетъ съ сокращеніемъ работъ.

Изъ этого вытекаетъ само собой то заключеніе, что самая суть бѣдствія для мѣстнаго населенія заключалась въ безработицѣ,—и вотъ гдѣ слѣдовало своевременно сосредоточить всѣ усилія помощи.

И какъ подумаешь, что для этого требовалось только триста—не тысячь, а просто рублей,—поневолѣ сдѣлается грустно...

Какъ бы то ни было въ концѣ «голоднаго года» въ селѣ Петинѣ оказались оконченными, къ общей пользѣ и общему удовольствію слѣдующіи работы, исполненныя нуждавшимися въ хлѣбѣ крестьянами:

1) Общественная баня, поставленная въ логу между

двумя частями села, старою, главною и новою, выселками, съ желѣзною крышею и чаномъ въ ведеръ, съ запрудою и хорошимъ колодцемъ вблизи, съ рощею подъ бокомъ и хорошею дорогою на обѣ стороны луга. Крестьяне очень довольны этимъ общественнымъ приобрѣтеніемъ и охотно пользуются имъ. Ключъ отъ бани хранится у старосты, который наблюдаетъ за правильностью въ пользованіи ею и за опрятнымъ ея содержаніемъ.

2) Удобный спускъ къ рѣкѣ на одномъ берегу и удобный подъемъ, по широкой дорогѣ, на другомъ. Эта дорога радуетъ не только жителей села, но и проѣзжихъ, которые, бывало, постоянно бранили нашу «проклятую» гору, одинаково мучительную и для людей, и для лошадей.

3) Общественный садъ рядомъ съ церковью, обнесенный тесовою огорожею, съ приличными воротцами, съ цвѣтникомъ около часовни, обозначающей мѣсто престола прежней церкви, съ широкими дорожками усыпанными пескомъ и обсаженными по сторонамъ кленками, березками и яблонями. За садомъ наблюдаетъ церковный сторожъ, а за поливкой и полкой—крестьянскій мальчикъ, окончившій курсъ училища.

4) Широкий ровъ и валъ около кладбища, съ новыми деревянными воротами, защищающій его отъ нашествія лошадей, коровъ и свиней.

5) Каменная мостовая передъ церковными воротами, благоустроенная въездъ въ церковную ограду.

6) Нѣсколько колодезь, обильныхъ водою, въ разныхъ мѣстахъ села: близъ церкви и общественнаго сада, на большой улицѣ, у бани, подъ горой на краю села.

Это, конечно, очень немного, но больше сдѣлать было и невозможно на тѣ маленькія средства, какія были въ распоряженіи попечительства, и при тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, при которыхъ пришлось начинать работы, по причинѣ довольно запоздалаго поступленія и этихъ маленькихъ денежныхъ средствъ: съ осени была бы возможна болѣе выгодная подготовка къ общественнымъ работамъ, и работы эти было-бы можно предпринять въ болѣе обширныхъ размѣрахъ.

Понятно, что трехъ-сотъ рублей, отпущенныхъ попечительству губернскимъ благотворительнымъ комитетомъ, могло хватить только на матеріалы для общественныхъ работъ, но не на оплату труда, которую попечительство и производило (хлѣбомъ) изъ своихъ средствъ, не пользуясь для этого сказанными 300 рублями. Изъ этихъ послѣднихъ, за расходами на матеріалы, на вознагражденіе

сельскимъ властямъ за присмотръ и т. п., осталось только 43 коп., которыя своевременно и препровождены попечительствомъ обратно въ комитетъ, при подробномъ отчетѣ. Для любознательныхъ читателей приводимъ общія цифры расходовъ:

Куплено камня у мѣстныхъ крестьянъ на	27 р. 65 к.
Купленъ срубъ для бани у мѣстнаго крестьянина за	60 » — »
Куплено лѣсныхъ матеріаловъ въ добавокъ къ срубѣ, на огорожу къ саду и на ворота къ кладбищу на	82 » 54 »
Куплено разныхъ другихъ матеріаловъ (кирпича, желѣза, варенаго масла, красокъ, деревьевъ для сада, хлопьевъ и др.) на	72 » 28 »
Уплачено деньгами постороннимъ рабочимъ (кровельщику, печнику, бондарю), не входящимъ въ составъ мѣстнаго сельскаго общества	25 » 45 »
Израсходовано на доставку матеріаловъ изъ города	2 » 65 »
Выдано сельскимъ властямъ за хлопоты и присмотръ, отвлекавшіе ихъ отъ собственнаго хозяйства и отъ работы на себя и свою семью	29 » — »
Возвращено губернскому благотворительному комитету въ видѣ остатка	— » 43 »
<hr/>	
Итого	300 р.

Затѣмъ, попечительство оплатило трудъ мѣстныхъ крестьянъ, пострадавшихъ отъ неурожая, хлѣбомъ изъ своихъ средствъ, за 3,107 рабочихъ дней.

Какъ ни скромны были наши общественныя работы, какъ ни ничтожны были средства, отпущенныя попечительству на организацію ихъ изъ средствъ государственной и общественной благотворительности, все-таки, благодаря этимъ работамъ, значительная часть крестьянъ мѣстнаго сельскаго общества, пострадавшихъ отъ неурожая, прокормилась удовлетворительно не даровымъ, а трудовымъ хлѣбомъ, и слѣдомъ «голоднаго» года въ селѣ останутся не одни только тягостныя воспоминанія, но и кое-какія полезныя, хотя и весьма маленькія, общественныя приобрѣтенія.

Уже въ половинѣ іюня попечительство получило на свои нужды еще значительную помощь въ 500 рублей.

Приди такая помощь раньше, она дала бы возможность значи-

тельно расширить общественныя работы, но въ это время было уже поздно предпринимать такое расширеніе, особенно въ виду приближенія новаго бѣдствія — холеры, скорое появленіе которой въ предѣлахъ нашей губерніи тогда уже не подлежало сомнѣнію. А потому пришлось дать этимъ деньгамъ другое назначеніе. Для поясненія послѣдняго, надо перейти въ другую область крестьянскихъ нуждъ, о которыхъ до сихъ поръ почти не приходилось говорить, но удовлетвореніе коихъ было одной изъ существенныхъ заботъ попечительства.

Это—забота о продовольствіи и сбереженіи скота, многими крестьянами вовсе потеряннаго, а у другихъ доведеннаго безкормицей до крайняго истощенія.

Потеря скота въ селѣ началась еще съ осени: продавали прежде всего овецъ, потомъ коровъ и лошадей, чтобы было на что купить хлѣба. Хотя попечительство, помогая нуждающимся, постоянно настаивало на сбереженіи скота, особенно лошадей, все-таки остановить эти потери не было возможности—вслѣдствіе безкормицы, которая, какъ понятно, возрастала съ каждымъ мѣсяцемъ.

Къ счастью, въ январѣ губернской благотворительный комитетъ открылъ очень разумную и полезную операцію: снабженіе безлошадныхъ крестьянъ лошадьми, посредствомъ работы, и продовольствіе крестьянскихъ лошадей и самихъ крестьянъ-работниковъ за работу. Дѣло въ томъ, что у комитета было много извозной работы по доставкѣ хлѣба въ разныя мѣстности, пострадавшія отъ неурожая,—вотъ онъ и предложилъ безлошаднымъ крестьянамъ зарабатывать лошадей, а лошаднымъ —работать на своихъ лошадяхъ за продовольствіе.

Благодаря этой операціи благотворительнаго комитета, нѣсколько нашихъ безлошадныхъ крестьянъ возвратились домой на весну, къ рабочей порѣ, съ лошадьми и нѣкоторымъ запасомъ сѣна и овса. Надо было видѣть этихъ крестьянъ-земледѣльцевъ, когда они пріѣхали домой, чтобы понять все значеніе сдѣланнаго ими приобрѣтенія. Перемена, происшедшая съ ними, просто была въ глаза. Въ самомъ дѣлѣ, какой ужъ земледѣлецъ, пахарь, безъ лошади! И какими унылыми, пришибленными, выглядывали эти безлошадные пахари раньше! Теперь, возвратившись съ заработанными лошадьми, они ободрились, повеселѣли, словно выросли, и смѣло можно рассчитывать, что губернской благотворительный комитетъ далъ нашему сельскому обществу нѣсколько хорошихъ, исправныхъ домохозяевъ—земледѣльцевъ.

Нельзя обойти молчаніемъ отношеніе къ этимъ повеселѣвшимъ Домохозяйевамъ односельцевъ—конечно, не всѣхъ, но многихъ. Когда одинъ изъ нихъ пріѣхалъ домой „на побывку“ на праздникъ, пріѣхалъ на своей лошади и въ своихъ саняхъ (можно было зарабатывать и сани, и упряжку), веселый и довольный,—не привѣтомъ и лаской встрѣтили его односельцы, а бранью и угрозами: „ребята, смотри-ка, Кирюхѣ-то кривому лошадь дали...“ „ахъ ты кривой чортъ, да мы отнимемъ у тебя и лошадь и сани,—пущай на міръ идути!...“ „пущай и намъ лошадей дають, а то и взаправду отнимемъ!“

А лошадка Кириллу попалась добрая, молодая, бойкая, сильная, хоть немножко и отощавшая. Мысль—отобрать у него лошадь—не на шутку занимала нѣкоторыхъ односельцевъ; пришлось разъяснить всю несправедливость и опасность всякаго насилія съ ихъ стороны по отношенію къ Кириллу, который не на шутку напугался. Зато, когда онъ уѣхалъ къ своей работѣ въ городъ, крестьяне, у которыхъ лошади были плоховаты (а у кого онѣ могли хорошо уберечься при полной безкормицѣ?), толпами стали осаждать попечительство: давай имъ „бумагу“ и посылай въ городъ за новыми лошадьми. „Кирюхѣ одноглазому—и тому хорошую лошадь дали, а мы будемъ почище его!“ Правда, тутъ говорило и горе, принесенное земледѣльческому люду неурожаемъ, дѣйствительная нужда, но была и значительная доля зависти, недоброжелательства, жадности.

Не менѣе важное значеніе для нашего земледѣльческаго села имѣла операція благотворительнаго комитета и по отношенію къ крестьянамъ, которые отправились работать со своими лошадьми.

Безкормица грозила гибелью всему рабочему скоту въ селѣ, да еще въ селѣ чисто земледѣльческомъ! Это было-бы бѣдствіе трудно поправимое. И вотъ, болѣе двадцати пахарей, съ ихъ лошадьми, спаслись благодаря тому, что работали на благотворительный комитетъ. Они возвратились домой съ поправившимися лошадьми и съ запасомъ сѣна и овса на рабочую пору.

Важно, что все это добро досталось крестьянамъ не даромъ, а заработано ими, хотя и на самыхъ льготныхъ условіяхъ.

Но затѣмъ въ селѣ все таки ощущалась большая нужда въ кормахъ для сохранившихся лошадей и коровъ, да и безлошадныхъ оставалось довольно, потому что для благотворительнаго комитета требовалось ограниченное число работниковъ, и оно не могло удовлетворить всѣхъ нуждающихся въ лошадяхъ и кормахъ.

Надо сказать, что крестьяне не съ перваго раза поняли и оцѣ-

нили благодѣтельное значеніе операціи благотворительнаго комитета съ лошадьми. При началѣ высказывались опасенія, что и лошадей-то даютъ плохихъ, заморенныхъ, въ 5—10 рублей, а въ книжку за нихъ пишутъ по 30—40, и работа-то трудная, безъ отдыха, такъ что свою лошадь какъ разъ погубишь. Когда-же появился въ селѣ на побывку первый безлошадникъ съ лошадью, полученной отъ комитета, всѣ „ахнули“ и, какъ уже было говорено, азартно толковали о томъ, чтобы отнять у кривого Кирилла „дареную“ лошадь для міра. А когда пріѣхали на побывку работавшіе на своихъ лошадяхъ, которыя видимо отъѣлись и поправились на хорошихъ кормахъ, тогда всѣ пожелали ѣхать со своими лошадьми на работу въ городъ, хотя все-таки не было полного довольства со стороны пріѣхавшихъ. Припоминается оригинальный разговоръ съ однимъ изъ нихъ.

— Ну, что, Борисъ, хорошо работать на комитетъ?

„Лошадямъ ужъ такъ-то хорошо,—и сѣно тебѣ, и овесъ... Очинно хорошо. Ну, а намъ никакого удовольствія нѣтъ...“

— Какъ такъ, голодный ты что-ли пріѣхалъ?

„На обѣдъ тебѣ щи да хлѣбъ, а вечеромъ одинъ хлѣбъ,—вотъ тебѣ и вся недолга, никакого удовольствія...“

— Да вѣдь ты сытъ, слава Богу?

„Ну, еще-бы, вѣстимо сытъ, про это что и говорить...“

— Такъ какое-же тебѣ еще удовольствіе надо,—ты сытъ, лошадь сыта,—и слава Богу...

„Бога надо благодарить, это вѣрно...“

— Лошадямъ—это точно, лучше не надо, ну а намъ...“

Такъ онъ и стоялъ на своемъ, что „нѣтъ ему никакого удовольствія“, но какого именно онъ ожидалъ и желалъ „удовольствія“. этого отъ него добиться не удалось.

Между тѣмъ, подходила весна, время бездорожицы и разлива рѣкъ, когда Донъ обыкновенно отрѣзываетъ наше село и весь край по сю сторону рѣки отъ города, а затѣмъ важная пора пахоты и посѣва яровыхъ хлѣбовъ. Понятно, что у нашихъ земледѣльцевъ забота о собственномъ продовольствіи какъ-то отошла на второй планъ, тѣмъ болѣе, что для этого послѣдняго продовольствія въ февралѣ получилась земская ссуда, а на первый планъ выдвинулась забота о рабочемъ скотѣ, доведенномъ безкормицей до крайняго истощенія. Скоро пахать, а у многихъ лошади едва ноги волочатъ, и поправить ихъ нечѣмъ, кормовъ не стало. И въ томъ селѣ сосѣдняго уѣзда (Нижнедѣвицкаго), гдѣ казался неистощимый запасъ ржаной соломы (правда, порядочно дорогой), до 2 руб. за

копну), этому запасу пришелъ конецъ. Съ унылымъ видомъ возвращается нашъ мужикъ изъ этого села и съ какимъ-то ужасомъ извѣщаетъ: «нѣтъ больше соломы и тамъ, ни за какія деньги нѣтъ!»

Оставалась кое-гдѣ старая, полусгнившая солома на дворахъ и на сараяхъ; плохо принимали этотъ кормъ лошади и коровы. Чтобы улучшить питаніе наличнаго крестьянскаго скота, была устроена продажа соли по дешевой цѣнѣ, по 10—12 коп. за пудъ, которую попечительство получало въ кредитъ отъ губернскаго благотворительнаго комитета, уплачивая долгъ по мѣрѣ распродажи. Съ тою же цѣлью было роздано наиболѣе нуждающимся бесплатно: 50 пудовъ подсолнечнаго жмыха и 50 пуд. кавказскаго сѣна, полученнаго отъ уѣзднаго попечительства. Распределеніе и раздача жмыха и сѣна были произведены при участіи сельскаго старосты и выборныхъ отъ общества, во избѣжаніе претензій и ропота. Но всетаки безъ неудовольствій, безъ попрошайства, завистливыхъ претензій, злыхъ намековъ и дразгъ дѣло не обошлось. Достаточнымъ было предоставлено право покупать сѣно по дешевой цѣнѣ (27 коп. за пудъ) непосредственно въ благотворительномъ комитетѣ, который успѣлъ распорядиться о своевременной доставкѣ его съ Кавказа.

Приближеніе безкормицы и разлива, создающаго всегда изолированное положеніе для всей за-Донской мѣстности, не на шутку пугало наше попечительство. Необходимо было сдѣлать кое-какіе запасы не только для своего района, но и для сосѣднихъ селеній. заботу о которыхъ неоднократно возлагали на него благотворительныя учрежденія, поручая изслѣдованіе ихъ нужды, а также раздачу зерна и муки нуждающимся. Нужны были значительные запасы и для раздачи, и для продажи по удешевленной цѣнѣ, а денегъ не хватало.

Къ счастью, удалось получить отъ губернскаго благотворительнаго комитета въ кредитъ 600 пудовъ соли и 800 пудовъ зерна (пшеницы, ржи и ячменя). Такъ уладилась продажа соли и зерна на все время разлива и бездорожицы.

Въ это-же время попечительство получило значительныя пожертвованія: 150 пудовъ пшеницы изъ Кубанской области, отъ А. Т. Игнатъева, и 600 пудовъ муки отъ комитета британско-американской церкви изъ пожертвованій американскаго народа въ пользу русскихъ крестьянъ, пострадавшихъ отъ неурожая.

Такимъ образомъ оказалось возможнымъ подѣлиться своими

запасами (мукой) и съ селеніями, не входящими въ районъ попечительства.

Трудная пора разлива и бездорожицы, изолированнаго положенія была прожита благополучно, безъ нужды и безъ болѣзней. Благополучно совершились и яровые посѣвы. Благодаря заботливости земства, ссуда на обсмѣненіе, овесъ и просо, была переправлена черезъ Донъ до разлива.

Сѣмяннымъ картофелемъ для наиболѣе нуждающихся попечительство запаслось покупкою еще съ зимы, а другимъ была дана возможность покупать его по дешевой цѣнѣ въ благотворительномъ комитетѣ: время для посѣва было неопоздано и по окончаніи разлива, когда открылся путь въ городъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ наше попечительство получило въ свое распоряженіе 500 р. отъ Московскаго Комитета, состоящаго подъ предсѣдательствомъ Ея Императорскаго Высочества В. К. Елисаветы Ѳеодоровны, и это полученіе ему дало возможность оказать денежную помощь нуждающимся крестьянамъ для пріобрѣтенія лошадей—въ тѣ семьи, гдѣ имѣются работники, и коровъ, если въ семьѣ работника нѣтъ, а есть работницы и малыя дѣти. Сто рублей оно удѣлило для той-же цѣли въ распоряженіе сосѣдняго сельскаго попечительства (Еманецкаго). Въ своемъ районѣ получили денежную помощь 29 семействъ: только помощь, не свыше 15 рублей, способную возстановить пострадавшее крестьянское хозяйство только при участіи усиленнаго личнаго или семейнаго труда.

Справедливость требуетъ сказать, что и эта помощь, при всей ея умѣренности и осторожности, сопровождалась неприятными и несимпатичными проявленіями крестьянскихъ нравовъ.

Прежде всего, всѣ пожелали купить новыхъ лошадей и получить помощь,

«Да у тебя есть лошадь, а помогаютъ безлошаднымъ»...

— Да она плохая, отошала дюжо, обезсильничала,—я хотѣлъ ее продать, а купить другую.

«Хоть не очень хороша да есть, работать на ней можно,—ну, и благодари Бога, а выдать тебѣ помощь нельзя, не подходитъ».

— Ну, я къ начальнику пойду...

«Иди, если хочешь,—это твое дѣло».

Приходитъ другой.

«Что тебѣ?».

— Помогите лошадку купить.

«Да у тебя есть лошадь».

— Есть да одна, а мнѣ другую хотца... Допрежь мы по три держали...

«То было допрежь, а теперь хоть бы у всѣхъ по одной было. Помогаютъ, у кого ни одной нѣтъ, и то на всѣхъ не хватитъ».

Потомъ пошли сплетни, подвохи, жалобы.

«Вы вотъ помогли Дмитрію, а онъ половину денегъ ужъ промоталъ... лучше бы мнѣ дали, я ужъ не промотаю»...

— Вы вотъ дали Аксиныѣ на корову, а она телушку купила, остатныя деньжонки пропила, да и телушку-то продавать собирается... все пустое, только деньгамъ переводъ...

«Даєте, кому не слѣдуетъ: Андрею Давыдову дали на лошадь, а у него и такъ своя лошадь была... Ѳедоту Поликарпову дали, а онъ и не думалъ лошади покупать, ушелъ себѣ въ Ростовъ и денежки унесъ... Александрѣ Срывкиной дали, а она васъ же на всѣхъ перекресткахъ ругаетъ... Лучше мнѣ помогите, я за васъ весь вѣкъ буду Бога молить»...

И все вздоръ, выдумки, сплетни: Дмитрій полученныхъ денегъ не проматывалъ, Аксиныя телушки не покупала и не продавала, у Андрея Давыдова лошадь была только приторгована, да денегъ нехватило, Ѳедоту Поликарпову (вѣрнѣе его женѣ) деньги были даны не на лошадь, а на корову, онъ точно ушелъ въ Ростовъ, но денегъ не уносилъ, и его баба купила корову, Александра Срывкина, можетъ быть и ругала за глаза того, кто ей далъ деньги, но не въ томъ дѣло: все-таки она купила добрую коровку и поить молокомъ своего больного «никудышнаго» мужа и цѣлую ораву малыхъ ребятъ.

Вообще этотъ годъ тяжелаго бѣдствія былъ, въ нѣкоторомъ родѣ, экзаменомъ, испытаніемъ для нравственнаго достоинства нашего крестьянства, обнаружившимъ довольно ярко и его хорошія симпатичныя стороны, и его недостатки, воспитавшіеся вѣками подъ давленіемъ многихъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Безполезно восхвалять первыя и ругать вторыя, преклоняться и разносить; но очень важно выяснить, опредѣлить тѣ и другіе, освобождаясь отъ фантастическихъ и фальшивыхъ представлений, отъ лжи и заблужденій, которыми такъ переполнены наши представленія о родномъ народѣ.

Прежде всего, бьетъ въ глаза неистощимая масса изумительнаго терпѣнія и почти нечеловѣческой выносливости. Нерѣдко замѣчается и большая доля совѣстливости въ исканіи помощи, явное предпочтеніе трудового хлѣба даровому, за весьма немно-

гими исключеніями. А рядомъ—огромная способность къ самому тяжелому труду. Эта добродушная, рѣдко-унылая, а по большей части-почти веселая выносливость, эта нѣсколько грубоватая совѣстливость, эта наивная неразборчивость въ работѣ, готовность къ самому грубому воловьему труду изъ-за куска хлѣба,—иногда дивить и трогаетъ, иногда возмущаетъ и раздражаетъ...

Съ другой стороны, вы видите полную неумѣлость, да, пожалуй, и нежеланіе устроить свою жизнь по-человѣчески, отсутствіе всякихъ потребностей и привычекъ самой элементарной человѣческой порядочности. Видите совершенную темноту относительно своихъ правъ и обязанностей. Нѣтъ ничего легче и проще, какъ обидѣть, обобрать, разорить нашего мужика. Онъ не знаетъ, что ему можно и чего нельзя, въ какихъ случаяхъ, въ какихъ отношеніяхъ и въ какой мѣрѣ гарантирована его личность и его собственность, куда и въ какихъ случаяхъ онъ можетъ обращаться за охраной, защитой, помощью. У него не соединяется никакихъ ясныхъ и опредѣленныхъ понятій съ словами: земство, земскій начальникъ, земская полиція, губернаторъ и т. д. Онъ плохо и смутно понимаетъ сущность «ссуды», «круговой поруки», «мірскаго приговора», «запаснаго общественнаго магазина», «взаимнаго земскаго страхованія». Въ своемъ хозяйствѣ онъ знаетъ только дѣдовскій обычай и въ предѣлахъ этого обычая часто ведетъ дѣло вполне хорошо, но всякое новое осложненіе, видоизмѣненіе условій хозяйства, производительности земли и труда,—ставитъ его въ тупикъ и въ безпомощное положеніе.

Въ связи съ крайней узостью и неизменною повятій, находится бѣдность общественнаго чувства, если не называть таковымъ «стадное» чувство, которое иногда влечетъ даже толковаго и добродушнаго мужика къ участію въ скверномъ дѣлѣ, не только несправедливомъ и неразумномъ, но часто прямо таки невыгодномъ, и очень слабое развитіе истинно-христіанскихъ чувствованій, любви къ ближнему, доброжелательства, состраданія. Напротивъ, въ немъ очень скоро и легко возбуждается зависть, мелкое себялюбіе, почти человѣконенавистничество—и не только по отношенію къ постороннему, «не—мужику», который вообще не пользуется (и не безъ важныхъ причинъ) его расположеніемъ и довѣріемъ, но и къ своему брату-мужику, даже къ своему родному, единокровному и единоутробному, брату. О недовѣріи его и нѣкоторой враждебности ко всякому «не-мужику» уже было говорено въ этихъ очеркахъ, и

были указаны причины этого явления, которое въ нашемъ крестьянствѣ очень упорно: какъ быть, «дѣло вѣковъ поправлять не легко».

Все сказанное нѣсколько противорѣчитъ именно тому идеальному представленію о нравственномъ достоинствѣ нашего народа, которое старались и стараются внушить намъ нѣкоторое народопоклонники, но всякое идолопоклонство тѣмъ-то и не хорошо, что въ основѣ его лежитъ ложь и заблужденіе, самообманъ и эгоизмъ, а не истина и любовь.

Помочь намъ можетъ только широкое умственное развитіе, да школа съ общеобразовательной программой и воспитывающимъ характеромъ, обоснованнымъ на той-же общеобразовательной программѣ; нужно беречься формальной религіозности, внутренне пустой, чиновнической педагогики съ журналами, свидѣтельствами, похвальными листами и внѣшней дисциплиной, а также и той лже-педагогики, которая полагаетъ всю суть дѣла народной школы въ грамматикѣ и орфографіи родного языка для мнимаго уравнинія ея съ средней классической школой.

Въ іюлѣ у насъ явилась надежда, что бѣдствіе проходитъ. Виды на урожай были не особенно блестящіе, но—сравнительно съ прошедшимъ годомъ—куда лучше. Во-первыхъ, несомнѣнное обиліе сѣна на заливныхъ лугахъ. Донъ на этотъ разъ разливался два раза и очень широко, трава на лугахъ выросла высокая и густая, а погода, въ половинѣ іюня, вполне благопріятствовала уборкѣ сѣна; по берегу рѣки выстроился длинный рядъ душистыхъ и увѣсистыхъ стоговъ. Дождей было довольно. Правда, для ржи они немножко запоздали, но все таки можно было ожидать не только возвращенія сѣмянъ, а яровые хлѣба, особенно просо, позволяли рассчитывать на доброе вознагражденіе за годовой постъ. При такихъ-то условіяхъ, попечительство, 20 іюля, отслужило торжественный благодарственный молебенъ Господу Богу на сельской площади, противъ церкви и новаго общественнаго сада, съ поднятіемъ святыхъ иконъ и колокольнымъ звономъ.

Труды попечительства казались оконченными, какъ пришли вѣсти о приближеніи новаго бѣдствія: въ предѣлы губерніи уже вступила грозная гостыя—холера. Въ виду у попечительства появилась новая забота. Но эта забота и новое народное бѣдствіе—не входятъ въ «итоги голоднаго года». Подведемъ-же эти «итоги» и постараемся извлечь изъ совокупности изложенныхъ фактовъ, обѣщанные заглавіемъ этого очерка, «уроки».

А. Сводъ прихода и расхода всѣхъ денежныхъ поступленій.

П р и х о д ъ.

Пожертвовано и собрано частными лицами	808 р. 13 к.
Собрано съ лекцій и спектаклей ¹⁾	105 » 98 »
Отпущено благотворительными учрежденіями	800 » — »
Получено за проданное зерно, муку, соль и пр. отъ жителей петинскаго района	868 » — »
Тоже отъ постороннихъ	593 » 48 »
	<hr/>
	3.175 р. 59 к.

Р а с х о д ъ.

Куплено хлѣба (зерна, муки, пшена) на	1.840 р. 83 к.
» мяса	45 » 70 »
» соли	76 » 50 »
» картофеля	40 » — »
» чаю и сахару	3 » — »
» дезинфекціонныхъ и лѣчебныхъ сред. въ виду приближенія холеры	14 » 19 »
Издержано на матеріалы и другіе расходы по общественнымъ работамъ	299 » 57 »
Возвращено благотворительному комитету, въ видѣ остатка отпущенныхъ на общественныя ра- боты денегъ	— » 43 »
Выдано крестьянамъ петинскаго района въ по- мощь на покупку лошадей и коровъ и т. под.	338 » 20 »
Отпущено въ помощь сосѣднему сельскому по- печительству (Еманецкому)	104 » 50 »
Уплачено священнику за молебствія	15 » — »
Отослано г. американскому консулу на семей- ство погибшаго машиниста парохода «Индиго» ²⁾	20 » — »
Расходы по доставкѣ зерна и пр.	9 » 67 »
	<hr/>
	2.807 р. 59 к.
Остатокъ	368 » — »
	<hr/>
	3.175 р. 59 к.

¹⁾ Спектакли были исполнены въ мѣстномъ сельскомъ театрѣ бывшими учениками и ученицами училища.

²⁾ Попечительство сочло нравственнымъ долгомъ принять участіе въ дѣлѣ помощи семейству погибшаго машиниста на томъ пароходѣ, который шелъ въ Россію съ американскимъ хлѣбомъ, и открыло на сей предметъ особую подписку въ своемъ районѣ.

Б. Сводъ прихода и расхода пищевыхъ матеріаловъ.

(въ руб. и коп.).

Приходъ.

Куплено зерна, муки, пшена, мяса, соли, картофеля, чаю, сахару на	2,006 р. 3 к.
Пожертвовано зерна, муки, пшена, творогу на	926 » 16 »
Отпущено бесплатно благотворительными учреждениями:	
для петинскаго района—зерна, муки, сухарей, пшена, соли, чаю, сахару, жмыха, сѣна на	871 » 70 »
Для селеній, не входящихъ въ районъ петинскаго попечительства, — зерна, муки, сѣна: для Еманецкихъ хуторовъ на	66 » — »
для села Дѣвицы на	410 » — »
Налогъ, при продажѣ купленнаго зерна и соли на расходы по доставкѣ и на потери	20 » 91 »
Итогъ	4,300 р. 80 к.

Расходъ

Продано зерна и муки въ предѣлахъ своего района на	800 р. 53 к.
Тоже соли и картофеля на	67 » 47 »
Продано зерна постороннимъ на	558 » 75 »
Тоже соли на	34 » 73 »
Роздано крестьянамъ своего района за работу (за 3167 рабочихъ дней) зерна и муки на	1,478 » — »
Роздано крестьянамъ своего района бесплатно: зерна, муки, сухарей, пшена, соли, мяса, картофеля, творогу, чаю, сахару, сѣна, жмыха на	674 » 9 »
Роздано бесплатно постороннимъ крестьянамъ: въ село Устье — муки, мяса, соли, чаю, сахару, на	63 » 69 »
въ Еманецкіе хутора зерна и муки на	117 » 15 »
въ село Дѣвицу зерна и муки на	461 » 26 »
въ хуторъ Голосеевку муки на	33 » — »
Осталось зерна, муки, сухарей на	39 » 13 »
Итогъ	4,300 р. 80 к.

В. Общій сводъ прихода и расхода всѣхъ пожертвованій и пособій, полученныхъ попечительствомъ.

(въ руб. и коп.).

П р и х о д ъ.

Пожертвованій денежныхъ	914 р. 11 к.
Пожертвованій пищевыми матеріалами на	956 » 16 »
Помощи денежной отъ благотворительныхъ учреждений	800 » — »
Помощи пищевыми матеріалами отъ благотворительныхъ учреждений:	
собственно на Петинскій районъ на	871 » 70 »
на Еманецкіе хутора и село Дѣвицу на	476 » — »
Пожертвованіе двухъ членовъ на кормленіе дѣтей въ школѣ и въ особой столовой	115 » 20 »
Налогъ, при продажѣ соли, зерна и муки, на расходы по доставкѣ и потери	20 » 91 »
<hr/>	
Итогъ	4,124 р. 8 к.

Р а с х о д ъ.

Расходы пищевыми матеріалами въ предѣлахъ Петинскаго района	647 р. 9 к.
Расходы деньгами	377 » 6 »
Расходы на матеріалы и пр. по общественнымъ работамъ	299 » 57 »
Возвратъ въ благотворительный комитетъ изъ денегъ, отпущенныхъ на работы	— » 43 »
Расходы хлѣбомъ на вознагражденіе за работы крестьянамъ своего района	1,478 » — »
Кормленіе дѣтей въ школѣ и въ особой столовой	115 » 10 »
Расходы пищевыми матеріалами внѣ своего района	675 » 10 »

Расходъ деньгами на Еманецкое попечительство	104 р. 50 к.
Расходъ на помощь семейству погибшаго машиниста парохода «Индиго»	20 » — »
Остатокъ пищевыми продуктами	39 » 13 к.
Остатокъ деньгами ¹⁾	368 » — »

Итогъ 4,124 р. 8 к

«Голодный» годъ пережить. Оглядываясь назадъ, подводя итоги подъ этимъ тяжелымъ годомъ, съ его бѣдствіями, нельзя не задуматься о будущемъ и не постараться извлечь для него нѣсколько уроковъ изъ пережитыхъ испытаній и затрудненій. Такой именно смыслъ будутъ имѣть предлагаемые заключительные выводы этого очерка. Само собой разумѣется, что вовсе не предполагается придавать этимъ выводамъ какое-то рѣшающее и общее значеніе, но думается, что они и безъ такой претензіи будутъ не бесполезны, въ случаѣ повторенія (весьма возможнаго) у насъ неурожая, хотя и не тѣхъ размѣрахъ, какіе онъ принялъ въ послѣдній разъ.

1. Безхлѣбцу, грозящую голодовкой, всегда можно и должно предвидѣть и опредѣлить заблаговременно, а скрывать (маскировать) вѣроятность ея постыдно, неблагоразумно и опасно.

2. Опредѣливъ приближеніе безхлѣбцы, обязательно, безъ замедленія, обезпечить крестьянство продовольствіемъ, отнюдь не допуская его до голодовки, до питанія суррогатами и хлѣбомъ дурного качества, съ подмѣсями, до истощенія физическихъ силъ и упадка духа.

3. Лучше помогать крестьянамъ, пострадавшимъ отъ неурожая, — не внѣ семьи, а въ самыхъ семьяхъ, улучшая семейное питаніе, приблизительно, до установившейся въ народномъ быту нормы, не отрывая отъ семейнаго очага немногихъ и не оставляя безпомощнымъ большинство, — безъ нарушенія установивша-

¹⁾ Этотъ остатокъ хранится въ видѣ запаса на предстоящую зиму. Каковъ бы ни былъ урожай этого лѣта (а въ общемъ онъ, вѣроятно, будетъ только средній), все-таки онъ не дастъ возможности поправиться всему мѣстному населенію послѣ тяжелаго «голоднаго» года. Помощь еще понадобится, и попечительство не можетъ не радоваться, что въ его распоряженіи остается небольшой запасъ для оказанія этой помощи.

гося семейнаго строя, безъ поводовъ къ зависти, попрекамъ, разладу.

4. Необходимо, рядомъ съ заботой объ удовлетворительномъ питаніи, всячески противодѣйствовать разрушенію крестьянскаго хозяйства, соединяемому съ продажей скота, особенно лошадей, съ залогомъ земли, съ передачей посѣвовъ кулакамъ и т. под.

5. Слѣдуетъ избѣгать, кромѣ крайнихъ случаевъ, даровой помощи и даровой кормежки, въ какомъ бы то ни было видѣ, а для этого можно и должно: во-первыхъ, противодѣйствовать возвышенію цѣнъ на хлѣбъ посредствомъ организаціи на мѣстѣ торговли зерномъ или мукой, хорошаго качества, по удешевленной цѣнѣ, во-вторыхъ, противодѣйствовать безработицѣ, обыкновенно слѣдующей за безхлѣбницей, посредствомъ организаціи общественныхъ работъ на мѣстѣ, съ хорошимъ вознагражденіемъ за трудъ—не деньгами, а зерномъ и мукой.

6. Обь организаціи общественныхъ работъ возможно и должно позаботиться заблаговременно, какъ только опредѣлилась вѣроятность безхлѣбницы и безработицы, чтобы своевременно сдѣлать необходимыя приготовленія и выработать планъ. Обдумывая планъ работъ, надо, прежде всего, имѣть въ виду такія потребности и пользы мѣстнаго общества, которыя остаются безъ удовлетворенія по необходимости его, по недостаточной культурности нашего крестьянства и за отсутствіемъ въ немъ разумной общественности. Пользуясь напрасно пропадающими рабочими силами, въ одинъ такой тяжелый годъ, доставляя крестьянству возможность прокормиться своимъ трудомъ, можно, вмѣстѣ съ тѣмъ, много упорядочить и облагородить наши беспорядочныя русскія села и деревни, а потому деньги, затраченныя на общественныя работы, разумно поставленныя, будутъ затрачены съ двойной пользой. Само собой разумѣется, что организація общественныхъ работъ должна также имѣть въ виду наличныя рабочія силы, чтобы руководители ихъ обладали достаточными техническими знаніями для руководства ими, а мѣстные работники—необходимыми сноровками и умѣньемъ для выполненія ихъ.

О необходимости и громадномъ значеніи хорошо поставленной народной школы, съ широкой общеобразовательной программой и разумнымъ воспитывающимъ характеромъ, объ этомъ самомъ существовавшемъ изъ всѣхъ итоговъ и уроковъ «голоднаго» года,—уже было говорено нами раньше, и нѣтъ недобности здѣсь повторять этотъ безспорный выводъ.

ХШ.

Крестьянство и крестьянская школа на мѣстной сельско-хозяйственной выставкѣ.

Осенью 1894 года въ Воронежѣ происходила большая сельско-хозяйственная и кустарно-промышленная выставка, продолжавшаяся съ 8 до 26 сентября. Она была устроена по весьма широкой программѣ, которая обнимала и земледѣліе, и животноводство, и садоводство, и лѣсоводство, и кустарные промыслы, и земское дѣло. Въ составъ земскаго отдѣла, по программѣ, входило и народное образованіе.

Для выставки были отведены: обширный залъ дворянскаго дома, съ хорами и примыкающими къ нему комнатами, просторный садъ при дворянскомъ домѣ и двѣ большія площади.

Въ общемъ выставка удалась. Экспонентовъ и экспонатовъ явилось очень много—не только изъ Воронежской, но и изъ другихъ губерній и городовъ, даже весьма отдаленныхъ, какъ напримѣръ: извѣстный Тверской дѣятель по животноводству г. Верещагинъ, экипажи изъ Минской губерніи, земледѣльческія орудія Липгардта изъ Москвы, издѣлія Пермскихъ, Вятскихъ и Вологодскихъ кустарей. Было понастроено не мало очень красивыхъ павильоновъ, со вкусомъ декорированныхъ. Оркестръ духовой музыки чередовался съ весьма музыкальнымъ звономъ отлично подобранныхъ колоколовъ мѣстнаго колокольнаго завода Д. Г. Самофалова. Все это придавало выставкѣ какой-то праздничный и торжественный характеръ.

Выставку ежедневно посѣщала масса любопытныхъ. Бывало до шести тысячъ посѣтителей въ день, кромѣ бесплатныхъ, которыхъ не считали. Общее число платныхъ посѣтителей за все время было 38.568 человекъ и сборъ достигъ 8.231 руб.; билеты продавались нѣсколько дней по 50 к., а потомъ по 20 коп.

Само собою разумѣется, что въ городѣ выставка возбудила большое оживленіе привлекла большой прїѣздъ и взбудоражила вялую и тихую мѣстную жизнь провинціального общества.

При комитетѣ выставки все время происходили доклады, велись бесѣды по разнымъ вопросамъ сельскаго хозяйства и выходилъ ежедневный «Листокъ» съ извѣстіями о выставкѣ, спеціальными статьями, объявленіями.

Наиболѣе интереснымъ и богатымъ оказался отдѣлъ «животноводства», такъ какъ Воронежская губернія изобилуетъ конскими за-

водами, хорошими лошадьми и превосходными образцами всякаго домашняго скота.

Хорошо было представлено «садоводство» и «лѣсоводство».

Быль очень остроумный домикъ, построенный изъ песку (съ известкой). Были очень интересныя произведенія кустарной промышленности, но преимущественно не Воронежскія... Прекрасныя работы выставило мѣстное училище слѣпыхъ, которые тутъ же, на глазахъ публики, и производили свои работы: шили, вязали, плели и т. п., а публика дивилась и ахала, вслухъ выражая недоумѣніе, какъ это могутъ «слѣпенькіе» такъ хорошо работать, и свои сожалѣнія, что Богъ не далъ зрѣнія этимъ «несчастливымъ дѣтямъ». Иногда эти «аханья» и сострадательныя рѣчи становились ужъ слишкомъ наивными и безцеремонными... Думается намъ, что не слѣдовало бы «выставлять», на ряду съ неодошевленными экспонатами, несчастныхъ слѣпыхъ дѣтей. Какъ хотите, это немножко жестоко и можно было ограничиться выставкой ихъ работъ. Кстати сказать, какъ разъ во время выставки этихъ несчастныхъ дѣтей зачѣмъ-то приводили, какъ «зрителей», на публичный вечеръ—смотрѣть картины волшебнаго фонаря: что это, недомысліе, или легкомысленное глумленіе надъ дѣтьми, обиженными природой?

Думается, что не было надобности выставлять и сиротъ, для которыхъ въ Саратовской губерніи устроенъ пріютъ однимъ изъ земскихъ начальниковъ; достаточно было выставить ихъ работы.

Любуясь красивой выставкой, съ ея павильонами и прекрасными экспонатами, съ ея колокольнымъ звономъ, съ пестрой многолюдной толпой посѣтителей, неторопливо переходящихъ отъ павильона къ павильону и, видимо, болѣе всего тяготѣющихъ къ буфету и кондитерской Гроссмана въ дворянскомъ саду, въ то же время нельзя было не обратить вниманія на то прискорбное обстоятельство, что среди этой многочисленной публики, посѣщавшей выставку, почти вовсе отсутствовали крестьяне.

Сколько намъ извѣстно, и въ пріемѣ экспонатовъ, и въ назначеніи премій крестьянству не было оказано должнаго вниманія. Напримѣръ, запаздываетъ со своими экспонатами свой крестьянинъ,—отказъ, поворачивай оглобли, вези назадъ! Запаздываетъ богатая иногородная фирма,—милости просимъ. Приноситъ крестьянка свою нехитрую, но безспорно полезную и хорошую работу,—отказъ, подѣльте предлогомъ, что въ этой работѣ нѣтъ ничего «особеннаго», самая обыкновенная хорошая работа. Присылаетъ богатый баринъ нѣсколько крупныхъ пероиковъ, поспѣвшихъ въ его оранжереѣ, или

выписную іоркширскую свинью, или скаковую лошадь,—пожалуйте. На долю богатыхъ фирмъ и крупныхъ землевладѣльцевъ достались и высшія преміи...

Да, распорядительный комитетъ выставки совсѣмъ упустилъ изъ виду крестьянство, для котораго эта выставка могла быть наиболѣе полезной. Напримѣръ, не озаботились своевременно ни оповѣстить крестьянъ о выставкѣ—хоть бы черезъ волостныя правленія или черезъ земскихъ начальниковъ, ни, по возможности, сдѣлать какъ можно свободнѣе для нихъ доступъ на выставку. Слѣдовало бы разослать черезъ волостныя правленія бесплатныя билеты для крестьянъ, хоть по 200, по 300 на волость. Наше крестьянство, въ большинствѣ, такъ бѣдно деньгами, что и самая умѣренная плата, особенно въ соединеніи съ расходомъ на поѣздку въ городъ, для него обременительна. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно такъ запугано, что боится всякой барской затѣи, а выставка въ домѣ и въ саду дворянства непремѣнно должна была ему представляться такой затѣей, на которой ему нѣтъ мѣста. Своевременное оповѣщеніе и раздача бесплатныхъ билетовъ, въ извѣстной мѣрѣ, могли парализовать такое опасеніе и привлечь крестьянъ къ выставкѣ, что было бы весьма и весьма полезно. Для нихъ тутъ нашлось бы не мало поучительнаго,—и въ отдѣлѣ земледѣлія, и въ отдѣлѣ животноводства, и у кустарей. Выставка могла бы для нихъ имѣть значеніе нѣкоторой наглядной школы—если не чисто практической, въ смыслѣ немедленныхъ нововведеній и улучшеній крестьянской промышленности и крестьянскаго быта, то во всякомъ случаѣ—школы, возбуждающей мысль, расширяющей умственный кругозоръ, вызывающей новыя и благотворныя потребности и стремленія.

Главная черта, задерживающая движеніе впередъ нашего крестьянства, именно—его чрезвычайная косность, происходящая вслѣдствіе изолированности, оторванности отъ широкаго Божьяго міра, съ его разнообразной природой, его многообразной жизнью, промышленностью, искусствомъ и наукой, вслѣдствіе крайней узости и бѣдности умственнаго кругозора. Эта косность совершенно парализуетъ его природную даровитость, которая потому пропадаетъ бесплодно и только иногда прорывается случайно въ единичныхъ явленіяхъ, въ родѣ Кулибина и ему подобныхъ,—явленіяхъ, которыя представляются болѣе удивительными, нежели полезными. Даровитость нашего крестьянства, несомнѣнная для всякаго, кому приходилось близко стоять къ нему, это—данные Богомъ таланты, зарытые въ землю.

Крестьянству-то и надо было дать первое мѣсто на выставкѣ— и какъ экспоненту и какъ зрителю. Для него-то и надо было при каждомъ отдѣлѣ организовать правильныя и популярныя объясненія въ опредѣленные часы. Тогда Воронежскую выставку можно было бы признать истинно полезнымъ и плодотворнымъ дѣломъ; а въ томъ видѣ, какъ она происходила, это вышло простое гулянье съ красивой обстановкой, развлеченіе для скучающаго городского населенія и пріѣзжаго богатаго люда.

Возвращаясь къ существу выставки, приходится сказать, что самымъ слабымъ ея отдѣломъ, къ сожалѣнію, оказался земскій отдѣлъ вообще, а особенно его 5-ая группа, т. е. народное образованіе.

Надо сказать, что мѣстное крупное землевладѣніе, конечно, не дало въ этотъ отдѣлъ никакихъ экспонатовъ, и что экспонаты земскаго отдѣла, безъ всякаго разумнаго основанія, были лишены права на премированіе. Можетъ быть, послѣднее обстоятельство и составляло главную причину неполноты и безцвѣтности земскаго отдѣла, который былъ обставленъ небрежно и бѣдно. Вѣроятно, заранѣе многимъ было извѣстно, что премировать экспонаты земскаго отдѣла не предполагается, и знавшіе это рѣшили, что хлопотать не изъ-за-чего, «игра-де не стоитъ свѣчь». Явились только простаки, которые или добродушно вѣрятъ въ людскую справедливость, или вовсе не гонятся за наградами и преміями.

Земская школа, можно сказать, на выставкѣ вовсе не была представлена, и тотъ, кому вздумалось бы здѣсь познакомиться съ ней, съ ея статистикой, ея положеніемъ и дѣятельностью, нашелъ бы на выставкѣ очень недостаточно матеріаловъ для этого: не было свѣдѣній ни о количествѣ школъ, ни о числѣ учащихся, ни о затратахъ и расходахъ земства на народную школу, ни объ участіи въ содержаніи ея крестьянскихъ обществъ.

Обойдемъ и рассмотримъ всю эту группу земскаго отдѣла по уѣздамъ.

Вотъ Воронежскій уѣздъ.

Здѣсь находимъ планы двадцати земскихъ школъ, начерченные довольно мелко на одномъ листѣ, безъ всякихъ объясненій. На другомъ листѣ начерченъ боковой видъ классныхъ ученическихъ столовъ 25 школъ, тоже безъ всякихъ объясненій. Сколько можно судить по этимъ чертежамъ, большая часть школьныхъ помѣщеній очень тѣсны и неудобны, а классная мебель, за небольшими исключеніями, построена неправильно. Обстоятельныя свѣдѣнія

находимъ о двухъ частныхъ школахъ, въ содержаніи которыхъ земство принимаетъ только нѣкоторое участіе: о Петинской, существующей десять лѣтъ, и о Макарьевской, открытой въ 1893 году. Первая школа представила подробную картограмму подъ заглавіемъ «Десятилѣтіе Петинской народной школы». Здѣсь въ серединѣ мы находимъ планъ просторнаго школьнаго помѣщенія, по сторонамъ—рисунки, изображающіе: фасадъ дома съ лица и съ боковой стороны, рамы школьнаго помѣщенія, правильную школьную мебель, съ надлежащими объясненіями. Вокругъ чертежей, на той-же картограммѣ, помѣщены подробныя данныя о расходахъ на содержаніе школы, о движеніи учащихся, объ учебныхъ пособіяхъ и т. п. Извлекаемъ изъ этой картограммы нѣкоторыя свѣдѣнія о школѣ.

По обилію и достоинству учебныхъ пособій эта школа, безъ сомнѣнія, самая богатая въ уѣздѣ. Она владѣетъ: народно-учебной библиотекой, заключающей въ себѣ до 800 №№, большимъ волшебнымъ фонаремъ, съ коллекціей картинъ до 250, большимъ собраніемъ лучшихъ наглядныхъ пособій по всѣмъ предметамъ обученія.

Макарьевская школа представила на выставку прекрасную модель школьнаго дома съ обстоятельнымъ объясненіемъ.

По удобствамъ и правильному устройству помѣщенія и классной мебели, эта школа, безъ сомнѣнія, занимаетъ первое мѣсто между школами Воронежскаго уѣзда, и этимъ превосходнымъ помѣщеніемъ она обязана извѣстному писателю А. И. Эртелю, который состоитъ ея попечителемъ. Внѣшніе размѣры школьнаго зданія таковы: длина 33 аршина, ширина 15 аршинъ, вышина отъ фундамента до крыши $5\frac{1}{2}$ аршинъ. На постройку зданія, съ классной мебелью и другими классными принадлежностями, издержано 5.482 р. 90 к., а эти деньги получены изъ слѣдующихъ источниковъ:

Отъ В. А. Морозовой изъ Москвы . . .	3.300 р.	— к.
» С. В. Алексѣева » » . . .	1.300 »	— »
Изъ суммъ бывшаго Макарьевскаго попечительства прибылей отъ продажи крестьянамъ хлѣба въ 1892—93 г.	868 »	95 »
Отъ продажи оставшихся матеріаловъ .	13 »	95 »

5.482 р. 90 к.

Воронежское уѣздное земство, участвуя въ содержаніи этихъ двухъ школъ, расходуетъ: на Петинскую 314 р. въ годъ, а на Макарьевскую 420 р.

Еще по Воронежскому уѣзду находимъ картограмму подъ заглавіемъ «Опытъ народнаго театра при Петинской сельской школѣ». Она даетъ планъ театра съ объясненіями, его лѣтопись, съ 1888 по 1894 годъ включительно, и разныя свѣдѣнія о немъ. Исполнителями въ театрѣ являются бывшіе ученики и ученицы школы, зрителями, вносящими въ пользу исполнителей самую умѣренную плату (отъ 20 к. до 1 коп.), мѣстные и окрестные крестьяне, по преимуществу.

Рядомъ съ Воронежскимъ стоитъ Землянскій уѣздъ. Здѣсь находимъ такіе же планы и чертежи, какъ въ Воронежскомъ уѣздѣ, безъ всякихъ объясненій: планы помѣщеній 36 школъ, чертежи ученическихъ столовъ, между которыми правильныхъ и сколько-нибудь удовлетворительныхъ нѣтъ ни одного изъ 16-ти школъ. Еще здѣсь находимъ экзаменныя письменныя работы учениковъ, окончившихъ курсъ въ 1893 году: диктовки и ариѳметическія задачи. Работы не важныя. Написаны онѣ по линейкамъ, вопреки требованію, чтобы оканчивающіе курсъ умѣли писать безъ линейки. Диктовки не только съ грубыми ошибками, но и съ искаженіемъ текста. Умалчиваемъ о томъ, что диктовка—неудачный выборъ для экзаменной письменной работы, и если необходимо считать ее обязательной, то, во всякомъ случаѣ, ограничиваться ею не слѣдовало-бы.

Пропускаемъ пока Нижнедѣвицкій уѣздъ, который къ концу выставки выдвинулся передъ всѣми замѣчательной работой, заслуживающей особеннаго вниманія.

Острогожскій уѣздъ далъ только планы двухъ хорошо устроенныхъ школъ,—вѣроятно, не единственныхъ, но лучшихъ въ уѣздѣ, хотя объ этомъ можно только догадываться.

Коротоякскій уѣздъ далъ планы 15-ти школъ и рисунки классной мебели изъ 13-ти школъ,— все такіе же, какъ и въ другихъ уѣздахъ, безъ надлежащихъ объясненій; классную мебель, судя по рисункамъ, можно признать удовлетворительною только въ трехъ школахъ. Еще здѣсь находимъ экзаменныя работы за 1894 годъ, лучшія изъ всѣхъ, какія намъ пришлось видѣть на выставкѣ. Хотя эти работы тоже ограничиваются диктовкой и ариѳметической задачей и написаны по линейкамъ, но достоинствомъ своимъ превосходятъ всѣ другія. Особенно пріятно видѣть толковое и

дѣльно написанное рѣшеніе ариѳметическихъ задачъ, съ планомъ рѣшенія, а у нѣкоторыхъ учениковъ и съ объясненіемъ, изложеннымъ отчетливо, дѣльно и складно: это, въ нѣкоторомъ родѣ, сочиненіе, на основаніи котораго можно судить о познаніяхъ и успѣхахъ учениковъ не только по ариѳметикѣ, но и по родному языку—гораздо вѣрнѣе, нежели по диктовкѣ.

Павловскій уѣздъ далъ планы 12 школь и 29 рисунковъ ученическихъ столовъ, изъ которыхъ можно признать удовлетворительными не болѣе восьми.

Валуйскій уѣздъ далъ 19 плановъ и 34 рисунка классной мебели, которая здѣсь, за исключеніемъ 4, отличается особеннымъ безобразіемъ и нарушеніемъ всѣхъ требованій школьной гигиены: совершенно крутая покатость верхней доски стола, положительная дистанція до полу-аршина и т. п.

Новохоперскій уѣздъ, единственный изъ всѣхъ, по школьному дѣлу не представилъ ровно ничего, какъ будто народная школа въ немъ совсѣмъ отсутствуетъ. «Хвастать-то, говорятъ, нечѣмъ», какъ будто цѣль и задачи выставки — хвастать, а не просто—представить положеніе дѣла таковымъ, каково оно есть, и воспользоваться указаніями на его несовершенство для улучшенія его.

Бобровскій уѣздъ выставилъ 40 школьныхъ плановъ и 19 рисунковъ классной мебели, которая тоже представляетъ крупныя уродства въ родѣ аршинной дистанціи, а удовлетворительна только въ 5—6 школахъ.

Богучарскій уѣздъ далъ только 22 рисунка классной мебели, которая удовлетворительна только въ 5 школахъ.

Бирюченскій уѣздъ далъ 40 школьныхъ плановъ и 29 рисунковъ классной мебели. Удовлетворительна мебель въ 3 школахъ.

Задонскій уѣздъ далъ 17 плановъ и 17 рисунковъ мебели тоже въ большинствѣ, за исключеніемъ 2 — 3, неудовлетворительной.

Вотъ и все, что можно было найти на Воронежской выставкѣ для ознакомленія съ народной школой губерніи.

Эта скудность матеріаловъ производила досадливое впечатлѣніе не только потому, что не даетъ возможности познакомиться съ положеніемъ дѣла народнаго образованія въ губерніи, но еще болѣе потому, что въ ней сквозитъ равнодушное отношеніе къ этому важному дѣлу тѣхъ общественныхъ учреждений, которыя вѣ-

даютъ его,—равнодушное отношеніе въ то время, когда вопросъ о народномъ образованіи и о народной школѣ круто выдвинула впередъ сама жизнь, когда онъ сдѣлался жгучимъ и первостепеннымъ вопросомъ для Россіи и вызвалъ даже серьезные толки о введеніи обязательнаго обученія. Прошелъ даже слухъ, что именно Воронежская губернія попала въ тотъ районъ, гдѣ предполагается сдѣлать опытъ примѣненія обязательнаго обученія. Можетъ быть, этотъ слухъ и лишень основанія, но все же онъ не могъ пройти безъ впечатлѣнія на общественныя учрежденія, вѣдающія мѣстную народную школу, и тѣмъ болѣе странно равнодушное и апатичное отношеніе ихъ къ ней, выразившееся на выставкѣ. И вдругъ нашелся одинъ уѣздъ, обнаружившій живое и теплое отношеніе къ народной школѣ, много смягчившій вышесказанное досадливое впечатлѣніе.

Это и есть тотъ Нижнедѣвицкій уѣздъ, мимо котораго мы прошли съ тѣмъ, чтобы къ нему возвратиться въ концѣ и обратить особенное вниманіе на его замѣчательную работу, появившуюся къ концу выставки.

До появленія этой работы въ земскомъ отдѣлѣ Нижнедѣвицкаго уѣзда по народному образованію были выставлены: 20 плановъ школьныхъ помѣщеній, 20 рисунковъ, изображающихъ боковой видъ ученическихъ столовъ, въ большинствѣ довольно-таки безобразныхъ, и экзаменныя и письменныя работы за 1892—1893 и 1894 годъ, написанныя по линейкамъ, состоящія не то изъ диктовки, не то изложенія прочитаннаго своими словами (для изложенія—онѣ слишкомъ однообразны, для диктовки представляютъ различія, которыя пришлось-бы принять за грубыя искаженія текста) и ариметической задачи. Впрочемъ, за одинъ годъ письменной работой по русскому языку была несомнѣнно диктовка, и намъ показалось довольно страннымъ, что для экзаменной диктовки было выбрано стихотвореніе.

Въ этомъ видѣ Нижнедѣвицкая выставка народной школы не представляла ничего особеннаго и мало отличалась отъ другихъ. Но вотъ къ концу выставки здѣсь появились: брошюрка «Долго ли помнятъ грамоту крестьяне, прошедшіе начальную школу, читаютъ-ли они по выходѣ изъ школы и что по преимуществу, гдѣ берутъ книги?», печатный листокъ подъ заглавіемъ «Училищное дѣло» и письменныя работы провѣрочнаго испытанія, произведеннаго для бывшихъ учениковъ земскихъ школъ за 18 лѣтъ. Брошюрка и листокъ разда-

вадись бесплатно всѣмъ интересующимся дѣломъ; письменныя работы предлагались для просмотра всѣмъ желающимъ. Вотъ это именно и есть та работа, которая выдвинула Нижнедѣвицкій уѣздъ на выставкѣ изъ ряда вонъ, обнаружившая живое и теплое отношеніе его общественныхъ дѣятелей къ вопросу о народномъ образованіи и къ народной школѣ.

Оказывается, что Нижнедѣвицкій совѣтъ, въ засѣданіи 13 января 1894 года, поручилъ тремъ членамъ своимъ: П. И. Ткачеву отъ Министерства Народн. Просв., А. П. Иванъшину—отъ Мин. Внутр. Дѣлъ и Я. А. Харьковичу отъ земства, произвести повѣрочное испытаніе знаній бывшихъ учениковъ всѣхъ начальныхъ школъ уѣзда, получившихъ свидѣтельства. Цѣлью этого порученія, какъ говорится въ «Докладѣ» означенныхъ трехъ лицъ, было желаніе совѣта получить достаточно обстоятельный отвѣтъ на слѣдующіе вопросы:

«Остается-ли что нибудь въ памяти прошедшихъ начальную народную школу черезъ 5, 10 лѣтъ по полученію свидѣтельства, и если остается—что именно? Поддерживаютъ-ли они чтеніемъ знанія, прибрѣтенныя въ школѣ, и что читаютъ, и откуда прибрѣтаютъ книги, или-же, оставляя школу почти еще дѣтьми въ 11, 12 лѣтъ, и живя затѣмъ общею крестьянскою жизнью, совершенно забываютъ грамотность и не носятъ на себѣ никакого отпечатка школьнаго обученія?»

Означенныя лица превосходно выполнили возложенное на нихъ порученіе. Они произвели испытанія преимущественно во время Великаго поста, когда крестьяне наиболѣе свободны, и представили отлично обработанный и очень интересный докладъ, снабженный подробными таблицами, который и напечатанъ въ видѣ особой брошюрки, представленной на выставку. Упомянутый-же выше листокъ содержитъ краткое извлеченіе изъ этого доклада о результатахъ сдѣланнаго испытанія. Вотъ сущность этихъ результатовъ.

Въ начальныхъ народныхъ училищахъ Нижнедѣвицкаго уѣзда, содержимыхъ земствомъ, за 18 лѣтъ съ 1876 г., окончило курсъ и получило свидѣтельствъ 1914 человекъ. Изъ нихъ явилось въ 1894 году на повѣрочное испытаніе 1038 человекъ. Изъ этихъ послѣднихъ по испытанію оказались имѣющими очень хорошія знанія, оцѣненныя пятью баллами: по Закону Божію 160, по русскому чтенію 187, по славянскому 156, по письму 103, по ариметикѣ 180; имѣющими удовлетворительныя знанія,

оцѣненные баллами четыре и три: по З. Божію 718, по русск. чтенію 725, по сл. чтенію 715, по письму 688, по ариѳметикѣ 754; имѣющими знанія неудовлетворительныя, оцѣненные двумя баллами: по З. Божію 160, по русск. чтенію 126, по сл. чтенію 164, по письму 247, по ариѳметикѣ 104. «Ни одного человѣка, разучившагося читать или писать, не оказалось» прибавляетъ исполнительная коммиссія.

Дополнимъ это извлеченіе нѣкоторыми подробностями изъ «Доклада».

На испытаніе явилось 54,7% всего числа окончившихъ курсъ съ того времени (1876 г.), какъ всѣ школы уѣзда начали производить постоянные, регулярные выпуски и выдавать ученикамъ установленныя свидѣтельства. Изъ общаго числа подвергавшихся испытанію 7% окончили курсъ 15 лѣтъ тому назадъ (до 1880 г.), 20% окончили курсъ не менѣе 10 лѣтъ тому назадъ (1881—1885), 40% окончили курсъ не менѣе 5 лѣтъ тому назадъ (1885—1890), и 33% окончили курсъ въ послѣдніе три года (1891—1892—1893).

Какъ программа для испытанія, такъ и способы его исполненія и оцѣнки обнаруженныхъ познаній и умѣній, выработанныя и примѣненные на практикѣ коммиссіей, надо признать вполне разумными и достойными подражанія.

По Закону Божію испытуемые говорили молитвы, разсматривали событія изъ Священной Исторіи ветхаго и новаго завѣта, объясняли заповѣди Моисея и заповѣди о блаженствахъ, а также изложенныя въ притчахъ главнѣйшія ученія Христа, передавали содержаніе Символа вѣры и молитвы Господней. «Мѣстами,—говорится въ «Докладѣ»,—особенно лучшія ученики, выказали достаточныя понятія о богослуженіи и общее знакомство съ содержаніемъ Евангелія, очевидно вынесенное изъ чтенія его».

Средній баллъ по Закону Божію для всей массы подвергшихся испытанію 3,3 или не отличается рѣзко отъ средняго балла другихъ предметовъ обученія: по чтенію онъ выше на 0,1, по письму ниже на 0,1, по ариѳметикѣ выше на 0,3.

Чтеніе на испытаніи оцѣнивалось двумя способами: балломъ и опредѣленіемъ числа строкъ, прочитанныхъ въ минуту. Коммиссія полагаетъ, и не безъ основанія, что баллы находятся въ зависимости отъ субъективнаго впечатлѣнія экзаменатора, потому и ввела независимую отъ такого впечатлѣнія оцѣнку, по крайней мѣрѣ,—скорости чтенію. «Быстрота чтенія, говорится въ «Докладѣ»,

сама по себѣ, конечно, не даетъ еще всѣхъ основаній для заключенія о томъ, насколько вообще хорошо чтеніе; достаточно скорое чтеніе можетъ быть недостаточно понятнымъ не только для слушающаго, но и для самаго читающаго; кромѣ того, быстрота чтенія вообще довольно измѣнчивый непостоянный элементъ; она много зависитъ отъ содержанія читаемаго: постоянно приходится наблюдать, производя испытанія, что одинъ и тотъ-же ученикъ читаетъ весьма различно, въ особенности относительно скорости, понятный для него бытовой рассказъ, или, на примѣръ, разсужденіе; крайнюю трудность составляютъ для всѣхъ въ начальной школѣ художественныя описанія; здѣсь быстрота чтенія уменьшается чуть-ли не вдвое».

Кромѣ содержанія читаемаго, замѣтимъ мы, бѣглость или быстрота чтенія, какъ выражается «Докладъ», зависитъ и отъ изложенія, языка читаемаго текста, и даже отъ шрифта, какимъ онъ напечатанъ, да и отъ большой или меньшей, такъ сказать храбрости читающаго (особенно на испытаніи).

«Но, дѣлая эти оговорки,—продолжаетъ «Докладъ»,—нельзя не признать за всѣмъ тѣмъ, что всетаки быстрота чтенія, въ общемъ, можетъ служить въ извѣстной степени вѣрнымъ и ужъ во всякомъ случаѣ достаточно объективнымъ, и самымъ удобнымъ показателемъ количества чтенія для того, кто самъ не слыхалъ его, но желаетъ составить себѣ о немъ понятіе».

Въ этихъ разсужденіяхъ комиссіи безъ сомнѣнія, есть много справедливаго, совершенно оправдывающаго два способа оцѣнки чтенія, посредствомъ балловъ и посредствомъ точнаго измѣренія его скорости, и, во всякомъ случаѣ, вторая оцѣнка, поставленная рядомъ съ первой и независимо отъ нея, отнюдь не мѣшаетъ дѣлу. Для чтенія на испытаніи была взята книга доктора Вишнеvsкаго «О сохраненіи здравія», по чтенію славянскому—Евангеліе.

Средній баллъ всей массы за чтеніе—3,4. Средняя быстрота чтенія колебалась отъ 8 до 13 строкъ въ минуту, а по славянски отъ 6 до 12 строкъ.

«Сами мы экзаменаторы,—говорится въ «Докладѣ»,—читаемъ только около 20 строкъ въ минуту изъ тѣхъ статей, какія давались для чтенія при испытаніяхъ,—и поэтому чтеніе, при скорости отъ 8 до 13 строкъ въ среднемъ, должно быть признано вполне удовлетворительнымъ,—тѣмъ болѣе, что бывшіе школьники читали такимъ образомъ не легкую статью, не бытовой раз-

сказъ, а сравнительно съ ихъ пониманіемъ серьезное, по своему содержанію, изложенію».

При оцѣнкѣ чтенія баллами, принималось въ расчетъ какъ бѣглость, такъ и осмысленность чтенія и умѣнье изложить прочитанное.

Сравненіе чтенія прежнихъ и позднѣйшихъ выпусковъ, по балламъ, показываетъ, что бывшіе ученики земской школы, черезъ 10, 15 и болѣе лѣтъ послѣ выхода, не только не забываютъ чтеніе, но начинаютъ читать лучше (средній баллъ 3,7), чѣмъ читаютъ выпускные изъ школы (средній баллъ 3,5): «чтеніе ихъ,—говорится въ «Докладѣ»,—становится болѣе выразительнымъ и осмысленнымъ, потому, что, вошедши въ полный разумъ, они легче усваиваютъ читаемую мысль, чѣмъ это дѣлали въ школѣ, бывши тогда въ сравнительно дѣтскомъ возрастѣ».

По письму комиссія предложила на испытаніе не диктовку а писаніе отвѣтовъ на вопросы: о лѣтахъ, о составѣ семьи, о времени окончанія курса въ училищѣ, вообще о занятіяхъ по выходѣ изъ школы и въ частности о томъ, часто ли читалъ и писалъ по выходѣ изъ училища, какія книги читалъ, гдѣ бралъ ихъ и какія изъ нихъ болѣе понравились. Исполненіе этой письменной работы заняло времени отъ 10 до 40 минутъ, въ среднемъ 25 минутъ.

Средній баллъ всей массы подвергавшихся испытанію по письму получился низшій изъ всѣхъ предметовъ, именно 3,2. При оцѣнкѣ письменныхъ работъ наиболѣе вниманіе было обращено «на смыслъ отвѣтовъ, на самое изложеніе ихъ и въ меньшей уже мѣрѣ на правописаніе; на красоту письма приходилось обращать еще менѣе вниманія, потому что его, очевидно, нельзя требовать отъ людей, вообще очень рѣдко имѣющихъ перо въ рукахъ». Какъ выборъ матеріала и формы для письменныхъ испытательныхъ работъ, такъ и основные принципы оцѣнки ихъ, установленные комиссіей, нельзя не признать вполне правильными. Мы постоянно выражали ту мысль, что и на обычныхъ школьныхъ испытаніяхъ давно бы пора замѣнить диктовку «сочиненіями», а уровень требованій по правописанію значительно понизить. Тогда измѣнился бы въ нашей народной школѣ и преобладающій нынѣ характеръ текущихъ годовыхъ письменныхъ работъ, потому что главной задачей ихъ одѣлалось бы не тщетная и ненужная погоня за правописаніемъ, а письменное изложеніе своихъ знаній, фактовъ, мыслей, чувствъ и желаній настолько толковое, складное и правильное, чтобы оно было понятно всякому неглупому грамотному русскому человѣку. Красоту письма,

конечно, школа должна имѣть въ виду, впрочемъ—тоже безъ преувеличеній, разумѣя подъ «красотой» только благообразіе и четкость письма—не болѣе, потому что для достиженія «изящной каллиграфіи» у нашей народной школы рѣшительно нѣтъ времени, да и средствъ недостаточно: вѣдь успѣхи въ каллиграфическомъ искусствѣ много зависятъ и отъ достоинства бумаги, пера и чернилъ, а нашей народной школѣ, при ея крайней бѣдности, приходится довольствоваться самой плохой бумагой и самыми плохими перьями, да и то въ самомъ умѣренномъ количествѣ. Легко сказать: надо, чтобы ученики народной школы преуспѣвали въ каллиграфіи, но не только не легко, а просто невозможно этого достигнуть, когда въ школѣ нѣтъ для каллиграфическихъ упражненій ни времени, ни бумаги ни перьевъ. Тѣмъ болѣе было бы трудно ожидать красивой каллиграфіи отъ людей, вышедшихъ изъ школы 10—15 лѣтъ тому назадъ и прожившихъ эти годы при обыкновенныхъ жизненныхъ условіяхъ нашего крестьянства.

По содержанію и изложенію письменныя работы бывшихъ учениковъ нижедѣвицкихъ земскихъ школъ весьма недурны и очень интересны. Всѣ эти работы, вмѣстѣ съ рѣшеніямъ ариѳметическихъ задачъ, были приложены къ «Докладу» и представлены на выставку въ земскомъ отдѣлѣ нижедѣвицкаго уѣзда.

Не можемъ отказаться отъ удовольствія привести и здѣсь нѣсколько изъ этихъ письменныхъ работъ.

Крестьянинъ Михаилъ Филипповичъ Чужиковъ, выпуска 1883 года. «Любимымъ занятіемъ во время лѣта было садоводство. Любилъ читать такія книги, въ которыхъ говорилось объ какой нибудь работѣ. Благодаря такимъ книгамъ, я самоучкой вышелъ переплетчикомъ; когда же я началъ переплетать, то въ книгахъ для чтенія недостатка не имѣлъ, читалъ и духовныя. Книги свои, бралъ у священника и въ школѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ открылся въ нашемъ селѣ хоръ, я состою въ этомъ хорѣ пѣвчимъ. Въ прошломъ году я выписалъ фотографическій аппаратъ со всѣми принадлежностями и руководствомъ и занялся сей работой; но за неимѣніемъ средствъ въ данное время, я не работаю, хотя и очень желаю продолжать эту работу».

Крестьянинъ Митрофанъ Ѳедотовъ Сорокинъ, выпуска 1884 года. «Семья наша не велика и вся почти рабочая. По выходѣ изъ школы я занимался тѣмъ, чѣмъ занимаются другіе, а особенно мои товарищи: бился на кулачки, опустошалъ огороды, и все то, что способны дѣлать неразумныя дѣти; послѣ сего меня приставили

исполнять всѣ крестьянскія работы, отъ сего шалости мои прекратились; я началъ сильно скучать,—и что же, чуть было не огрубѣлъ и не сталъ мужикомъ, способнымъ на всякія погрѣшности. На долю мою выпало много свободнаго времени, я началъ заниматься чтеніемъ, и читалъ больше всего сказки, которыхъ было достаточно. Оперившись, я теряю свое первобытное и неопредѣленное состояніе, я началъ читать книги болѣе полезныя, какъ, на примѣръ, Исторію Государства, Пѣсни Кольцова. Люблю я больше всего книги ученныя, особенно гдѣ много всего хорошаго, люблю и Божественныя. Пишу не часто, и если пишу, то большею частью стихи, хотя и не совсѣмъ основательныя».

Крестьянинъ Яковъ Михайловичъ А в с ѣ е в ъ, выпуска 1885 года. «Читалъ я не очень часто и не рѣдко, и писалъ я тоже не часто за крестьянскими дѣлами. Книги я бралъ въ училищѣ, часто покупалъ и часто бралъ у товарищей для чтенія. Читалъ книги всякія. Изъ нихъ мнѣ нравились: Ученіе Іисуса Христа, и какъ жили люди за тысячу лѣтъ назадъ, и какъ много было на Руси разбойниковъ. Читалъ я про шайку Пугачева, Ермака Тимофеича и другихъ имъ подобныхъ. Отъ роду мнѣ 21 годъ».

Крестьянинъ Яковъ Михайловичъ Д е ѳ и о в ъ, выпуска 1888 года. «Книги я читаю постоянно въ праздникъ, а иногда въ простые дни для чтенія книги я бралъ въ школѣ и покупалъ у разносчиковъ. Часто становлюсь на клиросъ, знаю пѣть. А лѣто я хожу на покосъ для заработка денегъ, для подати и на хлѣбъ, на одежду и на обувь вообще на все хозяйское употребленіе, потому что мы живемъ при великой бѣдности, и потому я разучился писать. По выходѣ изъ училища я много перечиталъ книгъ и Божественныхъ, и свѣтскихъ, и у меня есть свои собственныя книги; я ихъ люблю читать, и Божественныя, и свѣтскія. Мастерства я особеннаго никакого не имѣю кромѣ черной работы».

Крестьянка Прасковья Андреевна Х о л ѣ в а выпуска 1889 года. «Окончила курсъ въ Роговатскомъ училищѣ. Поступала въ школу въ 1885 году, а вышла 1889 г. Люблю я читать священныя книги и сказки. Брала я книги въ училищѣ. Вышла изъ школы,—занималась въ полѣ; я полола, вязала, а зимою вышиваю по канвѣ, шью и вяжу. Писать я малость пишу, а читать я каждый праздникъ читаю».

Крестьянинъ Иванъ Анисимовичъ П а в л о в ъ, выпуска 1892 г. «Отъ роду 20 лѣтъ. Женатъ. Жену звать Евдокія, дѣтей нѣтъ. Работаю дома и хожу на заработки, и занимаюсь пѣть; я книги люблю

читать всякія, коли придется праздничные дни и въ будни; книги покупалъ въ Воронежѣ и тутъ на базарѣ, на пору берешь читать у пріятели и въ школѣ. Мы рѣдко пишемъ, потому что у насъ нѣтъ чернила и перьевъ, и потому мы забыли писать».

Крестьянинъ Константинъ Ивановичъ Емельяновъ, выпуска 1893 года. «Книжечка мнѣ понравилась лучше всѣхъ адъ и рай. Я читалъ въ ней, чтобы не ругаться, потому что ругаться грѣхъ. А звать меня Константинъ Ивановичъ Емельяновъ».

Крестьянинъ Григорій Ильичъ Дорохинъ, выпуска 1894 года. «Книги прочитывалъ рѣдко лѣтомъ, а зимою читалъ чаще. Писалъ рѣдко; кромѣ письма къ брату, и къ прочимъ писалъ,—ну, да мало; книги есть свои, купленные, Божественныя и простыя, о домашнемъ хозяйствѣ, какъ обрабатывать землю и какъ водить скотину, и какъ за нею ходить: нужно ихъ любить и не бранить. Книги мнѣ покупалъ братъ солдатъ фельдфебель. Писать я попортился: рука дрожить отъ работы».

Очень сожалѣемъ, что не имѣемъ возможности увеличить эту выписку испытательныхъ работъ; мы безъ выбора взяли по одной работѣ разныхъ выпусковъ, начиная съ 1883 года. Повторяемъ, работы, по содержанию и изложенію, весьма удовлетворительны. Это именно то самостоятельное изложеніе фактовъ и собственныхъ мыслей, простое, достаточно складное и понятное, какъ можно желать отъ учениковъ начальной школы съ трехгодичнымъ курсомъ, по 24 недѣли въ году.

По ариметикѣ подвергавшіеся испытанію рѣшали задачи письменно и устно и давали объясненія по поводу этихъ рѣшеній. Задачи предлагались въ такомъ родѣ: «у крестьянина было столько-то мѣръ овса; извѣстную часть этого овса онъ продалъ, другую потравилъ своими лошадьми, а оставшійся овесъ посѣялъ; урожай получился самъ семь,—сколько четвертей овса собралъ крестьянинъ?» и т. п.,—словомъ, содержаніе задачъ было приспособлено къ условіямъ крестьянскаго быта. Очень жаль, что испытательная комиссія упустила изъ виду торговые счеты и устные бѣглыя вычисленія. То и другое очень важно въ жизни. На то и другое слѣдовало бы побольше обращать вниманія и въ школѣ. Познанія по ариметикѣ оказались «наилучшими противъ всѣхъ предметовъ въ среднемъ для всей массы подвергавшихся испытанію»; они опредѣляются балломъ 3,6.

По вопросу о томъ, занимаются ли бывшіе школьники чтеніемъ и письмомъ, что читаютъ и гдѣ берутъ книги,—письменные работы

даютъ слѣдующіе отвѣты: изъ 1.038 подвергавшихся испытанію, дали отвѣтъ на этотъ вопросъ 869. Писали часто 90, читали рѣдко 289; читали часто 232, рѣдко 406. Изъ читавшихъ читали: по преимуществу книги религіознаго и религіозно-нравственнаго содержанія 630, рассказы и сказки 280, историческія книги 58, хозяйственныя и т. п. книги 21. Брали книги у священника 16, въ училищѣ 322, у товарищей 155, покупали 244.

Въ концѣ концовъ испытаніе далосьма утѣшительные результаты, вполне оправдывающіе расходы земства и его благородную заботу о школѣ и народномъ образованіи, которую нельзя не вѣнчать ему въ великую заслугу. Скажутъ, что на испытаніи было только 54% общаго числа окончившихъ курсъ въ школѣ, а вотъ остальные-то 46% и оказались бы ничего не вынесшими изъ школы, а о тѣхъ, которые вышли изъ нея до окончанія курса, молъ, и говорить нечего.

Въ отвѣтъ такимъ отчаяннымъ пессимистамъ приводимъ слѣдующія слова доклада:

«По тѣмъ познаніямъ, которыя выказала эта половина (явившаяся на испытаніе) учившихся, можно, конечно, съ полнымъ основаніемъ заключить, что и другая половина — отсутствующихъ и вообще по разнымъ причинамъ не явившихся на испытаніе, — имѣетъ, въ общемъ, тѣ-же среднія познанія, какъ и подвергавшіеся испытанію. Тѣ свѣдѣнія, которыя мы собирали по нѣкоторымъ школамъ о грамотности отсутствующихъ, заключая о ней отзываютъ товарищей, по тѣмъ письмамъ, которыя отъ нихъ имѣются, частью по должностямъ и занятіямъ ихъ въ настоящее время (служить учителемъ, писаремъ, его помощникомъ, письмоводителемъ, въ писарскомъ классѣ, приказчикомъ въ лавкѣ и т. п.), вполне подтверждаютъ такой выводъ».

Что касается школьниковъ, оставившихъ школу до окончанія курса, испытательной комиссіи удалось случайно собрать ихъ въ числѣ около 20 человекъ, изъ двухъ большихъ селъ, которые и были подвергнуты испытанію: окавалось, что всѣ они удовлетворительно читаютъ и пишутъ, хотя многіе изъ нихъ уже давно оставили школу и между ними есть 30-лѣтніе.

Нельзя не поблагодарить Нижнедѣвицкихъ земскихъ дѣятелей за превосходную работу, ими исполненную. Она скрасила весь земскій отдѣлъ Воронежской выставки. Вотъ это трудъ, который заслуживалъ самой высшей преміи. Но распорядительный комитетъ не призналъ нужнымъ премировать экспонаты земскаго отдѣла.

IV.

О результатахъ обученія въ нашихъ народныхъ школахъ.

Въ 1894 году Воронежскій уѣздный училищный совѣтъ просилъ меня произвести выпускные экзамены, въ качествѣ председателя экзаменной комиссіи, въ пяти сельскихъ училищахъ Воронежскаго уѣзда, находящихся за рѣкою Дономъ, въ не дальнемъ разстояніи отъ мѣста моего постоянного жительства. Это обстоятельство дало мнѣ случай наблюдать результаты обученія крестьянскихъ ребятъ за три года, вѣрнѣе—за три зимы, потому что учебный сезонъ въ нашемъ, чисто земледѣльческомъ, уголкѣ начинается въ октябрѣ и оканчивается въ апрѣлѣ. Конечно, я наблюдалъ результаты обученія въ этомъ случаѣ лишь настолько, насколько они могли обнаружиться на экзаменѣ.

Вотъ я и хочу сказать нѣсколько словъ о томъ, какими мнѣ показались эти результаты, чего въ нихъ не достаетъ, на мой взглядъ, и какъ бы восполнить замѣченные недостатки.

Прежде всего замѣчу, что число учениковъ, а особенно ученицъ, выпущенныхъ съ правомъ на свидѣтельство объ окончаніи курса, почти во воѣхъ пяти училищахъ, по моему мнѣнію, весьма недостаточно: оно не соотвѣтствуетъ ни общей массѣ населенія, ни затратамъ на содержаніе училищъ, при всей скромности этихъ затратъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Костенское училище выпустило только четырехъ учениковъ, трехъ мальчиковъ и одну дѣвочку; а населеніе села Костенки, по переписи 1884 года, состояло изъ 4.414 душъ обоюго пола; теперь, по прошествіи десяти лѣтъ, оно, конечно, значительно возрасло.

Гремяченское училище выпустило только 9 мальчиковъ. Населеніе же села Гремячьяго съ прилежащими къ нему селеніями, входящими въ районъ этого училища, 5.066 душъ *).

Дѣвицкое училище выпустило 10 учениковъ, 8 мальчиковъ и 2 дѣвочекъ; а населеніе села Дѣвицы 5.296 душъ.

Васильевское училище выпустило 5 мальчиковъ. Населеніе же хуторовъ, расположенныхъ около и составляющихъ районъ этого училища, 1.261 душа.

Петинское училище выпустило 12 учениковъ, 8 мальчиковъ

*) Воѣ свѣдѣнія о населеніи показаны по переписи 1884 года.

и 4 дѣвочекъ. Населеніе села Петина съ выселками и деревней Орловской, составляющимъ районъ этого училища, 955 душъ.

Въ общемъ, населеніе въ 16.992 душъ обоого пола дало только 40 дѣтей, окончившихъ курсъ начальнаго училища съ правомъ на свидѣтельство, 33 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ. Безъ сомнѣнія, это мало: отношеніе между окончившими учебный курсъ и общей массой населенія, какъ 1:424.

По училищамъ это отношеніе далеко не одинаково и представляется въ такомъ видѣ:

Костенское, какъ	1:1104.
Гремяченское »	1: 563.
Дѣвицкое, »	1: 529.
Васильевское »	1: 252.
Петинское »	1: 79.
<hr/>	
Среднее »	1: 424.

Наиболѣе благоприятно отношеніе оказывается въ двухъ послѣднихъ училищахъ. Изъ нихъ о Васильевскомъ слѣдуетъ замѣтить, что оно много страдаетъ отъ сравнительной разборчивости своего района. Какъ осенняя и весенняя бездорожица, такъ зимніе снѣга и метели, затрудняя посѣщеніе училища дѣтьми отдѣльныхъ хуторовъ, разбросанныхъ по берегамъ рѣчки Еманчи, нерѣдко лишаютъ учителя возможности не только приготовить учениковъ къ окончанію курса, но и собрать ихъ къ экзамену, почти всегда совпадавшему съ весенней бездорожицей.

О Костенскомъ училищѣ, представляющемъ самое неблагоприятное отношеніе, замѣтимъ, что здѣсь учительница, окончившая курсъ восьмиклассной женской гимназіи, служитъ только первый годъ.

Отношеніе окончившихъ учебный курсъ къ общему числу дѣтей школьнаго возраста представляется въ такомъ видѣ:

Костенское, какъ	1:194.
Гремяченское »	1: 94.
Дѣвицкое »	1: 86.
Васильевское »	1: 35.
Петинское »	1: 13.
<hr/>	
Среднее »	1: 70.

Судя по выставленнымъ на экзаменѣ балламъ, представляющимъ средній выводъ изъ отмѣтокъ всѣхъ членовъ экзаменной комиссіи,

наилучшими оказываются успѣхи по **Закону Божію**: 25 отвѣтовъ отличныхъ, 11 хорошихъ и 4 удовлетворительныхъ. Второе мѣсто принадлежитъ чтенію: 20, 15, 5; третье—а р и е м е т и к ѣ: 17, 15, 8; послѣднее — п и с ь м у: 12, 19, 9. По училищамъ этотъ порядокъ успѣшности разнообразится. Чтеніе занимаетъ первое мѣсто только въ одномъ Гремяченскомъ, а письмо въ Петинскомъ училищѣ, и **Законъ Божій** въ нихъ стоитъ на второмъ мѣстѣ.

Но это опредѣленіе результатовъ и успѣшности обученія экзаменными баллами, какъ обыкновенно бываетъ, даетъ весьма смутное, неопредѣленное, и, пожалуй, неполнѣе вѣрное понятіе о дѣйствительной цѣнности для жизни тѣхъ знаній и умѣній, какія вынесены учениками изъ школы. А потому я рѣшаюсь дополнить это опредѣленіе кое какими моими личными замѣчаніями.

Отвѣты по **Закону Божію** на экзаменахъ, съ формальной экзаменной точки зрѣнія были, дѣйствительно, хороши: ученики бойко и твердо говорили всѣ молитвы, всѣ рассказы изъ священной исторіи, бойко и твердо давали объясненія, бойко и твердо отвѣчали на вопросы по богослуженію,—словомъ, твердо знали все, что требуетъ программа. Но въ ихъ отвѣтахъ, рассказахъ и даже объясненіяхъ, къ сожалѣнію, была въ глаза очевидная заученность, и стоило только прервать отвѣтъ какимъ нибудь вводнымъ вопросомъ, прямо къ нему относящимся, ученикъ уже сбивался, его надо было устанавливать на путь, какъ поѣздъ желѣзной дороги, соскочившій съ рельсовъ, а то и возвращать къ началу, какъ заводной органичекъ. Поэтому, въ отвѣтахъ не было той жизненности и душевной теплоты, которыя особенно важны и цѣнны въ дѣлѣ религіознаго обученія и въ религіозныхъ собесѣдованіяхъ. Видны напряженія памяти, видно усиленное стремленіе угодить вопрошающему, удовлетворить его своимъ отвѣтомъ, но не видно ни участія сердца, ни проблесковъ дѣятельной и убѣжденной мысли. Конечно, это много зависѣло отъ экзаменнаго характера отвѣтовъ и отъ обычной экзаменной обстановки, но я имѣю въ виду тѣ невольныя проявленія сердечнаго участія въ отвѣтахъ и убѣжденности, которыя вырываются наружу независимо отъ обстановки, когда ученикъ говоритъ не механически зазубренный, а сознаваемый и прочувствованный отвѣтъ. Конечно, уроки Закона Божія не могутъ обойтись безъ заучиванія наизусть: многое по **Закону Божію** необходимо заучить на память слово въ слово. Но такое заучиванье не исключаетъ ни сознательности, ни сердечнаго участія въ изученіи предмета; напротивъ, какъ извѣстно, тѣмъ и другимъ оно много облегчается,—тѣмъ

и другимъ усугубляется значеніе, польза и прочность заучиванья. Отсутствіемъ же сознательности, и сердечнаго участія значеніе, сила и прочность заучиваемаго знанія много ослабляются.

Вотъ почему, не смотря на твердые и бойкіе экзаменные отвѣты, не смотря на высокіе баллы, поставленные за нихъ, невольно сомнѣваешься въ прочности тѣхъ знаній и вліяній, какія вынесены учениками изъ уроковъ Закона Божія за три года обученія. Дай Богъ, чтобы эти невольныя, но отнюдь не злонамѣренныя, сомнѣнія оказались ошибочными!

Думается, что за три зимы едва ли и возможно полное и прочное воспитательно-религіозное обученіе. Возможно только формальное приготовленіе учениковъ къ экзамену по установленной программѣ.

Замѣчу, что менѣе заученнымъ, болѣе живымъ характеромъ отличались отвѣты учениковъ именно въ одномъ изъ тѣхъ училищъ, гдѣ Законъ Божій, по экзаменнымъ балламъ, занимаетъ не первое, а второе мѣсто, потому что съ формальной точки зрѣнія эти отвѣты были слабѣе. Не указываетъ ли это, что обученіе приводитъ къ болѣе цѣннымъ результатамъ для жизни тамъ, гдѣ оно имѣетъ въ виду приготовленіе учениковъ не столько къ экзамену, сколько именно къ жизни, ближе къ основной задачѣ разумной общеобразовательной школы?

Чтеніе, какъ гражданской и церковно-славянской печати, такъ и рукописи, вообще говоря, на экзаменахъ тоже оказалось достаточно бойкимъ, твердымъ и толковымъ, почему и заняло, по балламъ, второе мѣсто послѣ Закона Божія. Слабую сторону русскаго чтенія почти во всѣхъ училищахъ составляетъ грубое мѣстное произношеніе и недостатокъ самой примитивной выразительности. Тоже самое замѣчалось и въ манерѣ говорить наизусть выученныя стихотворенія. Стихотворенія знали и говорили на память ученики всѣхъ пяти училищъ, но далеко не всѣ обнаружили пониманіе ихъ, а безъ сознательнаго отношенія къ заученному тексту, конечно, невозможно и выразительное чтеніе его. Церковно-славянское чтеніе во всѣхъ училищахъ безусловно хорошо; но не надо думать, что училища обязаны этимъ оо. законоучителямъ. На урокахъ Закона Божія у насъ, къ сожалѣнію, церковно-славянское чтеніе совершенно отсутствуетъ: не читаются ни книги ветхаго завѣта, ни святое Евангеліе, подъ предлогомъ недосуга. Говорятъ, будто все время необходимо для прохожденія курса въ томъ видѣ, какъ онъ сдается на экзаменѣ. Еще говорятъ, что выполненіе экзаменной программы (формальное?) вовсе и не требуетъ чтенія священныхъ книгъ, о

которомъ и говорится-то не въ самой программѣ, а только въ «объяснительной запискѣ» къ ней. Поэтому, твердое, правильное и толковое церковно-славянское чтеніе въ нашихъ училищахъ достигается только посредствомъ особыхъ уроковъ церковно-славянскаго языка, которые начинаются во второй половинѣ перваго же учебнаго года, какъ только дѣти научились читать по русски, и продолжаются до конца курса.

Въ концѣ концовъ, результаты обученія чтенію, въ смыслѣ умѣнья разбирать и произносить печатный текстъ, во всѣхъ пяти училищахъ все же можно назвать хорошими.

Но съ вопросомъ о чтеніи, на мой взглядъ, неразрывно связанъ важный вопросъ о томъ, какія пріобрѣтенія одѣланы учащимися посредствомъ чтенія, которое должно быть не только «искусствомъ для искусства», чтеніемъ для процесса, какъ у Гоголевскаго Петрушки, а орудіемъ для расширенія знаній и понятій. Говоря откровенно, на экзаменѣ ученики только одного училища обнаружили, что чтеніе служило для нихъ источникомъ для расширенія понятій, для пріобрѣтенія знаній. Эти ученики пріобрѣли посредствомъ чтенія кое какія знанія о природѣ, о сельскомъ и волостномъ управленіи и довольно полныя знанія объ отечествѣ и о прошедшемъ отечества. Въ другихъ училищахъ, повидимому, не было обращено вниманія на то, чтобы научить и пріучить учащихся пользоваться книгой для пріобрѣтенія знаній.

Объединяя все сказанное о чтеніи, приходится сказать, что успѣхи по этому предмету, довольно высоко оцѣненные баллами на экзаменахъ, едва ли можно считать настолько прочными и плодотворными, какъ этого можно желать отъ народной школы, если смотрѣть на чтеніе, какъ на орудіе для пріобрѣтенія знаній, для расширенія понятій, для нравственнаго воздѣйствія, а не просто какъ на процессъ, какъ на «искусство для искусства».

Рядомъ съ чтеніемъ по успѣхамъ, какъ они выражаются въ экзаменныхъ баллахъ, стоитъ а р и е м е т и к а. Только въ одномъ училищѣ, по балламъ, она занимаетъ послѣднее мѣсто. Но за то именно только въ этомъ училищѣ курсъ ариметики былъ пройденъ съ надлежащей полнотой по отношенію къ потребностямъ жизни: учащіеся получили понятіе о квадратныхъ и даже кубическихъ мѣрахъ и о простѣйшихъ дробяхъ, рѣшали задачи на квадратныя и кубическія мѣры и на дроби и научились достаточно бойко владѣть торговыми счетами. Въ другихъ училищахъ все это оказалось совершенно упущеннымъ изъ виду, хотя для жизни очень важно, чтобы

ученики свободно владѣли торговыми счетами, имѣли понятіе о квадратныхъ мѣрахъ, особенно въ приложеніи къ измѣренію земли, и хотя о простѣйшихъ дробяхъ и о способахъ вычисленій съ такими дробями. Замѣчу еще, что не во всѣхъ училищахъ учащіеся приучены къ такому письменному изложенію рѣшенія задачъ, которое давало бы возможность легко провѣрять планъ и послѣдовательность этого рѣшенія; въ одной школѣ даже оказались написанными на экзаменныхъ листкахъ только условія задачи и отвѣтъ.

Въ общемъ, и успѣхи по ариметикѣ, не смотря на удовлетворительность ихъ съ формальной экзаменной точки зрѣнія, едва ли можно признать соответствующими потребностямъ народной школы которая, прежде всего, должна имѣть въ виду не столько приготовленіе учениковъ къ экзамену, сколько жизнь съ ея потребностями.

На послѣднемъ мѣстѣ, какъ по экзаменнымъ балламъ, такъ и по дѣйствительной цѣнности успѣховъ, стоитъ письмо, кромѣ одного училища, гдѣ оно занимаетъ первое мѣсто.

Надо сказать, что у насъ, въ Воронежскомъ уѣздѣ, изстари установился одинъ общій способъ испытанія учениковъ въ письмѣ и одна письменная экзаменная работа по родному языку: это—диктовка. Я зналъ объ этомъ и всегда считалъ такой способъ испытанія совершенно неудовлетворительнымъ и даже вреднымъ для общаго направленія дѣла въ нашихъ школахъ. Этимъ способомъ испытанія какъ бы опредѣляется для учащихъ лицъ и задача, и содержаніе, и способъ обученія письму въ народной школѣ. Установилась исключительная и преувеличенная погоня за правописаніемъ, устраняющая другія, болѣе важныя для жизни, цѣли,—при томъ за правописаніемъ, такъ сказать, только «диктовочнымъ». Установилась почти единственная письменная работа—письмо подъ диктовку, работа утомительная, скучная и малопроизводительная.

По моему же убѣжденію, которое я постоянно высказывалъ и въ жизни, и въ литературѣ, задача обученія письму въ народной школѣ, кромѣ удовлетворительной внѣшности (въ смыслѣ правильности начертанія буквъ, четкости и бѣглости рукописи), заключается не столько въ безукоризненномъ правописаніи по Гроту, сколько въ сообщеніи учащимся важнаго въ жизни умѣнья свободно и толково излагать письменно свои знанія, мысли, чувства, желанія, т. е. умѣнья «сочинять» на родномъ языкѣ. Да говоря откровенно, безукоризненное правописаніе по Гроту едва ли и достижимо въ шко-

лѣ, гдѣ учатся дѣти отъ 8 до 12 лѣтъ только въ продолженіе трехъ зимъ, гдѣ невозможно основательное прохожденіе курса русской грамматики. Понятно, что въ такой школѣ не приходится думать о красивыхъ «литературныхъ» сочиненіяхъ, но нужно и возможно достигать самостоятельнаго толковаго изложенія, понятнаго всякому грамотному и неглупому русскому человѣку. Это — потребность жизни; бывшему ученику народной школы въ жизни едва ли когда нибудь придется писать подъ диктовку, но придется «сочинять», на примѣръ, письма съ изложеніемъ фактовъ, нуждъ и потребностей семьи и вообще крестьянской жизни. Отъ этого изложенія «письменнаго» грамотѣя, прежде всего и болѣе всего, потребуется совершенная понятность его простымъ неглупымъ русскимъ людямъ, которой нисколько не помѣшаютъ нѣкоторыя противорѣчія съ правописаніемъ Грота.

Само собой разумѣется, что упражненіе учениковъ въ «сочиненіи» отнюдь не исключаетъ со стороны учащихся заботы о возможномъ совершенствѣ правописанія. Я настаиваю только на томъ, во-первыхъ, чтобы это было правописаніе не исключительно «диктовочное». Извѣстно, что часто ученикъ, пишущій довольно правильно подъ диктовку, дѣлаетъ множество грубыхъ ошибокъ въ простой запискѣ къ товарищу, состоящей изъ трехъ-четырехъ строкъ, которую онъ «сочиняетъ», а не подъ диктовку пишетъ: вотъ результаты «диктовочнаго» правописанія, вообще весьма распространеннаго у насъ не только въ начальной, но и въ средней школѣ. Во-вторыхъ, я еще настаиваю на томъ, чтобы забота о возможномъ совершенствѣ правописанія не стояла на первомъ планѣ на письменныхъ упражненіяхъ учениковъ народной школы. Надо, чтобы она не исключала болѣе важной заботы объ умѣньи «сочинять», т. е. толково и для всѣхъ понятно излагать письменно свои знанія, мысли, чувства, желанія.

Для этого, по моему мнѣнію, упражненія въ «сочиненіи» необходимо сдѣлать обязательными въ народной школѣ, а уровень требованій по правописанію значительно понизить, принимая за существенное и обязательное только то, отчего зависитъ правильное пониманіе смысла изложенія. На примѣръ, съ этой точки зрѣнія, весьма существенное значеніе имѣетъ толковая постановка знаковъ препинанія, но далело не такъ важно, е или ѣ написано въ словѣ д в е р ь: такъ или иначе, все будетъ д в е р ь, а не о к н о.

Производя экзамены, я и предлагалъ, кромѣ диктовки, какъ изстари установившейся испытательной письменной работы, задать

ученикамъ «сочиненіе» съ даннымъ содержаніемъ,—наприм., письмо съ описаніемъ своего семейнаго положенія и домашняго быта, или изложеніе знаній объ отечествѣ, о прошедшемъ отечества и т. п.

Но предложеніе это оказалось осуществимымъ только въ одномъ училищѣ, гдѣ ученики и написали сочиненія по отечественной исторіи. Я выбралъ двадцать темъ, по числу учениковъ, и для каждой темы написалъ планъ изложенія. Каждый ученикъ писалъ сочиненіе по данному плану на ту тему, какая кому досталась. Такъ какъ упражненія въ «сочиненіи» въ этомъ училищѣ вошли въ обычай и практиковались постоянно, то получились экзаменныя сочиненія, на мой взглядъ, вполне хорошія для учениковъ народной школы съ трехгодичнымъ курсомъ и съ учебнымъ годомъ въ 24 недѣли. Привожу для примѣра нѣсколько изъ этихъ сочиненій, съ присоединеніемъ данныхъ мною плановъ. По моему мнѣнію, сочиненія учениковъ этого училища наглядно доказываютъ, что въ народной школѣ, даже и съ теперешнимъ трехгодичнымъ курсомъ, можно достигнуть толковаго и грамотнаго изложенія своихъ мыслей; все дѣло въ упражненіи, которое должно начинать—если не съ перваго, то непременно со втораго года обученія, но вести въ опредѣленной послѣдовательности.

Экзаменное сочиненіе ученика Тимофея Дочкина.

Основаніе Русскаго государства.

П л а н ъ.

1. Неурядица у Славянъ. 2. Варяги. 3. Дума о князѣ. 4. Призваніе князей. 5. Государство.

Болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ, у сѣверныхъ Славянъ не было единой власти, а потому не было и порядка. Они между собою ссорились. Ихъ сосѣди обижали, брали съ нихъ дань. Болѣе всѣхъ Славянъ обижали Варяги; этотъ народъ былъ удалой; они жили за Балтійскимъ моремъ; они переплывали черезъ Балтійское море и грабили Славянъ. Вотъ славяне и задумали, какъ бы имъ выбрать князя, который бы ими управлялъ и велъ бы порядки; сперва они думали выбрать князя изъ себя, а потомъ одумались, что народъ не будетъ своему князю повиноваться. Вотъ Славяне и порѣшили выбрать князя изъ варяговъ.

Славяне, которые жили по берегамъ озера Ильменя и въ Новгородѣ, выбрали изъ себя лучшихъ людей и послали ихъ къ Варя-

гамъ. Эти люди пришли къ Варягамъ и говорятъ: «земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; идите къ намъ и управляйте нами!» Тогда пошли къ славянамъ три брата, князья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ; они взяли съ собой все племя, а это племя называлось Русь.

Такъ-то началось Русское государство въ 862 году.

Экзаменное сочиненіе ученика Михаила Протопопова.

Мининъ и Пожарскій.

П л а н ъ.

1. Дмитрій Царевичъ. 2. Самозванцы. 3. Поляки. 4. Патріархъ Гермогенъ. 5. Дѣло Минина. 6. Побѣда Пожарскаго.

Послѣ царя Ивана Васильевича Грознаго царствовалъ его сынъ Ѳеодоръ. Онъ былъ больной, а царствомъ управлялъ его шуринъ Борисъ Годуновъ. Наслѣдникомъ былъ братъ Царя, Дмитрій Царевичъ, и онъ съ матерью жилъ въ городѣ Угличѣ. Дмитрія царевича убили злые люди, и царскій родъ прекратился. Послѣ царя Ѳеодора Ивановича духовенство и бояре выбрали на царство боярина Бориса Ѳеодоровича Годунова. Онъ управлялъ хорошо, но на Руси пошли самозванцы; они называли себя царевичемъ Дмитріемъ и хотѣли завладѣть царствомъ. Пошла на Руси неурядица.

Сосѣди воспользовались неурядицей и напали на Русь. Польскій король задумалъ поставить на царство своего сына, королевича Владислава, и его войско завладѣло Москвой. Патріархъ Гермогенъ сталъ разсылать грамоту, чтобы рускіе не сдавались полякамъ, а собирались воевать и спасали Москву и отечество. Такія же грамоты разсылали монахи Троице-Сергіевой Лавры.

Въ Нижнемъ Новгородѣ поднялъ народъ Козьма Захаревичъ Мининъ. Онъ сказалъ народу: «продадимъ дома и дворы, заложимъ женъ и дѣтей и спасемъ отечество». Собрали большое ополченіе, а начальникомъ надъ войскомъ избрали князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго.

Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій пришелъ съ войскомъ къ Москвѣ въ 1612 году, побилъ враговъ и очистилъ Москву. Въ Москвѣ въ 1613 году собрался соборъ, который избралъ на царство молодого боярина Михаила Ѳеодоровича Романова. Родъ Романовыхъ царствуетъ и теперь.

Экзаменное сочиненіе ученика Александра Кривоносова.

Отечественная война.

П л а н ъ.

1. Наполеонъ Бонапартъ. 2. Императоръ Александръ Павловичъ. 3. Нашествіе Наполеона. 4. Бородино и Москва. 5. Бѣгство Наполеона.

Былъ во Франціи генераль Наполеонъ Бонапартъ, который умѣлъ хорошо воевать. Онъ былъ рода не царскаго, а самовольно вступилъ на престолъ и назвался императоромъ. Онъ завоевалъ почти всю западную Европу; его всѣ слушались и боялись.

Только одинъ Россійскій Императоръ Александръ Павловичъ не боялся Наполеона. При немъ у насъ была война со Шведами и съ Турками; шведы уступили намъ Финляндію, а турки Бессарабію.

Наполеону было досадно, и захотѣлось ему завоевать Русское государство; онъ набралъ большое войско изъ двѣнадцати народовъ и въ 1812 году вступилъ въ Москву. Онъ шелъ на Смоленскъ и на Москву, а русское войско все отступало: оно заманивало Наполеона подалше въ Россію, чтобы вѣрнѣе погубить его.

Не доходя 100 верстъ до Москвы, русскій генераль Кутузовъ остановился у села Бородина, и на Бородинскихъ поляхъ было большое сраженіе. Послѣ этого русское войско опять отступило, а Наполеонъ занялъ Москву, на погибель себѣ. Жители Москвы богатые уѣхали съ своимъ добромъ, а побѣднѣ зажгли городъ. У французовъ не было ни крова, ни хлѣба, ни дровъ, ни корма для лошадей. Наполеону пришлось уходить изъ Москвы, а русскіе преслѣдовали его войско. Самъ Наполеонъ ускакалъ въ городъ Парижъ, а войско его или погибло, или осталось въ плѣну въ Россіи. Такъ въ 1812 году Россія избавилась отъ нашествія Наполеона съ двѣнадцатью народами, и это избавленіе ежегодно празднуетъ 25 декабря.

Въ другихъ училищахъ пришлось ограничиться письменнымъ изложеніемъ коротенькаго разсказа, прочитаннаго мною вслухъ; но и это изложеніе все-таки получалось довольно плохое; а въ орфографическомъ отношеніи оно оказалось гораздо ниже диктовки,—значить, и правописаніе у этихъ учениковъ—только «диктовочное».

Приходится и про удовлетворительные успѣхи въ письмѣ, выразившіеся въ экзаменныхъ баллахъ, сказать все то же: они едва ли могутъ быть признаны прочными и соответствующими потребностямъ жизни.

Вотъ и всѣ мои личныя замѣчанія, какія я хотѣлъ высказать о результатахъ обученія въ пяти народныхъ училищахъ, какими они показались мнѣ на экзаменахъ.

Съ формальной экзаменной точки зрѣнія, они весьма хороши, но съ внутренней, со стороны ихъ видимой прочности и значенія для народной жизни, едва ли удовлетворительны. Я указывалъ въ своемъ мѣстѣ возможность восполненія ихъ недостатковъ и въ отдѣльныхъ случаяхъ.

Въ заключеніе укажу нѣкоторыя общія причины этой неудовлетворительности и общія средства для желательнаго улучшенія дѣла:

1. Первая причина—краткость учебнаго курса нашей народной школы, которая не даетъ возможности придать обученію надлежащую прочность и лишаетъ его серьезнаго и глубокаго воспитывающаго воздѣйствія на учащихся. При совершенной невозможности распространить учебный годъ безъ противорѣчія съ условіями народнаго быта, помочь дѣлу можно только расширеніемъ курса школы: сдѣлать его четырехгодичнымъ, или даже пятигодичнымъ.

2. Вторая причина заключается въ томъ, что нынѣ все обученіе въ нашей народной школѣ имѣетъ въ виду не жизнь съ ея потребностями, а только экзаменъ съ его формальными требованіями, и устраненіе этой причины гораздо труднѣе. Оно возможно только въ томъ случаѣ, если всѣ дѣятели народной школы проникнутся истинно-педагогическимъ духомъ. Я не берусь указывать въ моихъ бѣглыхъ замѣткахъ, какъ этого достигнуть, но замѣчу, что въ этомъ направленіи много могли бы сдѣлать для народной школы наши училищныя совѣты, если бы они относились къ дѣлу народнаго образованія и къ народной школѣ тепло и дѣятельно, а также хорошо поставленные и достаточно свободные учительскіе съѣзды.

Еще отмѣчу три необходимыя условія для достиженія цѣли по отношенію къ учителямъ и учительницамъ народной школы:

Во-первыхъ, для нихъ необходимо болѣе широкое и основательное общее образованіе, сравнительно съ тѣмъ, какимъ обладаетъ въ настоящее время большинство ихъ, включая въ это число и учителей, окончившихъ курсъ учительской семинаріи. Изъ теперешняго учительскаго состава, по качеству общаго образованія, приходится, по справедливости, предпочитать учительницъ, окончившихъ курсъ восьмиклассной женской гимназіи. Безъ широкаго и основательнаго общаго образованія трудно рассчитывать на упроченіе въ учительствѣ необходимыхъ идеальныхъ стремленій, а безъ нихъ немислимо господство въ немъ истинно-педагогическаго духа.

Во-вторыхъ, для учителей и учительницъ народной школы желательно болѣе самостоятельное и независимое положеніе сравнительно съ теперешнимъ, чтобы они могли всегда сохранять свое нравственное достоинство и не поступаться своими педагогическими идеалами изъ-за низменныхъ побужденій угодничества и подслуживанья.

Въ-третьихъ, для нихъ совершенно необходимо лучшее матеріальное обезпеченіе, чтобы они не только не бѣдствовали, какъ бѣдствуютъ теперь, получая 15—20 рублей въ мѣсяцъ, но имѣли бы возможность жить вполне здоровою жизнью и удѣлять кое что изъ своихъ средствъ на самообразование и удовлетвореніе умственныхъ потребностей развитаго человѣка.

Пока у насъ учительскій трудъ будетъ цѣниться такъ низко, какъ цѣнится теперь, пока на учителя и учительницу будутъ смотрѣть свысока, какъ нѣкое начальство, даже волостной старшина, пока въ основу учительской дѣятельности не будетъ положено широкое общее образованіе, до тѣхъ поръ учитель у насъ не будетъ вліятельной и уважаемой личностью, высоко держащей знамя учительства, и учителя съ благотворными идеально-педагогическими стремленіями въ нашихъ школахъ будутъ рѣдкими исключеніями, а обученіе въ народной школѣ останется непрочнымъ, лишеннымъ воспитывающей силы и мало благотворнымъ для народной жизни.

ХУ.

Десятилѣтній юбилей сельской школы и обязательное обученіе.

Когда люди горячо, съ увлеченіемъ и нѣкоторымъ самозабвеніемъ отдаются какому нибудь дѣлу во имя идеи, они невольно, въ пылу увлеченія и въ горячкѣ работы, становятся... какъ бы это сказать?.. ну, нѣсколько близорукими, что ли. Они видятъ окружающую ихъ дѣйствительность недостаточно ясно и отчетливо, въ нѣкоторомъ фальшивомъ освѣщеніи, не вполне такую, какова она есть на самомъ дѣлѣ, а такую, какою они ее желаютъ видѣть. Результаты работы, увлекающей и отманывающей ихъ, кажутся гораздо значительнѣе, сама работа гораздо плодотворнѣе, успѣшнѣе; промахи и ошибки, даже весьма грубые, не замѣчаются; истинное отношеніе къ ихъ работѣ окружающей среды представляется не такимъ, каково оно въ дѣйствительности, и т. п.

Поэтому, когда подходит какое нибудь обстоятельство, застав-

ляющихъ этихъ людей отрезвиться отъ опьяненія увлекающей работой, спокойно и критически оглянуться назадъ и вокругъ себя, тогда этимъ людямъ приходится испытывать нѣкоторое разочарованіе. Многое въ собственной работѣ и въ отношеніяхъ къ ней окружающей среды въ это время представляется совсѣмъ не такимъ, какъ думалось; ея достоинство и плодотворность чувствительно убавляются; многое оказывается самообманомъ, невиннымъ и ненамѣреннымъ, но очень досаднымъ и даже обиднымъ. Да, переживается тяжелый моментъ горькаго разочарованія. Но если при этомъ не утрачивается вѣра въ идею, убѣжденіе въ идею, убѣжденіе въ полезности дѣла, то «разочарованіе» легко обращается въ «отрезвленіе», полезное для дѣла въ будущемъ. У кого же отъ этого «разочарованія» окончательно опускаются руки, утрачивается способность или охота дѣлать начатое, во имя идеи, дѣла,—тотъ напрасно и принимался за него: «для чего было огородъ городить? зачѣмъ было капусту садить?»

Такое именно чувство «разочарованія» испытывали основатели и дѣятели нашей сельской школы въ декабрѣ 1894 г., празднуя десятилѣтіе своего дѣтища. Десять лѣтъ полнымъ ходомъ, безъ передышки, безъ оглядки, безъ всякихъ сомнѣній шла работа въ этой школѣ. Казалось, что всѣ ученики выносятъ изъ нея не только прочныя знанія, но и крѣпкую любовь къ занятію, къ книгѣ, къ самой школѣ. Казалось, что грамота и просвѣщеніе быстро распространяются въ селѣ, что чуть ли не вся мѣстная молодежь и грамотна, и читаетъ, и любитъ школу, не разрывая нравственной связи съ нею. Казалось, что и взрослое, неграмотное населеніе, посѣщая и чтенія, и вечера съ свѣтовыми картинами, и народные спектакли, прониклось уваженіемъ къ наукѣ и школѣ, пониманіемъ необходимости учить дѣтей.

Когда же были подведены итоги десятилѣтія, произведена была повѣрка всему этому «казалось», повѣрка фактическая,—то обнаружилось, что во всемъ этомъ большая доля «самообмана», невольнаго и наивнаго преувеличенія.

Собственно говоря, десятилѣтіе окончилось 22 октября: это день ея открытія и ежегоднаго школьнаго акта, о которомъ было рассказано въ одномъ изъ прежнихъ очерковъ. На этотъ разъ, и актъ, а вмѣстѣ съ нимъ и празднованіе десятилѣтія, все было отложено до Рождественскихъ праздниковъ, чтобы имѣть въ распоряженіи больше времени для приготовленія; да въ праздники и удобнѣе было выполнить нѣкоторыя части задуманной программы. Въ эту

программу входили: повѣрочное испытаніе всѣхъ бывшихъ учениковъ и ученицъ школы, окончившихъ курсъ за десять лѣтъ, отчетъ о дѣятельности школы за все десятилѣтіе для прочтенія на актѣ, рѣчь по поводу отчета, съ выясненіемъ выводовъ изъ него и того впечатлѣнія, которое онъ производитъ на дѣятелей школы, ученическое сочиненіе по поводу десятилѣтія школы, угощеніе для учащихъ послѣ акта для бывшихъ учениковъ и ученицъ, послѣ повѣрочнаго испытанія, народный спектакль съ апоѳеозомъ школы:

Сообразно съ такимъ содержаніемъ, была установлена такая программа десятилѣтняго юбилея школы:

1. Декабря 27 — повѣрочное испытаніе бывшихъ учениковъ и ученицъ, устное и письменное, съ угощеніемъ.

2. Декабря 29—актъ, съ чтеніемъ отчета, съ раздачей свидѣтельствъ и наградъ, съ чтеніемъ ученическихъ сочиненій, съ рѣчью попечителя, съ хорovýmъ пѣніемъ и съ угощеніемъ для учащихъ.

3. Декабря 30 — народный спектакль съ апоѳеозомъ школы.

Думали, что на повѣрочное испытаніе, о которомъ всѣ были увѣдомлены своевременно посредствомъ особаго объявленія съ приложеніемъ программы по всѣмъ предметамъ, соберутся всѣ бывшіе ученики и ученицы. Казалось, что между ними и школою существуетъ достаточно крѣпкая и живая связь. Казалось, что изъ школы они вынесли достаточно полныя и прочныя знанія и умѣнія, которыя при томъ поддерживались постояннымъ чтеніемъ и сношеніями съ школою, двери которой всегда открыты для нихъ, а потому не могутъ бояться повѣрочнаго испытанія. Думали, что и родители, относясь къ школѣ съ уваженіемъ и довѣріемъ, будутъ содѣйствовать, чтобы ея призывъ не прошелъ мимо ея бывшихъ учениковъ и ученицъ. Значеніе этого испытанія, какъ простой повѣрки безъ всякихъ послѣдствій для испытуемыхъ, кромѣ общаго угощенія, независимо отъ достоинства отвѣтовъ, тоже было разъяснено всѣмъ.

На самомъ дѣлѣ къ испытанію явились въ школу далеко не всѣ, а именно изъ общаго числа окончившихъ курсъ за десять лѣтъ, изъ 101, явилось только 46, т. е. менѣе половины, а не явилось 55, и многіе изъ этихъ не явились безъ всякой уважительной причины.

Явившіеся распредѣляются слѣдующимъ образомъ: мужского пола 38, женскаго пола 8, женатыхъ 5, холостыхъ 33, дѣвицъ 8; выпуска 1886 г. 1, 1887 г. 2, 1888 г. 9, 1889 г. 5, 1890 г. 5, 1891 г. 4, 1892 г. 6, 1893 г. 3, 1894 г. 11.

Испытаніе началось въ 9 часовъ утра и продолжалось до 4 часовъ вечера.

Оно состояло въ слѣдующемъ:

Прежде всего всѣ испытуемые писали нѣчто въ родѣ сочиненія: о своемъ домѣ, о семьѣ, о хозяйствѣ, о своихъ занятіяхъ, а также письменно рѣшали ариѳметическую задачу. Первая письменная работа должна была показать и дать матеріалъ для оцѣнки, на сколько молодые люди владѣютъ письменно языкомъ, на сколько сильны они въ правописаніи. Рѣшеніе задачи, кромѣ специально ариѳметической цѣли, имѣло цѣлю и повѣрку умѣнья списывать данный текстъ, такъ какъ испытуемые, прежде всего должны были переписать съ розданныхъ листковъ на свои листки данныя задачи. Задачи были выбраны незамысловатыя, несложныя, приспособленныя къ условіямъ и потребностямъ крестьянскаго быта. Вотъ, для примѣра, нѣсколько изъ этихъ задачъ:

1. Барышникъ купилъ 15 овецъ по 3 р. 60 к. за овцу и 12 свиней по 4 р. за свинью. Всѣхъ овецъ и свиней продалъ за 117 р. Сколько онъ взялъ на этомъ товарѣ барыша?

2. Кухарка жила 3 года на одномъ мѣстѣ, по 3 р. за мѣсяць. За все время она взяла у хозяевъ только четвертую часть своихъ денегъ. Теперь она уходитъ. Сколько денегъ ей слѣдуетъ получить?

3. Крестьянинъ снялъ 3 десятины земли по 15 руб. за каждую. Онъ получилъ съ этой земли 27 четвертей ржи и 40 копенъ соломы. Рожь онъ продалъ по 3 руб. за четверть, а солому по 25 к. за копну. Сколько досталось ему за хлопоты и за работу?

4. Въ амбаръ привезли рожь на 9 подводахъ, по 15 пудовъ на каждой, потомъ еще на 10 подводахъ, по 18 пудовъ. Всю рожь посѣяли по 9 пудовъ на десятину. Сколько десятинъ засеяли?

5. На одномъ лугу поставили 75 копенъ сѣна, на другомъ въ 5 разъ больше. Все сѣно сметали въ стоги, по 50 копенъ въ стогъ. Сколько поставили стоговъ?

Конечно, задачи довольно пустыя, но жизнь нашему крестьянину и не ставитъ задачъ труднѣе и сложнѣе этихъ. Если крестьянскій паренъ умѣетъ, черезъ 5—10 лѣтъ по окончаніи курса въ народной школѣ, рѣшать толково, сознательно и бойко подобныя задачи изъ крестьянскаго быта, этого достаточно.

Устное испытаніе состояло въ слѣдующемъ:

1. По Закону Божію рассказывали событія Священной исторіи, объясняли праздники, говорили и объясняли молитвы, а также читали по церковно-славянски Святое Евангеліе, съ переводомъ на русскій языкъ.

2. Читали по-русски, излагая и объясняя прочитанное, преимущественно рассказы небольшого объема.

3. Говорили наизусть и объясняли стихотворенія, кто какое запомнилъ.

4. Отвѣчали на вопросы по отечественной географіи и исторіи, показывали на картѣ.

5. Производили вычисленія въ умѣ и на торговыхъ счетахъ рѣшали устные задачи.

Результаты испытанія оказались весьма удовлетворительными и нѣсколько сгладили неприятное впечатлѣніе неполнаго состава явившейся къ испытанію массы бывшихъ учениковъ и ученицъ. Съ другой стороны, удовлетворительность результатовъ обученія, которое оказалось и достаточно содержательнымъ, и достаточно прочнымъ, усиливала досаду на очевидное равнодушіе къ школѣ мѣстнаго населенія: «старики» не только не постарались, чтобы всѣ бывшіе ученики и ученицы явились на испытаніе, но и сами не поинтересовались этимъ испытаніемъ. Всѣ были такъ увлечены праздничнымъ пьянствомъ, что ни одинъ не вздумалъ заглянуть въ школу 27 декабря, да и послѣ ни одинъ не поинтересовался результатами испытанія.

Отвѣты по Закону Божію вообще были весьма удовлетворительны и обнаруживали сознательное проникновеніе духомъ православнаго христіанскаго вѣроученія.

Русское чтеніе, по бойкости и сознательности, не оставляетъ желать ничего лучшаго; церковно-славянское—слабѣе. Сохранились кое какія знанія по географіи и исторіи. У многихъ сохранились въ памяти стихотворенія Пушкина, Кольцова, Некрасова. Не забыли ни мѣръ, ни таблицы умноженія; не разучились пользоваться торговыми счетами, производить вычисленія и рѣшать практическія задачи, какъ устно, такъ и письменно. У многихъ стало хуже письмо, какъ по внѣшнему виду, въ смыслѣ безобразія, такъ и по правописанію, которое вообще оказалось слабоватымъ.

На первомъ мѣстѣ, по достоинству результатовъ и по балламъ, оказалось чтеніе, въ смыслѣ бѣглости, бойкости и сознательности, 27 отличныхъ балловъ (5), 16 хорошихъ (4) и 3 удовлетворительныхъ; средній баллъ 4,5.

На второмъ мѣстѣ стоитъ Законъ Божій: отличныхъ 22, хорошихъ 18, удовлетворительныхъ 6; средній балль 4,3.

Третье мѣсто принадлежитъ ариѳметикѣ, имѣя въ виду и письменное рѣшеніе задачи, и устное счисленіе въ умѣ и на торговыхъ счетахъ; отличныхъ 21, хорошихъ 17, удовлетворительныхъ 7 и 1 неудовлетворительный (2); средній балль 4, 2.

Послѣднее мѣсто занимаетъ письмо, причемъ берется во вниманіе и вѣншность письма, и правописаніе, и полнота изложенія, а также большая или меньшая складность его: отличныхъ 13, хорошихъ 17, удовлетворительныхъ 7 и 1 неудовлетворительный (2); средній балль 3,8.

Значительная разница между чтеніемъ и письмомъ (на 0,7 въ среднемъ баллѣ), которая вовсе не замѣчалась на экзаменѣ каждаго отдѣльнаго выпуска (иногда письмо на этихъ экзаменахъ занимало даже первое мѣсто, т. е. стояло выше чтенія), объясняется очень просто. Бывшіе ученики и ученицы постоянно практикуются въ чтеніи, пользуясь библіотекой училища, которая открыта для нихъ каждое воскресенье. Нерѣдко они читаютъ дома и вслухъ для своихъ односельниковъ. Поэтому, и механизмъ, и сознательность чтенія у нихъ не только не ослабѣваютъ, но совершенствуются. Совсѣмъ не то съ письмомъ: писать многимъ и нечего, и неначемъ, и нечѣмъ. Практики почти совсѣмъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, у большинства, а потому приобрѣтенное въ школѣ умѣнье постепенно умалается, причемъ особенно страдаютъ тѣ стороны письма, которыя больше зависятъ отъ большаго или меньшаго упражненія: правильность начертанія буквъ и правописаніе, но не изложеніе; удовлетворительность послѣдняго поддерживается чтеніемъ и умственнымъ развитіемъ. Въ виду этого обстоятельства, наше училище рѣшило: чтобы поддерживать умѣнье писать въ бывшихъ ученикахъ практическими упражненіями, раздавать имъ бесплатно бумагу, перья и чернила. Три—четыре стопы бумаги, сотни три—четыре стальныхъ перьевъ да нѣсколько бутылокъ чернилъ—расходъ не большой, и во всякомъ случаѣ онъ окупится той пользой, которую долженъ принести дѣлу поддержанія письменной грамотности въ народѣ. Надо привести нѣсколько образчиковъ письменныхъ изложеній, полученныхъ на испытаніи,—хоть по одному изъ каждаго выпуска, съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

1) Николай Ларіоновъ, выпуска 1886 года.

За неимѣніемъ своего дома, я живу въ настоящі(е)е время у

хозяина, добываю себѣ кусокъ хлѣба трудами своихъ рукъ. Мое занятіе, преимущественно, у хозяина при должности ключника. Чтеніе и писаніе повторяю часто, даже по необходимости хозяйскаго дѣла. Сѣ(е)мья моя состоитъ изъ пяти душъ(,) изъ которыхъ мать и отѣ(е)ць тоже живутъ у хозяина и двѣ сестры, которыя за малолѣтствомъ живутъ съ родителями.

2) Варвара С е з и н а, выпуска 1887 года.

Мой дворъ находится на большой улицѣ села Петина(,) пятый домъ отъ кладбища. Мой дворъ кругомъ огороженъ. Изба каменная(,) покрыта соломой под(ъ)глину. Семья моя небольшая: дѣдушка, бабушка и батя съ женой, да насъ четверо. Въ праздничные дни и когда дѣла нѣтъ, читала книги(,) святаыя и сказочныя: про Юрія Милославскаго, о Бовѣ королевичѣ и портупей-прапорщикѣ. Писала пис(ь)ма: Ѳедору Давыдову и Ефрему Григорову.

3) Василий Д а в ы д о в ъ, выпуска 1888 года.

Нашъ домъ стоитъ недалеко отъ лѣса и обгороженъ хорошо. У насъ ныне(ѣ) лѣтомъ помѣ(е)рло 11 человекъ: 10 въ дифтеритной болѣзни и одинъ утонулъ. Онъ пасъ свиней, а въ это время грѣ(е)бли сѣно за Дономъ, и его перевѣ(е)зли въ лодкѣ обѣдать. Онъ пообѣдалъ, и повѣ(е)зли его опять на е(э)тотъ бѣ(е)регъ(,) а такъ какъ лодка была плохая, они отъе(ѣ)хали отъ бѣ(е)рега не болѣе ди(е)се(я)ти саженой, какъ вдругъ лодка оказалась полна водой; лодка перевалилась(,) и двое утонули, а двое влѣзли на дно лодки и спаслись.

Послѣ ученія я занимался хлѣбопашествомъ и пасъ своихъ лошадей. Я читалъ и писалъ(,) а книги бралъ въ нашемъ училищѣ.

4) Петръ Т и щ е н к о в ъ выпуска 1889 года.

Мы ран(ь)ше занимались землѣ(е)де(ѣ)ліемъ, а потомъ раздѣлились; послѣ раздѣленія дома, мой отецъ поступилъ въ лѣсники въ село Петино. Здѣсь мѣ(е)ня отдали въ школу для образованія, для обученія грамотѣ(,) и я кончилъ курсъ 1889 года. По окончаніи курса мѣ(е)ня отдали въ городъ для рѣ(е)месла; послѣ того я поступилъ въ садовники.

5) Андрей Б у х о н о в ъ, выпуска 1890 года.

Мой дворъ стоитъ на большой улицѣ(ѣ), седьмой домъ отъ кладбища; хата дубовая, крыта соломой; дворъ разгороженъ съ запада, а съ востока хоть не весь, да загороженъ; огородъ у меня саженой 40 будетъ долины и 15 саж. шир. Вотъ въ во(ы)не(ѣ)шнемъ году мы на этомъ огородѣ накопили 160 мѣръ картофеля. У насъ въ домѣ семьи 3 человекъ: мать да братъ да я, Андрей Бухоновъ.

6) Иванъ Протопоповъ, выпуска 1891 года.

Дворъ нашъ не особенный, две(ѣ) избы, обнесенъ дворъ плетнями. Семья наша состоитъ изъ двадцати трехъ душъ, шесть мужиковъ, пять бабъ, пять дѣвокъ, семь малыхъ. Моего отца Гаврила выбрали старостой въ мѣръ(,) и кой кто хвалятъ его, что хорошо вид(е)тъ порядки. Я лѣтомъ пасъ скотину, овецъ; а зимой, когда погода, молотимъ, по вечерамъ лапти плетемъ; а то еорки чистимъ. Иногда я читалъ. Писать—записываю отцу оп(б)щественный доходъ и расходъ.

7) Иванъ Сезинъ, выпуска 1892 года.

Домъ нашъ не богатъ и не бе(ѣ)денъ, все-таки слава Богу. Ска(о)тины 3 лошади, 20 овецъ, 3 коровы; а хлѣба 60 копенъ ржи, 30 копенъ овса, 20 копенъ проса. Наша сѣ(е)мья не очень велика, 9 челове(ѣ)къ: де(ѣ)душка, бабушка, батя, мама, 3 сестры, братель мален(ь)кій и я. Я все время зай(ни)мался разными де(ѣ)лами(;) пасъ овецъ, мола(о)тилъ хлѣбъ, вилъ оборки. Я и читалъ законъ Божій и прочіи(я) книги и писалъ что мнѣ было нужно.

8) Петръ Сезинъ, выпуска 1893 года.

Нашъ домъ посреди большой улицы. Покрытъ соломой. Онъ самъ деревянный. У насъ есть сарай, двѣ лошади.

Семьи у насъ мало, всего четверо: отецъ, мать, сестра и я. Живемъ мы ладно. Я занимаюсь вотъ чѣмъ: вью веревочки, ухаживаю за лошадьми. Читать я очень люблю и писать тоже. Я читалъ книги: святое Евангеліе, священную исторію, Пушкина, Лермонтова, Кольцова.

9) Тимофей Дочкинъ, выпуска 1894 года.

Нашъ домъ бѣдный. У насъ двѣ лошади и двѣ свиньи, да тридцать куръ. Въ домѣ живутъ: бабушка, отецъ мой, два дяди, две(ѣ) тетки, да два брата и четырь(е) сестры. И все(ѣ)мъ этимъ домомъ и народомъ управляетъ отецъ мой. Отецъ ходитъ з(с)борщикомъ мѣрскимъ. Я съ весны жилъ пастухомъ у Павла Ника(о)лаевича три ме(ѣ)сяца, а потомъ заболѣлъ и меня свели.

По окончаніи испытанія всѣмъ собравшимся молодымъ людямъ было предложено угощеніе: чай съ булками и лакомства. Каждый получалъ кружку, которую имѣлъ право унести домой на память и располагался за столомъ пить чай, сколько хочется. Передняя комната школы, гдѣ обыкновенно ученики отдыхаютъ въ промежуткахъ между уроками, въ это время представляла веселую, оживленную картину. Вокругъ столовъ расположилась группами наша грамотная молодежь, занимаясь чаепитіемъ и разговорами. Очевидно

было, что всѣмъ весело, всѣ чувствуютъ себя вполне хорошо, всѣ довольны и счастливы.

По окончаніи чаепитія, всѣ получили по кружкѣ, по пакету съ лакомствами и по билету на народный спектакль. Кроме того, были прочитаны и результаты испытанія, которыми всѣ очень интересовались; во время чаепитія возможно было ихъ привести въ порядокъ и выяснить.

Получили полное 5 по всѣмъ предметамъ 8: 1 выпуска 1886 г., 1—1887 г., 1—1888 г., 1—1892 г., 1—1893 г., 3—1894 г., болѣе 18⁰/₀ общаго числа подвергавшихся испытанію. Получили не менѣе четверки по всѣмъ предметамъ 25, почти 60⁰/₀. Получили не менѣе тройки по всѣмъ предметамъ 45, т. е. всѣ, за исключеніемъ одного. Получилъ двѣ двойки, по письму и по ариѳметикѣ, при пятеркѣ изъ закона Божія и тройкѣ изъ чтенія, одинъ выпуска 92 года, самаго слабаго изъ воѣхъ девяти выпусковъ; это былъ выпускъ голоднаго года, тогда ученики ходили въ школу не столько для того, чтобы учиться, сколько для того, чтобы покормиться.

Черезъ день послѣ испытанія, 29 декабря, происходилъ актъ по слѣдующей программѣ:

- 1) Хоръ: «Царю Небесный»...
- 2) Чтеніе отчета за все первое десятилѣтіе.
- 3) Раздача свидѣтельствъ и наградъ.

Хоръ: слава юному грамотею.

4) Ученикъ Ѳедоръ Протопоповъ читаетъ свое сочиненіе «Кольцовъ про лѣниваго мужика» и стихотвореніе Кольцова «Что ты спишь, мужичекъ?»...

5) Ученица Дочкина читаетъ свое стихотвореніе „Десятилѣтіе нашей школы“.

6) Рѣчь попечителя объ итогахъ десятилѣтія.

На актахъ присутствовали родители учащихся, молодые люди, подвергшіяся испытанію 27 декабря, и многія пріѣзжія лица, интересующіеся дѣломъ народнаго образованія. Вотъ извлеченіе изъ отчета.

Училище основано въ 1884 г. частнымъ лицомъ, которое состоитъ его попечителемъ, и содержится на его средства, съ участіемъ въ расходахъ уѣзднаго земства. За всѣ десять лѣтъ расходы земства составляютъ 2.988 р., а расходы учителя-попечителя, со включеніемъ затраты на постройку зданія и классной мебели, на бібліотеку и наглядныя пособія, составляютъ 12012 р. 60 к. Въ распоряженіи училища имѣются: народно-учебная бібліотека, заключающая въ

себѣ до 800 № книгъ; педагогическая библіотека для учащихся; большой волшебный фонарь и къ нему до 250 картинъ; большое собраніе лучшихъ наглядныхъ пособій по всѣмъ предметамъ обученія. Учащихся за 10 лѣтъ было принято 239, мальчиковъ 189, дѣвочекъ 50, и состояло: въ 1884/85 учебномъ году 44, почти 30⁰/₀ общаго числа дѣтей школьнаго возраста въ селѣ, въ 1885/86—67, почти 44⁰/₀, въ 1886/87—70, 46⁰/₀, въ 1887/89—60. т. е. 40⁰/₀, въ 1888/80—66, т. е. 44⁰/₀, въ 1889/90—68, т. е. 45⁰/₀, въ 1890/91—70, т. е. 46⁰/₀, въ 1891/92—56, т. е. 37⁰/₀, въ 1892/93—49, т. е. 32⁰/₀, въ 1893/94—56, т. е. 37⁰/₀. Въ продолженіе десяти лѣтъ сдѣлано 9 выпусковъ и окончило курсъ со свидѣтельствомъ 101, м. п. 83, ж. п. 18. Изъ общаго числа принятыхъ дѣтей окончило курсъ 42⁰/₀, выбыло до окончанія курса менѣе 40⁰/₀, остальные, слишкомъ 18⁰/₀, къ началу 1894—5 учебного года числились по спискамъ, состоящими въ числѣ учащихся. Между окончившими курсъ было: крестьянъ 89, другихъ сословіи 12; мѣстныхъ 76, чужихъ, изъ другихъ селеній, даже другихъ уѣздовъ, 25. По поводу чужихъ дѣтей въ отчетѣ говорится:

„Пришлыя дѣти, обучаясь въ нашемъ училищѣ, жили на квартирахъ у мѣстныхъ жителей, и это, конечно, соединялось съ значительными расходами для родителей. Несмотря на то, эти пришлыя дѣти составляютъ почти четвертую часть общаго числа окончившихъ курсъ. Само собой разумѣется, что училище открывало свои двери для чужихъ дѣтей только по той причинѣ, что въ немъ было достаточно свободныхъ мѣсть. Такъ какъ въ немъ не обучалось и половины мѣстныхъ дѣтей школьнаго возраста, то очевидно, что мѣстное населеніе не умѣетъ или не желаетъ въ полной мѣрѣ пользоваться благами бесплатнаго обученія, не соединеннаго для него ни съ какими расходами. Это подтверждается и неисправнымъ посѣщеніемъ училища мѣстными учениками, часто пропускающими учебные дни, съ вѣдома родителей и безъ всякихъ уважительныхъ причинъ. А для училища все равно, откуда бы не пришли къ нему русскія дѣти, жаждущія науки и просвѣщенія; оно будетъ одинаково охотно обучать и снабжать учебными пособиями какъ мѣстныхъ такъ и пришлыхъ дѣтей, безъ различія пола, состоянія и мѣста рожденія или приписки“.

Каждый окончившій курсъ въ училищѣ со свидѣтельствомъ, за десять лѣтъ въ совокупности, стоитъ: земству—29 р. 58 коп. попечителю-учредителю 68 р. 53 коп., считая всѣ текушіе расходы за все десятилѣтіе, но не считая единовременной затраты на постройку

зданія и на обзаведеніе училища бібліотекой, учебными принадлежностями и наглядными пособиями.

Ученье обыкновенно начиналось во второй половинѣ сентября, а оканчивалось въ концѣ апрѣля. Годовое число учебныхъ дней, за десять лѣтъ, колебалось отъ 141 до 173; среднее число 153, т. е. 25 шестидневныхъ недѣль.

Въ программу обученія, кромѣ обязательныхъ предметовъ, постоянно входили: сообщеніе свѣдѣній о природѣ, краткій курсъ родиновѣдѣнія, отечествовѣдѣнія, и міровѣдѣнія, краткій очеркъ отечественной исторіи: все это въ связи съ чтеніемъ и при помощи наглядныхъ пособій; краткій курсъ русской грамматики, основанный на разборѣ живой рѣчи, предложеній и словъ, соединенный съ словесными упражненіями; упражненія въ сочиненіи, т. е. въ самостоятельномъ изложеніи своихъ знаній, мыслей, чувствъ, желаній; вычисленія съ квадратными и кубическими мѣрами и съ простѣйшими дробями; упражненія торговыми счетами.

Дополненіемъ къ учебнымъ занятіямъ служили: вечера съ свѣтовыми картинами, внѣклассное чтеніе и народные спектакли.

Вечера съ свѣтовыми картинами устраивались 10—12 разъ въ зиму; показаніе картинъ соединялось съ чтеніями, разсказами и бесѣдами повторительнаго содержанія въ связи съ текущими классными занятіями.

Книги для внѣкласснаго чтенія выдавались и обмѣнивались разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ, послѣ обѣдни.

Народные спектакли исполнялись въ помѣщеніи, нарочно для того приспособленномъ, бывшими учениками и ученицами училища, зимой, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Цѣлью ихъ было не только удовольствіе, но и благотворное нравственное воздѣйствіе на зрителей; возбужденія въ нихъ сочувствія къ разумному, доброму и прекрасному, отвращенія къ глупому, злomu и порочному. Сообразно съ тѣмъ, выбиралось и содержаніе для спектаклей: они возбуждали сочувствіе къ подвигу Сусанина, съ проявленіемъ самопожертвованія, братской любви и т. п.; они возбуждали отвращеніе или презрѣніе—къ разгулу, пьянству, жадности, мошенничеству и т. под.

Къ домашнему чтенію, на вечера съ свѣтовыми картинами и на спектакли привлекались не только учащіеся и учившіеся, но также ихъ родители и родственники, вообще взрослое населеніе нашего села и частью окрестныхъ селеній. „Вечера съ картинами и

народный театр, какъ воспитывающія средства, по мнѣнію, высказанному въ отчетѣ, имѣютъ то преимущество передъ книгой, что они понятны и для неграмотныхъ, которымъ недоступна книга».

Выпускные экзамены въ училищѣ, по назначенію училищнаго совѣта, происходили въ концѣ апрѣля или въ первой половинѣ мая; крайними числами были: 24 апрѣля и 17 мая.

Ежегодно 22 октября, въ день открытія училища, происходилъ актъ, на которомъ прочитывался годовой отчетъ, раздавались свидѣтельства и награды, произносились рѣчи, а ученики и ученицы читали свои сочиненія, заблаговременно для того приготовленные, и пѣли. За десять лѣтъ приготовлены были для акта слѣдующія ученическія сочиненія: «Наше село и волость», «Нашъ уѣздъ», «Мужъ и жена», стихотвореніе, «А. С. Пушкинъ» (1887 г.). «О земледѣльческомъ трудѣ», «Нашъ храмовой праздникъ», «Жизнь за Царя», «Наша рѣка въ русской исторіи», «Моя родина», стихотвореніе «Зима 1890 г.», стихотвореніе «Чему научились мы въ училищѣ», «Что дѣлаетъ женщина въ крестьянскомъ быту», «Бабья доля», стихотвореніе «Голодный годъ» (1891 г.), «Про А. В. Кольцова» (1892 г.), «Въ людяхъ и дома». стихотвореніе «Наша церковь и нашъ церковный садъ», «Послѣднія слова Іоанна Богослова», стихотвореніе «Кольцовъ про лѣниваго мужика», «Десятилѣтіе нашей школы», стихотвореніе (1894 г.).

Послѣ прочтенія отчета вызывались тѣ ученики и ученицы, которымъ слѣдовало получить свидѣтельства и награды. Каждому выходящему хоръ пѣлъ «славу».

Кромѣ свидѣтельствъ и похвальныхъ листовъ отъ училищнаго совѣта, всѣ окончившіе курсъ получили подарки на память отъ училища, отъ попечителя и отъ учительницы: книги, Священную исторію, сочиненія Лермонтова и стихотворенія Кольцова (изданія для народно-учебной бібліотеки), картины, тетради, ручку съ перьями, почтовую бумагу и конверты; а за особые успѣхи въ сочиненіи—два мальчика по красной рубахѣ и двѣ дѣвочки по нарядному платку.

Затѣмъ слѣдовало чтеніе ученическихъ сочиненій, изъ которыхъ больше понравилось стихотвореніе «Десятилѣтіе нашей школы». Стихотвореніе написано на данную тему и по данному плану. Поэтому въ немъ отчасти выразилось то горькое разочарованіе, какое испытывали дѣятели школы по поводу повѣрки результатовъ своей

десятилѣтней дѣятельности. Сочиняли 12 конкурентовъ и сообща выбрали для чтенія на актѣ то, что показалось, сравнительно, лучше. Конечно, въ этомъ стихотвореніи данное содержаніе выразилось въ формѣ довольно грубоватой, но все-таки получилось стихотвореніе довольно цѣльное, связное и складное, а въ чтеніи даже и эффектное. Вотъ оно:

1.

Десять лѣтъ тому назадъ,
Здѣсь училище открыли;
Десять лѣтъ у насъ ребятъ
Уму-разуму учили:
И молиться, и считать,
Книжки умныя читать,
И рассказывать толково,
Письма складныя писать,
И ученіе Христово
Понимать и соблюдать.

2.

Наша школа и тепла,
И доступна, и просторна
Для ребятъ всего села,
Да и учать въ ней проворно.
Всѣмъ даетъ она добро,
Всѣмъ и книжку, и перо.
А посмотришь: все въ ней пусто,
Хоть бы сотня набралась;
А посмотришь: все не густо
Грамотеями у насъ.

3.

Плохо наши мужики
Пользу школы понимаютъ;
Неохотно старики
Насъ въ науку отпускаютъ:
«Для-ча-моль наука намъ,
«Черносошнымъ мужикамъ?
«Наши дѣды не читали,
«Не учились письменамъ,
«Только ѣли, пили, спали
«И служили господамъ».

4.

Десять лѣтъ еще пройдутъ,—
Дѣло двинется живѣе:
Въ эту школу набѣгутъ
Дѣти нашихъ грамотеевъ.
Тотъ, кто грамоту позналъ
И свѣтъ Божій увидалъ,
Тотъ не будетъ безъ причины,
Какъ упрямый дураломъ,
Оставлятъ родного сына
Безъ науки слѣпышемъ.

5.

Наконецъ, пора придетъ,
Благодатная настанетъ:
Просвѣтится весь народъ,
Всѣ крестьянки и крестьяне,—
Вотъ тогда-то мужики
Жизнь наладятъ по-людски:
Честно, дружно и толково
Будутъ жить и работать,
И ученіе Христово
Понимать и соблюдать.

Послѣднимъ дѣйствіемъ десятилѣтняго юбилея былъ народный спектакль для молодыхъ людей, подвергавшихся повѣрочному испытанію, на который собралось не мало и родственниковъ ихъ.

Для этого спектакля была выбрана очень живая и прекрасная по идеѣ пьеса «Бобыль», передѣланная изъ печатной пьесы того же имени г. Круглополева, автора совершенно неизвѣстнаго. Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, въ Рождественскіе праздники: въ 1-мъ дѣйствіи—колядованія, знахарь и гаданье, во 2-мъ—ряженые, въ 3-мъ—посидѣлки и сговоръ, съ народными свадебными обрядами. Въ пьесѣ много движенія, разнообразія и народныхъ пѣсенъ; смѣшное и забавное переплетается съ трогательнымъ и печальнымъ. Содержаніе пьесы состоитъ въ томъ, что бѣднякъ-бобыль великодушно жертвуетъ своимъ личнымъ счастьемъ ради счастья любимой дѣвушки.

Заключеніемъ спектакля былъ красивый апоэозъ школы: живая картина съ чтеніемъ стихотворенія и хоровымъ пѣніемъ, освѣщенная бенгальскимъ огнемъ.

Къ какимъ же выводамъ приводитъ этотъ десятилѣтній юбилей одной изъ русскихъ народныхъ школъ?

Мѣстное населеніе все еще не убѣдилось въ необходимости посылать дѣтей въ школу, даже безъ всякихъ затратъ со стороны родителей, а тѣмъ болѣе—чѣмъ либо жертвовать ради обученія не только дѣвочекъ, но и мальчиковъ. До сихъ поръ сильна мысль что-моль „наши дѣды и отцы не знали грамоты, не читали, не писали, и сами мы не учились,—ну, значитъ, и дѣтямъ нашимъ не зачѣмъ учиться,—и такъ прожить не хуже грамотныхъ“.

Но въ этомъ упорномъ равнодушіи его къ грамотѣ и школѣ нѣтъ ничего удивительнаго. Во-первыхъ, „дѣло вѣковъ поправлять не легко“, какъ выразился поэтъ! Во-вторыхъ, еще умный сербъ Юрій Крижанычъ мѣтко сказалъ, что русскіе люди „суть ко снаго разума“.

Но чѣмъ менѣе воспріимчиво населеніе, чѣмъ оно грубѣе и невѣжественнѣе, чѣмъ больше въ немъ косности и упорства въ невѣжественныхъ понятіяхъ, тѣмъ нужнѣе среди него школа съ энергическими и убѣжденными дѣятелями. Тутъ-то и настоящая работа для такихъ дѣятелей. Тутъ-то они и должны не падать духомъ, не опускать рукъ, мириться съ крайней умѣренностью результатовъ, съ тугой воспріимчивостью среды, съ медленностью работы. Рано или поздно истина и благо свое возьмутъ.

Правда, за десять лѣтъ школа немного дала селу грамотеевъ: всего 76 на тысячу душъ населенія. Но зато обученіе школы оказалось достаточно прочнымъ, а это много значить. При прочности обученія, которое даетъ школа, можно надѣяться, что ученики ея, сдѣлавшись современемъ домохозяевами и отцами, будутъ относиться къ школѣ и къ обученію иначе, нежели ихъ отцы. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что смѣна одного поколѣнія другимъ принесетъ въ село иную жизнь, иныя понятія и нравы—и, конечно, неизмѣримо лучшаго качества.

Въ ожиданіи же этой смѣны поколѣній,—что бы ни толковали сторонники „добровольнаго“ народнаго образованія, либерально возстающіе противъ всякаго „насилія“ въ этомъ дѣлѣ—нельзя не пожелать скорѣйшаго введенія у насъ „обязательнаго“ обученія. Нѣтъ надобности, да нѣтъ возможности, вводить его разомъ повсемѣстно во всей обширной и разнообразной территоріи нашего отечества. Но возможно и должно немедленно установить обязательность всеобщаго обученія тамъ, гдѣ имѣется возможность помѣстить въ существующихъ школахъ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, принимая за таковой трехлѣтіе отъ 9 до 12 лѣтъ. Въ настоящее время, благодаря земству, а отчасти духовному вѣдом-

ству, съ его церковно-приходскими школами, такихъ мѣстностей у насъ найдется не мало, а обязательность обученія можно вводить не цѣлыми губерніями, даже не цѣлыми уѣздами или волостями, но и отдѣльными селеніями: гдѣ существующая школа можетъ вмѣстить и обучать всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, какъ въ нашемъ селѣ, какого бы вѣдомства эта школа ни была, тамъ обученіе и должно быть объявлено обязательнымъ, съ извѣстной отвѣтственностью родителей, или даже всего общества, за уклоненіе отъ этой обязательности.

Право, противъ такого „насилія“ трудно что нибудь сказать. Вѣдь отъ невѣжества и косности родителей, которые признаютъ излишнимъ обучать дѣтей грамотѣ въ силу того, что сами не учились,—вѣдь отъ этой ихъ косности страдаютъ ни въ чемъ неповинныя дѣти, которыя нерѣдко рвутся въ школы и не учатся только по волѣ родителей. Вѣдь отъ этого страдаетъ будущее поколѣніе, и всякій, кто убѣжденъ въ томъ, что ученіе—благо для народа, не можетъ возставать противъ такого „насилія“, какъ обязательность обученія. Наконецъ, совершенно непонятно, почему воинская повинность должна быть общею и обязательною, а обученіе дѣтей не должно быть таковымъ. Вѣдь это обученіе тоже потребность государственная, да вмѣстѣ съ тѣмъ—и общественная, и личная потребность современнаго человѣка,—слѣдовательно, ему принадлежитъ, такъ сказать, тройное право на обязательность. Каждый разъ, когда у насъ возникаетъ вопросъ о всеобщемъ обязательномъ обученіи, кромѣ либеральныхъ фразъ о „несправедливомъ насиліи“ такого обученія, появляются запугивающія вычисленія огромныхъ затратъ, для этого потребныхъ. Но указанное постепенное примѣненіе обязательности обученія только въ тѣхъ мѣстностяхъ, уѣздахъ, волостяхъ, селеніяхъ, гдѣ она возможна при наличныхъ школахъ, совершенно устраняетъ необходимость всякихъ новыхъ затратъ. Пожалуй, чтобы удвоить производительность и работу существующихъ школъ, возможно устроить въ нихъ двѣ смѣны учащихся,—конечно, при удвоеніи учащаго персонала: одна смѣна учится до обѣда, другая послѣ обѣда. Расходъ на второй комплектъ учащихся будетъ, конечно, не такъ великъ, какъ на другую школу, а между тѣмъ число учащихся можетъ удвоиться, и число мѣстностей для установленія обязательнаго всеобщаго обученія значительно увеличится, безъ значительнаго увеличенія расходовъ. Установленное въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, всеобщее обязательное обученіе, какъ нѣкоторая зараза, будетъ сама собой за-

хватывать сосѣднія мѣстности и распространяться. Все дѣло въ томъ, чтобы отбросивъ опасенія, сомнѣнія и колебанія, немедленно положить начало, отъ обсужденій въ кабинетѣ перейти къ практическому осуществленію, хотя бы въ самыхъ умѣренныхъ размѣрахъ.

XVI.

О повторительныхъ занятіяхъ съ бывшими учениками.

На всѣхъ сѣздахъ и курсахъ, собирающихъ народныхъ учителей и учительницъ, однимъ изъ животрепещущихъ вопросовъ являлся вопросъ о повторительныхъ занятіяхъ съ бывшими учениками народной школы. Вопросъ этотъ обыкновенно является не извнѣ, а изъ среды самого учительства, но встрѣчаетъ поддержку и со стороны училищной инспекціи, и со стороны земскихъ людей и учреждений.

По поводу этого вопроса, прежде всего, присутствующими выясняются фактическія данныя, его касающіяся.

Оказывается, что уже давно и всѣми сознается потребность въ такихъ занятіяхъ, что на организацію ихъ обращено вниманіе и учебной администаціи, и земскихъ учреждений, и учащихся лицъ.

Оно и понятно. Обученіе въ нашей народной школѣ, при трехлѣтнемъ курсѣ, по 20—25 учебныхъ недѣль въ году, при неаккуратномъ посѣщеніи дѣтьми уроковъ и при малолѣтнемъ возрастѣ учащихся, представляется торопливымъ, недодѣланнымъ, недостаточно прочнымъ и, увѣ, весьма мало вліяющимъ на жизнь, въ смыслѣ улучшенія народныхъ понятій и нравовъ. Еще покойный Н. А. Корфъ, много лѣтъ тому назадъ, настаивалъ на организаціи повторительныхъ занятій, чтобы, какъ онъ выражался, «увѣнчать зданіе», т. е. дѣло народной школы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что опыты повторительныхъ занятій уже производились и производятся во многихъ земскихъ губерніяхъ при нѣкоторой поддержкѣ земства вознаграждающаго учащихся за этотъ добавочный и необязательный для нихъ трудъ.

Но рядомъ съ такими данными оказывается, что занятія съ бывшими учениками почти нигдѣ не имѣютъ желательнаго успѣха, въ смыслѣ привлеченія къ нимъ слушателей: молодые люди собираются плохо, посѣщаютъ уроки неаккуратно, относятся къ занятіямъ довольно апатично, назначаемыхъ на домъ работъ не исполняютъ или исполняютъ ихъ кое-какъ. Въ общемъ, результаты оказываются или весьма неопредѣленными или довольно ничтожными.

Приблизительно то же самое наблюдалось и у насъ. Мы дѣлали попытки повторительныхъ занятій еще лѣтъ пятнадцать тому назадъ и прекратили ихъ, какъ неудачныя, усиливъ, вмѣсто того, развитіе бібліотеки, раздачу книгъ для чтенія на домъ и чтенія съ свѣтовыми картинами. Года три тому назадъ наше земство заявило мѣстному учительству о желательности повторительныхъ занятій съ бывшими учениками школы и назначило учащимъ лицамъ особое вознагражденіе за нихъ, обусловивъ полученіе его сообщеніемъ свѣдѣній о постановкѣ и ходѣ этихъ занятій. Сдѣлана была новая попытка, но результаты получились тѣ же.

Въ первое время являлось нѣсколько человѣкъ, но скоро эта немногочисленная аудиторія начала таять, посѣщенія становились все менѣе и менѣе аккуратными, такъ что составъ аудиторіи не только уменьшался, но и постоянно измѣнялся, отчего правильность занятій становилась все менѣе и менѣе возможной. Они поневолѣ получали безсвязный, беспорядочный, безсистемный характеръ, видимо начинали тяготить и учениковъ и учителя, какъ работа какая-то подневольная, несимпатичная и... ненужная... Какъ ненужная? А «жажда знаній», замѣчаемая въ русскомъ народѣ, о которой такъ много было говорено и писано? А «увѣнчаніе зданія», о которомъ провозглашалъ Н. А. Корфъ? А пугало «рецидивизма безграмотности», будто-бы парализующаго всѣ заботы земства о народномъ образованіи? Что-то выходитъ какъ будто неладно. Невольно возникаютъ вопросы: полно, всякія ли «повторительныя занятія» ведутъ къ «увѣнчанію зданія»? Полно, подъ угрозой ли только «рецидивизма безграмотности» нужны эти, такъ называемыя, «повторительныя занятія», рецидивизма, кстати сказать, уже достаточно опровергнутаго многочисленными повѣрочными испытаніями бывшихъ учениковъ и ученицъ народныхъ школъ? Полно, удовлетворяютъ ли эти занятія въ томъ видѣ и съ тѣмъ содержаніемъ, какъ они ведутся и рекомендуются, хоть-бы тѣмъ же Н. А. Корфомъ, «жажду знанія», замѣчаемую въ народѣ? Я думаю, что они вовсе не удовлетворяютъ и не могутъ удовлетворять таковой жажды, не ведутъ и не могутъ вести къ «увѣнчанію знаній» и именно по той причинѣ, что не къ тому направлены, имѣя въ виду исключительную борьбу съ воображаемымъ «рецидивизмомъ безграмотности», дѣйствуя, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ опасенія этого рецидивизма, педантически придерживаясь буквального смысла усвоеннаго ими несчастнаго названія («повторительными») и упорно стараясь ограничиваться «задами». Вѣдь еще умный сержантъ Фонвизина, обучавшій Митрофанушку, основательно говорилъ: «все

зады да зады, ваше благородіе! вѣдь съ задами-то вѣкъ назади останешься». Что же удивительнаго, если бывшіе ученики народной школы, смышленные и дѣловитые крестьянскіе ребята, не желаютъ «вѣкъ на задахъ оставаться», а такъ какъ впередъ ходу имъ не дадутъ, то начинаютъ манкировать предлагаемыми имъ «задами» и вовсе расходятся по домамъ къ своему крестьянскому дѣлу или къ своимъ обычнымъ деревенскимъ удвольствіямъ, сумма которыхъ въ послѣднее время, во многихъ селеніяхъ, увеличилась пока только однимъ приобрѣтеніемъ—картами, видимо вторгающимися въ наши села и деревни изъ городовъ, этихъ мнимыхъ умственныхъ центровъ, съ населеніемъ, недалеко ушедшимъ отъ временъ Гоголевскаго «Ревизора».

— Что-же ты не ходишь на вечернія занятія въ школу?—спрашиваю у бойкаго малаго, пришедшаго въ воскресенье, послѣ обѣдни, за книжкой въ школьную бібліотеку.

— Да чего ходить-то?—Скучно тамъ!..

— Какъ скучно? почему?

— Да мы все это уже знаемъ: книжки даютъ все тѣ же, что мы и въ школѣ читали. Онѣ ужъ надоѣли намъ и такъ... Опять та же диктовка, существительныя, да прилагательныя... Задачи тоже старыя...

— Старыя, старыя, небось ты ужъ забылъ ихъ рѣшать,—ну, и надо повторить! Пишешь тоже съ ошибками...

— Въ диктовкѣ дѣлаю ошибки, это что и говорить... Да я и въ школѣ ихъ дѣлалъ не меньше, это, небось, не бѣда, съ насъ не взыщутъ, лишь бы разбирать было можно. А задачи рѣшать я не забылъ. Развѣ потрудиѣе, такъ вѣдь такихъ то намъ все равно не даютъ.

— Священную исторію повторить, про русскую землю, про старое время.

— Да что, все одно и то же повторять! Вотъ, кабы что-нибудь новенькое! А то все одно и то же, все старое, знакомое,—ну, тогда оно было нужно для экзамена, а теперь на что оно нужно? Скука! Лучше я хорошую книжку возьму да дома почитаю. Дома-то лучше, свободнѣе, никто на тебя не зыкаетъ, какъ на мальчишку. Сколько хочешь, столько и посидишь, ты никому не мѣшаешь, и тебѣ никто не мѣшаетъ.

— Эхъ, братъ, нельзя же въ школѣ всякому волю давать,—что хочеть кто, то, моль, и дѣлай. Васъ-то много, а учительница-то одна.

— Такъ-то такъ, ну, для чего насъ и собирать? Ребятишки

ходятъ учиться, какъ ходили и мы,—ну, и пусть, а намъ ужъ съ ними равняться—дѣло неподходящее; мы свое отбыли, выучились, экзамень сдали, свидѣтельства получили, опять запрягаться, въ школьники идти не желаемъ.

— Ну, дѣло ваше: не хотите... и не надо, намъ-же легче.

— Да кабы что новое, да позанятнѣе, да кабы насъ опять за школьниковъ не принимали, мы-бы съ охотой.

Вотъ и толкуйте: ходили бы и учились-бы съ охотой, а на «задахъ» сидѣть не желаютъ, не желаютъ и опять обращаться въ «школьниковъ». Что-жъ, въ этомъ нежеланіи есть смыслъ. Надо попробовать поставить дѣло иначе.

Попробовали,—и вотъ результаты.

Занятія начались 24 ноября при 6-ти слушателяхъ, но въ слѣдующій же разъ, 27 ноября, число ихъ увеличилось до 14, а 17-го января ихъ было уже 20. Ходили на занятія охотно, слушали съ большимъ интересомъ и вниманіемъ, вели живыя бесѣды, ставили вопросы, свободно высказывали свои заявленія и сами предлагали исполнять разныя письменныя работы и въ классѣ, и внѣ класса, на дому. Занимались два раза въ недѣлю, вечерами. Занятія обыкновенно начинались, приблизительно, съ 6-ти часовъ и продолжались часа 2—3, съ перерывами, съ раздѣленіемъ этого времени на два или на три урока. Послѣднимъ днемъ занятій было 7 марта, когда большинство посѣтителей заявило, что больше ходить, по домашнимъ обстоятельствамъ, до будущей осени не имѣетъ возможности, но съ осени непременно возобновить свои посѣщенія. Общее число вечеровъ, когда происходили занятія, было 23: въ ноябрѣ (начиная съ 24-го—2; въ декабрѣ (кончая 18-мъ)—5; въ январѣ (начиная 8-мъ)—8; въ февралѣ 5; въ мартѣ (кончая 7-мъ)—3. Всего за 23 вечера сдѣлано уроковъ 41, да на дому исполнено, по собственному желанію, толѣе 20-ти письменныхъ работъ (сочиненій).

Изъ общаго числа посѣтителей было: мужского пола 25; женскаго—3; женатыхъ—7; замужнихъ—2; холостыхъ—18; дѣвицъ—1; выпуска 1900 г.—3; выпуска 1899 г.—4; 1898 г.—4; 1897 г.—4; 1896 г.—2; 1895 г.—2; 1894 г.—4; 1893 г.—1; 1890 г.—1; 1889 г.—1; 1888 г.—2.

Словомъ сказать, послѣ прежнихъ неудачныхъ опытовъ, на этотъ разъ результаты превзошли всѣ наши ожиданія. Отчего же такъ случилось? Чѣмъ отличались эти занятія отъ прежнихъ? Въ чемъ заключалась ихъ привлекающая сила?

Собственно говоря, въ нихъ можно было замѣтить только два

существенныя отличія, сравнительно съ прежними, безрезультатными занятіями, на которыхъ я остановилъ вниманіе читателей.

Во-первыхъ, они вовсе не имѣли шаблоннаго школьнаго характера. Слушателей не только не третировали, какъ школьниковъ, но давали имъ право—сидѣть, гдѣ кто хочетъ, ставить вопросы, дѣлать заявленія, принимать или непринимать на себя какія либо работы для домашняго исполненія, приходить или неприсходить въ назначенный наканунѣ вечеръ. Не приходилось даже наблюдать за порядкомъ, чтобы слушатели не мѣшали учительницѣ или другъ другу, не производили шума и какого бы то ни было безчинства, потому что они сами наблюдали за порядкомъ и въ случаѣ нарушенія его—сами просили удалить безпокойнаго или празднаго товарища. Вообще занятія были совершенно свободны отъ всякой обязательности, отъ всякаго насилія, и посѣтители, дѣйствительно, не чувствовали себя школьниками.

Во-вторыхъ, содержаніе занятій не имѣло узко-повторительнаго характера, имѣло въ виду не исключительно повтореніе «задовъ», а было направлено къ тому, чтобы вести слушателей дальше, возбуждать ихъ мысль, удовлетворять ихъ любознательность, давать имъ новыя и разнообразныя впечатлѣнія, расширить ихъ умственный кругозоръ. Собственно говоря, занятія были начаты безъ определенной, заблаговременно и основательно выработанной программы, были начаты, такъ сказать, экспромтомъ, такъ что для основательной выработки программы и времени не было; да и выработать такую программу возможно только въ свободное время и послѣ ряда опытовъ. За недостаткомъ времени и определенной программы, не было подготовлено и никакихъ новыхъ пособій, кромѣ тѣхъ, какія имѣются въ распоряженіи школы; къ счастью, въ этомъ отношеніи наша школа довольно-таки богата, а потому не встрѣтилось затрудненій, чтобы внести въ занятія достаточно разнообразія и содержательности.

Содержаніе происходившихъ уроковъ можно разгруппировать на четыре отдѣла.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Чтеніе дѣловыхъ (популярно-научныхъ) сочиненій, конечно—изъ одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, и бесѣды въ

связи съ чтеніемъ, соединенныя съ разсматриваніемъ и объясненіемъ разнообразныхъ наглядныхъ пособій, съ опытами и свѣтовыми картинами.

А. *О человекѣ, четыре урока:*

1. *Скелетъ и мускулатура.* Наглядными пособиями служили: торсъ изъ папье-маше и прекрасныя картины Мейнгольда.

2. *Кровь и кровообращеніе.* Пособія: картины Рупрехта, капля крови подъ микроскопомъ, раскладное сердце изъ папье-маше.

3. *Пищевареніе и дыханіе.* Картины Мейнгольда и Рупрехта, раскладной торсъ.

4. *Мозгъ и нервы.* Картины Мейнгольда и Рупрехта, препаратъ изъ папье-маше.

Б. *О явленіяхъ и силахъ природы, четыре урока:*

1. *Воздухъ. Теплота.*

Для наглядности и убѣдительности изложенія служили *опыты*, выяснявшіе свойства воздуха, его составъ, свойства газовъ, входящихъ въ его составъ, источники теплоты, ея вліяніе на тѣла и различіе тѣлъ по теплопроводности.

2. *Вода. Водяной паръ и примѣненіе его къ работѣ.*

Урокъ опять соединился съ *опытами*, выяснявшими—свойства воды и превращенія ея подъ вліяніемъ теплоты, свойства водяного пара, способность его производить движеніе и примѣненія этой способности къ потребностямъ человѣческой жизни (локомотивъ и локомотивъ).

3. *Свѣтъ. Глазъ. Зрѣніе. Миражи и привидѣнія.*

Пособіемъ служили картины Мейнгольда и Лейтемана, стекла.

4. *Звукъ. Ухо. Слухъ.*

Кромѣ картинъ, показывались: камертонъ, скрипка и граммофонъ, съ надлежащими объясненіями.

В. *По землевѣдѣнію, четыре урока.*

1. *Царство льдовъ и снѣговъ. Нансенъ.*

Пособіями служили свѣтовые картины.

2—3. *Путешествіе вокругъ свѣта.*

Свѣтовые картины, съ объясненіями.

4. *Америка. Колумбъ.*

Свѣтовые картины.

Г. *По отечественной исторіи, три урока.*

1. *Царь Иванъ Васильевичъ IV, завоеваніе Казани, Астрахани и Сибири.*

Пособіемъ служили свѣтоты картины.

2. *Петръ Великій*, преобразование Россіи и сближеніе ея съ Западной Европой.

Свѣтоты картины.

Д. По *всеобщей исторіи*, три урока.

1. Быть первобытныхъ людей.

2. Египтяне и финикіяне.

3. Греки и римляне.

ОТДѢЛЬ ВТОРОЙ.

Чтеніе и объясненіе художественныхъ произведеній, иногда соединенное съ иллюстраціями посредствомъ волшебнаго фонаря, четырнадцать уроковъ.

А. *Пушкина*:

1. Братья-разбойники (картины).

2. Галубъ.

3. Мѣдный всадникъ.

4. Полтава (картины).

5. Капитанская дочка (картины).

Б. *Лермонтова*:

6. Песня про Царя Ивана Васильевича Грознаго (картины).

В. *Гоголя*:

7. Сорочинская ярмарка.

8. Ночь подъ Рождество (картины).

9. Пропавшая грамота.

10. Майская ночь (картины).

11. Заколдованное мѣсто.

12. Тарасъ Бульба (картины).

Г. *Другихъ авторовъ*:

13. Сигналь. Гаршина.

14. Горе-смѣхъ. Сокращеніе романа В. Гюго «Человѣкъ, который смѣется».

ОТДѢЛЬ ТРЕТІЙ.

Письменные упражненія, соединенныя съ грамматическими, логическими и стилистическими объясненіями, четыре урока.

Въ классѣ писали *диктовку*, а *сочиненія*, въ количествѣ болѣе

20-ти, изъ прочитаннаго и выслушаннаго, писали, по собственному желанію, на дому и приносили учительницѣ для просмотра; въ общемъ, сочиненія были очень толковыя, въ смыслѣ содержательности и изложенія: они свидѣтельствовали, во-первыхъ, что пропитанное и выслушанное хорошо понято и усвоено авторами, во-вторыхъ, что умѣнье толково излагать свои знанія и мысли, вынесенное изъ школы, не утрачено нашими бывшими учениками.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Ариѳметика, четыре урока: о дробяхъ и дѣйствіяхъ съ дробями, рѣшеніе задачъ на дроби изъ «Сборника» Евтушевскаго, часть 2-я.

Въ концѣ концовъ наблюденія и опыты приводятъ меня къ такимъ выводамъ относительно занятій съ бывшими учениками школы.

Прежде всего, задачей этихъ занятій, какъ бы ни называть ихъ (пожалуй—хоть бы и «повторительными»), слѣдуетъ поставить: не простое повтореніе стараго, знакомаго, проработаннаго въ школѣ, не только освѣженіе, но и пополненіе знаній, расширеніе умственнаго кругозора, доставленіе новыхъ и разнообразныхъ впечатлѣній; не утомительное толченіе на одномъ мѣстѣ, скорѣе подавляющее, нежели питающее жажду знанія, если она дѣйствительно существуетъ въ крестьянской молодежи, которая прошла курсъ школы и приобрѣла симпатію, довѣріе и стремленіе къ книгѣ, а движеніе впередъ. Поэтому въ такихъ занятіяхъ невозможно довольствоваться тѣми учебными книжками, какія практикуются въ школѣ. Во-первыхъ, эти учебныя книжки не только достаточно знакомы бывшимъ ученикамъ, но прямо надоѣли имъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда одна и та же книга употребляется и въ среднемъ и въ старшемъ отдѣленіи, т. е. два года, какъ это приходилось наблюдать, напримѣръ, въ Тамбовскомъ уѣздѣ съ «Книгой для чтенія» г. Баранова. Во-вторыхъ, употребляемыя въ школѣ учебныя книжки и рассчитаны на интересы и пониманіе дѣтей школьнаго возраста, а не для молодыхъ людей, прошедшихъ школу, старше лѣтами, богаче наблюденіемъ и опытомъ, больше читавшихъ, мыслившихъ и жившихъ. Какъ основная книга для чтенія, здѣсь была бы пригодна «Книга для взрослыхъ» Х. Д. Алчевской, но дополненіемъ къ ней могутъ служить и многія книги народно-учебной бібліотеки министерскаго каталога.

Здѣсь надо относиться къ этимъ молодымъ людямъ, которые собираются на занятія, имѣя свидѣтельства объ окончаніи курса,

даже пропустивъ значительное число лѣтъ послѣ выпускного экзамена, совершенно иначе, нежели къ школьникамъ.

Надо видѣть въ нихъ не ребятишекъ, еще не понимающихъ значенія книги и книжнаго ученія, а молодыхъ людей, жаждущихъ знанія и вообще доброкачественной, питательной и вкусной, умственной пищи, свободно и сознательно приходящихъ къ учителю, какъ источнику знанія и желательному руководителю для продолженія ихъ учебной работы. Вся шаблонная школьная формалистика, умѣстная и, въ извѣстной мѣрѣ, необходимая при обученіи дѣтей школьнаго возраста, здѣсь не имѣетъ смысла. Здѣсь болѣе, нежели гдѣ нибудь, желательна и возможна только сознательная и свободная дисциплина, сама собой, безъ всякаго насилія возникающая и вырабатывающаяся въ средѣ молодежи, которая сама и самодѣтельно группируется около человѣка, способнаго, по ея убѣжденію, удовлетворить ея жажду знанія, руководить ея учебными занятіями.

Къ сказанному прибавлю, что далеко не всякій начальнѣйшій учитель въ состояніи вести такія занятія съ бывшими учениками, удовлетворяющія живую жажду знанія, не всякій, какъ по суммѣ знаній, какими обладаетъ, по умственному развитію, такъ и по размѣрамъ силъ, которыхъ очень много приходится затрачивать и на текущую работу въ школѣ.

Эти занятія требуютъ и запаса довольно многостороннихъ познаній, и умѣнья дополнять свои познанія изъ книгъ, ловко группировать ихъ, общедоступно и занимательно излагать, и сильной подготовки къ каждому предмету. Въ общемъ, это работа далеко не легкая, особенно—какъ работа добавочная къ текущимъ урокамъ въ школѣ, которые все таки составляютъ главную, основную обязанность учителя. Кромѣ того, эти занятія возможны только при особенно благопріятныхъ условіяхъ: необходимо, чтобы въ распоряженіи учителя былъ порядочный запасъ книгъ хоть популярно-научнаго содержанія, а также запасъ хорошихъ наглядныхъ пособій. Все это въ русскихъ школахъ встрѣчается очень рѣдко, въ видѣ счастливаго исключенія.

Всего лучше было бы для надлежащей постановки такихъ занятій съ бывшими учениками пригласить на уѣздъ нѣсколько особыхъ учителей съ хорошей образовательной подготовкой, которые объѣзжали бы уѣздъ, останавливаясь на пять, на шесть недѣль въ каждой школѣ, привозя съ собой нужныя книги и пособія. Пусть крестьянская молодежь села Малышева заблаговременно знаетъ, что въ этомъ селѣ занятія съ бывшими учениками будутъ производиться въ

сентябрь и октябрь, а молодежь села Дѣвицы, что здѣсь такія занятія будутъ въ октябрѣ и ноябрѣ, и т. д. При такихъ условіяхъ эти занятія могутъ быть поставлены хорошо, цѣлесообразно и плодотворно, приобрѣтутъ, кромѣ чисто учебнаго, воспитательное значеніе. Ожиданіе пріѣзда подвижного учителя, съ новыми книгами и учебными пособіями, и начала занятій, а потомъ воспоминанія и разговоры о происходившихъ занятіяхъ будутъ вносить новую, оживляющую, бодрящую и поднимающую струю въ жизнь деревенской молодежи. Мало того: пріѣздъ подвижного учителя и его занятія будутъ оказывать хорошее вліяніе на жизнь и успѣхи каждой мѣстной школы, на жизнь и трудъ cadaго мѣстнаго учителя, не утомляя его непосильной работой, а освѣжая, оживляя, одушевляя. Надо хоть немного знать жизнь русскаго сельскаго учителя, въ сторонѣ отъ всякаго интеллигентнаго общества, безъ всякихъ условій культурной жизни, чтобы понять, какое огромное значеніе можетъ имѣть для него пріѣздъ на нѣсколько недѣль свѣжаго интеллигентнаго человѣка, да еще товарища по профессіи, возможность услышать живое слово, потолковать по душѣ, подѣлиться своими впечатлѣніями и одинокими думами.

XVII.

Къ вопросу о всеобщемъ обязательномъ обученіи въ Россіи.

Недавно одинъ извѣстный русскій педагогъ навелъ уныніе и раздумье на русское образованное общество расчетомъ, что населеніе Россіи можетъ сдѣлаться грамотнымъ только черезъ 260 лѣтъ, даже при томъ, трудно-осуществимомъ условіи, если у насъ ежегодно будетъ открываться не менѣе 3250 новыхъ народныхъ училищъ. Понятно, что такимъ расчетомъ устранялась всякая возможность обязательнаго всеобщаго обученія въ Россіи не только въ настоящее время, но чуть ли не на два столѣтія впередъ.

Нѣсколько разсѣялъ возбужденные этимъ расчетомъ страхи г. Вахтеровъ своимъ докладомъ въ Московскомъ комитетѣ грамотности. Онъ ввелъ въ дѣйствительные предѣлы, установленные жизнью, учебный возрастъ и учебные годы для русскихъ дѣтей, да выяснилъ, что неблагоприятныя условія расселенія вовсе не такъ страшны для распространенія грамотности, какъ это кажется, — и возможность всеобщаго обученія въ Россіи представляется уже гораздо менѣе отдаленной, менѣе трудно осуществимой.

Новый трудъ того же писателя, напечатанный въ журналѣ «Русская Мысль», содержитъ въ себѣ новыя выясненія по тому же

вопросу, которыми мы воспользуемся для настоящихъ замѣтокъ, какъ интереснымъ и поучительнымъ матеріаломъ.

Несомнѣнно, что народное образованіе въ нашемъ отечествѣ представляетъ мало отрадную картину сравнительно съ другими европейскими странами. Чтобы получить о ней понятіе, достаточно обратить вниманіе на относительное число новобранцевъ и учащихся.

Въ Швеціи, Норвегіи, Даніи, Швейцаріи и Пруссіи почти нѣтъ безграмотныхъ новобранцевъ (отъ 0⁰/₀ до 8⁰/₀). Въ послѣднее время съ успѣхомъ догоняютъ ихъ: Франція, Бельгія, Италия, гдѣ относительное число безграмотныхъ новобранцевъ отъ 9⁰/₀ до 42⁰/₀. Далеко отстали: Греція, Болгарія, Сербія, Россія, гдѣ этотъ процентъ отъ 70⁰/₀ до 79⁰/₀. Но и въ этомъ отсталомъ ряду по количеству учащихся нашему отечеству принадлежитъ — увы!... послѣднее мѣсто. Въ Болгаріи теперь, черезъ 17 лѣтъ послѣ освобожденія, уже учится 8,9⁰/₀ всего населенія, въ Греціи—6,4⁰/₀, въ Сербіи 2,7⁰/₀, а въ Россіи... только 2,6⁰/₀, т. е., по числу учащихся, она не ушла впередъ даже отъ Турціи, о варварствѣ которой мы такъ любимъ говорить: въ этой «варварской» странѣ тоже учится 2,6⁰/₀ населенія.

Обращаясь къ другимъ частямъ свѣта, находимъ, что впереди Россіи стоитъ даже Японія; о Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ штатахъ и говорить нечего: здѣсь процентъ учащихся выше 20⁰/₀; здѣсь въ какія нибудь 20 лѣтъ послѣ великой междуусобной войны за освобожденіе негровъ, почти одновременной съ освобожденіемъ нашихъ крестьянъ, устроено болѣе 60 тысячъ негритянскихъ училищъ съ двумя милліонами учащихся, тогда какъ у насъ и до сихъ поръ общее число народныхъ училищъ не достигаетъ 50-ти тысячъ.

Неудивительно, что у насъ то и дѣло оказываются бесплодными самыя благонамѣренныя предпріятія и заботы съ цѣлью поднять производительность народнаго труда и уровень народнаго благосостоянія, въ родѣ заботъ и предпріятій Вятскаго земства, направленныхъ къ поднятію земледѣлія. Эта бесплодность,—которая кажется невѣроятною съ отвлеченной точки зрѣнія,—на самомъ дѣлѣ очень просто объясняется поголовнымъ невѣжествомъ сельскаго люда. Наше крестьянство, не обладая ни грамотностью, ни умственнымъ развитіемъ, ни самыми начальными научными знаніями, при всей признанной природной даровитости русскаго народа, не понимаетъ и не можетъ понимать ни смысла, ни цѣнности предпріятій и заботъ,

основанныхъ на выводахъ научнаго знанія, а потому отрицаетъ ихъ и даже относится къ нимъ враждебно.

Какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ оно враждовало противъ картофеля, считая его «чертовымъ яблокомъ» и подымая «картофельный бунтъ», а распространеніе холеры приписывало лекарямъ и аптекарямъ, — такъ и въ самое послѣднее время оно разноситъ бараки, избиваетъ фельдшеровъ и врачей, а всякія нововведенія въ земледѣліи, противорѣчащія преданіямъ и дѣдовскимъ обычаямъ считаетъ вздорными выдумками. Тамбовская баба и до сихъ поръ стоитъ на томъ, что жеванина изъ ржанаго хлѣба—самое здоровое питаніе для маленькаго ребенка. Воронежскій мужикъ и до сихъ поръ лечится холодной водой изъ ржаваго колодца, которую пьетъ, когда у него «внутри горитъ», потому что всякій пожаръ надо заливать водой. Смоленскій мужикъ и теперь полагаетъ, что «на морозѣ скотина здоровѣе», потому что «больше ѣстъ», и считаетъ вреднымъ для скота помѣщеніе, сколько нибудь защищенное отъ вѣтровъ и морозовъ. Сдиранье кожи съ чумной скотины для продажи — и нынѣ обычное дѣло въ среднихъ губерніяхъ, а мѣропріятія, направленные для охраненія здороваго скота отъ заразы, вызываютъ ропотъ и всевозможныя противодѣйствія. Крестьяне черноземныхъ губерній, даже съ черноземомъ не особенно высокаго качества и небольшой глубины, при всемъ ихъ малоземельи и несмотря на горькіе уроки повторяющихся неурожаевъ и голодovieкъ, считаютъ лишнимъ удобрять поля и смѣются, если имъ говорятъ, что земля, послѣ ряда посѣвовъ, теряетъ свою производительность.

Ни живые примѣры, ни совѣты, ни приказанія не достигаютъ цѣли, не дѣйствуютъ на невѣжественное населеніе: примѣры оно объясняетъ по своему, совѣтамъ не вѣритъ, приказанія обходитъ.

Такое положеніе основнаго населенія Россіи, конечно, не можетъ не возбуждать горькаго чувства въ сердцѣ всякаго, кому близки и дороги интересы отечества. Но мало только чувствовать скорбь и соболѣзнованіе. «Соболѣзнованія, — какъ выражается у Гоголя Плюшкинъ, — въ карманъ не положишь». Надо серьезно подумать о причинахъ такого положенія и о средствахъ, какъ бы поскорѣе поправить и улучшить это положеніе.

Прежде всего обратимъ вниманіе на отношеніе между распространеніемъ грамотности и образованія и хозяйственнымъ благосостояніемъ населенія: не обусловливается ли первое большей или меньшей удовлетворительностью послѣдняго?

Никто не будетъ увѣрять, будто Скандинавія и Швейцарія

представляютъ наиболѣе высокій уровеньъ народнаго благосостоянія, сравнительно съ другими странами Европы, — но гдѣ же дѣло народнаго образованія поставлено шире и развивается успѣшнѣе, нежели въ этихъ странахъ? Франція одна изъ самыхъ богатыхъ странъ въ Европѣ, но въ ней 9⁰/₀ неграмотныхъ новобранцевъ, а въ бѣдной Швеціи ихъ только 0,2⁰/₀. И замѣчательно, что во Франціи усиленное движеніе впередъ народнаго образованія обнаружилось въ то время, когда благосостояніе ея населенія было сильно потрясено нѣмецкимъ погромомъ съ его послѣдствіями, раззореніемъ и уплатой громаднаго налога побѣдителямъ.

И у насъ въ Россіи, какъ показываютъ данныя, заключающіяся въ изслѣдованіяхъ гг. Благовѣщенскаго, Бычкова, Раевского, Боголѣпова, Щербини и др., выбранныя г. Вахтеровымъ, часто обнаруживается подобное обратное отношеніе между распространеніемъ грамотности, съ одной стороны, и хозяйственнымъ благосостояніемъ крестьянства, съ другой.

Главными признаками крестьянскаго благосостоянія у насъ справедливо признается количество земли, хлѣба (урожаи) и скота. Что же оказывается? Земельный надѣлъ у государственныхъ крестьянъ больше, а относительное число грамотныхъ меньше, нежели у бывшихъ удѣльныхъ. Изъ бывшихъ крѣпостныхъ у собственниковъ земельный надѣлъ больше, а число грамотныхъ меньше, нежели у дарственниковъ. Въ остзейскихъ губерніяхъ крестьяне вовсе не были надѣлены землею, но уже давно введено всеобщее и обязательное обученіе, и народное образованіе процвѣтаетъ, хотя большинство мѣстнаго населенія, эсты и латыши, далеко не отличаются природной даровитостью. Самыми большими земельными надѣлами владѣютъ бѣлорусскія губерніи, но грамотность здѣсь распространена во много разъ слабѣе, нежели въ безземельномъ населеніи остзейскаго края. Въ Острогожскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, самыя грамотныя крестьянскія хозяйства владѣютъ наименьшимъ количествомъ земли и скота (41 десятина и 53 головы на 100 душъ), а самыя малограмотныя — наибольшимъ (115 д. и 65 г.). Въ Воронежскомъ уѣздѣ въ тѣхъ общинахъ государственныхъ крестьянъ, гдѣ существуетъ грамотность, на одинъ дворъ приходится 4,6 головы крупнаго скота, а въ общинахъ, гдѣ грамотность отсутствуетъ, количество скота подымается до 5 головъ на дворъ. Въ Задонскомъ уѣздѣ, той же губерніи, общины съ надѣломъ до 5 десятинъ оказываются грамотнѣе общинъ съ надѣломъ въ 15 десятинъ. Въ Вольскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, самыми безграмотными

оказываются тѣ общины, въ которыхъ надѣль, сравнительно, выше (отъ 5 до 10 десѣтинъ). То же обратное отношеніе нашель г. Рубакинъ въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ, Петербургской губерніи. И въ Московской губерніи,—по словамъ г. Вахтерова,—распространеніе грамотности обусловливается не хозяйственными причинами (число дѣтей, не посѣщающихъ школу по бѣдности, не превышаетъ 3 на сотню), а училищными разстояніями и количествомъ училищъ: чѣмъ больше училищъ и чѣмъ меньше околотокъ каждаго, тѣмъ успѣшнѣе распространяется начальное образованіе.

У насъ, въ селѣ Петинѣ, Воронежскаго уѣзда, съ 1886 года по 1895 г. включительно, окончило въ народномъ училищѣ со свидѣтельствомъ 108 ч., въ томъ числѣ принадлежащихъ къ мѣстной крестьянской общинѣ 82; изъ этого числа только 25—дѣти зажиточныхъ семействъ, съ исправнымъ хозяйствомъ, а остальные 57—изъ семействъ бѣдныхъ, или съ ничтожнымъ количествомъ скота, или даже безлошадныхъ. Оказывается, что крестьянское довольство въ земледѣльческомъ быту часто отвлекаетъ отъ училища и вкореняетъ въ зажиточномъ населеніи высокомѣрное отношеніе къ книжному ученью, а крестьянская нужда, напротивъ, толкаетъ въ училище и вызываетъ проявленіе неожиданнаго дружелюбія къ нему. У насъ число учащихся значительно возрасло именно въ ту зиму, когда населеніе всего менѣе было обеспечено въ хозяйственномъ отношеніи, въ голодовку 1891—92 года; а потомъ, по мѣрѣ того, какъ хозяйственное положеніе крестьянъ стало улучшаться, благодаря обильнымъ урожаямъ 93 и 94 годовъ, это число стало падать и въ послѣднюю зиму 94—95 годовъ опустилось до половины противъ голодной зимы.

Подобное явленіе было замѣчаемо и въ другихъ мѣстностяхъ. Въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи, замѣчено было значительное уменьшеніе количества окончившихъ народное училище въ 1888—89 учебномъ году, и уѣздная земская управа объясняла это уменьшеніе «обильнымъ урожаемъ прошлаго года». По наблюденіямъ г. Вахтерова, въ Смоленской губерніи хорошей урожай льна обыкновенно сопровождается уменьшеніемъ числа учащихся дѣвочекъ.

Всѣ изложенныя данныя свидѣтельствуютъ о слабой зависимости распространенія грамотности и народнаго образованія отъ хозяйственныхъ условій. И напрасно у насъ нерѣдко именно въ этихъ-то условіяхъ хотять найти оправданіе и народному невѣжеству, и общему халатному отношенію къ дѣлу народнаго образованія. Го-

ворять, будто нечего думать о хороших народных училищахъ, о народно-учебныхъ читальняхъ и т. под., въ виду народной бѣдности, когда хозяйственныя условія народной жизни и домашній бытъ крестьянства находятся въ такомъ жалкомъ состояніи: это, молъ, у насъ «несвоевременная роскошь». Говорятъ, будто бѣдное крестьянство и не пойдетъ въ эти училища и читальни, слѣдовательно, средства и заботы лучше приберечь на что либо другое, болѣе своевременное и умѣстное. Не пустыя ли все это отговорки, которыми прикрывается то наша общественная вялость, то сословное своекорыстіе, которое видитъ для себя выгоду въ народномъ невѣжествѣ? Не справедливѣе ли будетъ признать, что именно народное-то невѣжество у насъ и есть одна изъ главныхъ причинъ народной бѣдности, при всѣхъ естественныхъ богатствахъ страны? Вѣдь несомнѣнная дѣйствительность показываетъ, что грамотное и развитое умственно населеніе, и при самыхъ плохихъ хозяйственныхъ условіяхъ живетъ болѣе человѣческой жизнью, нежели невѣжественное при условіяхъ, сравнительно, лучшихъ.

Если признавать важное значеніе въ дѣлѣ распространенія грамотности и образованія за вѣроисповѣдными и племенными различіями населенія, то нельзя не согласиться, что большая часть населенія Россіи въ обоихъ этихъ отношеніяхъ находится въ самыхъ благоприятныхъ условіяхъ. Преобладающее въ ней православное вѣроисповѣданіе не можетъ не содѣйствовать распространенію грамотности и книжнаго обученія. Это вполне подтверждается просвѣтительной ролью древне-русскихъ православныхъ монастырей, которая доказана русской исторической наукой. И однако же изслѣдованіе г. Быкова («Грамотность сельскаго населенія») относительно 14 уѣздовъ четырехъ губерній показываетъ, что нынѣ грамотность нѣмцевъ-протестантовъ здѣсь 64—67%, евреевъ 49%, татаръ 5—16% а великороссовъ-православныхъ только 11—15%; въ женскомъ населеніи эта разница еще больше: у нѣмцевъ, между женщинами грамотныхъ—60—67%, у евреевъ—7%, у татаръ—3—4%, у великороссовъ только 1%.

Въ Бузулукскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, первое мѣсто по грамотности занимаютъ волости, въ которыхъ много сектантовъ. Такъ, у молоканъ села Максимовки грамотныхъ насчитывается до 19%, а у православныхъ только 6%. Въ протестантскомъ населеніи Россіи относительное число учащихся 6,50%—10,5%, т. е. далеко превосходитъ среднюю цифру для всей Россіи, съ преобладающимъ православнымъ вѣроисповѣданіемъ, которая равняется 2,6%. Оче-

видно, что есть какія-то причины, ослабляющія несомнѣнную просвѣтительную силу православія, и эти причины, конечно, всего болѣе должны быть извѣстны православному русскому духовенству, такъ близко стоящему къ народу.

О природной даровитости русскаго народа было такъ часто и много говорено, что повтореніе было бы излишне. И опять-таки— г. Вахтеровъ вычислилъ, на основаніи позднѣйшихъ оффиціаль-ныхъ данныхъ, что въ великорусскихъ губерніяхъ учится только 2,4% населенія, а въ остзейскихъ, среди малодаровитыхъ эстовъ и латышей,—8%.

Въ Финляндіи, населенной народомъ низшаго племени, не блистающимъ даровитостью, дѣло народнаго образованія идетъ гораздо успѣшнѣе, нежели среди даровитаго русскаго населенія среднихъ губерній. Опять очевидно, что есть какія-то причины, ослабляющія даровитость русскаго народа въ дѣлѣ грамотности и образованія.

Будемъ доискиваться до этихъ причинъ.

Оказывается, что большая часть и безъ того слишкомъ умѣреннаго количества народныхъ училищъ, какое существуетъ въ Россіи теперь, создана послѣ освобожденія крестьянъ, и преимущественно свободнымъ починомъ земскихъ учрежденій, а частью и частныхъ лицъ, когда въ господствующихъ сословіяхъ возникло сознаніе, пока еще смутное и далеко не всеобщее, что народное образованіе—живая государственная потребность, обуславливающая силу и благосостояніе государства, что забота о немъ—долгъ каждаго мыслящаго и честнаго гражданина. Оказывается, что въ земскихъ губерніяхъ грамотность распространена больше, нежели въ неземскихъ. Г. Вахтеровъ, пользуясь послѣднимъ выпускомъ ежегодника центрального статистическаго комитета, вычислилъ, что въ 34 земскихъ губерніяхъ грамотныхъ новобранцевъ 34,4%, а въ 9 не земскихъ только 21,5%, учащихъ въ земскихъ губерніяхъ 2,3% населенія, а въ неземскихъ только 1,3%. Еще благоприятнѣе, нежели въ русскихъ земскихъ губерніяхъ, эти отношенія въ Финляндіи, гдѣ населеніе, какъ извѣстно, пользуется болѣе свободнымъ и широкимъ самоуправленіемъ, да и общественное убѣжденіе въ необходимости народнаго образованія отличается болѣею твердостью, благодаря сосѣдству съ Швеціей и сохраненію благотворныхъ преданій.

Очевидно, что развитіе и успѣхи народнаго образованія обуславливаются не столько хозяйственными, въроисповѣдными и пле-

менными вліяніями, сколько правовыми отношеніями, а особенно сознаниемъ господствующихъ сословій и всего народа, что грамотность и образованіе нужны всѣмъ людямъ, безъ различія пола, народности, вѣроисповѣданія, сословія и состоянія.

Очень любопытны и многозначительны выводы, сдѣланные г. Вахтеровымъ изъ правительственной статистики (Ежегодникъ 1890 г.) о связи между земскими заботами о народномъ образованіи, какъ онѣ выразились въ земскихъ расходахъ на это дѣло, и сословнымъ составомъ земскихъ собраній.

Распредѣленіе земскихъ губерній, по относительному числу гласныхъ отъ дворянъ и крестьянъ, даетъ два нижеслѣдующіе ряда:

1. Въ губерніяхъ, гдѣ относительное число гласныхъ отъ дворянъ 41,9% общаго числа, расходы на народное образованіе составляютъ 15,3% всѣхъ земскихъ расходовъ; въ губерніяхъ, гдѣ первая цифра понижается до 23,86%, вторая поднимается до 18,4%.

Въ губерніяхъ, гдѣ относительное число гласныхъ отъ крестьянъ выше 42% общаго числа (такихъ губерній 12), на народное образованіе расходуется 17,96% всѣхъ земскихъ расходовъ; въ губерніяхъ, гдѣ первая цифра опускается до 38,4% и ниже, и вторая понижается до 15 и даже 14,72%.

Изъ этихъ данныхъ позволительно заключить, что у насъ еще недавно (до 1890 г.) въ губерніяхъ съ наибольшимъ числомъ гласныхъ отъ крестьянъ сознание необходимости народнаго образованія было сильнѣе въ средѣ сельскаго населенія, нежели въ губерніяхъ съ наибольшимъ числомъ гласныхъ отъ дворянъ, а въ послѣднихъ было слабо такое сознание въ господствующихъ сословіяхъ мѣстнаго населенія. Можно бы опасаться, что установленное въ послѣднее время уменьшеніе въ земскихъ собраніяхъ крестьянскаго представительства будетъ неблагоприятнымъ условіемъ для дальнѣйшихъ успѣховъ народнаго образованія въ Россіи. Но, съ другой стороны, представляется не мало очевидныхъ признаковъ, что теперь, послѣ бѣдствій и горькихъ уроковъ 1891, 1892 и 1893 годовъ, въ господствующихъ сословіяхъ сильно поднялось сознание крайней необходимости немедленно и рѣшительно двинуть впередъ дѣло распространенія грамотности и народнаго образованія, хотя-бы и съ значительными жертвами. Въ послѣднее время, кромѣ разговоровъ, которыми у насъ оканчиваются многія благія намѣренія, замѣчаются и рѣшительные порывы къ дѣлу въ этомъ направленіи. Въ семи губерніяхъ даже былъ поднятъ вопросъ объ организаціи всеобщаго обученія и приступлено къ

подготовительнымъ работамъ. Справедливо говорится въ окружномъ обращеніи Московскаго комитета грамотности по поводу предположеннаго имъ на сельскохозяйственной выставкѣ отдѣла по народному образованію:

«Переживаемое нами время характеризуется усиленнымъ и повсемѣстнымъ интересомъ къ дѣлу народнаго образованія. Русское общество сознаетъ, что безъ успѣшнаго разрѣшенія этого вопроса крайне затруднены дальнѣйшіе шаги по пути общественнаго и экономическаго развитія народа. Помимо различныхъ учреждений, для которыхъ дѣятельность по народному образованію является прямой задачей, просвѣщенію народа стремятся послужить въ послѣднее время и такія общественныя группы и отдѣльныя лица, ближайшая дѣятельность которыхъ не стоитъ въ связи съ народнымъ образованіемъ, но которыя вызваны на эту добровольную работу яснымъ сознаніемъ крайней необходимости борьбы съ невѣжествомъ»...

Въ добрый часъ!.. Хорошимъ дополненіемъ къ этой характеристикѣ переживаемаго времени могутъ служить слѣдующія прекрасныя слова г. Вахтерова:

«Тысяча признаковъ говоритъ, что переживаемый нами моментъ чрезвычайно серьезный и критическій. Если пропустить его, если теперь же не предпринять самыхъ широкихъ мѣропріятій по народному образованію, какъ со стороны государства, такъ со стороны общественныхъ учреждений и частныхъ лицъ, если теперь же не объявить всеобщаго, поголовнаго, крестоваго похода противъ невѣжества, то будетъ уже поздно. Кабакъ, деревенскій кулакъ, фабрика и трактиръ и другіе продукты современныхъ экономическихъ отношеній возьмутъ верхъ надъ здоровыми устоями народной жизни, произведутъ такое растлѣніе въ нравахъ народа, что потомъ никакими школами и библіотеками нельзя будетъ остановить безповоротнаго разложенія»...

Это вѣрно. Надо пользоваться благопріятнымъ возбужденіемъ общественнаго сознанія, пока оно не потеряло своей стремительности и горячности. Дождаться поры, когда такое сознаніе разольется во всемъ русскомъ народѣ, при многоразличныхъ неблагопріятныхъ для того условіяхъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, было бы слишкомъ долго.

Опираясь на все изложенное, намѣтимъ слѣдующія мѣропріятія для усиленія успѣховъ народнаго образованія въ Россіи, примѣненіе которыхъ возможно, безъ всякихъ затрудненій, въ настоящее время:

1. Можно и должно немедленно установить въ Россіи всеобщее обязательное *) обученіе—не повсемѣстное, которое пока неосуществимо, за недостаточностью существующихъ училищъ, а частичное, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существующія училища могутъ помѣщать и обучать всѣхъ мѣстныхъ дѣтей въ возрастѣ отъ 9 до 12 лѣтъ. Такими островами обязательнаго всеобщаго обученія могутъ быть не непременно цѣлыя губерніи или цѣлыя уѣзды, но и волости, и даже отдѣльныя селенія или нѣсколько сосѣднихъ селеній. Такія живыя и дѣятельныя орудія министерства народнаго просвѣщенія, какъ инспекція народныхъ училищъ, безъ сомнѣнія, близко и хорошо знакомы съ положеніемъ училищнаго дѣла въ своихъ участкахъ. Они въ самое короткое время съ точностью опредѣлятъ волости, села, деревни, гдѣ возможно немедленное установленіе всеобщаго обученія, и можно безъ ошибки предположить, что такихъ мѣстностей окажется не мало.

2. Можно и должно немедленно принять мѣры для постепенной подготовки къ введенію обязательнаго обученія и въ другихъ мѣстностяхъ,—конечно, прежде всего тѣхъ, гдѣ для этого недостаетъ немногаго. Напримѣръ, такой подготовкой можетъ быть, безъ особенно значительнаго увеличенія расходовъ, удвоеніе учительскаго персонала, чтобы въ одномъ училищѣ могли обучаться двѣ смѣны учащихся.

Важно опредѣлить отвѣтственность родителей за уклоненіе отъ установленнаго закономъ обязательнаго обученія дѣтей. Эта отвѣтственность можетъ состоять или изъ уплаты опредѣленнаго денежнаго взысканія, или изъ личныхъ ограниченій виновныхъ; а противодействие такимъ уклоненіямъ можетъ быть возложено на ближайшія къ крестьянству власти: на сельское и волостное начальство и на земскихъ начальниковъ.

Трудно согласиться съ предположеніемъ—ограничить обязательность обученія, хотя бы на первое время, одними мальчиками. Такое ограниченіе будетъ какъ разъ противорѣчить основной задачѣ всего дѣла, которая заключается въ возможно скоромъ и широкомъ распространеніи грамотности.

Извѣстно, что образованіе особенно успѣшно распространяется при посредствѣ образованныхъ матерей, которыя являются лучшими помощницами училища, и едва ли благоразумно лишать училище такой материнской помощи. Кромѣ того, это было бы вреднымъ примѣромъ при господствующимъ у насъ народнымъ понятіямъ. Устраненіе отъ обязательнаго обученія дѣвочекъ, кото-

рыхъ и такъ у насъ учится слишкомъ мало, — въ глазахъ крестьянъ, а особенно крестьянокъ-матерей, будетъ равносильно полному удаленію изъ школы, которое для нихъ вполнѣ желательно. Распространенное въ крестьянствѣ понятіе, что «женщина—не человѣкъ», что грамота и «учеба» для нея вовсе не нужна, найдетъ въ этомъ ограниченіи обязательности обученія неожиданную поддержку. И теперь дѣвочекъ неохотно и мало отпускаютъ учиться, а тогда вовсе не будутъ пускать, и съ годами въ народѣ будетъ все прочнѣе укрѣпляться убѣжденіе, что дѣвочекъ не нужно учить: съ такимъ убѣжденіемъ слѣдуетъ бороться, а не поддерживать его.

3. Чтобы приблизить возможность всеобщаго обязательнаго обученія для всей Россіи, конечно, необходимо увеличить въ нѣсколько разъ расходъ государства на содержаніе народныхъ училищъ, но также въ высшей степени важно воспользоваться существующимъ общественнымъ настроеніемъ, поддерживать и поощрять дѣятельность общественныхъ учрежденій, земства и частныхъ лицъ въ этомъ направленіи, посредствомъ расширенія возможности дѣятельности. Безъ извѣстнаго разумнаго довѣрія при этомъ, конечно, нельзя обойтись. Припомнимъ, что у насъ многія земства съ особеннымъ усердіемъ и успѣхомъ развивали дѣло народнаго образованія, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, напр., Петербургское, Псковское, Московское, Херсонское, Бердянское, Шадринское и др. Было у насъ не мало и благонамѣренныхъ дѣятелей по народному образованію между частными лицами, безкорыстно преданныхъ дѣлу. При лучшихъ жизненныхъ условіяхъ такія учрежденія и лица, конечно, могли бы сдѣлать и сдѣлали бы для народнаго образованія во много разъ больше.

Но если у насъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, важно сочувственно и благожелательно относиться къ людямъ, которые добровольно хотятъ служить дѣлу народнаго образованія, то совершенно бесполезно и напрасно кого бы то ни было насиловать, принуждая устраивать училища и заниматься обученіемъ людей, которые не владѣютъ для этого ни средствами, ни досугомъ, ни охотой, ни способностью, ни подготовкой. Вѣдь едва ли гдѣ либо такъ процвѣтаетъ искусство «валить черезъ пень въ колоду», обращать живое дѣло въ «бумажное» и на этомъ успокаиваться, какъ у насъ.

Чѣмъ больше будетъ училищъ, тѣмъ лучше, тѣмъ скорѣе Россія достигнетъ всеобщей грамотности и наибольшаго числа образованныхъ людей въ своемъ населеніи.